

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Взгляд молодых учёных

Сборник научных трудов

Новосибирск, 2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Институт истории
Сибирского отделения Российской академии наук
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Автомномная некоммерческая организация поддержки и развития
гуманитарных исследований «Свободные науки»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник научных трудов

НОВОСИБИРСК · 2025

УДК 930:001.8
ББК 63.3(2)+63.3(0):63.1
А 437

Сборник утвержден к печати
Научно-издательским советом
Института истории Сибирского отделения РАН

Редколлегия:

канд. ист. наук *В.В. Журавлев* (отв. редактор),
канд. ист. наук *Д.О. Никулин* (отв. секретарь), *В.В. Введенский*, д-р ист. наук
Д.Н. Гергулев, *И.Д. Долгушин*, *О.В. Ильиных*, канд. ист. наук *А.С. Кузьменко*,
канд. ист. наук *С.Г. Петров*, *Д.А. Письмак*, канд. ист. наук *М.А. Резникова*,
канд. ист. наук *И.Е. Рогаева*, канд. ист. наук *Г.С. Хорохордин*,
д-р ист. наук *Д.Н. Шевелев*, канд. ист. наук *С.В. Шарпов*, *А.С. Шевкунова*

Рецензенты:

д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*,
д-р ист. наук *А.В. Дмитриев*

Актуальные проблемы исторических исследований:
А 437 взгляд молодых ученых: сборник научных трудов / ред-
кол.: В.В. Журавлев (отв. ред.), Д.О. Никулин (отв.
секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск:
ИИ СО РАН, ИПЦ НГУ, 2025. – 329 с.

ISBN 978-5-4437-1814-9

Опубликованные статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории, являются самостоятельными исследованиями и характеризуются научной новизной. Статьи сгруппированы в пять тематических блоков: источниковедение; проблемы взаимоотношений общества и власти в мировой истории; история культуры; история международных отношений и военного дела; социально-экономические процессы в мировой истории. Сборник издан по результатам Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием, состоявшейся в Новосибирске 18–21 сентября 2024 г. Авторы статей — студенты, аспиранты, преподаватели и научные сотрудники из России и зарубежья. Издание рассчитано как на профессиональных исследователей, так и на всех интересующихся историей.

ISBN 978-5-4437-1814-9
doi 10.31518/978-5-4437-1814-9

© Институт истории СО РАН, 2025
© Национальный исследовательский Томский
государственный университет, 2025
© Сибирский федеральный университет, 2025
© АНО «Свободные науки», 2025

От редакционной коллегии

С 18 по 21 сентября 2024 года в Новосибирском Академгородке состоялась Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием под названием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых». Организаторами данного научного мероприятия выступили Институт истории Сибирского отделения РАН в сотрудничестве с Национальным исследовательским Томским государственным университетом, Сибирским федеральным университетом и автономной некоммерческой организацией «Свободные науки». Следует отметить, что проведение подобных конференций имеет устойчивую традицию — Институт истории СО РАН осуществляет их организацию с 2003 года, причем в современном формате и под текущим названием мероприятие проводится с 2011 года.

Научный форум традиционно вызывает значительный интерес среди молодых исследователей, представляющих ведущие научные центры как Российской Федерации, так и зарубежных государств. В текущем году организационным комитетом было зарегистрировано 105 заявок от представителей различных категорий научных работников, включая студентов, аспирантов, соискателей ученых степеней, кандидатов наук, а также молодых ученых, не имеющих степени, возраст которых не превышал 35 лет. По результатам проведенного конкурсного отбора в окончательную программу мероприятия вошли 75 научных докладов, подготовленных участниками из Барнаула, Великого Новгорода, Екатеринбурга, Кемерово, Красноярска, Магнитогорска, Москвы, Новосибирска, Омска, Оренбурга, Перми, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Томска, Тюмени, Якутска, а также из китайского города Цзинань.

Программа первого дня конференции была посвящена работе научной школы-лектория, в рамках которого перед молодыми учеными выступили ведущие российские специалисты в области исторических исследований. Официальное открытие мероприятия состоялось 19 сентября 2024 года. С приветственными обращениями к участникам выступили председатель Организационного комитета, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, кандидат исторических наук В.В. Журавлев; заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета, доктор исторических наук, профессор Д.Н. Гергилев; а также декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, кандидат исторических наук Ж.А. Рожнева.

В рамках работы научной школы «Трансляция научных идей: проблемы и практики» состоялись выступления авторитетных специалистов в области исторической науки. Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета В.И. Дятлов представил вниманию слушателей доклад «Современный российский университет: взгляд изнутри», в котором были рассмотрены актуальные аспекты развития системы высшего образования в России. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета Н.В. Трубникова выступила с лекцией «Исторические позитивизмы: ярлыки и сущности

в историографических дискуссиях», содержавшей критический анализ сложившихся стереотипов в понимании позитивистской методологии исторического исследования. Кандидат философских наук, заведующий сектором социологии науки и образования Института философии и права СО РАН А.М. Аблажей в своем выступлении особое внимание уделил вопросу соблюдения высоких стандартов научной деятельности.

Значительный научный интерес вызвала презентация экспериментального проекта, подготовленного исследовательской группой Томского государственного университета, посвященного вопросам применения нейрокогнитивных методов в изучении особенностей восприятия исторической памяти современным социумом. Завершающим мероприятием первого дня конференции стал аналитический обзор, проведенный кандидатом исторических наук В.В. Журавлевым, в рамках которого были систематизированы и обобщены ключевые проблемы, обсуждавшиеся в ходе научных выступлений.

Основная научная программа конференции включала проведение секционных заседаний, организованных по семи тематическим направлениям: «Источниковедение», «Проблемы взаимоотношений общества и власти», «Проблемы социально-экономического развития», «История культуры», «История международных отношений и военного дела», «Информационные технологии в исторических исследованиях», «Сопряженные территории: память в истории и история в памяти». Заключительным мероприятием конференции стало проведение круглого стола на тему «Перспективные научные подходы и исследовательский инструментарий», в ходе которого участники имели возможность обсудить вопросы взаимосвязи теоретических и практических аспектов научно-исследовательской деятельности. Проведенное мероприятие получило высокую оценку участников и способствовало установлению профессиональных контактов между молодыми исследователями в области исторических наук из различных регионов.

Настоящий сборник научных трудов, включающий 32 статьи, подготовленные на основе представленных на конференции докладов и доработанные с учетом результатов научных дискуссий, отражает основные итоги работы форума. Вошедшие в сборник публикации охватывают широкий круг актуальных вопросов, касающихся как отечественной, так и всеобщей истории, а также демонстрируют эффективность междисциплинарного подхода, интегрирующего методы исторической науки с достижениями социальных наук, политологии, экономики и культурных исследований.

От имени Программного и Организационного комитетов форума выражаем искреннюю признательность всем соорганизаторам, лекторам, докладчикам и гостям научной школы-конференции за их активное и плодотворное участие в работах данного мероприятия.

Раздел первый

Источниковедение

В.С. Несмеянова
*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

**Первые посвящения в Nemus Dianae:
Диана Арицийская в архаический период
(IV–III в. до н.э.)**

В статье рассмотрено десять древнейших надписей, найденных на территории святилищного комплекса Дианы Арицийской. Датировка надписей соотносится с периодом потери богиней статуса политического и сакрального центра Латинского союза, а также с периодом первой фазы строительства монументального храма богини. Полученные материалы позволяют в некоторой степени пролить свет на проблему эллинизированного образа богини в имперских источниках, а также в целом понять природу ее культа и связь с рабами.

Ключевые слова: rex Nemorensis, lucum Dianium, рабские культы, римская религия, эпиграфика

Культ Дианы Арицийской некогда был одним из древнейших и важнейших культов Лация. Расположенный внутри потухшего вулкана святилищный комплекс занимает около двух гектаров и включает в себя ряд построек таких как нимфеум, театр, жилище жрецов святилища, храм богини и др.¹ Главным сооружением святыни является храм, включающий в себя несколько строительных фаз: нулевая (предположительно, VII в.

¹ Ghini G., Diosono F., Il Santuario di Diana a Nemi: recenti acquisizioni dai nuovi scavi // E. Marroni (edrs.), *Sacra Nominis Latini. I santuari del Lazio arcaico e repubblicano. Atti del Convegno*, [Roma 2009], Ostraka n.s. 2012; Diosono F., Romagnoli L., Batocchioni G., Il ninfeo del santuario di Diana a Nemi. Una proposta di ricostruzione // G. Ghini, Z. Mari (eds.), *Lazio e Sabina 9. Atti del convegno* (Roma 2012). Roma, 2013; Diosono F., D'Angelo G., Nemi in contesto. La decorazione fittile delle diverse fasi del tempio di Diana tra vecchie collezioni e nuovi dati stratigrafici // P. Lulof, I. Manzini, C. Rescigno (ed.), *Deliciae Fictiles V. Networks and Workshops: Architectural Terracottas and Decorative Roof*. Oxbow Books, 2019.

до н.э.), первая (IV в. до н.э.), вторая (275–225 гг. до н.э.), третья (75–50 гг. до н.э.)¹.

Дошедшие до наших дней сведения античной литературной традиции берут свое начало с краткого сообщения Катона-старшего (Cat. Orig. II. 58). Авторы имперского периода отождествляли культ богини данной местности с культом Артемиды Таврической, который имел по их представлениям варварский характер (Ovid. Met., XV. 489; Strabo. V. 3. 12; Serv. Aen. II. 116). Таким образом, к началу принципата Августа культ Дианы в Ариции представлялся римлянами дошедшим до их дней пережитком далекого прошлого, истинный смысл которого был утрачен. Основной фигурой в культе богини был беглый раб, называемый Rex Nemorensis. Он неким образом был связан с Дианой и должен был периодически сменяться посредством смертельного поединка между действующим Царем-жрецом и претендентом на эту должность.

Помимо поддержания процветания региона Царь Леса, по некоторым предположениям², мог быть тесным образом связан с Латинским союзом или союзом нескольких латинских городов-общин. Катон-старший связывал введение культа Дианы именно с Латинским союзом, члены которого и посвятили священную рощу богине (lucum Dianium), чтобы собираться в ней для совместного решения разного рода вопросов. Вероятно, роща Дианы в Ариции в определенный момент — после падения Альбы-Лонги в VII в. до н.э. (Liv. I. 31) — заменила на время в качестве сакрально-политического центра Союза рощу Юпитера Лациария.

Археологические изыскания в определенной степени подкрепляют данную преемственность. Древнейшие вотивы и нулевая фаза храма Дианы относятся итальянскими археологами к

¹ *Diosono F., D'Angelo G.*, Nemi in contesto...; *Diosono F.*, Inside the Volcano and into the Trees. The sacred Grove of Diana Nemorensis in archaic Latium between the literary and archaeological sources // R. Haussler, G.F. Chiari (eds.), Sacred Landscapes in Antiquity: Creation, Manipulation, Transformation. Oxbow Books, 2020.

² *Немировский А.И.* Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 150–151; *Coarelli F.*, Le sanctuaire de Diana Nemorensis: nouvelles découvertes // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 156-e année, 2012. P. 565; *Diosono F.*, Inside the Volcano and into the Trees. P. 17.

VII–VI вв. до н.э.¹ При этом на территории святилищного комплекса Дианы Арицийской были найдены следы поселения и протокульта некой богини — вероятно, связанной с плодородием, — восходящие к среднему и позднему бронзовому веку, о чем свидетельствует найденный в лесу сарай для топоров эпохи средней бронзы (XV в. до н.э.)². Однако к XI в. до н.э. поселение было по какой-то причине заброшено вплоть до организации здесь священной рощи Дианы³. Стоит, однако, отметить, что редкие следы обитания в данной местности — в особенности в зоне построенного уже в позднеереспубликанский период нимфеума⁴ — датируются IX–V вв. до н.э.⁵

Возвращение в скрытое от людских глаз место внутри потухшего вулкана именно в период разрушения главного города Латинского союза, сакрально-политический центр которого к тому же находился недалеко от озера Неме, является убедительным аргументом в пользу политической значимости культа Дианы Арицийской.

Важность рощи Дианы в Ариции для латинских городов подтверждается и тем фактом, что в середине VI в. до н.э. Сервий Туллий посвятил богине храм на Авентине, недалеко от померия Рима (Dion. Hal., IV. 26. 4–5; Liv., I, 45; Plut., Quaest. Rom. 3–4 и нек. др.). Античные авторы сравнивают данный политический ход с объединением малоазиатских народов вокруг храма Артемиды в Эфессе. Однако следует полагать, что данное сопоставление является скорее попыткой объяснить причину повышенного внимания римлян и латинов к богине, которая к раннеимперскому времени утратила какие бы то ни было политические черты. Римляне не могли не знать о священной роще Дианы Арицийской, который находился значительно ближе, нежели храм Артемиды Эфесской. Более того, на Авентине бо-

¹ Diosono F., D' Angelo G., Nemi in contesto... P. 397.

² Ghini G., Diosono F., Il Santuario di Diana a Nemi. P. 119.

³ Diosono F., Inside the Volcano and into the Trees. P. 17.

⁴ Diosono F., Romagnoli L., Batocchioni G., Il ninfeo del santuario di Diana a Nemi. P. 286.

⁵ Diosono F., Inside the Volcano and into the Trees. P. 21.

гине изначально была посвящена именно роща¹, а не храм — наследие несколько более позднего периода.

Окончание существования Латинского союза датируется Второй Латинской войной между Римом и союзом (338 г. до н.э.). К этому периоду относится строительство монументального храма Дианы у озера Неми², а также первые найденные на территории святилищного комплекса надписи. В целом в этот период анатомические вотивы, посвященные Диане, постепенно заменяются эпиграфикой, что в принципе является характерной чертой для латинских и итальянских культов³.

Древнейшие из посвящений Диане — CIL I 43 и CIL I 44 — датируются серединой IV — первой половиной III вв. до н.э. Первый медный вотив выгравирован на верхнем крае слегка поврежденного медного сосуда и содержит имя богини. Р. Вахтер предлагает два варианта интерпретации текста: 1) Cn(aeus) (et) Q(uintus) Et(?) med Diana; 2) Cn(aeus) Q(uintus) et med Diana⁴. Последняя версия представлена в сборнике Дессау (de-b-0033 3236). Несколько иной выглядит расшифровка, приведенная в Corpus Inscriptionum Latinarum, в которой указывается, что первые три составляющих надписи — Cn Q Et — указывают на одного человека. В электронной базе данных Epigraphik-Datenbank Clauss/Slaby (EDCS) предлагается интерпретировать имя посвящающего как Snaeus Quinti Etrilii, то есть Гней, сын Квинта Этрилия. Во всех вариантах med предполагается раннелатинской формой местоимения me. Изображение второго вотива не сохранилось, однако согласно CIL это была медная чаша, на дне которой и была размещена надпись: Are Diana. Вероятно, первое слово в надписи является частью имени, однако сказать наверняка трудно.

Наиболее важным для понимания природы Дианы Арицийской в период после распада Латинского союза является датированный 300–271 гг. до н.э. вотив в виде медного десятисантиметрового

¹ Diosono F., Inside the Volcano and into the Trees. P. 169.

² Diosono F., D' Angelo G., Nemi in contesto. P. 397.

³ Hermans A.M., Latin cults through Roman eyes: Myth, memory and cult practice in the Alban hills. Universiteit van Amsterdam, 2017. P. 70.

⁴ Wachter R., Wiedersehen mit CIL I 43 // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 74. 1988. S. 151.

вого наконечника (предположительно острия копья¹) CIL I 45. Согласно сделанной на нем надписи, наконечник был посвящен богине кормилицей Паперией. Вотив одновременно отображает и дикую природу Дианы, богини охоты, и намекает на ее покровительство женщинам. Если предположить, что часть имени из надписи CIL I 44 принадлежит женщине — в EDCS предлагается вариант *Arellia*, — то женская сторона культа богини в данный период вырисовывается чуть четче. Вместе с тем, представляется более вероятным, что в вотиве CIL I 45 первичной является именно связь Дианы с охотой, а не с женщинами, поскольку, во-первых, посвящение копья (скорее всего, изначально это было именно копье, а не наконечник) богине кормилицей кажется необычным. Если Паперия сделала подношение богине для того, чтобы та выполнила свои функции покровительства ей как женщине (согласно правилу *do ut des*), то выбор копья в качестве вотива выглядит нетипично. Он предполагает, что Диана мыслилась в большей степени как богиня, наделенная мужскими чертами. В сборнике Дессау указано, что наконечник был найден совместно с бронзовым изваянием груди (*de-b0033 3235*), что наводит на мысль о связи этих двух предметов. Эту связь можно трактовать как посвящение Диане-покровительнице женщин и охоты, а также как указание на функцию покровительства кормилицам. Однако, как справедливо отмечает Л.Х. Голдтвейт, оба посвящения могли быть сделаны двумя разными женщинами по отдельности, что возвращает нас к предыдущей мысли².

Полагается, что копье означало у римлян полноту владения над чем-либо. Л.Х. Голдтвейт отмечает, что в данном случае копье могло символизировать возвращение вольноотпущенников³ Паперией власти над собственной жизнью⁴. Кроме того,

¹ *Museo di Villa Giulia*. A. D. Seta (ed.), Roma, 1918. P. 226.

² *Goldthwaite L.H., Diana Feminarum Tutela?: The Case of Noutrix Paperia // Collection Latomus, Studies in Latin Literature and Roman History, 2008. Vol. 14. P. 5–6.*

³ Спор о происхождении Паперии рассматривается у вышеуказанной Л.Х. Голдтвейт. Автор весьма убедительно доказывает, что кормилица принадлежала именно к числу вольноотпущенников.

⁴ *Goldthwaite L.H., Diana Feminarum Tutela?: The Case of Noutrix Paperia. P. 14–15.*

дошедшие до нас изображения статуи Дианы Авентинской показывают, что при ней также имелось копье, которое могло символизировать власть богини как над животными, так и над рабами. Все это в совокупности позволяет говорить — с известной долей осторожности — о том, что Диана действительно играла важную роль для рабов, в т. ч. бывших, как в данной местности, так и за ее пределами, а также считалась их покровительницей уже в республиканский период.

Следующие две надписи — CIL I 2444 и CIL I 42 — располагаются на медных предметах и датируются III в. до н.э. Первая надпись была сделана на плохо сохранившемся металлическом сосуде. Как и в предыдущих случаях, здесь используется архаическая форма латыни: «*Diana af louco*». Правильнее всего ее можно проинтерпретировать как «*Dianae ab luso*». Посвящение выполнено с внутренней стороны верхнего края сосуда, испещренного на части нижней стороны небольшими отверстиями. При этом характер отверстий позволяет говорить о том, что они были проделаны специально. К сожалению, плохая сохранность сосуда не позволяет выявить их смысл. Гипотетически, через них мог проходить свет или жидкость, то есть это может быть как предмет, используемый для культа, так и бытовая утварь. В сборнике Museo di Villa Giulia данный предмет трактуется как сито или дуршлаг (*colatoio*)¹.

Надпись CIL I 42 расположена на металлической пластине, которая являлась, вероятно, вотивом или частью вотива, посвященного Диане Публией Турпилией, замужней женщиной. Об этом свидетельствует архаическое указание «*hose seignum*» («*hoc signum*»), которое А.М. Германс предлагает трактовать как посвящение в честь новорожденного сына². *Signum* можно трактовать и как знак — то есть саму медную табличку с набором ритуальных действий, наделяющих ее особыми свойствами посвящения божеству, — и как некое изображение вроде статуи.

Ко второй половине III в. до н.э. появляется первое типичное для последующих периодов посвящение, выполненное на камне прямоугольной формы. Однако распространение этот

¹ Museo di Villa Giulia. A. D. Seta (ed.), Roma, 1918. P. 225.

² Hermans A.M., *Latin cults through Roman eyes*. P. 71.

тип материала получит в данной местности лишь в I в. до н.э. CIL I 41 посвящена Диане претором Марком Ливием. Это мог быть как Марк Ливий Друз, претор 282-го г. до н.э., так и Марк Ливий Салинатор, претор 220-х гг. до н.э.¹ Тем не менее данная надпись указывает на то, что святилище посещалось представителями высшей римской власти. Некоторым образом с ней можно соотнести надпись CIL XIV 4269, выполненную на медной пластине во второй половине III в. до н.э. Она посвящена Гаем Манлием Ацидином, консулом общины Римини (Ariminensi), которая находилась в регионе Эмилии. Также здесь стоит упомянуть надпись AE 2014 290, которая датируется 200–181 гг. до н.э. и посвящена Диане претором Гаем Атиниєм (по-видимому, Лабеоном, претором по делам иноземцев). Надпись выполнена на колонне — предположительно трех метров в высоту, — которая предназначалась для того, чтобы на ней стоял вотив (например, статуя).

По мнению М.Г. Гранино Чечере, Д. Нонниса и Ч. Риччи, надпись AE 2014 290 — вкупе с CIL I 41 и CIL XIV 4269 — отсылает к первоначальной природе святилища, имевшего политическое значение². Добавлением может послужить гипотеза Т.Д. Стек о «колониальном» характере латинских поселений по отношению к Риму³. Святилище Дианы, исходя из данного предположения, мыслилось как культовое место, связывающее Арицию с Римом и другими латинскими городами.

CIL XIV 4122,1, датирующаяся второй половиной III в. до н.э., помещена на серебрянном предмете, который в исследовательской литературе определяется как ковш для излияний (*simpulum*), использовавшийся во время жертвоприношений⁴. На пер-

¹ Более точный период преторства Салинатора на данный момент в антиковедении не установлен.

² Cecere M.G.G., Nonnis D., Ricci C. Epigrafia e culti nell'ager aricinus // *Colonie e municipi nell'era digitale. Documentazione epigrafica per la conoscenza delle città antiche. Atti del Convegno di Studi* (Macerata, 10–12 dicembre 2015), a cura di S. Antolini, S. M. Marengo, G. Paci (Ichnia 14), Tivoli, 2017. P. 269, 271.

³ Stek T.D., *Sanctuary and society in central-southern Italy (3rd to 1st centuries BC): a study into cult places and cultural change after the Roman conquest of Italy*. Universiteit van Amsterdam, 2008. P. 58–59.

⁴ Hermans A.M., *Latin cults through Roman eyes*. P. 71.

вый взгляд, надпись не очень информативна (Ov Scarbenio C L), однако она может указывать на принадлежность человека, который владел этим *simpulum*, к числу вольноотпущенников: в электронных базах эпиграфических данных приводится следующая расшифровка: Ov(ius) Scarbenio(s) C(ai) l(ibertus). Тогда данную надпись можно соотнести с вышеупомянутой CIL I 45.

Надпись CIL I 1435, датируемая 250–171 гг. до н.э., выполнена на рукояти медного предмета, напоминающего столовый прибор. В CIL предмет идентифицирован как *sochlëar*, то есть ложка с острым концом. Однако, как и в случае с CIL I 2444, предмет сохранился достаточно плохо, чтобы утверждать это наверняка. Кроме того, в надписи содержит единственное слово — *Diana*.

Примерно с 338 г. до н.э. святилище Дианы в Ариции перестает быть обособленным местом политического и сакрального собрания латинов, а культ богини переходит в статус общепиталийского культа. Однако приведенные надписи позволяют говорить о том, что культ Дианы в Ариции все же сохранил в некоторой степени свою политическую важность и после распада Латинского союза и подчинения Риму.

Стоит отметить, что в IV в. до н.э. римская Диана была подвергнута процессу первичной, либо вторичной эллинизации, о чем свидетельствует ее присутствие на ложе в лектистернии в 399 г. до н.э. вместе с Аполлоном и Латоной. Вполне вероятно, что и арицийская Диана в определенный момент стала отождествляться с греческой Артемидой, чему способствовали как ранние контакты италиков с греками, так и схожий функционал богинь. К IV–III вв. до н.э. латины уже были знакомы с евриподовской Ифигенией, в которой фигурировала ранее упомянутая «варварская» богиня Тавриды. Однако эпиграфически и археологически связь обоих культов никак не прослеживается.

Связь богини с рабами, которая не присуща Артемиде, в данный период кажется более существенной и не ограничивается одной лишь фигурой Царя Леса. Ранее мы уже касались посвящений от рабов и вольноотпущенников Диане¹. Недавние

¹ Несмеянова В.С. Почитание богини Дианы рабами и вольноотпущенниками: античная литературная традиция и эпиграфический материал // Актуальные

исследования так называемых «рабских культов» позволяют с полной уверенностью говорить о том, что богиня являлась покровительницей этой категории населения, однако основная масса посвящений Диане относится к имперскому периоду. Исследовав древнейшие надписи из главного святилища богини можно заключить, что ее покровительство рабам (и вольноотпущенникам) является одной из первоначальных функций богини, а также связан с политической составляющей ее культа, наделившей Диану чертами богини-властительницы.

При этом, покровительство богини женщинам в посвящениях прослеживается слабо хотя археологические изыскания и эпиграфика поздних периодов прямо указывают на их связь с Дианой. Тогда как в IV–III вв., в период функционирования первой фазы монументального храма Дианы, богиня большим образом связана с охотой¹. Привычный же образ Дианы Арицийской, наиболее приближенный к образу Дианы Авентинской и Артемиды более отчетливо начал прослеживаться к началу II в. до н.э.

Библиография

Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. 209 с.

Несмеянова В.С. Почитание богини Дианы рабами и вольноотпущенниками: античная литературная традиция и эпиграфический материал. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов / редкол.: Д.О. Никулин (отв. ред.), С.В. Шарапов (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: ИИ СО РАН, ИПЦ НГУ, 2023. С. 10–22.

CIL I: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Cura Th. Mommsen. 1863.

CIL XIV: Inscriptiones Latii veteris Latinae. Ed. H. Dessau. 1887. (impr. iter. 1968).

Dessau H., Inscriptiones Latinae Selectae. Berlin, 1856–1931.

L'Année Épigraphique, Paris. 2014.

Cecere M.G.G., Nonnis D., Ricci C. Epigrafia e culti nell'ager

проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов / редкол.: Д.О. Никулин (отв. ред.), С.В. Шарапов (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: ИИ СО РАН, ИПЦ НГУ, 2023. С. 10–22.

¹ См. также Museo di Villa Giulia. A.D. Seta (ed.), Roma, 1918. P. 225–230.

aricinus // Colonie e municipi nell'era digitale. Documentazione epigrafica per la conoscenza delle città antiche. Atti del Convegno di Studi (Macerata, 10–12 dicembre 2015), a cura di S. Antolini, S. M. Marengo, G. Paci (Ichnia 14), Tivoli, 2017. Pp. 267–300.

Coarelli F., Le sanctuaire de Diana Nemorensis: nouvelles découvertes // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 156-e année, 2012. No. 1. Pp. 555–569.

Diosono F., D'Angelo G., Nemi in contesto. La decorazione fittile delle diverse fasi del tempio di Diana tra vecchie collezioni e nuovi dati stratigrafici // P. Lulof, I. Manzini, C. Rescigno (ed.), *Deliciae Fictiles V. Networks and Workshops: Architectural Terracottas and Decorative Roof*. Oxbow Books, 2019. Pp. 397–406.

Diosono F., Inside the Volcano and into the Trees. The sacred Grove of Diana Nemorensis in archaic Latium between the literary and archaeological sources // R. Haussler, G. F. Chiai (eds.), *Sacred Landscapes in Antiquity: Creation, Manipulation, Transformation*. Oxbow Books, 2020. Pp. 17–28.

Diosono F., Romagnoli L., Batocchioni G., Il ninfeo del santuario di Diana a Nemi. Una proposta di ricostruzione. // G. Ghini, Z. Mari (eds.), *Lazio e Sabina 9. Atti del convegno* (Roma 2012). Roma, 2013. Pp. 285–289.

Fraser J. G. The golden bough: a study in magic and religion. London, 1911–1920. Vol. 1. 1920. 426 P.; Vol. 2. 1911. 417 P.; Vol. 5. 1914. 317 P.; Vol. 6. 1914. 321 P.

Ghini G., Diosono F., Il Santuario di Diana a Nemi: recenti acquisizioni dai nuovi scavi // E. Marroni (eds.), *Sacra Nominis Latini. I santuari del Lazio arcaico e repubblicano. Atti del Convegno*, [Roma 2009], *Ostraka* n.s. 2012. I. Pp. 119–137.

Goldthwaite L.H., Diana Feminarum Tutela?: The Case of Noutrix Paperia // *Collection Latomus, Studies in Latin Literature and Roman History*, 2008. Vol. 14. Pp. 95–115.

Hermans A.M., Latin cults through Roman eyes: Myth, memory and cult practice in the Alban hills. Universiteit van Amsterdam, 2017. 288 P.

Latte K., Römische religionsgeschichte. Göttingen, 1960. 445 S.

Museo di Villa Giulia. A. D. Seta (ed.), Roma, 1918. 543 P.

Silani M.G., Città e territorio: la formazione della città romana nell'ager Gallicus. Università di Bologna, 2014. 295 P.

Stek T.D., Sanctuary and society in central-southern Italy (3rd to 1st centuries BC): a study into cult places and cultural change after the Roman conquest of Italy. Universiteit van Amsterdam, 2008. 320 P.

Wachter R., Wiedersehen mit CIL I 43 // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 74. 1988. S. 151–152.

Д.А. Заремская, А.М. Юшкова
Сибирский федеральный университет (Красноярск)

**Подготовка и публикация исторических источников:
опыт издания отчета губернатора
Енисейской губернии за 1865 год**

Статья посвящена опыту подготовки и публикации отчета губернатора Енисейской губернии за 1865 год. Подчеркивается важность оцифровки и публикации исторических источников в современном мире для сохранения исторического наследия и развития исторических исследований. В статье подробно рассматриваются этапы работы над данным источником: от выбора документа и его анализа до редакционной работы, составления аннотаций и оформления издания. Автор также указывает на необходимость развития археографии в современных условиях и рассматривает работы Р.Ш. Харунова и Е.М. Добрушкина по теме археографических публикаций. В заключение стоит подчеркнуть, что работа, проведенная по оцифровке и публикации отчета губернатора Енисейской губернии за 1865 год, представляет собой не только технологический, но и культурно-исторический шаг вперед.

Ключевые слова: исторические источники, публикация источников, отчет губернатора, Енисейская губерния, редакционная работа, Digital Humanities.

В современном мире цифровых технологий и быстрого доступа к информации, публикация исторических источников приобретает особую значимость. Такой процесс не только способствует сохранению ценных документов, но и позволяет исследователям, студентам и любителям истории получать доступ к редким материалам, ранее доступным лишь в архивах, музеях или библиотеках. Один из ярких примеров подобной работы — публикация отчета губернатора Енисейской губернии за 1865 год. Этот документ не только является важным свидетельством социально-экономических условий того времени, но и представляет уникальную возможность для проведения глубокого анализа политической и административной жизни региона.

В статье будет детально рассмотрен процесс подготовки и публикации данного оцифрованного источника. Особое внимание будет уделено этапам работы с документальной публикацией.

Также в статье будет описан уникальный опыт команды, занимающейся подготовкой сборника к печати, и указаны трудности, с которыми она сталкивалась на протяжении всего процесса.

Процесс оцифровки и последующей публикации источников всех видов не только обогащает историческую науку, но и создает новые возможности для интерпретации и анализа общественной жизни населения.

Историография богата работами, посвященными изучению исторических источников, их классификации, типам, методам анализа. Существуют исследования, посвященные проблемам публикации источников, составлению издательских планов, редактированию документов и т. д. Но при этом отсутствуют специальные работы, посвященные подготовке и публикации исторических источников из данной местности, также нет анализа редакторской работы, составления примечаний, подбора иллюстраций, использования современных технологий и не рассмотрен вклад данного издания в развитие исторической науки.

Однако, из общих работ, можно выделить труд Р.Ш. Харунова «Современная археография: практикум», в котором автор анализирует новые направления в археографии, связанные с развитием цифровых технологий, исторической информатики, изучением многоязычных исторических документов¹. Указывает на ряд проблем, с которыми сталкивается современная археография: недостаток финансирования, отсутствие единых стандартов публикаций, недостаток специалистов.

В статье «О границах понятия «археографическая публикация»» Е.М. Добрушкин рассматривает историю понятия «археографическая публикация», прослеживает эволюцию этого понятия от его первоначального определения в XIX веке до современного понимания². Автор рассматривает традиционные и современные определения археографической публикации, выделяя их сходства и различия. Е.М. Добрушкин указывает на то, что понятие археографической публикации не ограничивается

¹ Харунов Р.Ш. Современная археография: практикум. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2017. 71 с.

² О границах понятия «археографическая публикация» // Открытый текст: сайт. — URL: <https://golnk.ru/N063b> (дата обращения: 12.08.2024)

только изданием исторических документов. В него также включаются разные виды публикаций: комментарии к документам, переводы, транскрипции, анализ документов, изучение их истории и т. д. Таким образом, статья представляет собой глубокий анализ понятия «археографическая публикация», его границы и роль в исторической науке. Она будет интересна историкам, архивистам, краеведам и всем, кто занимается изучением исторических источников.

Так, тема «Подготовка и публикация исторических источников: опыт издания отчета губернатора Енисейской губернии за 1865 год» обладает потенциалом для проведения исследования и внесения вклада не только в историческую науку, но и в археографию. Она может углубить понимание процесса публикации исторических источников, а также внести вклад в изучение истории Сибири.

Публикация исторических источников — неотъемлемая часть исторической науки, позволяющая сделать прошлое доступным для исследователей и широкой аудитории. Однако процесс подготовки документа к изданию — это сложный и многогранный процесс, требующий не только глубоких знаний истории, но и определенных навыков и компетенций, связанных с источниковедением и археографией. Так, в данной работе рассматриваются этапы подготовки документа к изданию: от выбора источника до его опубликования.

Первый этап — выявление документов для публикации. Целью данного этапа является определение и выбор наиболее подходящего исторического источника для издания и анализа. В нашей работе был взят отчет губернатора Енисейской губернии за 1865 год и Сопроводительное письмо Начальника Енисейской Губернии Генерал-майора П.Н. Замятина господину Генерал — Губернатору Восточной Сибири о причинах задержки предоставления губернаторского отчета за 1865 год.

Перейдем к процессу осуществления данного этапа. Коллектив преподавателей кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета выдвигает идею публикации исторического источника, отражающего историю Сибири. Данный этап включает обзор имеющихся материалов: изучаются фонды

кафедры, архивы Сибирского федерального университета, возможно, имеющиеся материалы по истории Сибири, Енисейской губернии; также осуществляется изучение каталогов и фондов государственных архивов: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Был осуществлен поиск в библиотеках (Красноярской краевой библиотеки, библиотеки Сибирского федерального университета) каталогов и книг по истории Сибири, включая сборники документов и отчеты губернаторов.

При всем этом была проведена большая работа по отбору источников по существующим критериям, среди которых актуальность, репрезентативность, научная ценность, доступность, новизна, типичность, степень воздействия документов на последующие события и т.д.

Итак, в результате данного этапа коллектив определяет конкретный исторический источник (отчеты губернатора Енисейской губернии) и начинает работу.

Второй этап — отбор документов. Цель: извлечь из отобранных отчетов губернатора Енисейской губернии за вторую половину XIX века наиболее релевантные для публикации материалы.

Данный этап представляет из себя длительный процесс: проводится глубокое изучение отчетов, анализируется содержание, выделяются ключевые темы и факты, изучается состав отчета, структура, язык изложения, источники информации, используемые автором. Также осуществляется анализ современной историографии Сибири и Енисейской губернии, выделяя неизученные аспекты истории региона. Определяются ключевые проблемы, которые могут быть освещены в историческом предисловии к «Отчету губернатора Енисейской губернии за 1865 г.».

В результате данного этапа ставится цель — подготовка к публикации всего комплекса отчетов. На основе отбора формируется структура издания и планируется его дальнейшая подготовка, идет отбор отчетов по годам и выбор наиболее сохранившихся материалов.

Третий этап — установление и выбор основного текста, его вариантов редакций. Цель: установить наиболее точный и

аутентичный текст отчета губернатора Енисейской губернии за 1865 год, выявить возможные варианты текста. Определить основную редакцию отчета для публикации.

Процесс состоял из поиска и изучения источников, связанных с изучаемыми «Отчетами губернатора Енисейской губернии». Изучались также архивные фонды, в которых могут храниться разные варианты отчета губернатора: рукописные черновики, корректурные оттиски, официальные издания отчета. После этого был проведен анализ архивных материалов для определения их аутентичности, соответствия оригиналу и источнику информации, после изучались библиотечные фонды, в которых могли храниться разные публикации отчета губернатора. Все это проводилось для того, чтобы сравнить варианты текста из разных изданий, выявляются возможные изменения и отклонения. Далее был составлен список всех обнаруженных вариантов текста отчета, учитывая источники их появления: рукописи, корректурные оттиски, официальные публикации. После чего был определен наиболее аутентичный и полный вариант текста отчета.

В результате данного этапа коллектив определяет основной текст отчета губернатора Енисейской губернии за 1865 год, принимая во внимание аутентичность текста, полноту информации, актуальность и удобство для издания. На основе этого выбора проводится дальнейшая редакционная работа над текстом. Публикация документа осуществляется в виде печатного издания наборным (шрифтовым) способом. Выбор способа публикации определялся особенностями состава и ценностью публикуемых документов.

Четвертый этап работы — это передача текста документа, то есть проведение процесса оцифровки. На этом этапе ключевыми задачами являются преобразование физического документа в цифровой формат и обеспечение его доступности для последующего анализа, хранения и использования. Процесс оцифровки включает несколько шагов: подготовка документа, сканирование, обработка изображений (может отсутствовать, но если элементы изображения недостаточно понятные, то обычно в этот процесс включают корректировку контраста и яркости), распознавание символов для преобразования изображений тек-

ста в машиночитаемый цифровой формат, редактирование и корректура. Команде студентов предоставили отсканированный текст, который нужно было правильно оцифровать и тщательно проверить. Вся сложность работы на данном этапе состояла в распознавании отдельных плохочитаемых участков документа. Этот процесс требует особого внимания для минимизации ошибок при распознавании.

На следующем этапе нашей работы мы разрабатывали заголовки и легенды для документов. В процессе создания заголовков мы придерживались стандартной формы, используемой для ранних документов. Эта форма включала список, состоящий из следующих элементов: разновидность документа, автор, адресат, содержание, дата (год, месяц, день), место создания и делопроизводственный номер. Таким образом, при работе на данном этапе публикации археограф должен проводить источниковедческий анализ, чтобы правильно определить типы документов и точно передать сокращенное содержание текста в заголовках.

После этого мы приступили к систематизации документов, определению мест тех или иных текстов в будущем сборнике и их порядок. Рассматриваемый сборник состоит из двух ключевых документов: «Сопроводительное письмо начальника Енисейской губернии генерал-майора П.Н. Замятнина господину генерал-губернатору Восточной Сибири о причинах задержки предоставления губернаторского отчета за 1865 год» и «Отчеты губернатора Енисейской губернии за 1865 год». На этом этапе мы анализируем и структурируем имеющиеся документы. Важно расставить их в логическом и хронологическом порядке, что позволит сохранить целостность и последовательность исторических событий.

В нашем сборнике сначала идет «Сопроводительное письмо начальника Енисейской губернии генерал-майора П.Н. Замятнина господину генерал-губернатору Восточной Сибири о причинах задержки предоставления губернаторского отчета за 1865 год», за которым следуют отчеты губернатора. Такой порядок выбран не случайно: он основан как на датах составления документов, так и на их содержательных связях.

Таким образом, тщательная систематизация и структурирование документов являются критическими этапами, обеспе-

чивающими достоверность и удобочитаемость исторических источников, что особенно важно при подготовке археографических публикаций.

Заключительным этапом работы является создание элементов научно-справочного аппарата (НСА). Главная цель этого этапа — облегчить использование археографическим изданием. В его состав в сборнике «Отчеты губернатора Енисейской губернии» вошли: предисловие, примечания по тексту и содержанию, именной и географический указатели, терминологический словарь, библиография, перечень публикуемых документов и оглавление. Далее при публикации исторического источника может следовать приложение с иллюстрациями. Документы и материалы (таблицы, реестры, справки и др.) в данном вспомогательно-справочном аппарате публикуются по общим правилам, к ним создаются заголовки и легенда. Однако в нашем издании никаких дополнительных материалов выявлено не было.

В заключение стоит подчеркнуть, что работа, проведенная по оцифровке и публикации отчета губернатора Енисейской губернии за 1865 год, представляет собой не только технологический, но и культурно-исторический шаг вперед. Этот процесс позволил не только восстановить и сохранить ценный исторический источник, но и сделать его доступным для широкой аудитории — исследователей, студентов, историков и всех, кто интересуется прошлым нашей страны.

Безусловно, в ходе работы возникли определенные трудности, связанные как с техническими аспектами оцифровки, так и с недостатком опыта работы с оцифрованными документами. Однако опыт, приобретенный командой, занимавшейся этим проектом, подчеркивает важность междисциплинарного подхода в таких начинаниях, где сочетаются история, архивистика, информационные технологии, а именно Digital Humanities.

Публикация отчетов губернатора Енисейской губернии стала важным шагом к возрождению интереса к региональной истории, предоставив исследователям основы для новых интерпретаций и выводов о социально-экономических и политических процессах в Енисейской губернии в XIX веке. Мы надеемся, что данный проект вдохновит другие организации и исследовательские группы на подобные начинания и продолжит разви-

вать культуру оцифровки исторических документов в России.

Таким образом, опыт издания отчета губернатора подчеркивает необходимость дальнейшей работы по оцифровке и сохранению исторического наследия, что позволит не только сохранить память о прошлом, но и сделать ее доступной для всех желающих. Настоящая работа является лишь началом долгого и важного пути, направленного на глубокое понимание и изучение нашей истории.

Библиография

О границах понятия «археографическая публикация» // Открытый текст: сайт. URL: <https://golnk.ru/N063b> (дата обращения: 12.08.2024)

Харунов Р.Ш. Современная археография: практикум. Кызыл: Изд-во Тувинск. гос. ун-та, 2017. 71 с.

Д.А. Бурков

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)

Источниковая база изучения социально-религиозных конфликтов в сибирской деревне на рубеже XIX–XX веков

В статье решается вопрос об отборе источников для реконструкции социально-религиозных конфликтов в сибирской деревне на рубеже XIX–XX веков, дается обоснование использования поливидовой источниковой базы как наиболее полно отражающей эмпирическую реальность. В качестве «информационного ядра» выступают «Томские епархиальные ведомости», названы их особенности, возможности и ограничения, исходя из которых аргументировано привлечение законодательных, статистических, вещественных и визуальных источников для верификации информации и выстраивания социального и культурного контекста событий. Комплексная источниковая база позволяет исследовать конфликты как социокультурный феномен и выявлять их причины, типы, функции и взаимосвязи, определить их значение в процессах формирования религиозного ландшафта Сибири.

Ключевые слова: конфликты, Томская епархия, православный ланд-

шафт Сибири, епархиальная периодическая печать.

Конфликты, будучи сложным феноменом реальности, представляют интерес для историка, потому что они показывают социальные связи и противоречия, незаметные в других ситуациях, а также являются маркерами изменений. Сложность исследования конфликтов заключается в том, что каждая сторона транслирует свое представление о ситуации, но в случае с социальными и религиозными конфликтами в сибирской деревне мы имеем дело преимущественно с текстами, созданными представителями Русской православной церкви, поэтому для валидной реконструкции зон разногласий требуется научно-обоснованное расширение круга источников.

Проблема ранее не рассматривалась в исследовательской литературе, однако существует большой объем литературы об епархиальной периодической печати — основного источника в представленном построении, в частности К.Е. Нетужилов рассмотрел историю ее возникновения и формирования программы¹. К.Ю. Иванов классифицировал публикации «Томских епархиальных ведомостей» по потенциалу для изучения истории старообрядчества². Кроме того, конфликты, при данном ракурсе исследования, являются частью социокультурного и религиозного ландшафта Сибири, потому что они помогают уточнить роль формальных и неформальных сетей в идентичности русского населения Сибири и выявить поведенческие стратегии, используемые локальными коллективами для адаптации к трансформациям³. В данной работе для выявления научно-обос-

¹ Нетужилов К.Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2006. № 7(21). С. 174–182.

² Иванов К.Ю. Томские епархиальные ведомости как источник по истории томского старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность: сб. тезисов III науч.-практ. конф. Москва, 15–17 мая 1997 г. С. 136–138.

³ Дутчак Е.Е. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования / Е.Е. Дутчак, А.В. Васильев, Е.А. Ким, Т.В. Полежаева // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.

нованной источниковой базы использованы следующие категории ретроспективной информации: актуальная и потенциальная; прямая и косвенная; повторяющаяся, верифицируемая и актуальная, которые используются в источниковедческой литературе, в том числе, в работах по исторической текстологии¹.

«Ядро» источниковой базы составляют «Томские епархиальные ведомости»², потому что они содержат большое количество упоминаний о конфликтах, не ограничиваясь губернским центром и другими городами. Это официальное церковное периодическое издание, в котором, помимо прочего, публиковались сообщения о приходской жизни, о поездках епископа по епархии (неофициальный отдел), миссионерские записки, отчеты и записи бесед со старообрядцами и сектантами (миссионерский отдел, появившийся в 1898 году).

Первый вопрос, который встает при использовании данного источника: какие конфликты могли попасть на страницы издания? Если в неофициальном отделе преимущественно освещался желаемый «идеальный» порядок, то в миссионерском не замалчивались противоречия, и конфликты между представителями разных конфессий и в среде не принадлежащего к пастве официальной церкви православного населения могли систематически освещаться в ТЕВ. Но даже в миссионерском отделе они представлены неоднородно: «инородцы», по мнению авторов статей, были готовы к принятию православия, но из-за различных тягот в него не переходящие, поэтому напряженности в их среде почти не возникало. Противоположно позиционируются старообрядцы и сектанты, которые, во-первых, более осознанно противостоят официальной православной церкви и постоянно с ней враждуют, во-вторых, склонны к внутренним конфликтам. Отсюда следует еще одно «нарушение» репрезентативности — это большее внимание к «расколосектантам».

Другой вопрос: как соотносится религиозное и социальное в публикациях? В силу характера издания представленные конфликты в разной степени связаны с религией и типичным в их описаниях является стремление к объяснению действий участ-

¹ Данилевский И.Н. Историческая текстология. Москва, 2018. — 590 с.

² Томские епархиальные ведомости (Томск). 1880–1904.

ников конфессиональной принадлежностью и приписывание «противникам» низменных качеств и желаний. Разделение религиозного дискурсивного поля источника и разнородного содержания конфликта показывает, что они чаще всего возникали на грани социального (в широком смысле, включая экономику, право и культуру за пределами вероисповедания) и духовного, иногда трансформировались и перетекали один в другой.

Рассмотренный источник содержит разные типы информации. Например, структура описаний поездок епископа интертекстуально отсылает к Библии и житийной литературе, что является повторяющейся информацией. Сами описания конфликтов — это уникальная информация, потому что они не зафиксированы в других источниках, кроме случаев, когда дело доходило до суда¹, но данные документы заслуживают отдельного рассмотрения. Уникальный характер сведений требует привлечения других видов информации и разных типов источников. Во-первых, в описаниях конфликтов содержится верифицируемая информация — названия населенных пунктов, сведения о них, имена священников и наставников, ее раскрытие невозможно без обращения к статистическим, справочным изданиям и картам. Во-вторых, как было показано ранее, сведения об издании и его целях раскрывают специфику сообщений, и для извлечения этой косвенной информации целесообразно использовать дискурс-анализ. Кроме того, несмотря на неполноту сведений, их можно проанализировать статистически, а также создать типологию конфликтов, пользуясь наработками социальной психологии и социологии.

Прежде чем перейти к рассмотрению других источников, остановлюсь на вопросе о видовой принадлежности периодической печати, в частности «Томских епархиальных ведомостей». Периодическая печать традиционно выделяется в отдельный вид исторических источников, но целесообразнее рассматривать ее как комплекс разных источников, в нашем случае это законодательство и нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, информационно-новостные источники и источники

¹ Беликов С.Д. Старообрядческий раскол в Томской губернии (по судебным данным). Томск, 1894. 39 с.

личного происхождения. Одновременно со спецификой каждого источника, они объединены общей редакторской политикой и периодичностью опубликования¹. В контексте исследования заслуживают внимания делопроизводственные документы — отчеты, обозрения и известия братства Дм. Ростовского, которые сообщали о состоянии «расколосектанства» в отчетный период в разных территориях Томской губернии. Во многом они опирались на дневники и заметки миссионеров, которые также публиковались на страницах издания. Их стоит отнести к источникам личного происхождения из-за повествования от первого лица, личного взгляда на происходящее и включения диалогов, но при этом эти дневники близки отчетам и публицистике. К первым, потому что написаны с конкретными задачами и целями, связанными с деятельностью Братства; ко второй, потому что миссионеры часто высказываются о расколе и анализируют ситуацию в своих путевых очерках-дневниках. При работе с «Томскими епархиальными ведомостями» необходимо учитывать как особенности и авторство каждого типа публикаций, так и политику издания и братства Дм. Ростовского, которая влияла на их содержание.

Перейдем к материалам, которые служат для раскрытия информации основного источника. Статистические источники представлены списками населенных мест Томской губернии на 1859, 1893, 1899 и 1911 годы². Они издавались Томским губернским статистическим комитетом и содержат сведения о местоположении, числе жителей и дворов, церквях и молитвенных зданиях, учебных заведениях и других объектах, располагавшихся в населенных пунктах. Не смотря на неточность сведений, результаты переписи 1897 года³, в особенности таблица распределения населения по вероисповеданиям и вышеприведенные источники раскрывают социально-экономические реалии мест, упомянутых в сообщениях «Томских епархиальных

¹ Рышков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.

² Справочные книги Томской епархии // Генеалогический форум ВГД. [Б. м.], 2024. URL: <https://forum.vgd.ru/232/115426/> (дата обращения: 04.06.2024).

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 86 кн. [СПб.], 1904. Кн. 79: Томская губерния. 246 с.

ведомостей», причем наличие более или менее регулярной статистики помогает проследить ситуацию в динамике и соотнести с соответствующими сведениями. Но многие данные следует рассматривать не как фактические сведения, а как индикаторы положения дел. Близкими к данным источникам являются справочные книги по Томской епархии за 1886, 1898–1899, 1902–1903, 1909–1910 и 1914 годы¹, которые раскрывают информацию о приходах: церкви и молитвенные дома, приписанные населенные пункты, состав священно- и церковнослужителей. Если в предыдущих источниках мы видели административную структуру, то в данных — церковную, эти рамки мы должны учитывать при реконструкции, а сведения из изданий помогают при верификации основных данных.

Говоря о подобных структурах, нельзя игнорировать их пространственную привязку, визуализируемую с помощью карт, которые помимо изображения содержат текстовую и знаковую информацию и поэтому представляют особый вид исторических источников². Существует большое количество карт Томской губернии, но для настоящего исследования представляют интерес карты с административно-территориальным делением по уездам и волостям³, а также переселенческие карты, например «Карта заселяемой части Томской губернии» 1905 года⁴, где помимо административного деления показаны инородческие земли, места для вольного поселения, земли крестьян-старожилов и т.д. Карты могут помочь, с одной стороны, верифицировать письменные свидетельства, а с другой, перенести их в пространственную

¹ Список населенных мест Томской губернии [1868–1911] // Исторические материалы. [Б. м.], 2024. URL: <https://istmat.org/node/55343> (дата обращения: 04.06.2024).

² *Игнатенко Е.Е.* Карта как исторический источник: специфика содержания и информационный потенциал // Документ в современном обществе: парадигмы прошлого и реалии настоящего: материалы 9-й Всерос. студ. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 8–9 апреля 2016 г. С. 225–227.

³ Напр.: Карта Томской губернии / Томская чертежная губернская контора. Томск, 1900. URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1900-guberniya/ (дата обращения: 04.06.2024).

⁴ Карта заселяемой части Сибири: Томская губерния / Переселенческое управление. СПб, 1905. URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1905-guberniya/ (дата обращения: 04.06.2024).

плоскость для выявления неочевидных взаимосвязей между «очагами» конфликтов, а также их связи с населением территории (возвращаясь к карте 1905 года). Однако следует учитывать, что на картах не отражены в полной мере «незаметные» пути сообщения, лесные тропы и проселочные дороги, которые играли важную роль в коммуникации.

Еще одним фактором конструирования социокультурной реальности следует считать государственное регулирование жизни, отраженное законодательством. Нормативное регулирование конфликтов в деревне лежало на плечах земских участковых начальников, деятельность которых велась в соответствии с Положением от 12 июля 1889 года¹. Закон соединял местную административную власть с судебной, это давало большие полномочия земским начальникам, но одновременно запутывало судебную систему и, как следствие, затрудняло возможности сельских жителей отстаивать свои права. Важно отметить, что Положение в отношении видов крестьянских правонарушений и наказаний за них отсылало к соответствующим статьям Устава о мировых судах 1864 года². В контексте темы исследования эти источники дают понять, как классифицировались и решались социальные конфликты в деревне со стороны государства. Помимо этого, ввиду сильного влияния переселенческого движения на социальные процессы, важно рассмотреть законодательство, относящееся к данному аспекту. Переселенческий закон от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» значительно расширил возможности крестьянской колонизации Сибири и вызвал переселенческий бум, поэтому его действие было ограничено уже в 1892 г. Более долговременные последствия имело создание в 1891 г. Комитета Сибирской железной дороги, по решению которого, например, все самовольные переселенцы, прибывшие в Сибирь и Степной край с 1895 г., наделялись казенной землей и

¹ Положение о земских участковых начальниках, высочайше утвержденное 12-го июля 1889 года (со всеми относящимися к оному узаконениями). СПб, 1889. 89 с.

² Тетюхин И. Н. «Положение о земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. и его влияние на мировой суд // Вестник Тамбовск. гос. ун-та. 2008. № 8. С. 293–296.

всеми правительственными пособиями¹. Необходимо учитывать данные меры, потому что именно они во многом стали причиной трансформаций ландшафта Сибири, но при этом, работая с законодательными актами важно проверять их исполнение на практике по делопроизводственным источникам и приговорам судов.

Немаловажен вопрос о материальной инфраструктуре сибирской деревне. Наиболее устойчиво она представлена строениями разного назначения: храмами, молельными домами, хлебозапасными магазинами, лавками и проч. Все эти объекты организовывали вокруг себя сельскую жизнь и формировали различные практики поведения. Храмы, безусловно, являются центрами этой жизни, даже конфликты между старообрядцами и никонианами часто велись по поводу строительства храмов². Состояние и вид храмов могут многое сказать о приходе, работа по сбору разрозненных сведений³ о церквях Томской епархии и по выявлению роли храмового строительства начата недавно⁴.

Настоящий обзор доказывает, что для реконструкции таких сложных явлений, как конфликты требуется комплексная система исторических источников. Выстраивание доказательной базы только на сообщениях «Томских епархиальных ведомостей» без использования статистических, справочных и визуальных источников для верификации информации, а также законодательных и вещественных для реконструкции исторического контекста ведет к упрощению социальной реальности. Использование же поливидовой источниковой базы, построенной с учетом возможностей и ограничений каждого источника,

¹ Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев [и др.]. М., 2007. С. 48–49.

² Напр.: Записка епархиального миссионера священника Павлина Смирнова о поездке по Барнаульскому уезду в сентябре месяце 1899 г. Томские епархиальные ведомости. 1900. № 5. Миссионерский отдел. С. 1–19.

³ Фаст М.В., Фаст Н. П. Нарымская Голгофа. Томск, 2004. С. 374–552; Старинные храмы Томской земли. Томск, 2024. –URL: <https://xn—80aaolwdavedl6byef.xn—p1ai/starinnye-hramy-tomskoj-zemli/> (дата обращения: 04.06.2024).

⁴ Бойко В.П. Православное храмовое строительство в Томской губернии в XIX — начале XX вв. / В.П. Бойко, С.В. Смокотин, Е.В. Ситникова. Томск, 2021. 164 с.

помогает наиболее полно отразить социальную реальность и позволяет исследовать конфликты как социокультурный феномен и выявлять их причины, типы, функции и взаимосвязи, определить их значение в процессах формирования религиозного ландшафта Сибири.

Библиография

Беликов С.Д. Старообрядческий раскол в Томской губернии : (по судебным данным). Томск: Типо-литография П.И. Макушина, 1894. 39 с.

Бойко В.П. Православное храмовое строительство в Томской губернии в XIX — начале XX вв. / В.П. Бойко, С.В. Смокотин, Е.В. Ситникова. Томск: Изд-во Том. гос. архит-строит. ун-та, 2021. 164 с.

Данилевский И.Н. Историческая текстология. Москва: ВШЭ, 2018. 590 с.

Дутчак Е.Е. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования / Е.Е. Дутчак, А.В. Васильев, Е.А. Ким, Т.В. Полежаева // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.

Записка епархиального миссионера священника Павлина Смирнова о поездке по Барнаульскому уезду в сентябре месяце 1899 г. // Томские епархиальные ведомости. 1900. № 5. Миссионерский отдел. С. 1–19.

Иванов К.Ю. Томские епархиальные ведомости как источник по истории Томского старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность: сб. тезисов III науч.-практ. конф. (Москва, 15–17 мая 1997 г.). М., 1997. С. 136–138.

Игнатенко Е.Е. Карта как исторический источник: специфика содержания и информационный потенциал // Документ в современном обществе: парадигмы прошлого и реалии настоящего : материалы 9-й Всерос. студ. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 8–9 апреля 2016 г.). Екатеринбург, 2016. С. 225–227.

Карта заселяемой части Сибири: Томская губерния / Переселенческое управление. 20 верст в дюйме. СПб.: Техническая автолитография Де-Кельша, 1905. 1 к.: цв., текст, ил. URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1905-guberniya/ (дата обращения: 04.06.2024).

Карта Томской губернии / Томская чертежная губернская контора. 1:840000. Томск, 1900. 1 к.: цв., текст, ил. URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_1900-guberniya/ (дата обращения: 04.06.2024).

Нетужилов К.Е. Епархиальная периодическая печать в дорево-

люционной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2006. № 7(21). С. 174–182.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 86 кн. [СПб], 1904. Кн. 79: Томская губерния. 246 с.

Положение о земских участковых начальниках, высочайше утвержденное 12-го июля 1889 года : (со всеми относящимися к оному узаконениями). СПб. : Мин-во внутр. дел, 1889. 89 с.

Рышков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.

Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев [и др.]; под ред. Л.М. Дамешека, А.В. Ремнева. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Список населенных мест Томской губернии [1868–1911] // Исторические материалы. [Б. м.], 2024. URL: <https://istmat.org/node/55343> (дата обращения: 04.06.2024).

Справочные книги Томской епархии // Генеалогический форум ВГД. [Б. м.], 2024. URL: <https://forum.vgd.ru/232/115426/> (дата обращения: 04.06.2024).

Старинные храмы Томской земли. Томск, 2024. URL: <https://xn--80aaolwdavedl6byef.xn--p1ai/starinnye-hramy-tomskoj-zemli/> (дата обращения: 04.06.2024).

Тетюхин И.Н. «Положение о земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. и его влияние на мировой суд // Вестник Тамбовского гос. ун-та. 2008. № 8. С. 293–296.

Томские епархиальные ведомости (Томск). 1880–1904.

Фаст М.В. Нарымская Голгофа / М.В. Фаст, Н.П. Фаст. Томск; М: Водолей Publishers, 2004. 560 с.

В.В. Первушин

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)

Содержательный компонент образа Православной Российской церкви в газете «Правда» в 1920–1924 гг.

В статье рассматривается содержательная сторона образа Православной Российской церкви, представленного в публикациях 1920–1924 гг. главного печатного органа РКП(б) — газете «Правда». Проведенный анализ показывает, что «правдисты» стремилась сформировать негативное от-

ношение к Православной церкви. С этой целью последовательно закреплялся набор отталкивающих личностных характеристик и черт внешности. Православные нарочито представлены иждивенцами, корыстолюбцами, лжецами и пьяницами. Выявлены приемы создания образа и вариации их применения. Показано, что образ Церкви сформулирован на сочетании противоречивых нарративов. С одной стороны, Церковь — угроза для общества. С другой — объект для насмешек и стремительно теряющий последователей социальный институт.

Ключевые слова: образ Церкви, историческая имагология, государственно-церковные отношения, Русская Православная Церковь, партийная периодика, газета «Правда».

Проблема государственно-церковных отношений представляет интерес для специалистов в разных областях знания, в том числе и для историков¹. Особое место в изучении взаимоотношений государства и Церкви занимают 1920-е гг. Об этом свидетельствует большое количество работ, посвященных данному периоду и трудов, обобщающих проблематику в целом².

Востребованность категории «образ» подтверждается множеством публикаций. Исследователи обращаются к анализу образов конкретных субъектов, объектов и/или явлений³. Для изучения образа Церкви привлекаются различные виды

¹ *Остроухова Н.В.* Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963) // *Via in Tempore. История. Политология.* 2020. Т. 47. № 1. С. 160–169; *Бурахина О.А.* Государственно-церковные отношения при митрополите Сергии (Страгородском) с 1925 по 1927 гг. // *Вестник Ярославской духовной семинарии.* 2021. № 3. С. 72–79; *Алексеева Л.С., Горбатов А.В.* Церковные музеи и православное культурное наследие в Западной Сибири в контексте вероисповедной политики государства // *Народы и религии Евразии.* 2023. Т. 28. № 2. С. 142–153.

² *Цыпин В.А., прот.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 816 с.; *Смыкалин А.С.* Государственно-конфессиональные отношения в СССР, 1917–1930 гг. // *Российское право: образование, практика, наука.* 2016. № 5(95). С. 17–23; *Савин А.И.* «Зигзаги» советской религиозной политики (1923–1966 гг.) // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2018. Т. 25. № 4. С. 28–32.

³ *Матасова Т.А.* Образ Софьи Палеолог в памятниках XVI в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2023. № 2(92). С. 126–139; *Буранок С.О., Левин Я.А.* Образ войны в мультфильмах США 1941–1945 гг. // *Шаги / Steps.* 2024. Т. 10. № 1. С. 324–340.

исторических источников, в том числе и периодическая печать¹. Период 1920-х гг. — время формирования и апробации основ антирелигиозной политики советского государства. Активная пропаганда была одной из ее составляющих, призванной сформировать негативное отношение советских граждан к Церкви. Не последняя роль в решении этой задачи отводилась периодике, не в последнюю очередь, газете «Правда» — главному печатному органу Российской коммунистической партии (большевиков).

«Правда» привлекается исследователями для раскрытия широкого круга вопросов². Однако ее материалы далеко не в полной мере использовались при изучении антирелигиозной политики большевиков. В большей степени были востребованы публикации, излагающие позицию и действия представителей власти³. Данный подход оправдан при изучении нарративов, посвященных истории государственно-церковных отношений. Но тогда вне поля зрения остается значительный массив публикаций (заметки, корреспонденции, художественные произведения), предоставляющий ценную информацию.

В данной статье представлены результаты исследования материалов газеты «Правда» только за 1920–1924 гг. как составной части более масштабной работы, предполагающей исследование ее материалов за весь период 1920-х гг. Газета не являлась

¹ Дорош А.А. Образ православного священнослужителя-рenegата в советской антирелигиозной пропаганде в 1922–1923 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 3(68). С. 57–63; Уразгалиев Р.М. Образ приходского священника Православной церкви в начале XX века (по материалам царицынской печати) // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 3(23). С. 47–52.

² Базезин А.С. Политический кризис в Кении второй половины 1960-х годов на страницах газеты «Правда» // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2023. Т. 67. № 4. С. 61–78; Простакова Ю.С. Формирование образа Запада как союзника в советской центральной периодической печати в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. № 1. С. 109–120.

³ Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX, 1997. 247 с.; Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.

специализированным антирелигиозным изданием. Тем не менее злободневность церковного вопроса для партии большевиков и ежедневный формат выпуска породили обилие материала. Православная церковь в данном исследовании рассматривается как социальный институт, включающий в себя воцерковленных верующих (как клир, так и мирян), вероучение, которое ими транслируется, а также набор практик, реализуемых представителями данной религиозной организации. Данное уточнение представляется важным. Зачастую в материалах «Правды», образ Церкви преподносится не только через освещение действий ее видных представителей или как организации в целом. Нередко он запечатлен в описании деятельности рядовых священников и мирян (часто безымянных), руководствовавшихся своими убеждениями. Или в материалах, дающих оценку поступкам и воззрениям православных верующих со стороны авторов «Правды». Публикуемые в «Правде» материалы представляли точку зрения руководства партии. Это важно, так как задача данного исследования — характеристика образа Православной церкви в выпусках газеты «Правда» за 1920–1924 гг., а не сопоставление первичного объекта и его отражения на страницах издания. Образ лишь частично воплощает свой прототип, потому не способен объективно и в полной мере его воспроизвести. Однако зафиксированный образ уже сам является объектом, который может быть подвержен анализу¹.

Анализ содержательного компонента образа Православной церкви в «Правде» (1920–1924 гг.) позволяет выявить ключевые идеологические нарративы, формировавшие его смысловое ядро, тогда как эмоциональный, символический и формальный компоненты, хотя и присутствуют в изучаемых материалах, остаются за рамками детального рассмотрения в данном исследовании.

Православная церковь воспринималась большевиками как институт враждебный и подлежащий уничтожению. Миряне, под влиянием религиозных убеждений, использовали свои силы и средства на содержание духовенства. Большевики стремились по-

¹ Лапина Л.А. Историческая имагология: проблема методов и категории // Ученые записки ОГУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4(85). С. 28–32.

казать, что такое положение дел вредит как государству, так и обществу. Равно как и осознавали, что решение вопроса исключительно силой — малоэффективный метод¹. Поэтому Церковь, лишённую после окончания Гражданской войны лояльной государственной власти, нужно было лишить поддержки верующих. Для этого требовалось сформировать и поддерживать отрицательное восприятие Православной церкви среди народа. Одним из инструментов такой «мягкой силы» выступала газета «Правда».

Относительно безобидным, но все же наделённым негативной коннотацией, являлось закрепление за Православной церковью статуса пережитка прошлого. На практике, данный нарратив подается по-разному. Старым может называться какой-то аспект Церкви, подразумевая институт в целом². Чаше для этого используется акцент на том, что среди верующих большинство составляют старики³. Либо идет указание прямо на Церковь⁴. Третий вариант построен по принципу «от обратного». Церковь и связанные с ней явления не называются старыми. Однако то, что им противопоставляется, обозначается как новое или молодое⁵.

Другой метод подразумевает убеждение читателей в бесполезности Церкви. Разоблачение происходило указанием на факт бесполезности религиозных обрядов. Или того, что вера, на которую полагались герои сюжета, подвела⁶. Подтвердить бесполезность и ошибочность идей Церкви было призвано широкое освещение фактов того, что ряды православных сокраща-

¹ Крупская Н.К. Неразрешенная еще задача // Правда. 1924. 3 октября. № 225. С. 1; Сталин И.В. Об очередных задачах партии в деревне // Правда. 1924. 23 октября. № 242. С. 4; Калинин М.И. О комитетах крестьянской взаимопомощи // Правда. 1924. 25 октября. № 244. С. 5.

² Рабочий. Прекрасный почин // Правда. 1920. 7 апреля. № 76. С. 1; Без креста // Правда. 1922. 6 мая. № 99. С. 3.

³ Дэйви О. На бога пошел // Правда. 1923. 20 февраля. № 38. С. 5; В монашеском окружении // Правда. 1924. 21 октября. № 240. С. 7.

⁴ Дубовской В.С. Определяющий момент // Правда. 1922. 18 мая. № 109. С. 1; Отмирающая церковь // Правда. 1923. 20 февраля. № 38. С. 4;

⁵ Движение в пользу новой церкви // Правда. 1922. 13 июля. № 154. С. 6;

⁶ Подъячев С.П. «Два мира» // Правда. 1923. 31 января. № 21. С. 2.

⁶ РОСТА. Напрасно помолились // Правда. 1921. 15 марта. № 56. С. 2; Бедный Д. И бог не помог // Правда. 1924. 8 января. № 6. С. 1.

ются, а сама Церковь — слабеет. Данный нарратив утверждает-ся несколькими паттернами: 1) Православная церковь неспособ-на оказывать влияние на широкие массы; 2) антирелигиозная пропаганда эффективнее клерикальной; 3) духовенство боится советскую власть; 4) люди отказываются от атрибутов Церкви (храма, икон, праздников); 5) священники признают свои воз-зрения ложными и отказываются от духовного сана¹.

Еще один прием — демонстрация неразрывной связи ме-жду Церковью и враждебными социальными группами. На стра-ницах «Правды», он представлен в трех вариантах, отличаю-щихся степенью конкретизации. Условный первый вариант предполагает указание конкретных лиц и обстоятельств². Во втором варианте речь идет о каком-либо явлении или процессе, субъектом которого предстает в целом Православная церковь³. В третьем случае происходит перечисление условных субъектов в одном ряду. Связь объектов переходит в их уподобление в контексте описываемого, а детали нивелируются до тезиса⁴.

Представление о Церкви как об угрозе формировалось и в отрыве от иных социальных групп, личностей и организаций. Утверждалось, что Церковь культивирует пассивное отношение к действительности. Согласно данному нарративу, религиозные убеждения подвигали верующих к отказу решать возникшую проблему ввиду того, что ее причина — промысел высших сил. Потому бедствие воспринималось как естественное явление, преодолевать которое собственным трудом не имеет смысла⁵.

¹ РОСТА. Тщетные усилия // Правда. 1920. 3 февраля. № 23. С. 1; Готфрид А. Театр и церковь // Правда. 1921. 13 август. № 179. С. 3; Свецинская М. Религиозный диспут // Правда. 1921. 31 августа. № 192. С. 2; М.П. Поп, которому надоело обманывать народ // Правда. 1923. 6 апреля. № 76. С. 5; Сожжение икон // Правда. 1924. 15 марта. № 61. С. 4.

² Поповская Сухаревка // Правда. 1921. 5 марта. № 49. С. 3; Еще один суд над чудотворцами // Правда. 1924. 7 октября. № 228. С. 7.

³ К ответу! // Правда. 1922. 28 марта. № 70. С. 1; Селезнев Д. На земле мир // Правда. 1923. 14 января. № 9. С. 4.

⁴ Иоффе А.А. Ближайшие задачи партийной работы // Правда. 1920. 24 марта. № 64. С. 1; Серафимович А.С. Подходят // Правда. 1921. 12 июня. № 127. С. 1.

⁵ Родин С. Сила в нас самих // Правда. 1920. 23 мая. № 110. С. 2; Миронов Д.И. Не будем глухи // Правда. 1921. 3 октября. № 221. С. 3; Е.С. Умные люди не

«Правдисты» формируют представление о том, что христиане представляют опасность для граждан. С этой целью приводятся примеры притеснения атеистов со стороны мирян и духовенства¹. Духовенство обвинялось в контрреволюционной деятельности, обмане прихожан в корыстных целях, производстве и продаже алкоголя².

Газета последовательно закрепляла за представителями Церкви ряд устойчивых отрицательных черт. Этот метод реализовывался в двух видах материалов. В первом виде описываются конкретные случаи, когда по ходу развития событий, происходит раскрытие неприглядного личностного качества. Второй вид публикаций ограничивается констатацией факта как очевидной истины.

Для примера обратимся к одному из устоявшихся нарративов: духовенство — нетрудовой элемент, существующий лишь за счет поддержки верующих³. Корреспонденция «Отмиращая церковь» сообщает о батюшке в Шахтинском уезде, который выманил у доверчивой женщины половину хлебного запаса. При этом прямое утверждение о том, что попы — иждивенцы, отсутствует⁴. Иначе на тунеядство духовных лиц указывает материал «На фабрике „Двина“». Автор предлагает предоставить заводу здание бывшего монастыря, чтобы организовать школу для рабочих. Монастырь при этом характеризуется как «убежище дармоедов-монахов». Помимо указанного тезиса, нарратив более никак не раскрывается⁵. Автор просто констати-

ждут дождя // Правда. 1923. 8 февраля. № 28. С. 1; Басов А.Т. В крестьянском дворе — деревенский быт // Правда. 1924. 30 марта. № 73. С. 1.

¹ В яслях // Правда. 1922. 20 мая. № 111. С. 4; Рабочий. Хочет попасть в рай // Правда. 1922. 1 июля. № 144. С. 4; Подъячев С.П. «Два мира» // Правда. 1923. 31 января. № 21. С. 2; Связь укрепляется // Правда. 1923. 18 апреля. № 84. С. 7; По округам // Правда. 1924. 21 марта. № 65. С. 5.

² Громкое дело // Правда. 1920. 6 января. № 4. С. 2; Борьба с самогоном // Правда. 1923. 15 февраля. № 34. С. 4; Суд над «чудотворцами» // Правда. 1924. 4 октября. № 226. С. 4.

³ Болотов В. Рожь давай, а грех на себя бери // Правда. 1920. 15 сентября. № 204. С. 2; Рабочие требуют удаления священников // Правда. 1923. 11 января. № 6. С. 5; Зорич А. Рубашка с меткой // Правда. 1924. 18 марта. № 63. С. 1.

⁴ Отмиращая церковь // Правда. 1923. 20 февраля. № 38. С. 4.

⁵ Шейнин М. На фабрике «Двина» // Правда. 1921. 6 января. № 4. С. 3.

рует это как факт, не нуждающийся в аргументации, ведь его высказывание подтверждается другими материалами газеты. Однако для работы данной схемы, важно, чтобы человек читал «Правду» на постоянной основе.

Близким по значению пороком, который также часто приписывался служителям Церкви была жадность. Для это приводились примеры того, как священники брали неоправданно высокую плату за исполнение обрядов, жалобы людей по этому поводу или делался акцент на избыточном весе духовных лиц, полученном ввиду чрезмерного потребления¹.

Читателя убеждали что духовенство лжецы и лицемеры. Освещались акции, устраиваемые или впоследствии поддержанные священниками, в ходе которых мирян обманывали для получения материальной выгоды². Однако чаще ложь Церкви постулируется устоявшимися тезисами «поповский обман», «религиозный дурман» и т.п.³ Материалы «Правды» указывают, что зачастую сами служители Церкви не разделяют убеждения, которые они транслируют в массы⁴. Вариантом нарратива о лицемерии, является утверждение о том, что вера и Церковь во все времена выступала инструментом контроля над народом⁵.

Православным вменялось ведение разгульного образа жизни. Чаще в прелюбодеянии обвиняли именно монахов. Вероятно контраст между монашеским обетом безбрачия и указанием фактов его нарушения производил впечатление на читателей «Прав-

¹ Митницкий Л. На агитпункте // Правда. 1922. 22 марта. № 66. С. 3; Крестьяне прогоняют попа // Правда. 1923. 14 февраля. № 33. С. 4; Бедный Д. Илья очищенный // Правда. 1924. 2 марта. № 51. С. 1.

² РОСТА. Неудачные чудотворцы // Правда. 1921. 5 марта. № 49. С. 3; Зубов Е. Провинциальные картинки // Правда. 1922. 3 мая. № 96. С. 4; Суд над «чудотворцами» // Правда. 1924. 4 октября. № 226. С. 4.

³ Из материалов информационного подотдела ЦК. Партийная печать // Правда. 1921. 8 апреля. № 76. С. 3; Вместо храма Божьего — храм просвещения // Правда. 1923. 20 февраля. № 38. С. 5; Ликвидация Иосафатовой долины // Правда. 1924. 15 марта. № 61. С. 1.

⁴ Кающиеся попы // Правда. 1921. 11 мая. № 100. С. 2; Селезнев Д. На земле мир // Правда. 1923. 14 января. № 9. С. 4; Голос красноармейцев // Правда. 1922. 5 марта. № 52. С. 2.

⁵ Сафаров Г.И. Православное самодержавие // Правда. 1920. 22 февраля. № 40. С. 1; Серафимович А.С. Граф Строганов и рабочий Демид // Правда. 1921. 1 мая. № 93. С. 2; Седьмая годовщина // Правда. 1924. 12 марта. № 59. С. 1.

ды»¹. Указывается, что духовные лица, злоупотребляют алкоголем и это порою сказывается на их деятельности². Сам же алкоголизм показывается как причина происшествий (домашнего насилия, драк, убийств...) и даже бедствий (дефицита пшеницы), равно как и ситуаций достойных осмеяния³.

При описании внешнего вида духовенства и мирян, их нередко наделяли отталкивающей внешностью: «лопоухий», «сутулulый», «угреватый», «краснорожая». Если ситуация позволяла, то авторы, опираясь на стереотипы, указывали на рыжий цвет волос⁴. Часто подчеркивался избыточный вес священников⁵. Также делался акцент на очевидных особенностях облика духовенства: одежде, длинных волосах и спокойной манере речи. Однако им предавался негативный оттенок. В качестве примера приведем следующие эпитеты и сравнения: «косматый», «долгогривый», «рясоносцы», «запевает визгливым петушиным голосом»⁶.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. На протяжении 1920–1924 гг. тема Церкви на страницах «Правды» оставалась одной из актуальных. Об этом свидетельствует увеличивающееся количество материалов, посвящен-

¹ Фита. За монастырской стеной // Правда. 1922. 12 мая. № 104. С. 4; *Рабочий-посельчанин*. История одной борьбы с предрассудками // Правда. 1922. 27 мая. № 116. С. 4; *Бедный Д.* Провинция // Правда. 1924. 20 марта. № 64. С. 2.

² Дело архимандрита Сергия // Правда. 1922. 27 мая. № 116. С. 4; Булгаков В. Попиада // Правда. 1923. 23 февраля. № 41. С. 6

³ *Бедный Д.* «Деревенски мужики»... // Правда. 1921. 3 декабря. № 273. С. 2; Ков. «По-православному» // Правда. 1922. 21 июля. № 161. С. 4; *Заводской дедушка*. «Угостился» // Правда. 1923. 21 января. № 14. С. 5; *Чаров А.* Захолустье // Правда. 1923. 6 февраля. № 26. С. 4; *Бедный Д.* Пример — другим наука. Все бабы, смело!! Ну-ка!! // Правда. 1924. 8 марта. № 56. С. 2; *Зорич А.* Упад и бопупац // Правда. 1924. 12 марта. № 59. С. 1.

⁴ *Окунев Я.М.* У земли // Правда. 1921. 25 августа. № 187. С. 2; *Ковалев Т.* Духовные отцы и помощь голодающим // Правда. 1922. 11 марта. № 57. С. 2; *Зорич А.* Упад и бопупац // Правда. 1924. 12 марта. № 59. С. 1.

⁵ *Митницкий Л.* На агитпункте // Правда. 1922. 22 марта. № 66. С. 3; *Письма из Иваново-Вознесенска* // Правда. 1922. 14 мая. № 106. С. 5.

⁶ *Болотов В.* Рожь давай, а грех на себя бери // Правда. 1920. 15 сентября. № 204. С. 2; *Сосновский Л.С.* «Товарищ урожай» // Правда. 1921. 5 июня. № 122. С. 1; *Ковалев Т.* Духовные отцы и помощь голодающим // Правда. 1922. 11 марта. № 57. С. 2.

ных проблеме, и сокращение количества номеров, в которых тема игнорировалась. Наиболее заметный рост отмечается в 1922 г., связанный с обеспечением кампании по изъятию церковных ценностей. Также увеличение количества публикаций по востребованной проблеме можно объяснить изменением объема выпусков газеты. Если в 1920 г. большинство выпусков «Правды» имели две страницы, то в течении 1922 г., нормой стало четыре, а к концу года — шесть. В выпусках 1924 г. большая часть номеров уже содержит восемь страниц.

С содержательной стороны образ Церкви в газете «Правда» имеет противоречия. За православными закрепляется устойчивый набор стереотипов: иждивенцы, корыстолюбцы, лжецы, лицемеры и пьяницы. Церковь предстает влиятельной и опасной организацией. Приводятся факты того, что духовенство причастно к реальным преступлениям. С другой стороны, деятельность клириков и мирян открыто высмеивается. Заявляется, что православие стремительно теряет своих последователей. Противоречивость нарративов тем не менее не разрушает формируемый образ. Она создает у читателя уверенность в его правдоподобию, размывая его однобокость.

По своей направленности образ Церкви, представленный в выпусках «Правды» в 1920–1924 гг., преимущественно негативный. В 1920–1921 г. Церковь показана как организация, которая наносит существенный ущерб ослабленной экономике страны. Заметно отличаются материалы 1922 г. Редакция создает два образа. Образ «святейшей контрреволюции» — высших церковных иерархов, представляющих угрозу обществу и государству. А также образ «прогрессивного духовенства». Его можно охарактеризовать как сдержанно-положительный и отвечающей задаче привлечь верующих на сторону большевиков. В 1923–1924 гг. верующие также рассматриваются как вредители. Однако теперь подчеркивается, что их деятельность не представляет опасности для существующего строя, хотя и препятствует более высоким темпам развития.

Библиография

Алексеева Л.С., Горбатов А.В. Церковные музеи и православное культурное наследие в Западной Сибири в контексте вероиспо-

ведной политики государства // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. №2. С. 142–153.

Балезин А.С. Политический кризис в Кении второй половины 1960-х годов на страницах газеты «Правда» // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2023. Т. 67. № 4. С. 61–78.

Буранок С.О., Левин Я.А. Образ войны в мультфильмах США 1941–1945 гг. // Шаги / Steps. 2024. Т. 10. № 1. С. 324–340.

Бурахина О.А. Государственно-церковные отношения при митрополите Сергии (Страгородском) с 1925 по 1927 гг. // Вестник Ярославской духовной семинарии. 2021. № 3. С. 72–79.

Дорош А.А. Образ православного священнослужителя-ренегата в советской антирелигиозной пропаганде в 1922–1923 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 3(68). С. 57–63.

Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1997. 247 с.

Лапина Л.А. Историческая имагология: проблема методов и категории // Ученые записки ОГУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4(85). С. 28–32.

Матасова Т.А. Образ Софьи Палеолог в памятниках XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2(92). С. 126–139.

Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М.И. Одинцов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.

Остроухова Н.В. Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963) // Via in Tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. № 1. С. 160–169.

Простакова Ю.С. Формирование образа Запада как союзника в советской центральной периодической печати в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2023. № 1. С. 109–120.

Савин А.И. «Зигзаги» советской религиозной политики (1923–1966 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 4. С. 28–32.

Смыкалин А.С. Государственно-конфессиональные отношения в СССР. 1917–1930 гг. // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5(95). С. 17–23.

Уразалиев Р.М. Образ приходского священника Православной церкви в начале XX века (по материалам царицынской печати) // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 3(23). С. 47–52.

Цыпин В.А., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 816 с.

Раздел второй

Проблемы взаимоотношений общества и власти

М.А. Симаков
*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Мероприятия консула 122 г. до н.э. Домиция Агенобарба в Трансальпийской Галлии: проблемы датировки

Статья посвящена проблеме продолжительности пребывания в Трансальпийской Галлии консула 122 г. до н.э. Домиция Агенобарба; также затрагивается вопрос датировки основания провинции Трансальпийская Галлия. Привлечены как сообщения древних авторов (Полибия, Цицерона, Цезаря, Страбона, Веллея Патеркула, Флора), так и эпиграфический, археологический и нумизматический материал. Автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на важность мероприятий в Трансальпийской Галлии (в первую очередь, выведение колонии Нарбон и строительство дороги), любые предположения о времени пребывания Домиция в Галлии обречены оставаться гипотезами. Следовательно, продолжительность проконсульства Домиция не может служить аргументом в пользу основания им провинции.

Ключевые слова: Домиций Агенобарб, Трансальпийская Галлия, Домициева дорога, Нарбон, Гераклов путь, Полибий.

Римское покорение Трансальпийской Галлии традиционно¹ начинается с кампаний 125–121 гг. до н.э. Каждая из двух побед Аллоброгской войны² была отмечена возведением на мес-

¹ *Zumpt A.* *Studia Romana: sive de selectis antiquitatum romanarum capitibus commentationes quattuor.* Berolinum: apud F. Duemmlerum, 1859. P. 15–25; *Herzog E.* *Galliae Narbonensis Provinciae Romanae Historia, Descriptio, Institutorum Expositio.* Lipsiae, 1864. P. 44–49; *Desjardins E.* *Géographie historique et administrative de la Gaule romaine.* Paris, T. II. 1878. P. 280–290; *Julian C.* *Histoire de la Gaule.* Vol. III. Paris, 1908. P. 19–24; *Hatt J.J.* *Histoire de la Gaule romaine (120 avant J.-C. — 451 après J.-c.): colonisation ou colonialism?* Paris, 1959. P. 19–47; *Piganiol A.* *La conquête romaine.* Paris, 1967. P. 379–385; *Barruol G.* *Les peuples préromains du Sud-Est de la Gaule: étude de géographie historique.* Paris: Éd. De Boccard, 1969. P. 167–184; *Ebel C.* *Transalpine Gaul: The emergence of a Roman province.* Leiden, 1976. P. 81–84.

² Введенный нами хрононим для обозначения военных кампаний консула 122 г. до н.э. Домиция Агенобарба и консула 121 г. до н.э. Квинта Фабия

те битвы каменной башни (Flor. I. 37. 3. 2), ни одна из которых, к сожалению, до сих пор не найдена. Тем не менее, эти сооружения озаменовали грядущее установление римской власти в регионе. Консул 122 г. до н.э. Домиций Агенобарб остался в Трансальпийской Галлии после того, как консул 121 г. до н.э. Квинт Фабий Аллоброгский вернулся в Италию, и, как будет показано далее, стремился укрепить римское присутствие. С мероприятий Домиция неразрывно связана проблема продолжительности его пребывания в Трансальпийской Галлии¹. Актуальность данной статьи обусловлена как важностью исследования характера римской экспансии в западном направлении, так и возвращением к неутраченной дискуссии, поднятой зарубежной историографией и неизвестной отечественному читателю, по поводу даты основания провинции Трансальпийская Галлия.

Первое упоминание Трансальпийской Галлии в дошедших до нас нарративных источниках принадлежит греческому историку Полибию, жившему в III в. до н.э. Цицерон в многочисленных речах, письмах и трактатах очень ярко и детализировано описал юг Трансальпийской Галлии. На втором по важности месте после трудов Цицерона для нашего исследования находятся записки Цезаря. В работе Страбона приводятся современные этому автору этнографические и топографические реалии Трансальпийской Галлии. В «Римской истории» Веллея Патеркула освещается положение юга Трансальпийской Галлии в рамках Аллоброгской войны (Vell. Pat. II. 10. 2, 39. 1). Флор в «Эпитамах» посвящает отдельную целую главу военной кампании Рима 125–121 гг. до н.э. Таким образом, мы располагаем обширным комплексом нарративных источников как о нашей провинции, так и о народах, ее населявших. В интерпретации нарративной традиции и в ее дополнении помогает комплекс задействованных вспомогательных источников (эпиграфиче-

Аллоброгского в Трансальпийской Галлии в 122–121 гг. до н.э. Термин «*Bellum Allobrogum*» использует Флор (Flor. I. XXXVII); в отечественной и зарубежной историографии устойчивого определения для этих событий нет.

¹ Zumpt A. *Studia Romana*... P. 25; Degrassi A. *Fasti Capitolini*. Torino, 1954. P. 105–106; Badian E. *Notes on Provincia Gallia in the Late Republic* // *Chevallier R. Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à André Piganiol*. Paris, 1966. Vol. 2. P. 901–918.

ский, археологический и нумизматический материал).

В зарубежной историографии существует две непримиримые традиции о датировке пребывания Домиция в Трансальпийской Галлии, характере его мероприятий и, как следствие, его роли в основании провинции в данном регионе. Англоязычная традиция, начиная с Э. Бэдиана, считает неверным связывать основание провинции Трансальпийская Галлия с фигурой Домиция Агенобарба и неоднократно предлагала различные варианты датировки (Ч. Эбель, А. Ривет). Французская историческая школа, ведущая начало от К. Жюльяна, напротив, неизменно приписывает Домицию это деяние (либо 121, либо 118 г. до н.э.). За исключением многочисленных монографий и общих работ, где затрагивались мероприятия Домиция Агенобарба, относительно подробные статьи П.-М. Дюваля¹ посвящены непосредственно кампаниям Домиция и вопросам организации провинции. П.-М. Дюваль придерживался того же мнения о дате основания провинции, что и К. Жюльян, однако поставленная проблема не была решена, а ряд ключевых выводов требуют пересмотра.

Самым веским аргументом в пользу назначения Домиция на длительный срок в Трансальпийскую Галлию является его роль в строительстве Via Domitia (см., напр.: Cic. Font. 28). Принято считать², что Домиций построил прекрасную римскую дорогу там, где раньше ее вовсе не было. Отсюда в историографии делается вывод³, что поскольку строительство дорог — это долгосрочный процесс, то Домиций длительное время оставался в Трансальпийской Галлии, чтобы завершить его. Найденный в 1947 г. милевой камень (см. приложение) был использован для подтверждения этой теории⁴. Место нахождения милевого столба указывает, что он отмечал двадцатую милю к югу от Нарбо-

¹ Duval P.-M. A propos du milliaire de Cneus Domitius Ahenobarbus trouvé dans l'aude en 1949 // Gallia. Vol. 7. № 2. 1949. P. 207–231; *Idem*. Le militaire de Domitius et l'organisation de la Narbonnaise // RAN. Vol. I. 1968. P. 3–6.

² Duval P.-M. A propos du milliaire de Cneus Domitius Ahenobarbus... P. 207–231; *Idem*. Le militaire de Domitius... P. 3–6; Pierre A.C. La Via Domitia: des Pyrénées aux Alpes. Rennes: Éd. Ouest-France. 2005. P. 19.

³ Duval P.-M. A propos du milliaire de Cneus Domitius Ahenobarbus... P. 36.

⁴ *Ibid.* P. 211.

на. Было высказано предположение, что камень датируется периодом после выведения римской колонии в Нарбон в 118 г. до н.э. (Vel. Pat. I. 14. 5), а значит, Домиций оставался в Трансальпийской Галлии после этой даты. Однако мы не согласны с данной гипотезой по нижеследующим причинам.

Полибий упоминает (Polyb. III. 39. 8), что римляне разметили дорогу от Эмпориона до Роны милевыми камнями¹. С нашей точки зрения, утверждение Полибия должно относиться к периоду до Аллоброгской войны. Существование такой дороги предполагает регулярное сообщение и растущие экономические интересы Республики. В историографии принято относить сведения Полибия исключительно к Via Domitia, то есть к периоду после 118 г. до н.э. Известный комментатор Полибия Ф.У. Уолбанк также следует этой традиции². Тем не менее, в исследованиях упускается ряд важных моментов. Домиций Агенобарб не строил дорогу там, где ее раньше не существовало. Дорога использовалась с гораздо более ранних времен и достаточно регулярно, чтобы за ней закрепился собственный дромоним — Гераклов путь³ (Mir. ausc. 85).

Не известны точные даты рождения и смерти греческого историка. Как отмечает Г.С. Самохина⁴, можно лишь утверждать, что Полибий родился в последнее десятилетие III в. до н.э. Чтобы принять гипотезу Ф.У. Уолбанка, нужно предположить, что Полибий прожил очень долго (210/201–118 гг. до н.э.: как минимум, более 84 лет), и что он пересматривал «Историю» даже в глубокой старости. Более того именно строчка о дороге от Эмпориона до Роны, по мнению Ф.У. Уолбанка, «безусловно, доказывает, что Полибий жил до 118 г.»⁵. Других аргументов в

¹ ταῦτα γὰρ νῦν βεβημάτισται καὶ σεσημείωται κατὰ σταδίους ὀκτώ [выделение наше — М.С.] διὰ Ῥωμαίων ἐπικτελῶς. Разметка через восемь стадий соответствует римской миле.

² Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1: Commentary on Books I–VI. Oxford: Clarendon Press, 1957. P. 373.

³ Подробнее о Геракловом пути см., напр.: Benoit F. Recherches sur l'hellénisation du Midi de la Gaule. Gap, 1965. P. 93–99.

⁴ Самохина Г.С. Полибий: эпоха, судьба, труд: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. С. 7.

⁵ Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1... P. 1.

пользу столь поздней смерти Ф.У. Уолбанк не предоставляет.

Полибий предпочитал по возможности полагаться на свои собственные наблюдения (Polyb. III. 58): он путешествовал по Испании и Галлии (Polyb. III. 59. 7–8), по мнению специалистов¹, еще в 150 г. до н.э.; третью книгу, в которой содержатся интересующие нас сведения, Полибий написал, предположительно², до 146 г. до н.э. При этом подробное описание «дорожной разметки» ближе именно к рассказу очевидца³.

Мы знаем, что Полибий продолжал активно писать «Историю» по крайней мере еще в 132 г. до н.э., поскольку, по сведениям Цицерона (Cic. Fam. V. 12. 2), греческий историк изложил ход Нумантийской войны, которая завершилась в предыдущем году. Гипотеза Ф.У. Уолбанка делает эту довольно незначительную строчку о милевых камнях наиболее поздним известным исправлением «Истории», тогда как, по меньшей мере в течении десять лет⁴, никакая работа не велась. Археологическая находка одного из милевых камней дороги с именем Домиция⁵, приведенная А. Риветом в качестве доказательства того, что Полибий писал о Via Domitia⁶, не является обоснованным аргументом, поскольку строительство новой дороги на месте предыдущей и выведение колонии Нарбон, очевидно, требовало установки новых милиариев. Учитывая все вышесказанное, оправдано относить сообщение Полибия к Геракловому пути, а не к Домициевой дороге.

¹ *Ibid.* P. 4–6; Bocquet A. Hannibal chez les Allobroges: 218 avant Jésus-Christ: la grande traversée des Alpes. Montmélian: la Fontaine de Siloé, 2009. P. 65, 67; McGing B.C. Polybius' Histories. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 14.

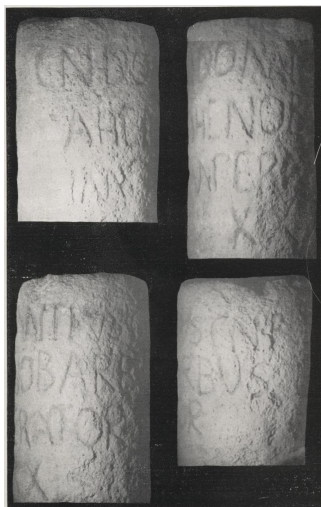
² McGing B.C. Polybius' Histories. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 148.

³ Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1... P. 373; Ebel C. Transalpine Gaul... P. 62–63.

⁴ Полибий, возможно, знает о смерти Сципиона Эмилиана Африканского в 129 г. до н.э. См.: Polyb. XXXI. 28. 13; XXXVIII. 21. 3; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1... P. 297.

⁵ Duval P.-M. A propos du milliaire de Cneus Domitius Ahenobarbus... P. 207–231; Grenier A. et al. Forma Orbis Romani: Carte archéologique de la Gaule romaine. Vol. XII (Aude). Paris, 1959. P. 233; König I. Itinera Romana III: Die Meilensteine der Gallia Narbonensis. 1970. S. 256.

⁶ Rivet A.L.F. Gallia Narbonensis: with a chapter on Alpes Maritimae: Southern France in Roman times. London: B.T. Batsford, 1988. P. 43.

Милевой камень Домиция. Верхняя часть содержит надпись:
CN.DOMITIVS CN.F. / AHENOBARBVVS / IMPERATOR / XX (высота
букв: 10–12 см.).

Были попытки отнести выведение колонии Нарбон Марций к более позднему периоду¹, так как дата встречается только у не всегда точного Веллея Патеркула (Vel. Pat. I. 14. 5). Утверждалось, что следует пересмотреть событие как по нумизматическим, так и по иным соображениям. Первое связано с выпуском монет, посвященных выведению колонии², а второе вытекало из упоминания Цицероном Л. Лициния Красса, одного из ее основателей (Cic. Ad Brut. XLIII. 159–161). Однако оба аргумента были убедительно оспорены³, и теперь нет веских оснований

¹ Hill C.F. On the Coins of Narbonensis with Iberian Inscriptions // Numismatic Notes and Monographs. NY, 1930. P. 1–39; Coleman B. A History of Narbo. Lancaster, 1941. 93 p; Barruol G. Les Elisyques et leur capitale Naro/Narbo // Narbonne. Archéologie et Histoire. XLVe Congrès de la Fédération Historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon. Montpellier, 1973. P. 49–55.

² Mattingly H.B. The Foundation of Narbo Martius // Renard M. Hommages à Albert Grenier. Brussels, 1962. P. 1159–1171; Idem. Notes on some Roman Republican Moneyers // The Numismatic Chronicle. Vol. IX. 1969. P. 95–105; Idem. The Numismatic Evidence and the Founding of Narbo Martius // RAN. 1972. P. 1–19.

³ Crawford M.H. Roman Republican Coin Hoards / Royal Numismatic Society. № 4. London, 1969. P. 5; Idem. Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974. P. 71–73; Levick B. Cicero, Brutus 43, 159 ff, and the Foundation of Narbo Martius // Clas-

сомневаться в сведениях Веллея Патеркула.

Предложение о выведении колонии, как можно судить, встретило сильное сопротивление в сенате (Cic. *Ad Brut.* XLIII. 160). Молодой Лициний Красс укрепил свою политическую и ораторскую репутацию, поддержав это мероприятие¹. Фактически он был назначен руководить переселенцами². Колония граждан нуждалась как в управлении, так и в защите. Санкционировав выведение колонии, римское государство взяло на себя обязательства по ее защите. Предпочтительнее думать, что именно из этого аргумента исходила оппозиция в сенате, а не из факта отсутствия провинции в Трансальпийской Галлии, как утверждает Э. Бэдиан³. Не преуменьшая степень важности колонии, мы должны помнить, что ее следует рассматривать в более широком контексте.

Колонии римских граждан традиционно были небольшими⁴. Не сообщается, сколько человек было послано в Нарбон. Колония не упоминается в связи с вторжениями германцев в кон. II в. до н.э., и оборонительная линия Гая Мария на Роне проигнорировала ее. Судя по словам Цезаря (Caes. *B.Gall.* III. 20. 2, VII. 7. 1–4, VIII. 46), он едва ли выделял Нарбон среди других городов провинции, таких как Толоса или Арелат⁵. Археология слабо отражает влияние молодой колонии на соседние галльские племена. В последней четверти II в. до н.э. в регионе наблюдается значительный рост итальянского импорта⁶. Особого внимания заслуживает увеличение количества амфор из Италии, что указывает на торговлю повседневными товарами, в отличие от большей доли драгоценностей, которые фиксируются ранее⁷.

sical Quarterly. № 45. 1971. P. 170–179; *Gayraud M.* Narbonne antique: des origines à la fin du IIIe siècle. Paris: Éd. De Boccard. 1981. P. 120–127.

¹ *Sumner G.V.* The Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology. Toronto, 1973. P. 95–96.

² *Broughton T.R.S.* The magistrates of the Roman Republic. Vol. I. NY: American Philological Association, 1951. P. 528.

³ *Badian E.* Notes on Provincia Gallia... P. 911–913.

⁴ *Woolf G.* Becoming Roman: The Origins of Provincial Civilization in Gaul. Oxford. 1998. P. 112–126, 135–141.

⁵ *Brunt P.* Italian Manpower, 225 B.C. — A.D. 14. Oxford, 1971. P. 249–250.

⁶ *Woolf G.* Becoming Roman... P. 169–181.

⁷ *Ebel C.* Transalpine Gaul... P. 89.

Тем не менее, это вписывается в общий археологический контекст: начиная с III в. до н.э. италийская торговля в этом регионе постепенно росла, достигая пика в период Поздней республики и Ранней империи.

Таким образом, основание Нарбона в 118 г. до н.э., на наш взгляд, не было логическим продолжением Аллоброгской войны, которая происходила к востоку от Роны. Это был, скорее, еще один шаг в развитии давнего интереса Рима и его растущего влияния на землях к западу от Роны. Именно это помогает объяснить, почему первая римская колония в Трансальпийской Галлии была расположена в Нарбоне. К тому времени регион был достаточно безопасным, чтобы принимать римских граждан, привлекательным для потенциальных поселенцев (Cic. *Ad Brut.* XLIII. 160) и имел стратегическое расположение. Все вышеуказанное помогло преодолеть сопротивление сенаторов *causa populari*¹.

Домицию Агенобарбу приписывается основание *Forum Domitii* (совр. Монбазен)², хотя это вполне могло быть делом рук одного из более поздних Домициев³. С нашей точки зрения, предпочтительнее думать, что город развивался спонтанно, с ростом благосостояния и интенсификации движения по *Via Domitia*, получив название от этой дороги. П. Брант указывает на аналогичное развитие событий для ряда городов в Цизальпийской Галлии, для которых свидетельств больше⁴. Название и местоположение города *Forum Domitii* известны только по поздним итинерариям (CIL XI. 498–499; TP; It. Ant.).

Как мы уже отмечали, до 125 г. до н.э. дорога от Роны до Эмпориона, снабженная милевыми столбами, вероятно, была достаточно хорошей для своей эпохи. На вопрос о том, сколько времени Домиций мог бы посвятить ее улучшению, ответить невозможно. Тем не менее, у нас есть пример наместника Трансальпийской Галлии в 70-е годы до н.э. М. Фонтея, который перестроил ту же дорогу за три года пребывания в своей провин-

¹ *Badian E.* Notes on Provincia Gallia... P. 901–918.

² *Julian C.* Histoire de la Gaule. Vol. III... P. 36.

³ *Brunt P.* Italian Manpower... P. 215–220, 570–576.

⁴ *Ibid.* P. 160–203, 570–576.

ции. Цицерон дает возможность понять, как происходили подобного рода дорожные работы. Наместник просто передал проект своим подчиненным (Cic. Font. XVIII), ведь М. Фонтей не был «инженером-дорожником», как, собственно, и Домиций. Можно предположить, что они получали периодические отчеты о ходе выполнения порученных работ. Такой крупный проект, как Домициева дорога, не был завершен при жизни промагистрата-эпонима, а тем более во время его проконсульства в Галлии. Разумнее и осторожнее считать, что Домиций всего лишь санкционировал работы, которые были закончены намного позже даты его возвращения в Рим.

Что касается найденного милевого камня, то он представляет собой действительно впечатляющий памятник — величественная колонна высотой почти 2 метра. Размещение всего по одному такому столбу на каждой миле от Эмпориона до Роны свидетельствует о крупной сумме, вложенной в проект. Строительство дороги должно было вызвать большую активность завоевателей в регионе, что стало важным фактором романизации. Однако расположение милевого камня ничего не говорит о том, когда он был установлен. Предположительно¹, Нарбон был известен еще Гекатею Милетскому. Это место также идентифицируется по иберийским монетам II в. до н.э.² Полибий (Polyb. III. 39. 8) использует Нарбон в качестве точки для расчета расстояний в западном Средиземноморье, а Страбон (Strab. IV. 2. 1), следуя Полибию, относит Нарбон к числу трех ведущих городов Галлии — наряду с Массалией и Корбилоном. Таким образом, Нарбон был традиционным ориентиром для определения расстояний задолго до того, как там появилась римская колония.

Триумфальные фасты дают наиболее точное представление о том, сколько времени Домиций мог провести в Трансальпийской Галлии в качестве проконсула: справление триумфа в Риме означало конец его промагистратуры. А. Деграсси выдвинул гипотезу³ датировки триумфа Домиция — 120 г. до н.э. Это

¹ Coleman B. A History of Narbo... P. 26.

² Hill C.F. On the Coins of Narbonensis with Iberian Inscriptions // Numismatic Notes and Monographs. NY, 1930. P. 7, 36.

³ Degrassi A. Fasti Capitolini... P. 106.

самая ранняя возможная дата со времени предыдущей записи (список составлен в хронологическом порядке), когда Фабий Максим, бывший консулом в 121 г. до н.э., отмечал свой триумф в качестве проконсула. Домиций определенно справил триумф не позднее 117 г. до н.э. — года триумфа над далматийцами Л. Цецилия Метелла, который является следующим триумфом, отмеченным в фастах. По большому счету мы ничего не знаем о местонахождении Домиция, кроме его триумфа, вплоть до упоминания его цензуры в 115 г. до н.э.¹ Таким образом, продолжительность пребывания Домиция Агенобарба в Трансальпийской Галлии не может быть установлена с большой точностью. Можно лишь сказать, что он вернулся в Рим где-то между 120 и 117 гг. до н.э.

Суммируем все вышеизложенное. Выведение римской колонии Нарбон стало важным событием, которое должно было оказать существенное влияние как на *provincia*, так и на романизацию прилегающей территории. Домициева дорога была великим достижением, и в сочетании с военными успехами в рамках Аллоброгской войны к востоку от Роны Домиций стал важной фигурой в истории покорения Трансальпийской Галлии. Таким образом, правильно будет сказать, что Домиций приложил гораздо больше усилий к организации формирующейся провинции Трансальпийская Галлия, чем кто-либо до него, но то, что мы знаем о его действиях, слабо соотносится с полноценным основанием провинции. Соответственно, связывать основание провинции Трансальпийская Галлия с фигурой Домиция Агенобарба и его мероприятиями в регионе не представляется правильным.

Библиография

Самохина Г.С. Полибий: эпоха, судьба, труд: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. 51 с.

Badian E. Notes on Provincia Gallia in the Late Republic // *Chevalier R. Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à André Piganiol*. Paris, 1966. Vol. 2. P. 901–918.

Barruol G. Les Elisyques et leur capitale Naro/Narbo // *Narbonne. Archéologie et Histoire*. XLVe Congrès de la Fédération Historique du

¹ Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. I... P. 531–532.

Languedoc méditerranéen et du Roussillon. Montpellier, 1973. P. 49–55.

Barruol G. Les peuples préromains du Sud-Est de la Gaule: étude de géographie historique. Paris: Éd. De Boccard, 1969. 408 p.

Benoit F. Recherches sur l'hellénisation du Midi de la Gaule. Gap, 1965. 335 p.

Bocquet A. Hannibal chez les Allobroges: 218 avant Jésus-Christ: la grande traversée des Alpes. Montmélian: la Fontaine de Siloé, 2009. 227 p.

Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. I. NY: American Philological Association, 1951. 578 p.

Brunt P. Italian Manpower, 225 B.C. — A.D. 14. Oxford, 1971. 750 p.

Coleman B. A History of Narbo. Lancaster, 1941. 93 p.

Crawford M.H. Roman Republican Coin Hoards / Royal Numismatic Society. № 4. London, 1969. 170 p.

Crawford M.H. Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974. 919 p.

Degrassi A. Fasti Capitolini. Torino, 1954. 191 p.

Desjardins E. Géographie historique et administrative de la Gaule romaine. Paris, T. II. 1878. 748 p.

Duval P.-M. A propos du milliaire de Cneus Domitius Ahenobarbus trouvé dans l'aude en 1949 // Gallia. Vol. 7. № 2. 1949. P. 207–231.

Duval P.-M. Le militaire de Domitius et l'organisation de la Narbonnaise // RAN. Vol. I. 1968. P. 3–6.

Ebel C. Transalpine Gaul: The emergence of a Roman province. Leiden, 1976. 113 p.

Gayraud M. Narbonne antique: des origines à la fin du IIIe siècle. Paris: Éd. De Boccard. 1981. 273 p.

Grenier A. et al. Forma Orbis Romani: Carte archéologique de la Gaule romaine. Vol. XII (Aude). Paris, 1959. 573 p.

Hatt J.J. Histoire de la Gaule romaine (120 avant J.-C. — 451 après J.-c.): colonisation ou colonialism? Paris, 1959. 404 p.

Herzog E. Galliae Narbonensis Provinciae Romanae Historia, Descriptio, Institutorum Expositio. Lipsiae, 1864. 436 p.

Hill C.F. On the Coins of Narbonensis with Iberian Inscriptions // Numismatic Notes and Monographs. NY, 1930. P. 1–39.

Julian C. Histoire de la Gaule. Vol. III. Paris, 1908. 607 p.

König I. Itinera Romana III: Die Meilensteine der Gallia Narbonensis. 1970. 301 s.

Levick B. Cicero, Brutus 43,159 ff, and the Foundation of Narbo Martius // Classical Quarterly. № 45. 1971. P. 170–179.

Mattingly H.B. Notes on some Roman Republican Moneyers // The Numismatic Chronicle. Vol. IX. 1969. P. 95–105.

Mattingly H.B. The Foundation of Narbo Martius // Renard M.

- Hommages à Albert Grenier. Brussels, 1962. P. 1159–1171.
- Mattingly H.B.* The Numismatic Evidence and the Founding of Narbo Martius // RAN. 1972. P. 1–19.
- McGing B.C.* Polybius' Histories. Oxford: Oxford University Press, 2010. 270 p.
- Pierre A.C.* La Via Domitia: des Pyrénées aux Alpes. Rennes: Éd. Ouest-France. 2005. 120 p.
- Piganiol A.* La conquête romaine. Paris, 1967. 656 p.
- Rivet A.L.F.* Gallia Narbonensis: with a chapter on Alpes Maritimae: Southern France in Roman times. London: B.T. Batsford, 1988. 370 p.
- Sumner G.V.* The Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology. Toronto, 1973. 208 p.
- Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1: Commentary on Books I–VI. Oxford: Clarendon Press, 1957. 776 p.
- Wolf G.* Becoming Roman: The Origins of Provincial Civilization in Gaul. Oxford. 1998. 296 p.
- Zumpt A.* Studia Romana: sive de selectis antiquitatum romanarum capitibus commentationes quattuor. Berolinum: apud F. Duemmlerum, 1859. 390 p.

Список сокращений

- Caes. BGall. — Цезарь Гай Юлий. Записки о Галльской войне.
- Cic. Ad Brut. — Цицерон Марк Туллий. Письма к Бруту.
- Cic. Fam. — Цицерон Марк Туллий. Письма к близким.
- Cic. Font. — Цицерон Марк Туллий. Речь за Марка Фонтея.
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum (1863–).
- Flor. — Флор Луций Анней. Эпитомы.
- It. Ant. — Итинерарий Антонина Августа.
- Mir. ausc. — Псевдо-Аристотель. О чудесных слухах.
- Polyb. — Полибий. Всеобщая история.
- RAN — Revue Archéologique de Narbonnaise.
- Strab. — Страбон. География.
- TP — Певтингерова карта.
- Vell. Pat. — Веллей Патеркул. Римская история.

К.А. Корепанов
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Клодий и весталки: к проблеме участия Клодия в суде 73 г. до н.э.

В статье рассматривается проблема участия будущего плебейского трибуна 58 г. до н.э. Публия Клодия в суде над весталками в 73 г. до н.э. Автор ставит под сомнение устоявшееся в историографии мнение о Клодии как обвинителе весталки Фабии (приходившейся сестрой жене Цицерона) и считает, что сообщение греческого автора Плутарха в 19 главе жизнеописания Катона Младшего относится к периоду, когда Клодий был подвержен суду по делу Доброй Богини (61 г. до н.э.). В статье приводятся аргументы против того, что на раннем этапе своей карьеры (в том числе в 73 г. до н.э.) Клодий являлся агентом Помпея. Автор приходит к выводу о традиционном характере *cursus honorum* будущего плебейского трибуна, но начало чему не было заложено судебным обвинением Фабии.

Ключевые слова: весталки, прелюбодеяние, Плутарх, Клодий, Фабия, Цицерон, Катилина, Катон Младший.

П. Клодий Пульхр является одной из самых ярких личностей Поздней Римской республики, активным участником политической борьбы 60–50-х гг. до н.э. В связи с этим в центре внимания исследователей находятся трибуна́т Клодия (58 г. до н.э.) и конфликт с Цицероном; начало политического пути привлекает значительно меньший интерес, хотя именно тогда Клодий формировался как общественный деятель, впоследствии склонный к радикальным и во многом нестандартным решениям. Подобная ситуация во многом связана с состоянием источников, которые представляют разрозненные, преимущественно негативные факты, иногда плохо подвергающиеся датировке. Основными сведениями мы обязаны современнику и главному политическому противнику Клодия — Цицерону, от которого они были заимствованы более поздними авторами (Плутархом и Дионом Кассием).

Яркой страницей в ранней биографии Клодия является суд 73 г. до н.э. над обвиненными в прелюбодеянии весталками. В

данный процесс в той или иной степени был вовлечен ряд видных политических фигур Республики: Л. Сергей Катилина, М. Лициний Красс, Цицерон, Катон Младший. Сообщение Плутарха об участии Клодия в суде породило разногласие среди исследователей: часть их считает сведения греческого автора достоверными, видя в действиях Клодия прямое влияние Помпея, другая же часть ставит слова Плутарха под сомнение.

Подобная ситуация сложилась потому, что до сих пор не был в полной мере использован источниковедческий потенциал биографии Катона Младшего, не был решен вопрос ее датировки. Тем самым оправдано углубленное рассмотрение всех свидетельств источников о судебном процессе 73 г. до н.э. и роли Клодия, что позволит не только проанализировать раннюю активность будущего демагога, но и дополнить картину политической жизни Рима накануне гражданских войн сер. I в. до н.э.

В историографии существует несколько точек зрения на участие Клодия в суде 73 г. до н.э. над весталками. Одна группа ученых¹ признает данный факт его биографии, основываясь на единственном сообщении Плутарха в биографии Катона Младшего. По мнению исследователей, именно в 73 г. до н.э. выступление Клодия причиняло угрозу для жрицы Фабии², с которой недавно были сняты обвинения. Поэтому Цицерон выразил благодарность Катону за речь против Клодия, а последний вскоре покинул город и отправился на войну с Митридатом.

Выдающийся антиковед В. Друман рассматривал ситуацию 73 г. до н.э. в ракурсе событий 65 г. до н.э.³, когда Клодий обвинял будущего заговорщика Луция Сергия Катилину в вымогательстве. Судебный процесс *de repetundis* виделся продол-

¹ Marshall B. A Historical Commentary on Asconius. Columbia, 1985. P. 309; Gruen E. The Last Generation of the Roman Republic. London, 1995. P. 42; Cadoux T. J. Catiline and the Vestal Virgins // Historia. 2005. Bd. 54. P. 162–179; Любимова О.В. Суд над весталками в 73 г. до н.э.: политический аспект // Вестник древней истории. 2015. № 3. С. 64–66.

² Нарушившая обет целомудрия весталка обрекалась на захоронение заживо (Plut. Numa.10).

³ Drumann W. Geschichte Roms in seinem Ubergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. Hildesheim., 1964. Bd. 3.2. S. 829.

жением вражды двух видных политиков, при этом были упущены важные детали сообщения Плутарха.

Целая группа ученых датирует участие Клодия на суде 62–61 гг. до н.э.¹, то есть временем, когда ему грозила кара за осквернение таинств Доброй Богини. Этими исследователями впервые было обращено внимание на несоответствие в *Plut. Cat. Min.* 19 — если речь идет о 73 г. до н.э. — характеристик Катона и Клодия, а также указано на отсутствие сведений о суде в речи «Об ответах гаруспиков». Ранняя датировка ставится под сомнение в том числе из-за грубого ответа молодого Катона Цицерону.

Необходимо повторно рассмотреть все свидетельства античной традиции, имеющие отношение к судебным процессам, в которых участвовали Клодий и Катилина, приняв во внимание специфику сообщений древних авторов. Лишь тогда можно надеяться на построение непротиворечивой реконструкции событий 73 г. до н.э.

Интересующий нас процесс отражен в источниках крайне фрагментарно, что составляет основную трудность при изучении различных его аспектов. Свидетельство о суде содержат комментарии Аскония Педиана, автора I в. н.э., к речи Цицерона «В белой тоге». Работая над комментариями, он не только использовал ныне утраченные труды великого оратора, но и привлекал сочинения других авторов: Ливия, Саллюстия, Тита Помпония Аттика, Фенестеллы и др. Асконий не акцентирует внимание на ошибках и неточностях Цицерона, допускает упрощения, но указывает на ряд сомнительных сведений у него. Все это делает труд писателя I в. н.э. весьма достоверным источником, содержащим ценную информацию о политической жизни Поздней Республики². В связи с делом весталок Асконий

¹ *Moreau Ph.* *Clodiana religio: un proces politique en 61 avant J.C.* Paris, 1982. P. 232–239; *Tatum J.W.* *The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher.* London, 1999. P. 44, 89; *Lewis R.G.* *Asconius. Commentaries on speeches of Cicero.* New York, 2006. P. 300.

² *Marshall B.* *A Historical Commentary...* P. 75–76; *Lewis R. G.* *Asconius. Commentaries...* P. XIV–XX; *Хрусталеv В.К.* Асконий и Цицерон: к истории рецепции ораторского наследия Марка Туллия Цицерона в эпоху Ранней

указывает, что в прелюбодеянии (*causam incesti*) с Катилиной обвиняли весталку Фабию, позже оправданную судом понтификов (Asc. 91 C). Про уход Катилины от наказания¹ при поддержке влиятельного сенатора Кв. Катула сжато пишет христианский автор V в. н.э. Орозий (Oros. VI.3.1). Его труд «История против язычников» в значительной степени представляет собой выборку сведений, часто лишь намек на те или иные события. Все же Орозий имеет репутацию достаточно надежного и информативного автора, апеллирующего к таким уважаемым оппонентами писателям как Ливий, Саллюстий, Светоний, Цицерон и др.²

Некоторые сведения об участниках суда содержатся в биографии Красса у Плутарха, жившего во II в. н.э.: о второй паре обвиняемых (весталке Лицинии и М. Лицинии Крассе), обвинителе — некоем Плотине (Plut. Crass.1). М. Пизона — защитника неизвестно кого из подсудимых — упоминает Цицерон (Cic. Brut. 236).

Основной информацией о предполагаемом участии Клодия в процессе весталок нас снабжает Плутарх. В силу важности текста приведем его полностью: «Однажды (ποτε), когда он (Цицерон — К.К.) выступил против демагога Клодия (Κλωδίῳ τῷ δημαγωγῷ), сеявшего великие смуты и мятежи (νεωτερισμῶν) и старавшегося очернить в глазах народа жрецов и жриц (опасности подвергалась (ἐκινδύνευσε) даже Фабия, сестра Теренции, супруги Цицерона), когда, повторяю, он выступил против Клодия и, навлекши на него бесславие и позор (αἰσχύνῃ), заставил покинуть город (ὀλεκотῆναι τῆς πόλεως), то в ответ на слова благодарности (τοῦ δὲ Κικέρωνος εὐχαριστοῦντος), с которыми обратился к нему Цицерон, заметил, что признательность следует питать к государству, ибо лишь ради государства трудится и борется с противниками Катон (ποῖῶν καὶ πολιτευόμενος)» (Plut. Cat. Min.19) (здесь и далее перевод С.П. Маркиша в нашей редакции).

Римской империи // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1(21). С. 197–198.

¹ О проблеме освобождения Катилины из-под суда и иных правовых аспектах процесса см.: Любимова О. В Суд над весталками... С. 45–69.

² Тюленев В.М. Павел Орозий и его «История против язычников» // История против язычников. Книги I–VII. СПб, 2004. С. 16, 20.

Принципиально важно, что Плутарх не дает понять, о каком конкретно суде идет речь, что вызвало дискуссию среди исследователей. Ситуация осложняется тем, что биограф мог не соблюдать хронологию, упрощать суть происходящего, смешивать характеристики героев, объяснять действия персонажей личностной мотивацией, использовать анекдоты¹. Из-за этого, как уже было сказано, часть исследователей относит сообщение о Клодия к 73 г. до н.э., не придавая значения временному контексту. Однако насколько это правомочно в данном случае?

Для ответа на данный вопрос требуется рассмотреть проблему греческих и римских источников, используемых, в частности, для биографии Катона Младшего. В «Демосфене»² Плутарх отмечал свое позднее знакомство с латынью, оговаривая, что не владел ею в совершенстве. Согласно писателю, в большинстве случаев при работе с латинским текстом он, «зная в какой-то мере события, улавливал (ἐπακολουθεῖν) и смысл слов» (Plut. Dem. 2). Исходя из этого можно принять точку зрения, что Плутарх в большей степени мог использовать греческие переводы латинских историков³, либо черпать сведения от римских друзей⁴. Оправданной нам кажется и гипотеза, что источником для жизнеописания Катона Младшего послужила биография, написанная Мунацием Планком, близким другом героя⁵.

Судя по структуре биографии, Плутарх стремился не нарушать хронологический порядок повествования о карьере Катона⁶, либо специально оговаривал, что речь идет о более позд-

¹ Pelling C. Plutarch and History: eighteen studies. Swansea, 2002. P. 92–95.

² Биографии Демосфена и Катона Младшего могли быть созданы Плутархом в поздний период между 114 и 116 г. Соответственно сведения из биографии Демосфена о владении латынью можно соотнести и с биографией Катона Младшего. См. Jones C. P. Towards a Chronology of Plutarch's Works // The Journal of Roman Studies. 1966. Vol. 56, Parts 1 and 2. P. 69.

³ Признается использование Плутархом оригинальных латинских источников, хотя это носило в основном фрагментарный характер. См.: Schettino M. T. The Use of Historical Sources // Companion to Plutarch. Malden, 2014. P. 424.

⁴ Fehrle R. Cato Uticensis. Darmstadt, 1983. S. 5, 6.

⁵ Fehrle R. Cato... S. 9, 12, 14, 15.

⁶ Участвовал в подавлении восстания Спартака в 72 г. до н.э.; в 67–66 гг. до н.э. — военный трибун в Македонии; в 64 г. до н.э. — квестор; в 62 г. до н.э.

них событиях (Plut. Cat. Min. 25). Из-за чего расположение эпизода с Фабией (если мы датируем его 73 г. до н.э.) лишь в 19 главе, тяготеющей к 60 гг. до н.э., когда Катон был избран народным трибуном (ibid. 5), выглядело бы неожиданным.

Кроме того, важно отметить, что, описывая юность Катона, Плутарх оговаривает отсутствие у него интереса к публичным выступлениям («никто не слышал его речей (οὐδ' ἤκροάσατο λέγοντος»)) (ibid. 4), за исключением случая с Порциевой базиликой («Тем не менее, выиграв дело, он снова вернулся к молчанию (τὴν σιωπὴν) и упражнениям») (ibid. 5). Все это плохо согласуется с сообщением о речи против Клодия, адресат которой был вынужден покинуть город по причине позора и бесславия (Plut. Cat. Min. 19). Вряд ли можно согласиться с мнением исследователей¹, что в 73 г. до н.э. Катон говорил против очередного демагога, выступая в качестве защитника нравов и обычаев предков. Эту роль он едва ли мог взять на себя в возрасте 22–25 лет. Но, даже допустив это, мы сомневаемся, что 19-летний патриций Клодий соответствовал подобной характеристике, даже с учетом того, что в большинстве случаев молодые люди из знатных семей начинали карьеру посредством судебных обвинений, редко имеющих под собой какую-либо основу (Plut. Luc. 1).

Необходимо обратить внимание на еще один существенный момент: Плутарх не указывает на обвинение Фабии в суде, молчит о Катилине, а лишь передает, что Клодий старался очернить жрецов и жриц в глазах народа. Исследователи приводят в качестве аналогии судебный процесс 114 г. до н.э., когда трибун Педуцей оспорил решение суда и весталкам был вынесен смертный приговор², либо считают, что Клодий мог оказывать давление на понтификов вследствие недовольства процедурой вынесения приговора³. Но ко времени процесса Катилины и Фабии трибуны были лишены права законодательной деятельности вследствие реформ Суллы (Liv. Per. 89) вплоть до 70 г. до н.э., и

— народный трибун (Plut. Cat. Min. 8, 9, 18, 20; Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. New York., 1952. Vol. II. P. 647).

¹ Любимова О. В Суд над весталками... С. 65.

² Cadoux T. J. Catiline and the Vestal... P.177, 179.

³ Любимова О.В. Суд над весталками... С. 52–53.

не имели сильного политического влияния¹. Тогда с какой целью обращался к народной сходке молодой Клодий, чего следовало опасаться Фабии и Цицерону?

С учетом вышеизложенного мы считаем предпочтительным соотнести свидетельство Плутарха с событием, последовавшим после осквернения таинств Доброй Богини. Дело Клодия было передано на рассмотрение весталкам и понтификам, и юноша обратился за помощью к народным сходкам (Cic. Att. I. 13. 3, 16. 1). Учитывая, что одним из главных обвинителей на суде выступал Цицерон, Клодию следовало апеллировать к процессу 73 г. до н.э. и скандальному оправданию Фабии. Это имело бы в том числе цель скомпрометировать Цицерона, старавшегося замять неудобное обстоятельство, сведений о котором мы не находим ни в речах, ни в письмах оратора за исключением беглого указания об оправдании дев — весталок (Cic. Cat. III. 9).

В биографии оратора Плутарх сообщает, что давать показания на суде 61 г. до н.э. вынудила Теренция, которая испытывала неприязнь к Клодию из-за его сестры, ревнуя мужа (Plut. Cic. 29). Т.П. Вайзманом сообщение о чувствах Теренции признается ложным², поскольку оно могло исходить от врагов Цицерона и появиться накануне суда над Клодием. Для очернения оратора хорошо подходил и суд над Фабией.

Наконец обратимся к событию, имевшему место в декабре 63 г. до н.э., когда накануне суда над катилинариями в доме Цицерона совершались обряды в честь Доброй Богини (Plut. Cic. 19, 20). Согласно Плутарху, увидев возгоревшийся из пепла огонь, весталки трактовали это как необходимость вынести заговорщикам строгий приговор и сообщили это жене консула. Именно тогда Цицерон принял решение о казни (Plut. Cic. 20, 21). Нет оснований исключать из числа пришедших в дом Теренции ее сестру Фабию, чье сакральное положение было восстановлено³ после оправдания в 73 г. до н.э.

¹ Mitchell T. N. Cicero: the ascending years. London, 1979. P.133.

² Wiseman T. P. Cinna the Poet and other Roman Essays New York, 1974. P. 140–141.

³ Подобные казусы с весталками случались и позднее (Suet. Dom.8.4).

Согласно Плутарху, Катон, выступая за смертный приговор для катилинариев, «наполнил души сенаторов таким гневом и такою непреклонностью, что Лентул с товарищами был осужден на смерть» (Plut. Cic. 21). «Прямыми виновниками» казни римских граждан становились Катон, Цицерон, его жена и весталки (среди которых можно предположить Фабию). Это давало Клодию шанс обвинить весталок (и понтификов?) в фальсификации священных предзнаменований с целью добиться расправы над заговорщиками. Тогда благодарность Цицерона Катону за «бесславие и позор», которым его речь покрыла Клодия, более чем оправдана. И, напротив, спорным представляется мнение, что на момент судебного процесса 62–61 гг. до н.э. для Фабии и Цицерона уже не существовало никакой угрозы¹.

После того, когда стало известно о проникновении Клодия в дом Цезаря, сенат передал дело на рассмотрение суда понтификов (Cass. Dio XXXVII. 46; Cic. Att. I. 13. 3). Как мы уже выше отмечали, Клодий обратился к народным сходкам, вероятно, с речами, направленными в том числе против жрецов и жриц (Plut. Caes. 10, Cic. 29; Cic. Att. I. 13. 3, I. 16. 1). В это время Катон выдвинул законопроект², согласно которому необходимо подвергать наказанию обвиненных во взяточничестве судей не только из сословия сенаторов, но и из числа всадников и эрарных трибунов (Cic. Att. I. 13. 3, 14. 5, 17. 8). Имеется свидетельство Сенеки о том, что Катон давал некие показания на суде против Клодия³ (Sen. Ep. 97. 3). Все это дополнительно позволяет отнести слова Плутарха именно к суду 61 г. до н.э. и понять роль Катона, а также уяснить смысл выражения «покинул город» применительно к Клодию. Именно в 61 г. до н.э. тот находился некоторое время вне Рима, будучи квестором на Сицилии⁴ (Cic. Att. II. 1. 5; Ascon. 52–53 C), то есть отсутствовал в городе.

Осталось рассмотреть гипотезу, согласно которой виновником судебного процесса 73 г. до н.э. являлся Помпей, чьей

¹ Cadoux T. J. Catiline and the Vestal... P. 176.

² Fehrle R. Cato... S.108.; Drogula F. K. Cato the Younger... P.103, 104.

³ На наш взгляд, сообщение Сенеки можно трактовать как информацию о выступлении Катона с контраргументами перед народной сходкой в ответ на речи Клодия.

⁴ Broughton T. R. S. The Magistrates... P.180.

целью было создать трудности Крассу для реализации законопроекта по восстановлению прав народных трибунов¹. Клодий рассматривается в качестве верного агента Помпея². На наш взгляд, этому препятствуют несколько обстоятельств.

Во-первых, невысокая оценка Клодием военных заслуг Помпея³ по сравнению со сложностями, которые испытывали в войне с Митридатом солдаты Лукулла (Plut. Luc. 34) и позиция Помпея в ходе судебного процесса 61 г. до н.э., когда он не выступил в защиту Клодия (Cic. Att. I.14.1, 2), говорят скорее в пользу отсутствия каких-либо ранних тесных контактов. Во-вторых, свидетельство Диона Кассия, что Клодий был родственником Помпея и долгое время служил при нем, в большей степени относится к поздним эпизодам биографии будущего плебейского трибуна: освобождение из пиратского плена⁴ (67–66 гг. до н.э.), вступление сына Помпея в брак с племянницей Клодия примерно в 54 г. до н.э.⁵ Соответственно, вряд ли к 73 г. до н.э. молодой человек мог иметь настолько тесные связи с Помпеем, чтобы выполнять его поручения на суде.

Таким образом, при комплексном рассмотрении фрагментарной античной традиции о суде над весталками мы пришли к выводу, что предпочтительной является поздняя (62–61 гг. до н.э.) датировка событий, о которых идет речь в биографии Катона Младшего. Представляется правильным согласиться со скептической точкой зрения на участие Клодия и Катона Младшего в событиях 73 г. до н.э. Гипотеза, согласно которой Клодий действовал на раннем этапе карьеры как «агент Помпея», недостаточно обоснована и спорна. Предпочтительнее считать, что *cursus honorum* будущего плебейского трибуна носил tradi-

¹ Любимова О.В. Суд над весталками... С. 66.

² Stevens C.E. Ward A. Cicero's Support of Pompey in the Trials of M. Fonteius and P. Oppius // *Latomus*. 1968. Т. 27. Р. 806–809; Hayne L. C. The Politics of M'. Glabrio, Cos. 67 // *Classical Philology*. 1974. Vol.69, № 4. Р. 282; Любимова О. В. Суд над весталками... С. 64, 65.

³ «Воевали с изгнанниками в Испании, с беглыми рабами в Италии» (Plut. Luc. 34).

⁴ Cic. Har. Resp. 42; Cass. Dio. XXXVI. 17. 2–3; XXXVIII. 30; App. B. C. II. 23; Strab. XIV. 684.

⁵ Cic. Fam. III. 4. 2; 10. 10; Cass. Dio. XXXIX. 60. 3.

ционный для знатного юноши характер и скорее всего начинался не на народной сходке.

Библиография

Любимова О.В. Суд над весталками в 73 г. до н.э.: политический аспект // ВДИ. 2015. № 3. С. 45–69.

Тюленев В.М. Павел Орозий и его «История против язычников» // История против язычников. Книги I–VII / Пер. с лат. В.М. Тюленева. СПб: Издательство Олега Абышко, 2004. С. 5–80.

Хрусталеv В.К. Асконий и Цицерон: к истории рецепции ораторского наследия Марка Туллия Цицерона в эпоху Ранней Римской империи // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1(21). С. 187–204.

Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. New York, 1952. Vol. II. 647 P.

Cadoux T.J. Catiline and the Vestal Virgins // Historia. 2005. Bd.54. P.162–179.

Drogula F.K. Cato the Younger: life and death at the end of the Roman republic. New York: Oxford University Press, 2019. 350 P.

Drumann W. Geschichte Roms in seinem Ubergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen: in 6 Bd. Hildesheim, 1964. Bd 3. 829 S.

Fehrle R. Cato Uticensis. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft (WBG), 1983. 341 S.

Jones C.P. Towards a Chronology of Plutarch's Works // The Journal of Roman Studies. 1966. Vol. 56, Parts 1 and 2. P.61–74.

Hayne L.C. The Politics of M'. Glabrio, Cos. 67 // Classical Philology. 1974. Vol.69, № 4, P. 280–282.

Gruen E. The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley — Los Angeles — London, 1995. 596 P.

Lewis R.G. Asconius. Commentaries on Speeches of Cicero. New York: Oxford University Press, 2006. 358 P.

Marshall B.A. Historical Commentary on Asconius. Columbia: University of Missouri Press, 1985. 342 P.

Mitchell T.N. Cicero: the ascending years. London: Yale University Press, 1979. 259 P.

Moreau Ph. Clodiana religio: un proces politique en 61 avant J. C. Paris: Belles Lettres, 1982. 267 P.

Pelling C. Plutarch and History: eighteen studies. Swansea: Classical Press of Wales, 2002. 493 P.

Ravizza M. Catilina, Crasso e le vestal // Rivista di Diritto Romano.

2006. Vol. 6. P. 1–10.

Stettino M.T. The Use of Historical Sources // Companion to Plutarch / edited by M. Beck. Malden: Blackwell companions to The Ancient World, 2014. P. 417–436.

Stevens C.E. Ward A. Cicero's Support of Pompey in the Trials of M. Fonteius and P. Oppius // Latomus. 1968. T. 27. № 4. P. 802–809.

Tatum J.W. The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher. London: The University of North Carolina Press, 1999. 365 P.

Wiseman T.P. Cinna the Poet and other Roman Essays. New York: Leicester University Press, 1974. 212 P.

Д.С. Лавинюкова

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

«Радикализм» против «умеренности»

в ранней немецкой Реформации:

Андреас Боденштайн фон Карлштадт и Мартин Лютер

В статье анализируются идеологические разногласия и точки соприкосновения между радикальным крылом Реформации, лидером которого был Андреас фон Карлштадт, и более «традиционной» идеологией, представляемой главой реформационного движения Мартином Лютером, а также обстоятельства их личных взаимоотношений. Для анализа выбраны программные сочинения с изложением взглядов. Хронологические рамки — первая половина 1520-х годов. Разногласия сторон рассмотрены в формате «тематических блоков», сопоставляемых между собой (причастие, отношение к образам в церкви и др.). На основании анализа материала автор делает вывод — собственно идеологические разногласия в определенных вопросах объективно существовали, однако не носили определяющий характер для возникновения конфликта.

Ключевые слова: Андреас Карлштадт, Мартин Лютер, Реформация, идеология, Священная Римская империя, протестантизм.

Конфликт между Андреасом фон Карлштадтом, профессором Виттенбергского университета и настоятелем Собора Всех Святых Виттенберга и «отцом Реформации» Мартином Лютером можно признать одним из самых важных событий с

точки зрения истории идеологии Реформации на раннем ее этапе. Наиболее часто освещение данного вопроса встречается в трудах, посвященных жизни и исторической роли Андреаса фон Карлштадта непосредственно — так, одно из первых сочинений, масштабно восстановившее по источникам разных типов (переписка, акты университета, памфлетная литература) как полную биографию, так и систему идеологии Андреаса фон Карлштадта — это одноименный двухтомный труд исследователя Германа Баргэ¹. Автор комплементарен в рассмотрении своего объекта исследования, для него он в определенном смысле «большой протестант», чем Лютер, и его решения в некоторых вопросах более логичны. Баргэ видит причину его поражения в идеологической борьбе в искусственном вытеснении со стороны недоброжелателей, осуществленном в нарушение договора с курфюрстом Саксонии.

Более поздние сочинения, опубликованные в 20 веке, как правило, написаны авторами-теологами и исследуют интересные события как правило, в узких временных рамках, как, например, труд Дж. Приуса², полностью посвященный так называемому Виттенбергскому движению, событию, непосредственно предшествовавшему ухудшению отношений между Лютером и Карлштадтом, или в рассмотрении деятельности одного лица, как работа Р. Сайдера³, исследующая историю развития идей в трудах Карлштадта. Работа еще одного современного автора, Э.Н. Бернетт⁴, рассматривает наиболее значимую и проработанную из сторон идеологического конфликта — разные воззрения на сущность и метод проведения мессы. В англоязычной и немецкоязычной историографии тема достаточно изучена, однако в большинстве случаев авторы не прибегают к прямому сопоставлению.

Для более комплексного взгляда на идеологические кон-

¹ *Barge, H.* Andreas Bodenstein von Karlstadt. Leipzig, 1905.

² *Preus, J.S.* Carlstadt's Ordinationes and Luther's liberty. A study of the Wittenberg movement, 1521–1522. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974.

³ *Sider, R.* Andreas Bodenstein von Karlstadt. The development of his thought, 1517–1525. Leiden: Brill, 1974.

⁴ *Burnett A.N.* Karlstadt and the Origins of the Eucharistic Controversy: A Study in the Circulation of Ideas. Oxford: Oxford University Press, 2011.

цепции двух деятелей Реформации необходимо упомянуть историю их личных взаимоотношений, о которых можно сказать следующее: они познакомились вероятно около 1513 года на университетском диспуте, и их совместная деятельность связана с Лейпцигским диспутом 1519 г., на котором они выступали в качестве союзников против Иоганна Экка; они оставались такими до 1522 года, Лютер неоднократно в положительном ключе высказывался о сочинениях Карлштадта; и непосредственным поводом для ухудшения отношений между ними стало «Виттенбергское движение», изменения, внесенные в порядок службы в Виттенбергской церкви Карлштадтом, против которых выступил Лютер. В последующие годы Карлштадт был изгнан из Виттенберга, затем за пределы курфюршества Саксония и значительного влияния на развитие основной ветви реформационной мысли не имел.

В данной статье автор предпринимает попытку анализа разногласий в тематических блоках на основе памфлетов, написанных авторами в первой половине 1520-х годов. Анализ материала позволяет выделить несколько таких «блоков».

Месса, или причастие. Отношение к мессе можно назвать наиболее проработанным элементом позиции обеих сторон. В своих работах Карлштадт отвергает само слово «месса», которое он трактует как «добровольная жертва». Он считает, что неверно так называть процесс, в ходе которого никакой христовой жертвы не происходит. Те, кто выступает за личное присутствие Христа в хлебе и вине во время каждой мессы, утверждает Карлштадт, ни во что не ставят его кровь и его жертву, и приравнивают Христа к жертвенному животному, в то же время «невозможно, чтобы кровь Христа ценилась им [Богом] меньше, чем кровь всех ослов, козлов, голубей и ягнят, и других животных, которая также безвинно проливалась в Ветхом Завете»¹. «Христос никогда не говорил, что его тело — хлеб» (для подтверждения этой фразы Карлштадт использует лингвистический аргумент, приводя греческие слова Библии, имеющие разный род). Взгляды Карлштадта на мессу можно кратко систематизи-

¹ *Bodenstein von Karlstadt, A.* Ob man mit heyliger schrifft erweysen muge, das Christus mit leyb, blut und sele im Sacrament sey. Basel. Wolff, 1524. P. 9.

ровать в следующих тезисах: 1. Причастие — обыкновенный ритуал, не имеющий религиозной силы и не являющийся таинством, имеющий назначение напоминать христианам о некогда совершившейся жертве Христа. 2. Тело и кровь Христа физически не присутствуют в вине и хлебе (ни фактически, ни как метафора), так как это физически невероятно, те, кто предполагают иначе, оскорбляют Христа. 3. Причастие не влияет и не может влиять на спасение души человека. Лютер, напротив, интерпретирует слова Христа «примите и ядите, сие есть тело мое, сие есть кровь моя» однозначно как доказательство телесного присутствия. И Карлштадт, и Лютер отвергают взгляд, при котором в ходе причастия происходит жертва.

Изображения в церкви. Позиция Карлштадта, высказанная им в «Об отвержении изображений» (*Von Abtuhung der Bylder*) такова — содержание в церквях изображений бога в виде статуй или рисунков на дощечках является антихристианским и представляет целенаправленный обман священнослужителями мирян, которых привлекают «картинками» вместо того, чтобы знакомить их со Священным Писанием. Изображения, созданные людьми, приравниваются Карлштадтом к идолам, а их нахождение в церкви — к идолопоклонству. Лютер, со своей стороны, находил подтверждения созданию идолов в Библии (Числа [21:9] «И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя...») отрицательно относился к резкости и безальтернативности иконоборческой кампании, проводимой Карлштадтом в немецких церквях, говоря, что не следует срывать звезд с небес только потому, что люди предпочитают поклоняться им¹.

Монашеские обеты. Карлштадт считал монашеские обеты, в особенности обет безбрачия, обычаем более языческим, чем христианским; обеты не должны считаться действительными для достигших 60 лет, когда человек уже не подвержен страстям. Как считал Карлштадт, монахи занимаются ревностным поверхностным и внешним «служением Богу», в то время как в истинности их аскетическая жизнь не дает им никакого преимущества над мирянами и они, напротив, «дают Богу то, в чем

¹ *Luther, Martin.* “Hyerinn findestu zehen nutzlicher Sermones...”. Straßburg: Köpfel, 1523. P. 24.

Он не нуждается». С точки зрения Лютера, для которого тема монашеских обетов носила персонализированный характер (он сам в течение долгого времени принадлежал к монашескому ордену, и обращение его в монахи было связано со ссорой с отцом), обеты (среди которых он выделял покорность, нищенство и безбрачие) действительно не имели силы, однако, не выступая против браков у священства (против безбрачия которого высказывался апостол Павел), Лютер не поддерживал однозначное повсеместное распространение брака среди монашества, отзываясь об этом в письме: «Боже милостивый, неужели наши виттенбергцы поженят и монахов?» что, с нашей точки зрения, также связано с его личностными сомнениями и собственным отношением к браку.

Идеологическую систему Карлштадта от таковой у Лютера также отличают такие элементы, как *отношение к церковным праздникам* (например, Карлштадт придавал особую значимость празднованию субботы (шаббата) как заповедного дня и противопоставляя ей богохульные праздники святых, Лютер, признавая такой праздник, не упоминал того, что день должен считаться именно субботним; *крещение младенцев* (Карлштадт предполагал, что человек должен креститься в сознательном возрасте, в то же время для Лютера крещение младенца — это способ сделать человека «причастным к спасению» с детства).

Делая вывод, следует отметить, что при наличии определенных идеологических разногласий между Мартином Лютером и Андреасом Карлштадтом, такие, как разное понимание мессы, отношение к изображениям и другие не были определяющим моментом для разрушения взаимоотношений между ними (определяющим, на наш взгляд, был вопрос о методе проведения изменений). Лютер предполагал, что наиболее важным является сохранение мира на землях Реформации, настаивая на ее преимущественно духовном значении, и был нетерпим к проявлениям насилия, при этом для Карлштадта религиозная проблема носила в том числе и политический характер, поэтому для Мартина Лютера он стал «мятежником», подлежащим вытеснению из идеологического пространства Реформации.

Библиография

Barge, H. Andreas Bodenstein von Karlstadt. Leipzig, 1905.

Burnett, A.N. Karlstadt and the Origins of the Eucharistic Controversy: A Study in the Circulation of Ideas. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Bodenstein von Karlstadt, A. Ob man mit heylicher schrifft erweysen muge, das Christus mit leyb, blut und sele im Sacrament sey. Basel. Wolff, 1524.

Luther, Martin. «Hyerinn findestu zehen nutzlicher Sermones...». Straßburg: Köpfel, 1523.

Preus, J.S. Carlstadt's Ordinaciones and Luther's liberty. A study of the Wittenberg movement, 1521–1522. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974.

Sider, R. Andreas Bodenstein von Karlstadt. The development of his thought, 1517–1525. Leiden: Brill, 1974.

Е.А. Горбачевский

МАУ «Музейно-туристический центр городского округа Клин»

(Московская область, г. Клин)

Институт российской истории РАН (Москва)

Восприятие русскими и иностранцами города Клин в XVI–XVIII вв.

В данной статье основное внимание сосредоточено на вопросе восприятия статуса уездного города Клин в XVI–XVIII вв., который ранее не привлекал внимание исследователей. Между тем, комплексное рассмотрение записок иностранцев, актового материала и описаний городов позволяет проследить изменения, происходившие в восприятии Клина современниками. Эти изменения были обусловлены в первую очередь переменами во внутренней структуре города, на которые в свою очередь повлияли события и процессы, происходившие в России в конце XV — конце XVIII вв.: присоединение Тверского княжества к Москве, Смутное время, градостроительные реформы Екатерины II.

Ключевые слова: Клин, Московская область, город, топография, границы города, восприятие города, Средние века, Смутное время, Новое время, Екатерина II

В изучении истории города Клин нынешней Московской

области внимание исследователей сосредотачивается как правило на сюжетах XIX–XX вв., что вполне естественно обусловлено количеством и доступностью источников. Вопросы более раннего времени гораздо меньше привлекали внимание историков, однако, применительно к теме данной статьи можно назвать работы Д.В. Рубцова¹ и Н.Ю. Ерохиной².

Первым исследователем были изучены обширные архивные материалы: писцовые, переписные, межевые и отказные книги по Клину и Клинскому уезду в конце XV–XVIII вв. Это позволило обобщить данные по развитию города в указанный промежуток времени.

Н.Ю. Ерохина выполнила историко-краеведческое исследование, которое позволило комплексно рассмотреть северо-запад Московской области как отдельный микрорегион через изучение таких вопросов как формирование территорий Клинского края, население региона, историко-культурное наследие. Исходя из хронологических рамок данной статьи, интерес представляет подробное рассмотрение Н.Ю. Ерохиной внутреннего устройства города на основе плана 1784 г.

Необходимо отметить исследования А.В. Белова, рассмотревшего градостроительные реформы Екатерины II на материалах центральных губерний и развитие малых городов Московской губернии в конце XVIII — начале XIX в. Для данной работы имеют значение привлекаемые А.В. Беловым материалы относительно административного статуса города Клин на рубеже XVIII–XIX вв., а именно то, что Клин наряду с еще несколькими малыми городами несколько лет указывался как посад³.

Однако, вопрос того, как воспринимался Клин в глазах современников, ранее не рассматривался. В рамках данной ста-

¹ Рубцов Д.А. Клинский уезд по документам XV–XVIII веков. Исторические материалы для составления приходских летописей. Клин, 2009. 80 с.

² Ерохина Н.Ю. Клинский край в XIV — начале XX века: историко-краеведческое исследование. Дипломная работа. РГГУ, Историко-архивный институт. 2009. 110 с., прил.

³ Белов А.В. Москва и уездные города второй столичной губернии на исходе правления Екатерины II: реформа города. М., 2018. 332 с.; Он же. Реформа города Екатерины II: (по материалам губерний Центральной России). М., 2019. 613 с.

тью основной целью является попытка рассмотреть административный статус Клина в XVI–XVIII вв., восприятие этого статуса русскими и иностранцами, а также причины сходства, различий и изменений в восприятии города в указанное время.

Хронологические рамки исследования, укладываемые в три столетия, обусловлены прежде всего, характером источников. До конца XV в. Клину трижды упоминается в письменных источниках. На протяжении XVI в. происходит формирование и развитие бюрократической приказной системы Московского государства, что увеличивает количество источников, данные которых могут так или иначе характеризовать внутреннее устройство Клина. Отечественные источники представлены данными летописей, духовными и договорными грамотами, земле-владельческими и законодательными актами.

Одновременно с этим Московское государство с конца XV в. вызывает все больший интерес в западноевропейских странах. Это особенно прослеживается после двух путешествий С. Герберштейна и издания им в середине XVI в. «Записок о Московии», ставшего своего рода «окном в Московию» для европейцев. С этого времени начинается подробное описание России западноевропейскими путешественниками, и Клину, как город, лежащий на пути в Москву, значительное количество раз попадает на страницы дневников иностранных путешественников и дипломатов, следовавших ко двору русского царя. После переноса в 1703 г. столицы (и соответственно двора) в Санкт-Петербург, количество иностранных описаний с упоминанием Клина закономерно снижается.

Верхний предел хронологии данной работы обусловлен тем, что с конца XVIII – начала XIX в. количество источников возрастает в разы и рассмотрение административного значения Клина начиная с этого периода могло бы представлять самостоятельное исследование.

В единичных случаях автор был вынужден незначительно выйти за хронологические рамки исследования, привлекая в ретроспективном смысле источники начала XIX в.

Восприятие города. В вопросе восприятия административного значения Клина источники высказываются неоднознач-

но. Русские называли Клин городом¹ или в списке населенных пунктов, чья городская принадлежность очевидна², или приводя одно название, без указания административного статуса³.

Иностранцы называли Клин городом или городком⁴, иногда просто приводя название без указания на городскую принадлежность⁵. Интересно определение Клина Генрихом Штадемом как «неукрепленного посада» (1569)⁶ и Э. Пальмквиста как «торгового города» (1674)⁷.

Но некоторые зарубежные свидетельства приводят харак-

¹ *Бакмейстер Л.И.* Топографические известия служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771–1774. С. 34–35; *Чеботарев Х.А.* Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. Москва, 1787. С. 221–222; *Глушков И.Ф.* Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах по оному лежащих известия исторические, географические и политические, с описанием обывательских обрядов, одежде, наречий и видов лучших мест. 2-е изд., испр. и умноженное. 1802. С. 174–175; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1613–1645. СПб., 1841. С. 157; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Под ред. С.В. Бахрушина. М., 1950. С. 357; *Витсен Н.* Путешествие в Московию. СПб., 1996. С. 104; *Миллер Г.Ф.* Описание городов Московской провинции // Сочинения по истории России. Избранное. М., 1998. С. 315; *Рубцов Д.А.* Клинский уезд ... С. 41–42.

² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1: 1334–1598. СПб., 1841. С. 152, 231; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2: 1598–1613. СПб., 1841. С. 425; ПСРЛ. Том десятый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 1885. Стб. 181.

³ Акты Московского государства. Том 3. 1901. С. 77.

⁴ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. 1922. № 8; *Брамбах И.* Отчет о поездке ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 г. // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 200; *Юстен П.* Посольство в Московию. 1569–1572 гг. СПб., 2000. С. 143; *Ульфелдт Я.* Путешествие в Россию. М., 2002. С. 333; *Гордон П.* Дневник 1659–1667. М., 2003. С. 167; *Герберштейн С.* Записки о Московии: в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 625.

⁵ *Гордон П.* Дневник 1659–1667. М., 2003. С. 160, 167.

⁶ *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. М., 2008. С. 189.

⁷ *Пальмквист Э.* Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году = *Några Observationer Angående Ryssland = Some Observations Concerning Russia.* М., 2012. С. 210.

теристику Клина как деревни, села, крупного села, селения¹. Иллюстративно сообщение Н. Витсена (1665): «...русские говорят, что это городок, а я считаю его деревней... это 2–3 деревушки вместе»².

С одной стороны, заслуживает внимания факт того, что все оценки Клина как деревни или села приходится на несколько десятилетий после Смутного времени, в ходе которого как минимум дважды город подвергался нападению. В 1608 г. в ходе «литовского разорения» были уничтожены две церкви³, в 1618 г. отряд Д.П. Лопаты-Пожарского противостоял здесь отряду поляков⁴.

С другой стороны, различия в восприятии статуса Клина могут заключаться в следующем. Для русских Клин — город, так как является административным центром уезда, к тому же бывший в предшествующее время укрепленным пунктом (об этом см. ниже). Для иностранцев оценка Клина как города или деревни может объясняться разным подходом к тому, что считать городом и по каким критериям (например, наличие укреплений, размеры и т. д.). Ранее об этом кратко упомянул Э.А. Рикман (1951)⁵. Наиболее емкий и информативный ответ, пожалуй, содержится у Г.Ф. Миллера, являвшегося представителем не только российской, но и западноевропейской (немец-

¹ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 4: Москва, Новгород и путь от Москвы до Днестра. 1898. С. 58; Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину. С приложением карты пути цесарского посольства 1661–1662 гг. Издание А.С. Суворина. 1903. С. 15; *Стрейс Ян*. Три путешествия. 1935. С. 152; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 130.

² *Витсен Н.* Путешествие в Московию... С. 104.

³ *Рубцов Д.А.* Клинский уезд ... С. 42.

⁴ Дело о пожаловании князю Д.П. Пожарскому из поместья в вотчину по уложению // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. Кн. 4. М., 1849; *Шугаев А.* Миссия Дмитрия Лопаты Пожарского или Клин в 1618 году // *Подмосковный летописец. Историко-краеведческий альманах*. Вып. 1(51), 2017. С. 8–11.

⁵ *Рикман Э.А.* Обследование городов Тверского княжества // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры*. XLI. Изд-во АН СССР, 1951. С. 83.

кой) культуры: «...по крепости же места называли городами. Место, населенное мещанами, но ни снаружи, ни внутри не имеющее укрепления, не могло слыхать городом; называли оное посадом. Олеарий... называет Клин большим селом, без сомнения, за недостатком наружных крепостных укреплений»¹.

Крепость. Вероятно, Клин, как пограничный пункт Тверского княжества в XIV–XV вв. имел какие-либо оборонительные укрепления, но конкретных указаний на это в источниках того времени нет. В 1674 г. Эрик Пальмквист отметит, что «на довольно высоком холме расположен каменный монастырь, вокруг которого видны остатки укреплений»². Это вообще первое по времени сообщение, которое позволяет говорить о наличии в средние века в городе каких-либо укреплений.

Другие сообщения, 1684 и 1709 гг., приводимые Д.А. Рубцовым, свидетельствуют о наличии в городе земляных валов³.

Спустя несколько десятилетий остатки оборонительных сооружений будут упомянуты в сообщении воеводы Алексея Посникова (1760-е годы). В данном случае речь идет о земляных валах, которые находились вокруг передней и задней стороны города. С двух других сторон город был защищен рекой. Высота вала определена в 6 аршин (4,27 м), правда, указывается, что вал местами осыпался. Окружность вала и склонов составляла 229,5 сажень (489,66 м)⁴. Данные Комиссии А.А. Вяземского (1781) и сведения Х.А. Чеботарева (1787) указывают на размеры крепости 150×96 м и о высоте вала, равной 4,27 м. В сообщении последнего также приводится информация о частичном обрушении земляной насыпи. Но есть и разночтения. Возможно, в описании Комиссии А.А. Вяземского разрушения вала приняты за «проходы, в которых чаятельно были башни»⁵. Г.Ф. Миллер также предполагает, что Клин имел внутри такую же крепость как и Дмитров, правда, по его сообщению высота валов достигала

¹ Миллер Г.Ф. Описание городов... С. 315–316.

² Пальмквист Э. Заметки о России... С. 210.

³ Рубцов Д.А. Клинский уезд ... С. 42.

⁴ Бакмейстер Л.И. Топографические известия... С. 33–34.

⁵ Чеботарев Х.А. Историческое и топографическое описание... С. 222; «Сама природа для населения предопределяет» // Источник. Документы русской истории. № 5–6, 1993. С. 174–177;

12,8 м (6 сажень)¹. В самом начале XIX в. И.Ф. Глушков в «Ручном дорожнике» напишет: «в нем [Клину] есть старинная крепость с валом и рвом»².

С другой стороны, есть упоминание Клина как «неукрепленного посада» в свидетельстве Генриха фон Штадена (1569)³. На рисунке из альбома Августина фон Мейерберга (1661) мы не увидим каких-либо крепостных стен — перед нами неукрепленный населенный пункт⁴.

Если опираться на все эти разрозненные свидетельства, то наиболее вероятно следующая реконструкция. В средние века Клин представлял собою небольшую крепость, однако, после присоединения Тверского княжества к Московскому, пограничное значение города к середине — второй половине XVI в. снизилось, оборонительные сооружения с течением времени обветшали, разрушились или были разобраны. Не исключено, что события Смутного времени могли повлиять на сохранность укреплений. Точное время исчезновения крепости назвать трудно, так как в 1569 г. Клин — «неукрепленный посад»⁵, но еще в 1603 — «город»⁶, а после Смутного времени — «деревня»⁷.

Границы города. Само понятие «город» применительно к Клину, а также его границы не оставались неизменными. Воевода А. Постников при описании церковей отметит отсутствие приходов в пределах города. Он же назовет Воскресенский храм как лежащий за городом, что может показаться необычным с позиций современности, ведь церковь Воскресения находится в историческом центре Клина⁸. Сходная ситуация характерна для Успенского мужского монастыря. Например, патриарх Макарий упоминает, что Клин находится возле монастыря (1655)⁹, а

¹ Миллер Г.Ф. Описание городов... С. 315–316.

² Глушков И.Ф. Ручной дорожник ... С. 175.

³ Штаден Г. Записки о Московии... С. 189.

⁴ Альбом Мейерберга... С. 15

⁵ Штаден Г. Записки о Московии... С. 189.

⁶ Брамбах И. Отчет о поездке... С. 200.

⁷ Олсарий А. Описание путешествия... С. 130.

⁸ Бакмейстер Л.И. Топографические известия... С. 34.

⁹ Путешествие антиохийского патриарха Макария...

Н. Витсен (1665)¹ и Э. Пальмквист (1674)² не отождествляют монастырь как непосредственную часть города, говоря, что монастырь располагается на возвышенности.

В конце XVIII в., в восприятии современников, Клин как город в узком смысле — это площадка, окруженная земляными валами, и возможно, ближайшая прилегающая территория. А в широком смысле Клин включал в себя и посадскую территорию, расположенную на обоих берегах р. Сестра. Г.Ф. Миллер, например, пишет о двух слободах, разночинской и солдатской на правом берегу с Успенским и Сергиевским храмами, и ямской, располагавшейся на левом берегу к северо-западу от валов (с церквями Воскресенской и Николаевской)³. В описании Комиссии А.А. Вяземского к этим двум слободам добавляется еще и подъяческая слобода, а крепостные валы и находящиеся внутри них объекты выделяются в отдельную часть города — собственно это и есть город в узком смысле. Там же разделены строения, находящиеся в городе (три административных здания и пять обывательских) и расположенные за городом (весь остальной комплекс построек)⁴.

Больше сложностей возникает при попытках определить границы посадской территории. Для второй половины XVIII в. их возможно установить благодаря наличию городского плана 1784 г. Однако, не вполне ясным остается, как менялись границы посадской территории в это время, т. к. размеры города, приводимые Х.А. Чеботаревым — 595×470 сажень (1787), примерно в 1,5 раза превышают размеры города, вычисляемые по плану 1784 года⁵. Не ясным остается было ли заселено правобережье к востоку от города или только к югу от него.

Реконструкция границ города в более раннее время может выглядеть следующим образом. Во-первых, на плане 1784 г. прорисована в общих чертах старая топография города. Крепость занимала перешеек между двумя изгибами Сестры, к вос-

¹ Витсен Н. Путешествие в Московию... С. 104.

² Пальмквист Э. Заметки о России... С. 210.

³ Миллер Г.Ф. Описание городов... С. 315–319.

⁴ «Сама природа... С. 174–175.

⁵ Чеботарев Х.А. Историческое и топографическое описание... С. 222;

ПСЗ. Книга чертежей и рисунков. 1839. С. 20.

току от нее располагались несколько строений, но большая часть строений разбросана в хаотичном порядке к западу от крепости. На правом берегу реки Сестра к югу от крепости показаны два десятка разбросанных с севера на юг построек¹.

Во-вторых, только в 1770-х — 1780-х годах в сообщениях Г.Ф. Миллера, А.А. Вяземского и Х.А. Чеботарева Клин будет описан как лежащий по обеим сторонам Сестры². А. Посников в 1760-х годах укажет, что город построен на левом берегу, правда отметит, что обывательские дома расположены по обеим сторонам³. До второй половины XVIII века ни один иностранный и отечественный источник не сообщает о «двухчастном» устройстве города. Наоборот, Клин как будто существует только на одной стороне реки. Например, А. Олеарий (1634): «...за большою деревнею Клин ... течет река Сестра»⁴, А. Мейерберг (1661): «...позади сего селения протекает река Сестра ...»⁵, Н. Витсен (1665): «Обедали в Клину ... лежит на Волге (sic!) ... Волгу (sic!) переходят здесь по мосту»⁶, П. Гордон (1666): «пересек речки Сестру и Ямугу (sic!) и проехал через ... город Клин», он же (1686): «мы двинулись вперед ... затем до Клина. Здесь мы пересекли р. Сестру»⁷, Э. Пальмквист (1673): «Здесь устроена царская винокурня, а также мельницы, а на довольно высоком холме расположен каменный монастырь, вокруг которого видны остатки укреплений, здесь же протекает река Сестра. Отсюда у Клина переезжаешь по мосту реку Сестра и следуешь еще 3 версты»⁸.

Можно сделать предположение, что до середины XVIII в. Клин развивался только на левом возвышенном берегу Сестры, если и расширяясь, то к востоку и западу. В середине — второй половине XVIII века, но еще до градостроительных изменений

¹ ПСЗ. Книга чертежей и рисунков. 1839. С. 20.

² Чеботарев Х.А. Историческое и топографическое описание... С. 221–222; Миллер Г.Ф. Описание городов... С. 317.

³ Бакмейстер Л.И. Топографические известия... С. 33–34.

⁴ Олеарий А. Описание путешествия... С. 130.

⁵ Альбом Мейерберга... С. 15.

⁶ Витсен Н. Путешествие в Московию... С. 104.

⁷ Гордон П. Дневник 1659–1667... С. 167; Он же. Дневник 1684–1689... С. 127.

⁸ Пальмквист Э. Заметки о России.... С. 210.

Екатерины II, начинает заселяться и правый берег к югу от города. И только в 1780-х годах территория города будет в указанном порядке увеличена более чем в два раза, уверенно заняв оба берега реки Сестра.

Таким образом, данные о восприятии города Клин в XVI — второй половине XVIII в. иностранцами и русскими позволяют реконструировать некоторые изменения внутренней структуры города в указанный период.

Основные различия в восприятии города Клин между русскими и иностранцами в XVI в. заключались в том, что считать городом. Для иностранцев принципиальное значение имел факт наличия или отсутствия крепости. Для русских первоочередное значение приобретал административный статус населенного пункта.

Основываясь на сообщениях иностранцев, стоит думать, что во второй трети XVI — первой трети XVII в. небольшая клинская крепость прекратила свое существование.

Суммируя данные отечественных и иностранных источников, можно предположить, что до середины XVIII в. Клин развивался на левом берегу реки Сестра. Только во второй половине этого столетия город расширится на противоположный берег реки. Окончательно это расширение будет оформлено градостроительными реформами Екатерины II.

Библиография

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1: 1334–1598. СПб., 1841.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2: 1598–1613. СПб., 1841.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1613–1645. СПб., 1841.

Акты Московского государства. Т. 3. 1901.

Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину. С приложением карты пути цесарского посольства 1661–1662 гг. Изд. А.С. Суворина. 1903.

Бакмейстер Л.И. Топографические известия служащие для полного географического описания Российской империи. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1771–1774.

Белов А.В. Москва и уездные города второй столичной губернии на исходе правления Екатерины II: реформа города. М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2018. 332 с.

Белов А.В. Реформа города Екатерины II: (по материалам губерний Центральной России); Институт российской истории Российской академии наук. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 613 с., 32 л. цв. ил. (Historia Russica).

Брамбах И. Отчет о поездке ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 г. // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 185–207.

Витсен Н. Путешествие в Московию. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с.

Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с лат. А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненем. А.В. Назаренко. 776 с., ил.

Глушков И.Ф. Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах по оному лежащих известия исторические, географические и политические, с описанием обывательских обрядов, одежде, наречий и видов лучших мест. 2-е изд., испр. и умноженное. 1802.

Гордон П. Дневник 1659–1667. М.: Наука, 2003. 315 с., ил.

Дело о пожаловании князю Д.П. Пожарскому из поместья в вотчину по уложению // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1849.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л.В. Черепнин; под ред. С.В. Бахрушина. М., 1950.

Ерохина Н.Ю. Клинский край в XIV — начале XX века: историко-краеведческое исследование. Дипломная работа. РГГУ, Историко-архивный институт. 2009. 110 с., прил.

Миллер Г.Ф. Описание городов Московской провинции // Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1998. С. 226–319.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с., ил.

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. 1922. № 8.

Пальмквист Э. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году = Några Observationer Angående Ryssland = Some Observations Concerning Russia. М.: ЛомоносовЪ, 2012. 340 с., ил., карты.

ПСЗ. Книга чертежей и рисунков. 1839.

ПСРЛ. Том десятый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 1885.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 4: Москва, Новгород и путь от Москвы до Днестра. — 1898.

Рикман Э.А. Обследование городов Тверского княжества // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры. XLI. Изд-во АН СССР, 1951. С. 71–84.

Рубцов Д.А. Клинский уезд по документам XV–XVIII веков. Исторические материалы для составления приходских летописей. Клин, 2009. 80 с.

«Сама природа для населения предопределяет» // Источник. Документы русской истории. № 5–6, 1993.

Стрейс Ян. Три путешествия / Пер. Э. Бородиной. 1935.

Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Ин-т славяноведения РАН; РГАДА; Гос. ист. худ. музей-заповедник «Александрова слобода». М.: Языки славянской культуры, 2002. 616 с., ил.

Чеботарев Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. Москва, 1787.

Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1. М.: Древлехранилище, 2008. 582 с.

Шугаев А. Миссия Дмитрия Лопаты Пожарского или Клин в 1618 году // Подмосковный летописец. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1(51), 2017. С. 8–11.

Юстен П. Посольство в Московию. 1569–1572 гг. СПб: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2000.

А.А. Зуева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Положение женщин и детей в тобольской ссылке (1840–1850-е гг.)

Статья посвящена положению женщин и детей в штрафных поселениях Тобольской губернии в 1840–1850-х гг. На основе годовых отчетов и докладных записок Попечительного о тюрьмах общества проанали-

зированы меры администрации, направленные на дифференциацию детей и женщин среди массы ссыльных в предреформенный период. К середине XIX столетия назрела необходимость дополнения и пересмотра положений «Устава о ссыльных» 1822 г., регулирующего порядок конвоирования и устройство в поселениях. В частности, «Устав» не конкретизировал порядок обеспечения детей ссыльных, поэтому впоследствии действия власти были направлены на ликвидацию этой лакуны. Сделан вывод о том, что администрация реализовывала предложения, направленные на поддержку уязвимых, с точки зрения существовавшего гендерного порядка, групп населения — детей и женщин, оказавшихся в ссылке.

Ключевые слова: пенитенциарная система, штрафная колонизация, Попечительное о тюрьмах общество, дети ссыльных, сиропитательный дом, система призрения, сибирская ссылка, новая социальная история.

Особенностью ссылки имперского периода являлась законодательно закреплённая дифференцированность групп ссыльных, которая определяла их правовой статус и фактическое положение в поселениях. В большинстве случаев различия определялись социальной стратификацией, однако обращение к непосредственным действиям администрации позволит понять, какие дополнительные категории ссыльных влияли на функционирование пенитенциарной системы. Кроме того, изменения в положении уязвимых половозрастных групп могли отражать динамику норм и стандартов, которыми руководствовалось губернское управление. Исследования тюрьмы и ссылки имеют обширную историографическую традицию, которую можно отсчитывать с трудов юристов и правоведов эпохи Великих реформ¹. В историографии преобладали определённые подходы, сюжеты и хронологические промежутки. Польская ссылка, ссылка декабристов — и в целом политическая ссылка, ссылка второй половины XIX — начала XX века достаточно хорошо изучены². В советской историографии «тюрьма и ссылка» и по-

¹ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. 704 с.; Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. СПб., 1874. 284 с.; Сергеевский Н.Д. Курс русского уголовного судопроизводства. СПб, 1876. 161 с.

² Декабристы и Сибирь. [редкол.: А. Н. Копылов (отв. ред.) и др.]. Новосибирск, 1977. 258 с.; Бочанова Т.А. Декабристы в Западной Сибири.

ложение политических заключенных приобрели значение определенного идеологического топоса¹. Исчерпывающе рассмотрен правовой и институциональный аспект устройства ссылки². Особый интерес историки проявляли к позднеимперскому периоду. В англо- и немецкоязычных исследованиях, которые анализирует Д.А. Ананьев, отмечается тенденция рассматривать пенитенциарную систему сквозь призму социальной истории, в этой связи освещается роль женщин в карательной системе³. В то же время, как отмечает С. Бэдкок, судьбы детей оставались вне поля зрения, что мемуаристов, что историков⁴. В исследовании предпринимается попытка заполнить этот пробел и установить взгляды власти относительно своей попечительской роли по отношению к несовершеннолетним, которые чаще всего рассматривались в одной категории с женщинами.

Попечительное о тюрьмах общество было создано в 1819 г., и его цель заключалась в «нравственном» исправлении заключенных и хозяйственном обеспечении тюрем. Таким образом, появление Общества ознаменовало попытку подойти к бытовому содержанию мест заключения систематически. Несмотря на то, что Общество не обновило и не преобразовало систему, отчеты регионального комитета, докладные записки и переписки с другими ведомствами — важный источник о функционировании губернских тюрем и поселений.

В первой половине XIX века положение детей в пенитенциарной системе находилось на периферии правительственного

Новосибирск, 2007. 265 с.; Трынковский Я. Польская Сибирь. Ссылные и их жизнь. Рождение мифа. СПб., 2023. 470 с.

¹ Каторга и ссылка: историко-революционный вестник / Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1921–1935.

² Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М., 1951. Т. 2. 505 с.; Кодан С.В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX века // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982. С. 110–118; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1997. 253 с.

³ Ананьев Д.А. Англо- и немецкоязычная историография истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX — начала XX в.: дис. ... д-р ист. наук. Новосибирск, 2023. 602 с.

⁴ Badcock S. A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford, 2016. P. 139.

внимания. Генерал-адъютант Н.Н. Анненков, обследуя этапы при ревизии Западной Сибири в 1851 г., нашел бедственным состояние находящихся там детей. Ревизор считал необходимым отделить малолетних детей от ссыльных и заключенных, считая пространственную скученность не только физически неблагоприятной, но и «нравственно» опасной средой. По его замечанию, «Устав о ссыльных», разработанный М.М. Сперанским в 1822 г., не давал развернутых указаний насчет попечения детей, поэтому местное начальство в отсутствие предписанных стратегий пустило дело на самотек. Так, «Устав» ограничивался тем, что предписывал записывать сирот в волостные крестьяне. Опекать зачастую ложилась на самих ссыльных. Н.Н. Анненков предупредительно комментировал: «Я видел самого трогательного о малолетних детях попечения чуждых им закоренелых преступников». Устройство детей, прибывших на поселение «подвергалось случайностям»: присматривать за ними могли и местные крестьяне, что, по мнению столичного чиновника, нуждалось в регламентации и «направлении»¹. Распоряжения о сибирских сиротах и другие параллельные меры, касающиеся детей в местах заключения, маркировало появление дифференцирующего подхода к уязвимым возрастным группам, находившихся в ссылке.

Неустройство детей ссыльных стало распространенным явлением после того, как была разрешена ссылка по приговорам крестьянских и мещанских обществ. В таких случаях, в отличие от уголовной ссылки по судебному приговору, жены обязывались следовать за мужьями вместе с детьми. Распространена точка зрения, согласно которой правительство видело в браке и патриархальной семье инструмент контроля над ссыльнопоселенцами, которые оказались бы привязаны к своему наделу, что облегчило управление ссыльными, поэтому стимулировало высылку женщин на фоне гендерного дисбаланса в регионе². Эта

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 123. Оп. 1. Д. 188. Л. 8.

² *Ананьев Д.А.* Женщины в ссылке и на каторге в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.): взгляд англоамериканских исследователей. // Исторический курьер. 2019. № 3(5). URL:

идея публично декларировалась: так, при открытии женской тюрьмы священник в своей речи заявил, что необходимо «добрые мысли и расположения поддержать и укрепить особенно через жен их»¹.

Семья была важным компонентом в колонизационном проекте. Аргументируя необходимость представить проект обеспечения сирот, Н.Н. Анненков подчеркивал, что «ежели это новое поколение будет коснуть в нищенстве, праздности и пороке, то едва ли может способствовать к размножению народонаселения в Сибири и уже решительно послужить не к благоустройству, а к неустройству края»². На жалобы ревизора сочувственно отреагировал император, заключив, что надзор за детьми — «прямая обязанность» местных тюремных комитетов. В результате Н.Н. Анненков оставил распоряжения об устройстве детей, следовавших по этапам, а Попечительное о тюрьмах общество подготовило проект приюта и льгот после выпуска из сиропитательного дома. Родители с детьми «под надзором благонамеренного конвойного» должны были охраняться и препровождаться отдельно от остальных, на этапах помещаться в отдельную квартиру или в особую квартиру этапного здания. В 1858 г. тюремный комитет озаботился об этапировании в зимние месяцы матерей с малолетними детьми. Комитет руководствовался не только своими прямыми функциями гуманитарного попечителя, но также имел в виду государственный интерес: «Дети грудные умирают, которые бы впоследствии умножили бы народонаселение малолюдной Сибири»³. Было решено на время холодов оставлять их в отдельных зданиях. Женщины, «назначаемые на переселение в Сибирь по просьбам помещиков», (а в 1822 г. помещики вновь обрели право ссылать неугодных крестьян) должны были на протяжении полутора лет содержаться в заведениях приказов общественного призрения «на счет самих владельцев», а не в тюремных замках⁴. В 1857 г. По-

<http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-21.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).

¹ ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 31. Л. 12.

² ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 188. Л. 5. об.

³ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 172. Л. 21–24.

⁴ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 172. Л. 7.

печительное общество «с Высочайшего соизволения» выделило для арестантов, ссылаемых с семьями, кормовые деньги — до этого времени продовольствие для них не обеспечивалось. Вместе с тем казенным палатам было разрешено выдавать начальникам этапов деньги для лечения семейств и остановки в лазаретах, «на каждую треть года вперед, примерно 10 человек»¹. Неизвестно, хватало ли этих средств на практике. Женщинам, добровольно последовавшим за мужьями, выдавали билеты для облегчения мобильности в черте города за пределами тюремного замка. Для осужденных женщин и для жен ссыльных женским отделением Попечительного общества были устроены работы с дифференцированной платой. Так, добровольно последовавшим отдавали на руки $\frac{2}{3}$ от заработанной суммы, осужденным — $\frac{1}{3}$, а остальная часть денег находилась на хранении у смотрителя тюремного замка, женщинам же в таком случае выдавалась расписка. Если на одно лицо накапливалось до 3 р., то деньги перечислялись в приказ о ссыльных².

Детей ссыльных должны были помещать к местным жителям, но исключительно по их желанию, на что «было обращено особенное внимание его императорского величества»³. Такое попечительство, согласно намерениям комитета, расценивалось как «исполнение христианского долга», поэтому платы за него не назначалось. Однако уже через несколько лет женский тюремный комитет назначал выплату семьям, предоставившим детям приют. Детей было необходимо периодически приводить для медицинского освидетельствования в тюремный замок. Если таковых жителей не находилось, то детей помещали в сиропитательный дом.

Задача тюремного комитета заключалась в том, чтобы «дать сему заведению характер сельскохозяйственного опытного училища». Создатели рукописи проекта руководствовались нуждами края: «В Сибири нет трехпольной системы, но чувствуется потребность в обзаведении правильного хозяйства»⁴.

¹ ГА РФ Ф. 123. Оп. 2. Д. 343. Л. 7.

² ГА РФ Ф. 815. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

³ ГА РФ Ф. 123. Оп. 1. Д. 172. Л. 2. об.

⁴ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 172. Л. 34.

Смотритель приюта назначался «по сношению с надлежащими установлениями с министерством государственных имуществ» и мог пользоваться правами учителей земледельческих училищ. Волостные училища, действовавшие с 1840 г. в рамках киселевской реформы, были направлены на обучение государственных крестьян грамоте и сельскохозяйственным навыкам¹. В устав сибирского сиропитательного дома была интегрирована идея хозяйственного воспитания, но важен ряд других факторов, определивших локальное своеобразие. Местные чиновники, включая губернатора, сообщавшего в отчетах о неосвоенном земельном фонде, куда ссыльные вовсе не приписываются, видели в этих детях потенциальный ресурс для освоения земель. Именно работа на земле оставалась, с точки зрения правительственной логики, наиболее управляемой: «Более нравственности представляет класс земледельческий»². Определил облик устава также и принцип сословности образования. Если среди детей были принадлежащие к привилегированному сословию, то таких детей помещали в отдельные «учрежденные от правительства заведения» на казенный счет для «соответственного их званию образования», комитет собирал справки о наличии у таких детей родственников.

Составители проекта акцентировали внимание на том обстоятельстве, что до определения в приют дети находились в среде заключенных и ссыльных, то есть подвергались «высшей нравственной заразе» под воздействием «рассказов об их [ссыльных] бывшей преступной жизни»³. Характерно, что чиновники рассуждали о преступлениях в физиологических категориях: чтобы дети «не внесли эту заразу в «заведение», их на срок от трех месяцев содержали в отдельных помещениях под надзором священников, дабы те удостоверили «нравственное» состояние подопечных. Если спустя год этого своеобразного карантина дети оказывались «окончательно испорчены», то их передавали земским начальникам. «Заболевших» детей опреде-

¹ Калинина Е.А. Училища Министерства государственных имуществ в системе народного просвещения // Вопросы образования. 2011. № 1.

² ГА РФ Ф. 123. Оп. 1. Д. 172. Л. 34.

³ ГА РФ Ф. 123. Оп. 1. Д. 173. Л. 13. об.

ляли в больницу гражданского ведомства¹.

Для обустройства здания выделялось 300 десятин с помещениями для зрителей, выбиравшихся из крестьян. Имущество, которым при приеме располагали дети, переходило в комитет «на хранение или продажу». На содержание и обучение предполагалось тратить минимальное количество ресурсов не только из соображений экономии, но ввиду формирования привычек крестьянского быта, каким его понимали власти: «Никаких излишеств и роскоши. Пища должна быть простая. Пища как за обедом, так и за ужином должна состоять из двух блюд»². Согласно тексту проекта, грамотность не только не способствовала развитию хозяйства, но даже была нежелательной. С семи лет начиналось обучение грамоте «в самых ограниченных размерах», однако до этого возраста дети должны были присутствовать на ремесленных и сельскохозяйственных занятиях, «чтобы заранее присматриваться к производству работ»³.

После выпуска из приюта комитет предусматривал предоставление льгот и продолжение опеки с поэтапной адаптацией. На ребенка отводилось по 15 десятин земли с «особым крестьянским домом» с пособием в 25 рублей. На отведенной земле воспитанники находились под «полицейским и хозяйственным надзором» смотрителя приюта. Когда крестьянам исполнялось 21 год, этот надзор прекращался, затем им давалось еще три года для собственного хозяйствования, а уже после бывший воспитанник, «если пожелает», оставлял участок, принадлежащий комитету, и приписывался к государственным крестьянам. Девочек же с 13 лет переселяли в крестьянские дома — вознаграждения за это не платили, так как «девочки своей работой и так приносят пользу». Помимо пособия в 25 рублей им причиталась дополнительная выплата в 30 рублей «для уравнивания с воспитывающимися в заведении мальчиками». Авторы проекта, как проводники государственной воли, выступили арбитром социальной справедливости и попечительского распределения имеющихся благ, основанных на патриархальных представлениях о

¹ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 173. Л. 49. об.

² ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 173. Л. 51.

³ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 173. Л. 56об.

гендерном порядке. Более того, если с 16 лет девочки не сразу выходили замуж, то уже хозяева домов, где они жили и работали, обязывались платить девочкам «за их труды». В случае отклонения воспитанников от вступления в брак, они должны покинуть землю, принадлежащую приюту. В уставе также обозначалось, что власть обязывалась содействовать бракам между воспитанниками приюта. Возможно, здесь сказался опыт отторжения ссыльных местным населением, когда старожилы опасались выдавать женщин замуж за ссыльнопоселенцев, несмотря на дополнительные выплаты. Чтобы не обрекать детей ссыльных на изоляцию и бытовое неустройство, легче было покровительствовать их совместному общежитию. Крестьяне из сиропитательного дома на пять лет освобождались от уплат податей, земских повинностей и рекрутской повинности, но привилегии прекращались с «оставлением земледельческого сословия»¹.

Первоначально разработанный для Томской губернии, проект был представлен генерал-губернатору Западной Сибири Г.С. Гасфорду для создания такого же приюта в Тобольске. Генерал-губернатор дал согласие на реализацию проекта, подчеркивая необходимость «единства» проекта для обеих губерний. При строительстве сиропитательного дома губернское начальство предложило сократить расходы — комитет же счел эту меру излишней, сообщив, что денег достаточно, так что эта статья расходов была если не приоритетной, то имела в бюджете комитета особый статус². В тобольской газете, издававшейся по инициативе Тобольского губернатора В.А. Арцимовича, создание сиропитательного дома названо «главнейшим из действий» Попечительного общества³.

В 1857 г. до императора дошли сведения об устройстве в Митаве школ для детей арестантов, на что тот ответил министру внутренних дел С.С. Ланскому: «Не мешало бы это завести и у нас». Были выделены деньги на жалования и учебные пособия — детей обучали грамоте, закону Божьему и ремеслам. Требования были соразмерны условиям: «Если переданное в школе

¹ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 173. Л. 62.

² ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 173. Л. 6–7; Ф. 123. Оп. 1. Д. 172. Л. 44–51.

³ Тобольские губернские ведомости. 1857. № 9. 22 июня.

будет пересказано на другой день хоть кое-как, урок понят». На разосланный по империи циркуляр о создании школ поступил ответ из Западной Сибири, сообщающий о том, что в регионе еще с 1855 г. существовало учебное заведение для детей ссыльных и арестантов. Детей «немедленно» отделяли от родителей и помещали в специальное помещение¹. Таким образом, сибирский приют несколько опередил общую тенденцию. Очевиднее всего пробелы пенитенциарной системы в деле призрения детей проявились именно в Сибири как в месте концентрации ссыльных и заключенных со всей империи.

Перечисленные обстоятельства позволяют сделать вывод, что на рубеже 1840–1850 гг. среди всей массы ссыльных дети и подростки в местах штрафного поселения начали занимать положение субъектов, требующих специальных подходов, а в Судебном уставе 1864 г. эта тенденция получила законодательное продолжение. Цель сиропитательных приютов заключалась в воспитании земледельцев, в соответствии с чем был устроен быт и установлены льготы по обзаведению хозяйством после выпуска из приюта. Концепция таких приютов подразумевала интеграцию патерналистской модели большой семьи и совместного ведения хозяйства в пенитенциарные учреждения. Сибирь как сосредоточение ссыльной системы предугадало тенденции, характерные для тюрем в остальных частях империи: в это же десятилетие открывались школы при тюрьмах по указу Министерства внутренних дел. Вместе с тем предпринимались меры для облегчения быта женщин с детьми во время этапирования и в местах заключения. Учрежденный в Тобольской губернии женский тюремный комитет задался целью дифференцировать положение женщин осужденных и женщин, последовавших за мужьями добровольно. Приведенные меры декларировали намерения администрации, однако поставленные цели оказались далеки от имевшихся ресурсов и региональных реалий. Местные учреждения зачастую не справлялись с потоком ссыльных, что осложняло их учет и ведение документации, касавшейся ссыльных, а отсутствие механизмов контроля в самих поселениях усугубляло недоуправляемость территории, что приводило к

¹ ГА РФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 225. Л. 10, Ф. 123. Оп. 2. Д. 238, Л. 13.

неэффективности ссылки как исправительного института.

Библиография

Ананьев Д.А. Англо- и немецкоязычная историография истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX — начала XX в.: дис. ... д-р ист. наук. Новосибирск, 2023. 602 с.

Бочанова Т.А. Декабристы в Западной Сибири, Новосибирск: Сова, 2007. 265 с.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Юридическая литература, 1951. Т.2. 505 с.

Декабристы и Сибирь. / науч.ред. А.Н. Копылов и др. Новосибирск: Наука, 1977. 258 с.

Калинина Е.А. Училища Министерства государственных имуществ в системе народного просвещения // Вопросы образования. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchilishcha-ministerstvagosudarstvennyh-imuschestv-v-sisteme-narodnogo-prosvescheniya> (дата обращения: 13.06.2024).

Каторга и ссылка: историко-революционный вестник / Всесоюзное обществополитических каторжан и ссыльно-поселенцев. М.: [б. и.], 1921– 1935.

Кодан С.В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX века // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М.: [б.и.] 1982. С.110–118.

Курас С.Л. Система организации исправительных учреждений для несовершеннолетних в дореволюционной России // Власть. 2015. № 1. Том 23. № 1. С. 185– 189.

Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб. : скоропечатня Ю.О. Шредера, 1867. 704 с.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX в. Омск : Изд-во Омск, ун-та, 1997. 253 с.

Сергеевский Н.Д. Курс русского уголовного судопроизводства. СПб: печатня А.Григорьева, 1876. 161 с.

Курас С.Л. Система организации исправительных учреждений для несовершеннолетних в дореволюционной России // Власть. 2015. № 1. Том 23. № 1. С. 185–189.

Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1874. 284 с.

Трынковский Я. Польская Сибирь. Ссылные и их жизнь. Рождение мифа. СПб.: Алетейя, 2023. 470 с.

Badcock S. A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last

А.Р. Жамалутдинов

Московский педагогический государственный университет

Эволюция взглядов М.С. Горбачева

Проблематика реконструкции взглядов политических лидеров конца советской эпохи становится весьма актуальной. Тезисы, встречающиеся на страницах мемуаров М.С. Горбачева, в публичных выступлениях, становятся оружием идеологической борьбы, превращаются в обвинения в адрес последнего советского лидера. Действительно, некоторые утверждения генсека-президента о ликвидации тоталитарной системы, повороте к рынку, приверженности демократическим преобразованиям, нацеливают на двойное толкование, на размышления о предательстве социалистической системы и союзного государства. Такого рода «признания» активно используются в конспирологической литературе для доказательства «измены» генсека. В статье прослежена эволюция взглядов М.С. Горбачева, выявлена конкретно-историческая реконструкция его мнения относительно советской системы и СССР.

Ключевые слова: М.С. Горбачев; перестройка; социалистическая идеология; эволюция взглядов.

Проблематика реконструкции взглядов политических лидеров конца советской эпохи становится весьма актуальной в историографии¹, так как без прослеживания эволюции взглядов М.С. Горбачева тезисы, встречающиеся на страницах его мемуаров, в публичных выступлениях, становятся оружием идеологической борьбы, превращаются в обвинения в его адрес. Действительно, тезисы бывшего генсека о ликвидации тоталитарной системы, повороте к рынку, приверженности демократическим преобразованиям² в качестве позитивного влияния реформ могут нацеливать на размышления о предательстве социалистической системы и союзного государства. Такого рода

¹ Маслов Д.В. Замысел горбачевской «перестройки». Попытки реконструкции // Россия XXI. 2016. № 1. С. 88–113.; Елисеева Н.В. СССР: реформы и реформаторы 1945–1991 гг. М., 2019. 448 с.

² Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн.1. М., 1995. С. 6–7.

«признания» активно используются в конспирологической литературе для доказательства «измены» генсека¹. При этом цитаты подбираются эклектично, не прослеживаются взгляды М.С. Горбачева, не прорабатывается вопрос о том, что вкладывал Горбачев в те или иные понятия.

Используя цитаты из мемуаров М.С. Горбачева, некоторые историки отождествляют уничтожение тоталитаризма и СССР². Между тем для М.С. Горбачева крах тоталитаризма заключался в ликвидации командной системы, существовавшей в СССР до начала перестройки. Никогда генсек не озвучивал тезис о том, что его целью было разрушение СССР. Напротив, деятельность М.С. Горбачева в 1990–1991 гг. была направлена на сохранение обновленного Союза. На протяжении многих лет он осуждал политических деятелей, разрушивших государство. «Я еще задолго до распада СССР, до беловежских соглашений называл этих борцов с „Центром“, с „советской империей“ не-большевиками. Их революционный максимализм, стремление в один день разрушить то, что создавалось веками, происходит от интеллигентского нетерпения»³.

Вторая важная проблема — реконструкция взглядов «перестройщиков» на советскую систему в момент прихода к власти. Реформаторы, пришедшие к власти в 1985 г., были антисталинистами. Их идеал заключался в раскрытии потенциала социализма, в избавлении от дефектов сталинизма в этой системе. М.С. Горбачев подчеркивал, что «перестройка — началась под знаменем позднего Ленина»⁴. Данное понимание автоматически снимает многие сюжеты конспирологического характера, связанные с выходом книг, статей, фильмов антисталинской направленности в период перестройки. Поэтому в данном случае речь должна идти не об идеологических диверсиях (в трактовке

¹ См., например: *Ильинский И.М.* Штрихи к психологическому и политическому портретам бывшего генсека ЦК КПСС и президента СССР М.С. Горбачева // *Знание. Понимание. Умение.* № 1. 2021. С. 5–27.

² *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 663.

³ *Горбачев М.С., Икеда Д.* Моральные уроки XX века: Диалоги. М., 2000. С. 108.

⁴ *Горбачев М.С., Икеда Д.* Моральные уроки... С. 50.

сталинистов), а о стратегии реформирования советского общества, адекватности понимания реформаторами системы (данный посыл касается и политических консерваторов в Политбюро. К примеру, Е.К. Лигачев был поклонником стихов Н. Гумилева, а Н.И. Рыжков был сторонником НЭПа и «бухаринской альтернативы»). В частности, это позволяет проследить трансформацию взглядов А.Н. Яковлева. В позднейших мемуарах «Сумерки» (2005 г.) при цитировании записки М.С. Горбачеву «Императивы политического развития» пропадает абзац, который был в книге «Горькая чаша»: «Первая попытка изменить старый способ правления была предпринята в 1917 году. Но через 11 лет, в 1928 году Сталин и его окружение навязали новые идеологические координаты, сотканые из марксистской фразеологии и предназначенные для оправдания моновласти»¹.

Еще один миф связан с политическим флюгерством М.С. Горбачева. Критикуют постоянную изменчивость идеологических взглядов руководителя партии и государства в ходе преобразований. Реформирование системы постепенно перешло от обновления социализма к капиталистической трансформации. Сторонники социализма не могут этого простить М.С. Горбачеву. Однако возможно ли существование социалистической и успешно развивающейся страны в условиях информационного общества? Отказ от социалистической системы во имя научно-технического прогресса был необходимой потребностью перестройки.

Как подчеркивает Д.В. Ефременко: «Была ли обречена советская система? Несомненно да, если принять во внимание наличие целого ряда „встроенных“ в нее механизмов саморазрушения, ее ригидную иерархическую организацию, насилие и устрашение как основные методы ее создания и функционирования. Была ли эта система и вместе с ней Советский Союз обречены на гибель в 1991 г.? Очевидно нет, если бы действия политического руководства не вызвали системные сбои и запуск

¹ Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большеизм и Реформация в России. Ярославль, 1994. С. 19.

механизмов саморазрушения»¹. При этом М.С. Горбачев искал варианты модернизации, пытаясь ускорить развитие (1985–1986 гг.), совместить социализм с западной демократией и рыночной экономикой (1987–1991 гг.). Однако конвергенция систем не удалась.

Ошибки в экономическом реформировании (здесь следует согласиться со Ст. Коэном, который опроверг довольно распространенный миф о крахе советской экономики. Как указал исследователь: «Более того, кризис 1990–1991 гг. на самом деле не был кризисом советской экономики, которая демонстрировала рост еще в 1985–1989 гг., — это была уже постсоветская, или переходная экономика»². Именно о неудачи преобразований и разрушении переходных форм целесообразнее вести речь), отсутствие политической культуры, пассивность населения в ходе реформ—привели к краху преобразований. Вместе с тем очевидно, что переходная система с плюрализмом, развитием демократических институтов, развитием рыночных отношений все меньше напоминала ту социалистическую систему, существовавшую до 1985–1986 гг.

Таким образом, вряд ли при успехе реформ можно было говорить об обновленном социализме. Скорее, речь бы шла о диалектическом сочетании социализма и капитализма. Именно такой исход преобразований желал бы видеть М.С. Горбачев. Что же касается политического флюгерства, «измене» делу социализма, то бывший генсек подчеркивал, что он остается сторонником «живой» левой идеи, социал-демократии. М.С. Горбачев утверждал: «Я остаюсь человеком левых убеждений. Что в моей нынешней позиции особенного? Надо обладать качествами Ленина, который, не боясь пересудов, менял свои взгляды на социализм под давлением жизни. Для тех, кто пытается меня критиковать, у меня ответ один: «Послушайте. Четыре года прошло после революции. Ленин сказал: «Пошли не тем путем, допустили ошибку, надо коренным образом менять нашу точку

¹ Ефременко Д.В. Посттравматическая Россия: социально-политические трансформации в условиях неравновесной динамики международных отношений. М., СПб., 2015. С. 29.

² Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М., 2007. С. 75.

зрения на социализм». Почему Вы Ленину даете право менять, не проклинаете его и не считаете иудой и предателем, а меня считаете? Почему вы мне отказываете в том, что мог делать Ленин? Хотя, правда, некоторые из тех, кто рядом был с Лениным, считали его предателем идей революции и даже покончили с собой: не могли выступить против Ленина и в тоже время были с ним не согласны. На самом деле дело не во мне и не в Ленине. Точку зрения на социализм меняла и меняет сама жизнь»¹.

Трагедия реформатора состояла в том, что, уловив прогрессивный «ветер перемен», М.С. Горбачев со своей командой совершили ошибки в области экономического реформирования. Вкупе с открывшимися шлюзами гласности и демократизацией политической системы, это привело к массовому недовольству системой, на волне которого к власти пришли политические популисты с тоталитарным сознанием и необольшевицкими методами действий. Примечательна оценка «демократов» от А.С. Ципко: «„Демократическая Россия“ предпочитает только те выборы и референдумы, где она выигрывает, она предпочитает „народ“ и „массы“ только тогда, когда они идут за ней. Иначе „народ“ для нее становится „реакционной массой“, становится „красно-коричневым“»².

Еще одним дискуссионным вопросом при исследовании взглядов М.С. Горбачева становится его понимание внешней политики. Если в области внутривнутриполитических преобразований реконструкция замыслов реформаторов вполне очевидна, то внешнеполитические мероприятия подвергаются наиболее ожесточенной критике. Связано это с тем, что архивные документы по данной тематике остаются наиболее секретными несмотря на то, что доказана вторичность внешнего фактора в процессе дезинтеграции СССР по сравнению с внутренними³, проведена работа с разоблачениями исторической и конспирологической

¹ Славин Б.Ф. Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славиным. М., 2001. С. 112–113.

² Ципко А.С. Почему я не «демократ». Критика национального нигилизма российских либералов. М., 2005. С. 113.

³ Маслов Д.В. Состояние советской системы в перспективе ее трансформации 1980–90-х гг.: проблемы историографии, теории и методологии исследования: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 432.

литературы, где внешнему фактору придавалось решающее значение в процессе дезинтеграции СССР¹.

Провал стратегии внешнеполитических преобразований стал очевиден в 1989–1991 гг., реформаторы переоценили устойчивость системы. Связи, скрепляющие СССР и Восточную Европу (общий общественный строй, экономика, ОВД, идеология), оказались без финансовой подпитки достаточно неустойчивыми. Переоценка степени устойчивости коммунистических систем привела, в конечном счете, к геополитическому краху СССР-России.

При этом горбачевское руководство предпринимало неоправданные уступки, которые пока не объясняются тезисами о «равноправии договоренностей» с США. Это соглашение 1990 г. о линии разграничения в Беринговом море, переговорные позиции советской стороны в ходе обсуждения германского вопроса, когда даже сами представители ФРГ удивлялись уступчивости М.С. Горбачева, где формула переговоров определялась по принципу «Геншер — хороший человек» (таково было объяснение Э.А. Шеварнадзе, когда он согласился на формулу переговоров «2+4», то есть ФРГ и ГДР плюс державы победительницы, тогда как он не должен был соглашаться на такой формат, следуя инструкциям. В реальности переговоры пошли по формату «1+5»).

СССР шел на уступки взамен на незначительную финансовую помощь. Как отметила И.М. Батурина: «Автократичную манеру решения международных вопросов характеризует и тот факт, что ни Верховный Совет или правительство, ни Совет обороны или Президентский совет, о Политбюро ЦК КПСС и речи не было, в общем ни один государственный орган не давал М.С. Горбачеву полномочий на принимавшиеся им решения по Германии. Он не считал нужным даже ставить в известность парламент или правительство о своих планах и намерениях»². Неутешительный вывод автора о том, что «внешняя политика, проводившаяся в СССР в 1985–1991 гг., была персональной по-

¹ Маслов Д.В., Лазарева Л.Н., Суханова Н.И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М., 2022. С. 279–319.

² Батурина И.М. Политика перестройки в СССР. Соотношение внутренних и внешних факторов (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. С. 158.

литикой советского руководителя»¹, более чем соответствует действительности. Даже Е.Т. Гайдар считал, что «экономическая цена, которую заплатил Запад за отказ СССР от контроля над Восточной Европой, оказалась невысокой. Кредиты и гранты ФРГ за согласие на объединение Германии, итальянские связанные кредиты, американские зерновые кредиты — это, если вспомнить о цене вопроса, немного. Но руководство СССР было не в том положении, когда можно навязывать партнерам по переговорам свои условия»². С этим тезисом следует согласиться. Нарастание экономического кризиса в СССР способствовало проведению переговоров в русле «слабой» переговорной позиции. Несмотря на ошибки, допущенные М.С. Горбачевым, во внешней политике, нельзя не отметить гуманистическую прогрессивность нового мышления (только великий гуманист мог написать, что переход во внешней политики должен сопровождаться «от подозрительности и вражды к доверию, от «равновесия страха» к равновесию разума и доброй воли, от узконационального эгоизма к сотрудничеству — вот к чему мы зовем, к чему направлены наши мирные инициативы, ради чего мы и дальше будем неустанно работать»³), завершение афганской и холодной войн, отказ от поддержки, по выражению В.Я. Гельмана, «черных рыцарей» третьего мира.

М.С. Горбачев является реформатором мирового масштаба. Однако он не смог адекватно ответить на вызов времени. Задачи по реформированию и укреплению Советского Союза и социалистического блока были провалены. Ни одна из целей не достигнута. В том числе и приписываемая в качестве успехов преобразований «демократизация» общественной жизни. Устойчивые институты демократии не были созданы. Те же, кто называл себя «демократами», по существу, ими не являлись. Но ответственность М.С. Горбачева и его команды за то, что они не смогли преодолеть «эффект колеи», необходимо определять в каждом конкретном случае отдельно.

¹ Батурина И.М. Политика перестройки в СССР... С. 167.

² Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2022. С. 399.

³ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 269.

Библиография

Батурина И.М. Политика перестройки в СССР. Соотношение внутренних и внешних факторов (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 2001. 193 с.

Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2022. 592 с.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн.1. М.: АО «Издательство „Новости“», 1995. 600 с.

Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. 271 с.

Горбачев М.С., Икеда Д. Моральные уроки XX века: Диалоги. М.: Blue Apple, 2000. 175 с.

Ефременко Д.В. Посттравматическая Россия: социально-политические трансформации в условиях неравновесной динамики международных отношений. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 224 с.

Ильинский И.М. Штрихи к психологическому и политическому портретам бывшего генсека ЦК КПСС и президента СССР М.С. Горбачева // Знание. Понимание. Умение. №1. 2021. С. 5–27.

Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI, 2007. 192 с.

Маслов Д.В. Замысел горбачевской «перестройки». Попытки реконструкции // Россия XXI. 2016. № 1. С. 88–113.

Маслов Д.В. Состояние советской системы в перспективе ее трансформации 1980–90-х гг.: проблемы историографии, теории и методологии исследования: дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГОУ, 2005. 531 с.

Маслов Д.В., Лазарева Л.Н., Суханова Н.И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М.: РОССПЭН, 2022. 399 с.

Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост 9-Д-Форум, 2011. 864 с.

Славин Б.Ф. Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славиным. М.: Олма-Пресс, 2001. 176 с.

Ципко А.С. Почему я не «демократ». Критика национального нигилизма российских либералов. М.: Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. 480 с.

Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большевизм и Реформация в России. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1994. 461 с.

Раздел третий

История культуры

М.Ю. Борисов

*Научно-исследовательский отдел редких книг (Музея книги)
Российской государственной библиотеки
Институт российской истории Российской академии наук
(Москва)*

**Московская Библия XVIII в. в библиотеке
Московской духовной академии:
история экземпляров и особенности их бытования**

Статья посвящена изучению истории бытования нескольких экземпляров разных изданий Елизаветинской Библии 1757–1766 г., которые происходят из библиотеки Московской духовной академии. Дается научное описание четырех экземпляров этих изданий, хранящихся в собрании Российской государственной библиотеки. Были изучены переплеты, внешнее состояние и рукописные записи на книгах. Также были рассмотрены особенности использования и чтения данных Библий обучающимися академии. Автором были сделаны выводы о том, что библейские сюжеты сами по себе в меньшей степени интересовали студентов, нежели чем, историческое по содержанию Предисловие иеромонаха Варлаама Лящевского. Были определены основные места, где располагались записи и пометы, а также их содержание.

Ключевые слова: Елизаветинская Библия, Московская духовная академия, кириллическая книга, книжная культура.

Издание Библии на церковнославянском языке в середине XVIII в., названное по имени императрицы Елизаветы Петровны, в правление которой была напечатана книга, было предприятием большого культурного и религиозного масштаба, явно имевшим и немалое политическое значение. Сегодня оттенки этого можно увидеть в Предисловии, составленное иеромонахом Варлаамом Лящевским, в котором содержится пересказ трудной и длительной истории издания новой редакции Библии. Здесь же располагаются торжественное посвящение императрице и две роскошные гравюры: первая представляет титульный лист книги, помещенный в рамку с двуглавым орлом и медальонами на библейские сюжеты и панорамой Московского Кремля и Петропавловской крепости, вторая — изображение Елизаветы

Петровны, которая получает незаконченное исправление Библии от Петра I и Екатерины I.

Потребность в книге была очевидна, и учитывая необходимость внесения в нее некоторых правок и исправлений, только за XVIII в. в свет вышло десять изданий Елизаветинской Библии. В сумме это значительное количество экземпляров, которое разошлось и «осело» по разным уголкам страны. Хотя Библия и не являлась учебной книгой, но так или иначе ее можно было обнаружить в библиотеках разных образовательных учреждений. Например, в нашем случае — в библиотеке Московской духовной академии (далее — МДА). В этом контексте становится интересным изучить специфику бытования этих книг, как ими пользовались и читали учащиеся и сотрудники этих учреждений.

В этой связи отметим, что в поле интересов исследователей долгое время оставались сюжеты, посвященные общим вопросам истории издания Елизаветинской Библии¹. Относительно хорошо разработанной темой является история иллюстрирования Библии как целых изданий², так и конкретных экземпляров, хранящихся в библиотеках разных стран³. Необходимо

¹ *Елеонский Ф.* По поводу 150-летия Елизаветинской Библии: о новом пересмотре славянского перевода Библии. СПб., 1902. 110 с.; *Срезневский В.И., Бем А.Л.* Издания церковной печати времени императрицы Елисаветы Петровны. 1741–1761. Петроград, 1914. 557 с.; *Рижский М.И.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978. 207 с.

² *Кулименева И.Е.* Цикл ветхозаветных иллюстраций для Елизаветинской Библии. История создания и гравированные прототипы // Библейские и литургические темы и образы в искусстве Востока и Запада: диалог культур, традиция и современность. М., 2017. С. 167–175; *Герасимова Н.В.* К истории оформления Елизаветинской Библии (по документам канцелярии Синода) // Берковские чтения — 2023. Книжная культура в контексте международных контактов. М., 2023. С. 190–197.

³ *Горфункель А.Х.* Иллюстрированный экземпляр Елизаветинской Библии в Бостонской публичной библиотеке // Книга. Исследования и материалы. М., 1996. Сб. 72. С. 207–211.; *Воробьева Е.В., Хромов О.Р.* Редкие экземпляры Елизаветинской Библии (по фондам Государственной публичной исторической библиотеки России) // Библиотековедение. 2002. № 4. С. 58–63.; *Киреева Г.В.* Гравюры в московском издании Библии 1757 года (в фонде Национальной библиотеки Беларуси) // Chrzescijanskie dziedzictwo duchowe narodow slowianskich. Literatura. Język. Kultura. Historia. Seria V: Mistycyzm i monastycyzm w literaturze, kulturze i języku Słowian. Białystok, 2021. С. 393–405.; *Герасимова Н.В.* Неизвестные варианты типографского оформления

также отметить и каталог Гусевой А.А., который на сегодняшний день содержит наиболее полные сведения о каждом ответственном кириллическом издании XVIII в. и является незаменимым справочным изданием для исследователей¹. При этом изучение традиции и особенностей бытования славянской Библии в читательской культуре остаются на сегодняшний день актуальными вопросами.

До революции в фонде библиотеки МДА хранилось несколько экземпляров разных изданий Елизаветинской Библии. Их собрание достаточно невелико и постоянно менялось. По каталогам академии известны лишь экземпляры следующих изданий: 4 экз. 3-го изд. Елизаветинской Библии 1757 г. (Гусева А.А., кат. 107), первая и третья части 8-го изд. 1784 г. (кат. 111) и экз. 10-го изд. 1797 г. (кат. 113). Установление всех путей и условий попадания этих книг в МДА требует проведения дополнительных исследований, но уже на данный момент можно сказать, что библиотека комплектовалась ими лишь эпизодически. Так, например, две части Библии 1784 г. попали в МДА, оказавшись только, в числе книг, отобранных из библиотеки Славяно-греко-латинской академии². Стоит отметить, что Библии, которые хранились в библиотеке МДА часто были дефектными и ветхими, в некоторых книгах отсутствовали начало и конец. Изначально ли они такими попадали в МДА или это результат их использования в рамках учебного заведения — на сегодняшний момент вопрос спорный.

В собрании НИО редких книг (Музей книги) РГБ было обнаружено 3 экз. Елизаветинской Библии и отдельный переплет с Предисловием Ляцевского и оглавлением к изданию 1766 г., которые происходят из библиотеки МДА. Это один экз. 3-го изд. 1757 г. и два экз. 5-го изд. 1766 г. (кат. 109), которые ни в каких каталогах Академии не упоминались. Вероятно, что эти книги

Елизаветинских Библий, изданных в Москве в 1757–1762 годах // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20, № 2. С. 198–211.

¹ Свод русских книг кирилловской печати XVIII в. типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации / сост. А.А. Гусева. М., 2010. 1252 с.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 173. Оп. 1. Д. 603. Л. 1.

являлись более поздними поступлениями в библиотеку.

Экземпляр Библии 1757 г. (Инв. №5835) имеет твердый переплет — картон, поволоченный телячьей кожей, обрез напрыском синей краской. Книга находится в плохом состоянии: верхняя и нижняя крышки переплета вместе с корешком, имеющий надрывы и утраты фрагментов кожи, оторваны от книжного блока, несколько тетрадей не скреплены бинтами. У книги отсутствуют тринадцать последних листов, при этом сохранившиеся нередко имеют надрывы и повреждения. Ряд начальных и последних листов имеют следы реставрации XIX в. По физическим описаниям, имеющиеся в каталогах библиотеки МДА, Библия больше подходит под «Экземпляр первый — некоторые листы попорчены. В коже ветхой»¹. На втором форзацном листе имеется старый шифр МДА — «1/560 дубл[ет]»², аналогичный можно обнаружить в Систематическом каталоге библиотеки МДА Корсунского И.³ Помимо штампов, здесь была обнаружена запись, указывающая на МДА в качестве владельца: «Изъ Акад[емической] Библіот[еки] В.Б. — А.Р.». Также имеется и владельческая запись, написанная на латыни почерком конца XVIII — начала XIX вв.: «<...>⁴ hunc librus Georgius Aeczensxii / scriba Magistratus, quod» («книгу подписал Георгий Экзенский, магистратский писец»). По всей видимости, книга попала в библиотеку МДА в первой трети XIX в.

Библия 1766 г. (Инв. №8866) также имеет твердый переплет — доски, поволоченные имеющей потертости опойком, верхняя крышка украшена слепым тиснением (басмы и роли), обрез тисненный с угасшим золочением. Застежка у книги не сохранилась. У экземпляра отсутствуют шесть начальных листов (два фронтисписа, посвящение монарху, первое предисловие, а Предисловие Лящевского сохранилось частично). Ряд листов имеют потемнения, надрывы и утраты, а также первый и

¹ Там же. Д. 625. Л. 2.

² Музей книги Российской государственной библиотеки (МК РГБ). Библия. 3-е изд. М. 1757. Инв. № 5835. форзац. л.

³ Корсунский И. Систематический каталог книг Библиотеки Московской духовной академии, составленный библиотекарем Московской духовной академии И. Корсунским. М., 1881. Т. 1. Вып. 1: [Богословие]. С. 64.

⁴ Одно слово не читается.

несколько последних были реставрированы. Помимо штампов библиотеки МДА в Библии имеется и ее старый шифр: «дубл[ет] / 3/560»¹, и здесь мы наблюдаем интересную ситуацию. Дело в том, что в вышеупомянутом каталоге Корсунского И. данный шифр относится ко второму экз. 3-го изд. Елизаветинской Библии 1757 г.² Скорее всего, произошла путаница на стадии атрибуции книги библиотекарями, так как из-за дефектности экземпляра ее выходные сведения утрачены. Однако все полиграфические признаки подсказывают на то, что это разные издания, и в РГБ она датирована 1766 г. Когда точно Библия попала в библиотеку МДА сказать трудно, однако ее внешний вид свидетельствует о «насыщенной жизни». Так, например, на оборотных сторонах верхней и нижней крышек имеется большое количество записей, помет, проб пера и рисунков почерками как XVIII в., так и XIX в. В XVIII в. Библия по записям «было въ храме / приносима»³, а ниже читаем запись владельца: «Предтеченской церкви / священника Павла <...>»⁴. Вероятно, экземпляр также попал в библиотеку МДА в XIX в.

Еще один экз. Елизаветинской Библии 1766 г. (Инв. №1093) также обладает твердым переплетом, в основе которого доски, поволоченные опойком, верхняя крышка и корешок которого имеют слепое тиснение (басмы и роли). Обрез книги выполнен напрыском красной краской, застежки не сохранились. Экземпляр имеет ряд потертостей и утрат кожи на переплете, верхняя крышка фактически отпадает от книжного блока, некоторые листы имеют надрывы, но при этом он полный и в хорошем состоянии. Книга дополнительно была оснащена закладками-регистрами, сделанные из наклеенной бумаги. Имеется также владельческая запись, написанная почерком второй половины XVIII в.: «Принадлежит каняз Петру Шелешпанскому». Скорее всего книга принадлежала князю, секунд-майору Петру Сер-

¹ МК РГБ. Библия. 5-е изд. М. 1766. Инв. № 8866. Л. 6.

² Корсунский И. Систематический каталог книг Библиотеки Московской духовной академии, составленный библиотекарем Московской духовной академии И. Корсунским. М., 1881. Т. 1. Вып. 1: [Богословие]. С. 64.

³ МК РГБ. Библия. 5-е изд. М. 1766. Инв. № 8866. Об. зад. крышки.

⁴ Фамилия владельца написана неразборчиво.

⁵ МК РГБ. Библия. 5-е изд. М. 1766. Инв. № 8866. Об. зад. крышки.

геевичу Шелушпанскому (1744–1786), но как попала Библия в библиотеку МДА — неизвестно, скорее всего после смерти владельца.

Здесь же хранилось и отдельно переплетенное Предисловие иеромонаха Варлаама Лящевского и оглавление для издания Елизаветинской Библии 1766 г., которое также не было указано в изученных нами каталогах библиотеки МДА. Помимо штампа учреждения на форзацном листе указан и старый шифр — «№1378»¹.

Все выявленные нами экземпляры имеют следы активного бытования, как в виде физической изношенности книг, так и в виде «следов», которые оставляли на их полях читатели. Последние дают возможность проследить то, как использовалась Библия в МДА и для каких целей обращались к ней студенты и преподаватели. Эти книги выдавались в пользование читателям, о чем свидетельствуют записи по типу «у Плахенко»² «у Кокшарова 1864 г.»³ или «Студентъ Богосл[овский?]»⁴. Что же их интересовало в Библиях? Прежде всего это Предисловие Лящевского, чей исторический экскурс наверняка привлекал большое количество внимания и мог быть полезным для некоторых учебных дисциплин академии. В изученных экз. (кроме одного) оно имеет разного рода записи и пометы в виде подчеркиваний слов и выделения строк текста на полях. Записи можно обнаружить как короткие по типу «зри», так и комментирующие содержание книги. Мы видим, что читателей больше всего интересовали обстоятельства издания кириллических Библий и наличие погрешностей в них. Пристальное внимание было уделено также истории исправления и подготовки новой редакции Библии, где на полях один из читателей резюмировал: «Смерть Ек[атерины] I / удержало / исправ/ление библии / до 1735 г.»⁵. Отдельно фиксировались участники комиссий по подготовке нового издания, роль разных императоров в этом предприятии, их яркие характеристики по типу «...держай въ руку свою

¹ МК РГБ. Библия отрывок. 5-е изд. М. 1766. Инв. № 8868. форзац. л.

² МК РГБ. Библия. 3-е изд. М. 1757. Инв. № 5835. форзац. л.

³ Там же.

⁴ МК РГБ. Библия. 5-е изд. М. 1766. Инв. № 8866. об. верх. крышки.

⁵ МК РГБ. Библия отрывок. 5-е изд. М. 1766. Инв. № 8868. Л. 10.

сердце царево Богъ, и управляяй е, якоже хоцетъ, вляя духа ПЕТРОВА въ Кровь Его Вселюбезнейшую Дощеръ <...> ИМПЕРАТРИЦУ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНУ»¹. Отдельно интерес читателей концентрировался и на характеристике настоящего издания («еже согласно во всемъ греческому <...> переводу нашъ словенский переводъ издати»)², а также на исправлениях, которые были в него внесены. Так, например, один из читателей остался явно в недоумении, кем были составлены «речи исправленные», и соответствующий вопрос «кем?»³ оставил на полях книги. В представленном списке исправлений и изменений в стихи библейских книг также оставлены замечания текстологического характера, где им же описаны собственные наблюдения относительно редакции данного издания.

При этом само содержание Библии похоже не сильно интересовало читателей, что несколько удивляет, обращая внимание на профиль учебного заведения, где данные книги хранились. Приходится также констатировать некоторую трудность в определении степени заинтересованности чтения основного текста, т.к. изученные книги библиотеки МДА довольно активно бытовали, поэтому следы затертости и прочие дефекты листов скорее всего присутствовали уже в момент попадания их в учреждение. Из выявленных почерков на страницах Предисловия, только один можно обнаружить на последующих листах. Здесь также встречаются записи в основном по типу «зри», реже с комментариями и прибавлениями автора, еще реже — сноски на другие книги Священного Писания и труды Отцов церкви. Записи этого почерка, которые можно датировать концом XVIII — началом XIX вв., вообще являются единственными обнаруженными нами в тексте самой Библии в изученных экз. Причем нет никаких сведений, говоривших о том, что в это время книга уже принадлежала библиотеке МДА, поэтому связывать автора этих маргиналий с академией у нас нет оснований.

Еще одно место концентрации ученических записей являются обороты двух досок переплета. Использовать их было до-

¹ Там же. Л. 11 об.

² Там же. Л. 14.

³ МК РГБ. Библия. 3-е изд. М. 1757. Инв. № 5835. Л. 14.

вольно удобно: во-первых, много свободного места для собственного письма, а, во-вторых, листы с текстом оставались чистыми от многочисленных записей, помет, проб пера и рисунков. Подобные маргиналии были обнаружены только на одной Библии 1766 г. (Инв. №8866) и довольно наглядно отражают то, как могли работать ученики с данными книгами. Большая часть из них представляет собой пробы пера, которые оттачивают навык написания отдельных букв и слов, например, свою фамилию «Милорадови[ч]»¹, и определенных словосочетаний, таких как «Ваше благородіе»² или «Бога нашего»³. Отдельное внимание ученики по каким-то причинам заострили на сапогах (возможно являлись актуальной темой обсуждения среди студентов). Судя по почерку, вначале один из них, нарисовав сапог, поместил в него имена своих товарищей (?), разделив их поперечными горизонтальными линиями. Спустя некоторое время другим были нарисованы два военных гусарских сапога с кисточками, один из которых имел шпору. К ним была приписана небольшая запись в диалоговой форме: «нетъ ни такой та сапог а вотъ какой»⁴, при этом с правой стороны к словам «а вотъ какой» нарисован еще один сапог только уже без кисточки, обычный. С левого края другими читателями были пририсованы еще два сапога. Была обнаружена и выписанная цитата из молитвы ко Пресвятой Богородицы: «достойно есть яко вои/стину восхвалять богородицу / присно блаженную и пре/непорочную и мать»⁵, которая, вероятно, записывалась для заучивания. Однако никаких записей связанные непосредственно с содержанием Библии здесь найдено не было.

Изученные сведения позволяют говорить, что библейские сюжеты сами по себе интересовали читателей библиотеки МДА в меньшей степени, нежели чем, например, Предисловие Лящевского. Кроме следов затертости листов, которые невозможно точно атрибутировать, мы не видим признаков их активной работы с основным содержанием книги. Может быть, у обу-

¹ МК РГБ. Библия отрывок. 5-е изд. М. 1766. Инв. № 8868. об. верх. крышки.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

чающихся авторитет Библии был настолько высок, что они не находили у себя морального права как-либо внедряться в Священный текст. Основным интерес, который мы можем зафиксировать, концентрировался вокруг исторических сюжетов, посвященные истории издания славянских Библий, а также исправлению и составлению новой редакции при императрице Елизавете Петровне. В условиях до появления первых специальных исследований по данным проблематикам, это Предисловие становилось важным источником информации, например для курсов по церковной истории, откуда обучающиеся могли черпать как фактические сведения, так и яркие образные характеристики российских монархов. В качестве писчего материала могли использоваться пустые, форзачные листы или, в нашем случае, обороты крышек переплета. Конечно, эта традиция характерна не только для студентов и обучающихся в целом, однако в нашем случае довольно ярко позволяет продемонстрировать подходы и особенности их работы с такими книгами. Суммировав все из вышеперечисленного, можно сказать, что эти места использовались как для библиотечных подписей (за кем на данный момент числится книга), так для учебного характера (чистописание и заучивание определенных молитв) или развлечения (записи на отвлеченные темы и рисунки).

Продолжение исследования истории бытования книг различных наименований в конкретных социальных средах, например, образовательной, позволит в дальнейшем глубже изучить отечественную книжную культуру и традицию чтения не только в рамках общества в целом, но и среди определенных групп. Это позволит выявить и зафиксировать те особенности чтения и работы с книгой, которые были присущи разным, например, социальным и профессиональным кругам.

Библиография

Воробьева Е.В., Хромов О.Р. Редкие экземпляры Елизаветинской Библии (по фондам Государственной публичной исторической библиотеки России) // Библиотековедение. 2002. № 4. С. 58–63.

Герасимова Н.В. К истории оформления Елизаветинской Библии (по документам канцелярии Синода) // Берковские чтения — 2023. Книжная культура в контексте международных контактов / сост.

Л.А. Авгуль, Н.В. Вдовина. М.: Наука, 2023. С. 190–197.

Герасимова Н.В. Неизвестные варианты типографского оформления Елизаветинских Библий, изданных в Москве в 1757–1762 годах // *Обсерватория культуры*. 2023. Т. 20, № 2. С. 198–211.

Горфункель А.Х. Иллюстрированный экземпляр Елизаветинской Библии в Бостонской публичной библиотеке // *Книга. Исследования и материалы*. М.: Терра, 1996. Сб. 72. С. 207–211.

Елеонский Ф. По поводу 150-летия Елизаветинской Библии: о новом пересмотре славянского перевода Библии. СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1902. 110 с.

Киреева Г.В. Гравюры в московском издании Библии 1757 года (в фонде Национальной библиотеки Беларуси) // *Chrzescijanskie dziedzictwo duchowe narodow slowianskich. Literatura. Język. Kultura. Historia. Seria V: Mistycyzm i monastycyzm w literaturze, kulturze i języku Słowian*. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, 2021. С. 393–405.

Корсунский И. Систематический каталог книг Библиотеки Московской духовной академии, составленный библиотекарем Московской духовной академии И. Корсунским. М.: тип. М.Н. Лаврова, 1881. Т. 1, Вып. 1: [Богословие]. 304 с.

Кулименова И.Е. Цикл ветхозаветных иллюстраций для Елизаветинской Библии. История создания и гравированные прототипы // *Библейские и литургические темы и образы в искусстве Востока и Запада: диалог культур, традиция и современность* / [отв. ред. Е.А. Хрипкова]. М.: РГГУ, 2017. С. 167–175.

Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск: Наука, 1978. 207 с.

Свод русских книг кирилловской печати XVIII в. типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации / сост. А.А. Гусева. М.: Индрик, 2010. 1252 с.

Срезневский В.И., Бем А.Л. Издания церковной печати времени императрицы Елисаветы Петровны. 1741–1761. Петроград: тип. Акад. наук, 1914. 557 с.

Е.П. Рощина

Оренбургский государственный педагогический университет

Феномен моды в трудах отечественных мыслителей XVIII–XIX веков

Статья посвящена анализу дореволюционных работ отечественных

философов и общественных деятелей, а также художественных произведений, в которых отражены особенности быта. Были выявлены причины, которые, по мнению авторов, способствовали возникновению моды, сопоставлены суждения о морально-нравственном влиянии моды на общество, показано какое сложилось отношение к моде в культуре в тот период. Выделены наиболее порицаемые аспекты и направления («западничество», преклонение перед французской модой, отсутствие патриотизма, «идолопоклонничество»), элементы (корсеты, турнюры, излишне откровенная одежда, специфические модели поведения) и символы. Сделан вывод о том, как менялось представление о моде на протяжении XVIII–XIX вв., долгое время оно было преимущественно ироничным, саркастическим.

Ключевые слова: мода, одежда, история повседневности.

Сегодня мода активно изучается в области гуманитарного знания такими науками как культурология, философия, психология, социология, история и экономика. Однако на протяжении долгого времени мода в России не была отдельным объектом научных исследований, до сих пор не сформулирована единая трактовка ее понятия, идеологическая концепция и теоретическое обоснование направлений моды.

Русская философская мысль XVIII–XIX вв. была преимущественно далека от земного и материального (а ведь мода в первую очередь затрагивает предметы быта, интерьера, и, конечно, костюмы), религиозна (отчасти консервативна, со стремлением к аскетизму). Поэтому русские философы не уделяли моде большого внимания в отличие от западных (в Европе моду изучали А. Смит, Г. Спенсер, З. Фрейд, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Э. Фромм, К.Г. Юнг и др.¹).

Ни коммунистическая, ни социалистическая концепции не подразумевали того, что мода является естественным социальным явлением, существующим в любом человеческом обществе (однако в Советском союзе мода, безусловно, была). В начале 1920-х гг. ее даже называли «эстетическим пережитком» поскольку считалось, будто советские граждане не стремятся к различиям в одежде «чтобы быть одетыми модно», дома моде-

¹ Гришаева Т.А. Мода как феномен современной культуры: автореф... дис. ... канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 3–4.

лей были созданы только во второй половине 1940-х гг., их основной задачей было «научить различные слои населения искусству одеваться»¹ (схематичная модель формирования моды властями). Поэтому вплоть до 1970-х гг. моду в СССР фактически не исследовали.

Перед современными исследователями стоят задачи, связанные с рассмотрением влияния моды на экономическую и социальную жизнь общества в рамках междисциплинарного подхода. Объектом данной статьи стало влияние моды на личность человека и общественное поведение в отечественной историографии XVIII–XIX вв.

Согласно данным исследователя М. Фасмера термин мода начали использовать в России при Петре I² (выражение *mode* пришло из немецкого или французского языка, восходит к латинскому *modus* – «правило, мера»). В труде «Архитектура воинская, гипотетическая...» (1709 г.) слово мода употреблено в том же значении, что и обычай: «Авторы сей манеры все крепости на одну моду устави...»³.

Одно из ранних упоминаний о моде можно встретить в «Письмах из Франции» Д.И. Фонвизина, опубликованных в «Вестнике Европы» (1806 г.) Писатель, рассказывая о нравах французов, говорит, что был у «*Mabandes des modes*»⁴ — модисток, ведь мода на костюмы во Франции меняется очень часто. Сам Фонвизин во втором своем путешествии за границу (1777 г.) одевался с блеском и с сожалением писал о том, что французы экономят на белье и драгоценностях. Для автора мода (выражение употребляется преимущественно в отношении костюмов) — способ продемонстрировать свой собственный достаток и богатство России, поскольку он был участником дипломатической

¹ Виниченко И.В. Мода в условиях социализма // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. № 2. С. 168–171.

² Фасмер А. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М: Прогресс, 1986. С. 631.

³ Штурм Л. Архитектура воинская. Гипотетическая, и еклектическая.... М.: Моск. печат. двор, 1709. С. 14.

⁴ Фонвизин Д.И. Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фон-Визина / под общ. ред. П.А. Ефремова. СПб: Тип. И.И. Глазунова, 1866. С. 417–427.

миссии. Фонвизин выделил различия в моде как критерий принадлежности к определенному социальному и культурному слою, оценил влияние моды на психологию людей. Даже богатые дворяне с трудом могли позволить себе следовать изменениям моды (в том числе королева Мария-Антуанетта), бедные же всячески к этому стремились, зачастую ценой собственного разорения — видимость роскоши тут подменяет реальное финансовое положение — или при помощи различных уловок (кружева на белье пришивают к дешевому полотну; о состоянии вещей которые не видят гости, хозяева не заботятся). Следование моде служит своеобразным маркером, по которому общество принимает или отвергает человека.

В статье «О торговле вообще» (1780-е гг.) просветитель И.И. Новиков рассуждает о пользе моды для торговли в государстве. Она связана с тем, что постоянная смена вкусов общества приводит в движение денежные массы, увеличивает число производимых товаров. Роскошь он не считает «...злом политическим; да не всегда бывает сие и моральным злом»¹. В качестве примера удачной торговой политики он вспоминает Францию и Пруссию и подтверждает верность своих выводов цитатой писателя-современника: «Чем более перемен в модах, тем более бывает работы»². Новиков не порицает моду, наоборот, говорит, что экономике государства она необходима.

Сатирическая работа Н.И. Страхова «Переписка моды, содержащая письма безруких мод...» (1791 г.) является примером того отношения к моде, которое прочно закрепится за нею на протяжении всего XIX и 1-й половины XX вв. в России — понятие мода станет применяться в первую очередь по отношению к костюмам, зачастую в уничижительном смысле, как синоним чего-то быстро сменяемого, нелепого. При помощи приема олицетворения писатель изображает моду могущественной дамой, которой безоговорочно подчиняются предметы, явления, люди. В ее власти деньги, стоящие дороже человеческой жизни:

¹ Новиков И.И. Избранные произведения / Подготовка текста, вступит. статья и коммент. Г.П. Макогоненко. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. С. 507–561.

² Новиков И.И. Избранные произведения... С. 534.

«Кружок (монета) дороже стоит двухсот человек»¹. Она легко превозносит тех, кто раньше жил на милостыню (гадалок на кофейной гуще и картах, толковательниц снов), делает популярными болезни, покровительствует напыщенности и вульгарности в искусстве и обыденной жизни — «...ветреность, безстыдство, щегольство, волокитство, роскошь, и пр. между собой их переженила»². В обличении причуд моды конца XVIII в. Страхов находит прекрасную возможность для распространения идей эпохи Просвещения среди читателей.

Ф.Ф. Вигель в «Записках» (отражена первая треть XIX в.) говорит о том, как в 1812 г. повсеместно изгонялись французские модистки, и зарождалась новая патриотическая мода — на все русское³. Светские дамы отказались не только от зарубежных нарядов, но и от французского языка, и еще некоторое время ходили в русской одежде. Авторы показали как изменение политического курса и военная угроза способны повлиять на настроение общества, вплоть до изменения привычного быта, которое, однако, в данном случае было непродолжительным.

Н.М. Карамзин в статье «О легкой одежде модных красавиц девятого-надесять века» (входит в 7-й том 4-го издания сочинений Н.М. Карамзина, напечатанного в типографии А. Смирдина, подписана авторством В. Мулатова (возможно псевдоним), но, несомненно, принадлежит Карамзину) жалуется на ношение популярных в ту пору платьев в стиле «нагой моды» — легких шифоновых нарядов с завышенной талией, плотно облегающих изгибы фигуры, наподобие тех, которые создавал Луи Ипполит Леруа для французской императрицы Жозефины. Он с тоской вспоминает прежние времена, когда более всего ценилась женская скромность и критикует подражание французам, писатель утверждает, что недостойные люди, в частности распущенные дамы высшего света не могут быть примером для подражания: «Мы гнушаемся ужасами революции и перенимаем

¹ *Страхов Н.И.* Переписка моды, содержащая письма безруких мод... М.: Унив. тип., у В. Окорокова, 1791. С. 1–40.

² *Страхов Н.И.* Переписка моды... С. 45.

³ *Вигель Ф.Ф.* Воспоминания Ф.Ф. Вигеля: в 7 ч. Ч. 4. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1864. С. 59.

моды ея!»¹. Одежды девушек Карамзин сравнивает с ночными сорочками: «Отправьте же их скорее домой; они не без сомнения лунатики, сонные вышли из спальни и сонные сюда приехали!»². Свое возмущение он обосновывает и тем вредом, который эта мода приносит женскому здоровью. Разгоряченные после бала барышни в тонкой продуваемой одежде, выходя на открытый воздух, серьезно заболели и вскоре погибли: «...болезни, которая, постепенно изглаживая все ее прелести, ведет ее тихими или быстрыми шагами к гробу»³. Автора возмущает следование французской моде (появившейся после Великой французской революции 1789–1799 гг., Карамзин пишет, что француженки: «прыгали контрдансы на могилах родителей, мужей и любовников»⁴), падение нравов и легкомысленные любовные связи, повсеместно появившиеся. Для Карамзина мода является источником «болезней» общества и его пороков. В дальнейшем для многих авторов XIX в. также будет характерно отношение к моде как к пустой светской забаве, развращающей людей.

Литератор Г.В. Белинский рассматривал моду как явление социальное, порожденное существующими в обществе проблемами и ограничениями. В «Статьях о Пушкине» (1843–1846 гг., статья девятая) он упоминает о том, что женская мода в России направлена, прежде всего, на молодых девушек, главной целью которых является замужество⁵. Критик выделил следующие причины появления моды: различие в общественном статусе между мужчинами и женщинами, невозможность нормальной коммуникации между ними; педагогическую запущенность дворянских детей, в первую очередь девочек; психологическую неготовность девушек к браку (отсутствие бытовых навыков, знаний об уходе за детьми, отрицание «физической» стороны брака). Для литератора мода в первую очередь следствие, а не причина «морального уродства». Понятие мода у него становится более широким,

¹ Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина: в 9 т. Т. 7. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1834. С. 188–193.

² Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина. Т. 7. С. 191.

³ Там же.

⁴ Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина. Т. 7. С. 189.

⁵ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 473–479.

включающим не только внешние атрибуты (костюм, украшения), но и поведенческие типы («идеальные девы», отказывающиеся от пищи, наносящие себе порезы и ожоги).

А.И. Герцен считал людей, проявляющих излишний интерес к моде, ограниченными, покорными и несамостоятельными. В противовес своим предшественникам, философ говорит о том, что моде следуют преимущественно в России (причем моде иностранной). В «Былом и думах» (создано в 1852–1868 гг.) он говорит об отсутствии оригинальности в моде, ее западном характере, подчеркивающим недостатки российского образования. Для Герцена петербургские обыватели — «батальоны одинаковых сертуков»¹, зависимые от мнения социума люди, подчиненные царящему деспотизму. Источник моды — мнения высшего общества. В Европе же наоборот больше свободомыслия, в том числе и в плане нарядов, там «всякий одевается как хочет»², одежде не придают большого значения.

Критик и философ-материалист Н.Г. Чернышевский в начале 50-х гг. XIX в. работал в журнале «Мода», известно как минимум три сохранившихся его статьи для издания. Затем в 1855 г. он защитил магистерскую диссертацию на тему «Эстетические отношения искусства к действительности». В ней он говорит о том, что каждое произведение искусства подчинено моде, актуально в период его создания (абсолютно новое для России того времени утверждение о торжестве материализма над идеализмом в отношении искусства). Чернышевский не выделяет различий между понятиями мода, художественный стиль, вкус эпохи, то есть фактически уравнивает их друг с другом³. В работе автор критикует многие типичные для моды 50-х гг. идеалы, противопоставляет их «признакам» красоты из традиционных русских песен и народного фольклора. Например, он сравнивает деревенскую красавицу со столичной, указывает на нежизнеспособность последней (маленькие кисти и ступни не подходят для физической работы, томность — это болезнен-

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. / глав. ред. В.П. Волгин. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 52.

² Герцен А.И. Собрание сочинений. Т. 9. С. 52.

³ Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности / А.Н. Пыпин. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К^о, 1865. С. 78.

ность и вялость, популярные болезни (мигрени, обморочное состояние) являются следствием нарушения кровообращения). У Чернышевского мода подчас противоречит здравому смыслу, однако это касается не только современности, но и любого исторического периода.

В «Толковом словаре» В.И. Даля (1866 г.) сохраняется интерпретация моды как традиции, к ней добавляется новое смысловое содержание: «Ходячий обычай, временная изменчивая прихоть в житейском быту, в обществе, в покрое одежды и в нарядах»¹. Мода становится синонимом непостоянства.

Философ Н. Данилевский в своем труде «Россия и Европа»² (1869 г.) сравнивает наряды европейцев с традиционным русским платьем. Предпочтение он отдает отечественной одежде, поскольку западные костюмы ему кажутся «уродливыми» и «вычурными». Автор утверждает, что только одежда славян, простая и изысканная, может служить неким эталоном в моде. Свои глубоко патриотичные взгляды на общественное устройство, внешнюю политику, национальные особенности и различия России и Запада писатель подтверждает анализом бытовых деталей и существующих в странах мод. «Европейничанье» и Петровские реформы, выражающиеся в кардинальном сломе привычной жизни, забвении традиционных элементов культуры — все это ведет к гибели России согласно Данилевскому, он активно осуждает подражание европейцам, светские наряды, ведь: «управление модами попало в руки французов»³.

Дамская мода неоднократно высмеивалась в журналах XIX — начала XX вв., таких как «Всемирная иллюстрация», «Сатирикон», «Оса». А.П. Чехов много и плодотворно сотрудничавший с редакторами юмористических журналов, в письме к писателю-юмористу Н.А. Лейкину отмечал то, как неудовлетворительно на карикатурах журнала «Осколки» показывают женскую моду⁴. Покрой платьев с начала 1870-х гг. действительно

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Тип. Лазаревского инстит. вост. языков (А. Мамонтов), 1865. С. 234.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа / состав. и коммент. Ю.А. Белова / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 327–328.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа... С. 328.

⁴ Иванова Н.Ф. О Чехове и дамской моде // Нева. 2010. № 1. С. 193–203.

начал заметно отличаться от предыдущих эпох, и писатель называл его «юродивой модой». Неотъемлемым элементом костюма стал турнюр, затруднявший движения и придававший силуэту гипертрофированный, совершенно неестественный вид. В пьесе «Медведь» (1888 г.) писатель в свойственной ему саркастической манере высмеивает популярность турнюр: «Нет, какова логика!.. Настоящая женская, турнюрная логика!»¹. Но больше чем женственность преувеличенная, его раздражало только полное отсутствие женственности — скромные, лишённые украшений костюмы суфражисток. Внимательный к моде (Чехов собирал для сестры журнальные выкройки, был хорошо осведомлен о последних тенденциях) писатель сделал одежду своих героинь отдельным средством выразительности и психологизма. Платья говорят за них, отражают оттенки настроения, уровень образования, достатка, взгляды на мироустройство.

В повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната» (1890 г.) автор соотносит физическую близость между людьми с тем влиянием, которое на них оказывает подчеркивающая достоинства фигуры одежда. Внешность женщин высшего общества писатель находит схожей с обликом обитательниц домов терпимости: «...те же духи, то же оголение рук, плеч, груди и обтягивание выставленного зада»². В слова главного героя писатель частично вкладывает и свое личное отношение к женским нарядам: «не будь портних с талиями и т. п., а будь моя жена одета в нескладный капот и сиди она дома... — я бы не влюбился, и ничего бы этого не было»³. Для Толстого мода — явление, развращающее мужчин и женщин, лишаящее их возможности братского отношения друг к другу и настоящей искренней любви.

В дневниковых записях писателя можно встретить размышления о том, как простые люди поддаются влиянию моды, выдают желания «верхов» за свои собственные. Мода, по мнению философа, нужна, чтобы отличать «богатеиших» от «беднейших». Но, чем больше пролетариев в отдельном обществе,

¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 11. М.: Наука, 1976. С. 300.

² Толстой Л.Н. Крейцера соната и послесловие к Крейцеровой сонате. СПб: тип. И.М. Комелова, 1900. С. 29–30.

³ Толстой Л.Н. Крейцера соната... С. 31–32.

тем быстрее в нем сменяются представления о красоте и стиле, вскоре уже все горожане одевают «брошенные платья» знати — перемены моды отражают высокий уровень социальной мобильности, в статичных закрытых обществах мода может не меняться долгое время¹.

Врач М.М. Волкова выступала против моды на элементы одежды, ношение которых негативно сказывалось на женском здоровье. В книге «Красота, гигиена и реформа женской одежды» (1899 г.) она высказалась о том вреде, который приносят корсеты, нагромождение нижних юбок и завязок. Корсеты стесняют дыхание, не позволяют свободно двигаться и заниматься физическими упражнениями, приводят к смещению органов, кислородному голоданию и невозможности вести нормальную семейную жизнь (их ношение сказывается на вынашивании ребенка)². Женский костюм, состоявший помимо корсета из сорочек, панталонов, нижних юбок, непосредственно платья и отделки своей тяжестью мешает женщинам нормально двигаться, самостоятельно перемещаться. Длинные подола, волочащиеся по земле, быстро загрязняются, на них скапливаются вредные микроорганизмы. По мнению врача, мода является простым подражанием, мешающим вести активную жизнь: «...как делают все, так и я должна делать»³.

Вместо утвердившихся фасонов Волкова предлагает ввести в обиход новые виды вещи, соответствующие представлениям о гигиене и удобстве. Эти костюмы должны быть яркими, привлекательными и не напоминающими мужские (книга носила просветительских характер, была предназначена для широкого круга лиц, костюм эмансипатки был бы неприемлем для основной аудитории).

В 1899 г. вышла монография «Дамские моды XIX в.» (издание редакции «Нового журнала иностранной литературы, искусства и науки») в которой были отражены изменения женской

¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 48 / под общ. ред. В.Г. Черткова. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1952. С. 345–346.

² Волкова М.М. Красота, гигиена и реформа женской одежды: Две лекции женщины-врача М.М. Волковой. — СПб.: Тип. Дома презрения малолет. бедных, 1899. С. 19–29.

³ Волкова М.М. Красота, гигиена и реформа женской одежды... С. 41.

моды в период с 1797 по 1898 гг. во Франции¹. Авторы демонстрируют новый подход к моде, признают ее влияние на искусство, идеи, экономику и политику. Новшества в моде приписываются смене политического режима (например, красные шали, «Балы жертв» во времена Якобинского террора и Директории), тому влиянию, которое имели, или которого были лишены женщины в определенный период истории. Немалую роль в изменениях моды сыграл интерес европейцев к культуре восточных стран (Греции, Египта, Индии и Китая), ставший следствием колониальной политики могущественных держав — Франции и Англии. В гардеробе француженок, а затем и других европейек появились длинные наряды из индийских тканей, необычайно дорогие кашемировые шали, экспортируемые из колоний, соответственно мода представлена как продукт развития рынка экономики.

Практически на протяжении всего XIX в. мнения о моде в историографии оставались преимущественно негативными. Авторы нередко делали моду причиной или «виновницей» существующих в обществе пороков и социальных проблем. Только ближе к началу XX в. позиции современников становятся более сдержанными, моду начинают осмысливать как часть культуры, а не как нечто, противостоящее естественности, изяществу и привлекательности.

Библиография

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7.. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. 753 с.

Вигель Ф.Ф. Воспоминания Ф.Ф. Вигеля: в 7 ч. Ч. 4.. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1864. 524 с.

Виниченко И.В. Мода в условиях социализма // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. № 2. С. 168–171.

Волкова М.М. Красота, гигиена и реформа женской одежды: Две лекции женщины-врача М.М. Волковой. СПб.: Тип. Дома презрения малолет. бедных, 1899. 108 с.

¹ Дамские моды XIX века: Историко-художественная монография о женских нравах и вкусах: С многочисленными рисунками, иллюстрирующими эволюцию женского туалета с 1797 по 1898 гг. СПб.: Новый журнал иностр. лит., 1899. С. 4–40.

Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. / глав. ред. В.П. Волгин. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 351 с.

Гришаева Т.А. Мода как феномен современной культуры: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 24 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Тип. Лазаревского инстит. вост. языков (А. Мамонтов), 1865. 1331 с.

Дамские моды XIX века: Историко-художественная монография о женских нравах и вкусах: С многочисленными рисунками, иллюстрирующими эволюцию женского туалета с 1797 по 1898 гг. СПб.: Новый журнал иностр. лит., 1899. 235 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа / состав. и коммент. Ю.А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 815 с.

Иванова Н.Ф. О Чехове и дамской моде // Нева. 2010. № 1. С. 193–203.

Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина: в 9 т. Т. 7. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1834. 294 с.

Новиков Н.И. Избранные произведения / Подготовка текста, вступит. статья и коммент. Г.П. Макогоненко. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. 744 с.

Страхов Н.И. Переписка моды, содержащая письма безруких мод... М.: Унив. тип., у В. Оорокова, 1791. 238 с.

Толстой Л.Н. Крейцера соната и послесловие к Крейцеровой сонате. СПб: Тип. И.М. Комелова, 1900. 160 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 48 / под общ. ред. В.Г. Черткова. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1952. 537 с.

Фасмер А. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М: Прогресс, 1986. 671 с.

Фонвизин Д.И. Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фон-Визина / под общ. ред. П.А. Ефремова. СПб: Тип. И.И. Глазунова, 1866. 691 с.

Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности / А.Н. Пыпин. СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 152 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 11. М.: Наука, 1976. 440 с.

Штурм Л. Архитектура воинская. Гипотетическая, и эклектическая... М.: Моск. печат. двор, 1709. 237 с.

А.В. Куприянчик

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Женщины и дети в отражении плакатов Великой Отечественной войны

Статья посвящена воссозданию образа женщин и детей в плакатном творчестве Великой Отечественной войны. На основе контент-анализа было выявлено число визуальных изображений и определено их процентное соотношение на разных этапах военного конфликта. В исследовании приведена типологизация женских образов, а также выявлены причины востребованности того или иного концепта в разные годы. Автор пришел к выводу, что самым распространенным был образ женщины-матери.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; плакат; образ; женщина; ребенок.

Великая Отечественная война — тяжелое испытание, которое легло на плечи советского народа. Для победы над врагом мобилизовывались все ресурсы. Помощь фронту поступала и от тех, кто стремился восполнить духовные потребности народа, обладая лишь одним оружием — словом и карандашом. Одним из наиболее популярных инструментов выполнения этой задачи стали плакаты. Эта довольно распространенная категория прикладной печатной продукции служила как средством агитации и пропаганды, так и одним из основных средств взаимодействия с обществом, индикатором общественной жизни. Все то, что было актуальным и злободневным, обязательно было запечатлено на узнаваемых ярких изображениях.

В период Великой Отечественной войны плакатная живопись переживала один из этапов бурного развития. Выполняя мобилизационную функцию, плакат, прежде всего, был обращен к мужчинам — тем, кто в первую очередь, принял на себя бремя защитника Отечества. Облик воина, героя, его смелость и отвага в 1941–1945 гг. стали центральной темой произведений не только художников, но и других деятелей культуры и искусства.

Но война не обошла стороной никого, и зачастую в тени остаются те, кто внес не меньший вклад во имя Победы — жен-

щины и дети. Обращение к образу женщины и непосредственно связанного с ней образа ребенка в отображении плакатов Великой Отечественной войны открывает возможность расширить наши представления не только об особенностях агитационного искусства, но и духовной жизни советского общества в военный период в целом.

К проблематике женщин и детей на войне обращались многие исследователи. Рассмотрению положения женщин в условиях войны посвящены работы Ю.Н. Ивановой «Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах»¹ и В.С. Мурманцевой «Советские женщины в Великой Отечественной войне»². К исследованиям, затрагивающим тематику плакатного искусства, относятся труды А.Ф. Шклярука «Плакаты Великой Отечественной войны. 1941–1945»³, Л.В. Алиевой и Т.В. Филипповой «Женское лицо войны: образ женщины в плакатном искусстве периода Второй мировой войны»⁴. Данные работы в контексте настоящего исследования остаются ограниченными общей тематикой, недостаточно сосредотачивающей внимание на непосредственно «женской» и «детской» специфике, имеют более широкие хронологические и географические рамки.

Целью данного исследования является воссоздание образа женщины и ребенка в плакатах Великой Отечественной войны.

Источниками для настоящей статьи послужили советские плакаты периода 1941–1945 гг., размещенные в фонде Президентской библиотеки. Указанная коллекция активно начала формироваться с 2010 г. и пополнялась материалами из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Министерства обороны Российской Федерации. В фонде сохранились плакаты В.Б. Корецкого, В.А. Серова, В.С. Иванова, В.Н. Говорова, И.А. Серебряного,

¹ *Иванова Ю.Н.* Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002. 266 с.

² *Мурманцева В.С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1979. 291 с.

³ *Шклярук А.Ф.* Плакаты войны и победы. 1941–1945. М., 2005. 238 с.

⁴ *Алиева Л.В., Филиппова Т.В.* Женское лицо войны: образ женщины в плакатном искусстве периода Второй мировой войны // *Метаморфозы истории.* 2015. № 6. С. 21–46.

Д.А. Шмаринова, И.М. Тоидзе, Д.Д. Нагишкина, А.Н. Чечнева и многих других. Для анализа были взяты плакаты, вышедшие с 1941 по 1945 г., а также и те, где год выпуска не мог быть определен точно, но укладывается в рамки заданного периода.

При работе с источником значение имело обращение к контент-анализу, который позволил выявить количество изображений, посвященных женской и детской тематике. Подсчет производился по годам. Всего было проанализировано 436 плакатов, в категории подсчета включались плакаты, которые непосредственно используют женские и детские образы в иллюстрациях, а также и те, где подобная тематика встречается в текстовом варианте. Для воссоздания содержательного образа женщин и детей в отражении плакатов периода Великой Отечественной войны особую роль сыграл историко-сравнительный метод. Так, как изображались дети и женщины в плакатах 1941–1945 гг.?

На основании анализа удалось установить, что, к 1941 г. относилось 116 плакатов, из них 11 посвящены исследуемой тематике, что составляет 9,5%. К 1942 г. всего 67 плакатов, из них 15 посвящены женщинам и детям (это 22,4%). 1943 г. ознаменовался наибольшим количеством — 135 плакатных изображений и 29 по теме исследования, что составляет 21,4%. В последующие годы наблюдалось снижение выпуска (8 из 39 для 1944 г. и 4 из 22 для 1945 г.), но женская и детская тематика оставалась приблизительно на том же уровне (20,5% и 18% соответственно). Некоторые сложности возникли с подсчетом плакатов, включенных в категорию «без точного года выпуска», так как представленные здесь материалы могли относиться к разным временным точкам, что в конечном итоге оказывает влияние на представленные данные в целом. Данную категорию составили 57 плакатов, 7 из которых непосредственно посвящены исследуемой проблеме (12,3%).

Таким образом, стоит отметить, что, несмотря на значительную разность между общим количеством плакатов в каждой категории, женской и детской тематике почти всегда отводилось примерно равное значение. Показатель обращения к теме практически не опускался ниже пятой части от общего количества представленного материала, за исключением 1941 и 1945 гг. Это объясняется тем, что в этот период с помощью плакатного ис-

кусства в первую очередь формировался образ врага. Исследователь Н.П. Зыков в работе, посвященной образу врага в советских пропагандистских плакатах, указывал, что «начало Великой Отечественной войны поставило перед советским руководством ряд важных задач, одной из которых являлась необходимость мобилизации масс на борьбу с врагом. Для этого советские пропагандисты должны были посредством кино, мультипликационных фильмов, плакатов, журналов, печатных статей побудить советских людей, как военнослужащих, так и гражданских, а также усилить их желание защищать свою страну»¹. Успешно справившись со своей задачей, художники перешли к тем тематикам, которые волновали их самих и были востребованы у народа. В свою очередь для 1945 г. подобное расхождение было обусловлено появлением новой победной тематики, что послужило основанием ухода на второй план мобилизационных сюжетов. Сторонником данной точки зрения является и А.Ф. Шклярук, который указывал, что «самыми радостными для советских граждан были победные плакаты. «Великая Победа дала гражданам повод для гордости»². Тем не менее, 20% из всех рассмотренных плакатов были посвящены женщинам и детям, что свидетельствует о том, что эта тематика активно использовалась для мобилизации населения на протяжении всей войны.

Внутреннее содержание образа женщины в плакатном творчестве, как правило, выражалось в трех категориях: женщина-мать, женщина-воин, женщина-труженик. Довольно трудным остается вопрос воссоздания образа ребенка по причине того, что он был неразрывно связан с образом женщины-матери. Так или иначе, обе эти категории должны были выполнять одну задачу — воздействие на эмоции и чувства, что открывает возможность их рассмотрения в совокупности.

При воссоздании образа женщин и детей в отражении плакатного искусства основополагающим является тезис о его целостности, поэтому дальнейшие расчеты осуществлялись не

¹ Зыков Н.П. Образ врага в советских пропагандистских плакатах во время Великой Отечественной войны // Вестник науки. 2022. Т. 4. № 7. С. 51.

² Шклярук А.Ф. Плакаты войны и победы. 1941–1945... С. 15.

по годам, а исходя из итогового количества плакатов с использованием интересующей тематики. Сюда же включены плакаты, отнесенные к категории «без точного года выпуска», в виду того, что, отказавшись от погодного анализа, они перестают влиять на итоговую оценку распределения плакатов.

Переходя непосредственно к результатам подсчетов, стоит отметить, что общее число плакатов, посвященных исследуемой проблемы, составило 74. Показатель представляется как сумма всех плакатов с использованием женской и детской тематики. 28 плакатов из этого числа посвящены конкретно образу «женщины-матери». На 18 из 28 плакатов женщина изображалась совместно с ребенком. Только в 10 источниках дети были представлены отдельно, как главные действующие лица. Анализ представленных материалов показал, образ ребенка использовался, главным образом, как ценность, которую необходимо защитить от врага. Это коррелирует с образом «женщины-матери», поэтому обе категории были обозначены за общую единицу для подсчета. Таким образом, 38 из 74 плакатов относились к категории «женщина-мать», что составило 51,3% от общего числа плакатов, задействованных в вычислениях.

Облик «женщины-труженицы» нашел отражение в 18 из 74 плакатов, что составило 24,3 %. Абсолютно такое же внимание художниками-плакатистами уделено образу «женщины-воина» — 18 из 74, или 24,3%. Подобные результаты продемонстрировали, что наиболее распространенным концептом в женской тематике являлась «женщина-мать». Этому образу посвящены работы Ф.В. Антонова «Окружим лаской и заботой детей, пострадавших от фашистских варваров!»¹, «Отомсти» В.М. Орешникова², «Воин Красной армии, спаси!» В.Б. Корецкого³. Как подчеркивают в своем исследовании Л.В. Алиева и Т.В. Филиппова, образ «женщины-матери» являлся символом самых светлых ассоциаций в мире против насилия и крови⁴. Действительно, в условиях нечеловеческого напряжения сил образ «женщины-матери» мог быть психо-

¹ Антонов Ф.В. «Окружим лаской и заботой детей, пострадавших от фашистских варваров!». 1942.

² Орешников В.М. «Отомсти». 1942.

³ Корецкий В.Б. «Воин Красной армии, спаси!». 1942.

⁴ Алиева Л.В., Филиппова Т.В. Женское лицо войны... С. 25.

логически полезен для поднятия боевого духа. Для фронтовиков он мог быть ярким путеводным светом, напоминающим о доме и пробуждающим внутреннюю силу. Для матерей, лишившихся своих сыновей, подобные плакаты могли пробуждать чувства солидарности, восполнить чувство одиночества. Популярность такого образа, объясняется его всеобщностью, понятностью, доступностью для каждого члена общества, а также и тем, что подобный образ оказывал сильнейшее полезное психологическое воздействие, что в условиях военных действий было актуальным.

Равно отведенное внимание образам «женщины-труженика» и «женщины-воина» свидетельствует о том, что в советском обществе военного времени данные категории были востребованы в равной степени. Одной из важных задач тыла была забота о том, как будет обеспечена страна продовольственными ресурсами. Эта тяжелейшая задача легла на плечи женщин-колхозниц и детей. Помимо этого, важные промышленные предприятия за неимением подходящих кадров стали восполняться женскими и детскими ресурсами. Изображения женщин-тружениц были представлены в плакатах В.А. Серова «Заменим!»¹, В.С. Иванова «Трактор в поле — что танк в бою!»². Исследователь Д.С. Павлова подчеркивала, что «социальная роль женщины изменилась: теперь она не только, мать и домохозяйка, но и важный член общества в экономическом и социальном плане в связи с уходом многих мужчин на фронт. Женщины стали занимать места мужчин на предприятиях, сельскохозяйственных работах и другой трудовой деятельности»³. Создание серии подобных плакатов использовалось для поддержки и стимулирования работников на выполнение своих задач.

Образ «женщины-воина» стал востребованным в связи с активным пополнением ими числа фронтовиков. Женщины были летчиками, снайперами, разведчиками, выполняли работу медицинского персонала и принимали участие в партизанском движении. Изображение их героических подвигов становилось

¹ Серов В.А. «Заменим!». 1941.

² Иванов В.С. «Трактор в поле — что танк в бою!». 1942.

³ Павлова Д.С. Образ женщины в агитационных плакатах Второй мировой войны // Визуальные исследования.

URL: <https://deziiign.ru/project/74e8f047d89a47a8a2a75dc8c74dd4e6> (дата обращения: 06. 06. 2024)

также одним из сюжетов, этому посвящена работа Н.Н. Жукова «Иди, товарищ, в бой, иди и будь спокоен...»¹.

За годы войны каждый образ получил свои маркеры, что способствовало его узнаваемости, типизации. «Женщина-мать» практически всегда изображалась вместе с тем, кто больше всех нуждался в материнской защите — с ребенком. Это прекрасно демонстрируют плакаты И.Б. Рабичева «Отомстим! Уничтожим фашистских людоедов!»², «Смерть детоубийцам!» В.Б. Корецкого³. В образе «женщины-воина» частыми атрибутами служили медицинская повязка и оружие, что нашло отражение в работах Т.А. Ереминой «Все силы народа — на разгром врага!»⁴, В.М. Ливановой «Изучай санитарное дело! Оказывай первую помощь пострадавшим от вражеских налетов»⁵. Узнаваемости «женщине-труженице» придавали такие элементы как: колоски пшеницы, серп, рабочая одежда, профессиональные инструменты. Наличие подобных штрихов, маркеров свидетельствует о том, что сами художники понимали эту дифференциацию и старались, в зависимости от задачи, прибегать к тем или иным приемам изображения.

Таким образом, проведенный анализ образа женщины в плакатах периода Великой Отечественной войны показал, что он был востребованным на всех этапах войны. Несмотря на различие в количестве выпускаемой продукции по годам, количество обращения к этой тематике среди художников-плакатистов оставалось неизменно высоким. Среди подкатегорий образа женщины можно выделить образ «женщины-матери», «женщины-труженика» и «женщины-воина». Наиболее востребованным является образ «женщины-матери» и связанный с ней образ ребенка, что объяснялось потребностями самого общества. В зависимости от поставленной задачи художники придавали образам те или иные выразительные черты, которые позволяли идентифицировать их в выделенные категории. Тем не менее, анализ плакатного творчества данного периода не лишен исследовательских проблем, и для бо-

¹ Жуков Н.Н. «Иди, товарищ, в бой, иди и будь спокоен...». 1943.

² Рабичев И.Б. «Отомстим! Уничтожим фашистских людоедов!». 1942.

³ Корецкий В.Б. «Смерть детоубийцам!». 1942.

⁴ Еремина Т.А. «Все силы народа — на разгром врага!». 1942.

⁵ Ливанова В.М. «Изучай санитарное дело! Оказывай первую помощь пострадавшим от вражеских налетов». 1941.

лее детального рассмотрения необходимо расширение источниковой базы и привлечение новых материалов.

Библиография

Алиева Л.В., Филиппова Т.В. Женское лицо войны: образ женщины в плакатном искусстве периода Второй мировой войны // *Метаморфозы истории*. 2015. № 6. С. 21–46.

Антонов Ф.В. «Окружим лаской и заботой детей, пострадавших от фашистских варваров!». 1942.

Еремина Т.А. «Все силы народа — на разгром врага!». 1942.

Жуков Н.Н. «Иди, товарищ, в бой, иди и будь спокоен...». 1943.

Зыков Н.П. Образ врага в советских пропагандистских плакатах во время Великой Отечественной войны // *Вестник науки*. 2022. Т. 4. № 7. С. 51–59.

Иванов В.С. «Трактор в поле — что танк в бою!». 1942.

Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. 266 с.

Корецкий В.Б. «Смерть детоубийцам!». 1942.

Корецкий В.Б. «Воин Красной армии, спаси!». 1942.

Ливанова В.М. «Изучай санитарное дело! Оказывай первую помощь пострадавшим от вражеских налетов». 1941.

Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1979. 291 с.

Орешников В.М. «Отомсти». 1942.

Павлова Д.С. Образ женщины в агитационных плакатах Второй мировой войны // *Визуальные исследования*. URL: <https://deziiign.ru/project/74e8f047d89a47a8a2a75dc8c74dd4e6> (дата обращения: 06. 06. 2024)

Рабичев И.Б. «Отомстим! Уничтожим фашистских людоедов!». 1942.

Серов В.А. «Заменим!». 1941.

Шклярук А.Ф. Плакаты войны и победы. 1941–1945. М.: Контакт-Культура, 2005. 238 с.

М.В. Таций

*Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД Российской Федерации*

Имперские символы в живописи периода перестройки (1985–1991 гг.)

Настоящее исследование рассматривает проблему имперской репрезентации в живописном искусстве периода перестройки. Источниковую базу составили произведения современников изучаемой эпохи, авторские комментарии художников и современные искусствоведческие исследования. Проведенный анализ демонстрирует устойчивый интерес мастеров перестроечного периода к различным историческим эпохам, выражающийся в использовании широкого спектра символических элементов. Среди ключевых символических маркеров идентифицированы: композиционные решения, изображения исторических персонажей, архитектурные мотивы, антропометрические характеристики, перспективные построения и нарративные сюжеты. Результаты исследования свидетельствуют о поливалентности художественной символики и ее специфической интерпретации в соответствии с творческими методами, отражающими актуальные художественные тенденции эпохи.

Ключевые слова: Перестройка, живопись, гласность, империя, Тимур Новиков.

В период горбачевской «перестройки», особенно после референдума о сохранении СССР, продемонстрировавшего стремление граждан к сохранению государственного единства, стало очевидно, что имперское прошлое практически не актуализировалось в общественном сознании. Повседневная жизнь в это время характеризовалась преобладанием бытовых трудностей, что не создавало предпосылок для роста интереса к сфере искусства. Тем не менее, именно в этот период в искусствоведении наметился новый этап систематизации художественных направлений. Одновременно развивался кризис культурной парадигмы, обусловленный уходом с общественной сцены прежних «героев» 1960-х — фронтовиков и представителей инженерно-технической интеллигенции, что породило потребность в новых культурных ориентирах. В данных условиях сформировалась когорта деятелей искусства, предлагавших различные интерпретации прошлого и буду-

щего России. Политические преобразования устранили необходимость в противостоянии власти, которое ранее объединяло сообщество нонконформистов, что открыло возможности для ретроспективного осмысления художественных ценностей, долгое время остававшихся на периферии актуального искусства.

В период возросшего общественного интереса к истории как научной дисциплине сформировалось направление, обозначенное Кириллом Светляковым как «идеология реставрации». Ее адепты еще в 1985 году утверждали, что будущее принадлежит тем, кто способен обеспечить массам относительное благосостояние, социальную стабильность и рост промышленного производства. В условиях СССР реализация подобной программы оказалась невозможной, что привело к краху этой масштабной социально-экономической модели. Сторонники реставрационного подхода рассматривали Советский Союз как историческую аномалию, созданную для эксплуатации населения и подавления гражданских свобод. Однако очевидная несовместимость имперских идеалов с реалиями современного развития вынуждала реставраторов ограничиваться конструированием мифа о возрождении, активно эксплуатируя символику, отсылающую к двухвековому периоду государственного могущества.

В отечественной искусствоведческой историографии идеология реставрации затрагивается в основном в контексте использования реставраторами техник выполнения картин — инструментов, ракурсов, идей. Однако, как полноценное течение в искусстве, идея воссоздания империи упоминается только в статьях об отдельных художниках: в статьях А. Ковалева и А. Матвеевой¹, журнале «А–Я», интервью С. Басковой². Искусствоведы и историки, анализировавшие искусство и особенно живопись перестройки, слово «империя» чаще использовали в словосочетании «советская империя». В. Тупицын, А. Морозов, О. Холмогорова, Е. Бобринская, С. Шурипа упоминали в своих работах картины, подра-

¹ Неокончателная история. Современное российское искусство в лицах / ред.-сост. Андрей Ковалев. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 380 с.: илл.

² А–Я: журнал неофициального русского искусства, 1979–1986 (под ред. И. Шелковского и А. Обуховой). Репр. изд. М.: АртХроника, 2004; Баскова С.Ю. Девяностые от первого лица. Т.1. М.: База, 2015. 343 с.

жающие реалистам XIX века, однако должного освещения идеология реставрации в отечественном искусствоведении не получила¹. В нынешнее время подражание имперскому мифу активно развивается в интерпретации картин XIX века: помещение на них других объектов, людей, использовании отдельных частей картин в коллажах, рекламах, даже оживление их в голограммах. Однако для изучения нынешних тенденций развития цифрового искусства, преобразовавшего привычную живопись, необходимо понимать с чего начался отход от советского искусства к имперскому стилю, перерожденному в новом виде. С развитием тенденции использования и преображения картин имперского периода, которая получила свое начало в годы перестройки, и связана актуальность моего исследования.

Целью данной работы является изучение интерпретации символов в живописи периода империи в картинах перестройки. Под символами в работе понимаются образы, содержащиеся в картинах, и способы изображения действительности, через которые раскрывается сопоставление с другим объектом искусства, личностью или определенной эпохой. При этом символом могут служить особенности работы, которые имеют своей целью указать на какое-то событие в прошлом имперской России.

Искусство перестройки в 1985–1991 гг. слово «живопись» воспринимало в основном как устаревший способ изображения действительности. В это время стало возможным не прятаться от цензуры, не работать только в плоскости скрытых смыслов — началась вторая эпоха оттепели в искусстве². Появились новые столпы, на которых опиралось искусство: творческий коллективизм, «смерть автора», снятие проблемы копии и оригинала³. Но-

¹ Тупицын В. «Другое» искусство. Беседы с художниками, критиками, философами: 1980–1995. М., 1997; Тупицын В. Коммунальный (пост)модернизм. Русское искусство второй половины XX века. М., 1998; Морозов А.И. Поколения молодых. Живопись советских художников 1960-х — 1980-х годов. М.: Советский художник, 1989. 256 с.; Холмогорова О.В. Соц-арт. М., 1994; Бобринская Е.А. Концептуализм. М., 1994. 216 с.; Шурина С.В. Действие и смысл в искусстве второй половины XX века. М., 2017. 343 с.

² Идеология реставрации...

³ Хлобыстин А.Л. Шизореволюция. Очерки петербургской культуры второй половины XX века. СПб, 2017. С. 103–213.

вые способы самовыражения, которые появились еще в 1970-х, окончательно вытеснили привычные старые: инсталляция, перформанс, демонстрация и другие. Гоша Острецов, работавший в 1985–86 гг. в сквоте «Детский сад», говорил, что в это время писать на холсте масляными красками считалось неприличным¹. Именно поэтому для реставраторов через живопись стало возможно не только передать свои основные идеи, но и показать даже на уровне выбора вида изображения приверженность старому. Не все они отсылают как к таковому имперскому прошлому, однако идея изображения характерных исторических образов в новой интерпретации считалась в художественных кругах стремлением вернуться в прошлое, в том числе в эпоху, когда все искусство было таким — то есть в имперскую Россию.

Яркой персоналией «реставрации 80-х» являлся Тимур Новиков. К концу 1980-х гг. он стал призывать к возвращению к канонам классической красоты, идеалам античности и ренессанса. Он основал объединение «Новая академия изящных искусств»² названную по аналогии с флорентийским обществом XVIII века, чем вновь обратил внимание на аполлонические идеалы и возможность использования в современных работах классических образов. Новое направление, получившее наименование неоакадемизма, противостояло модернизму, провозглашая сохранение классических ценностей в искусстве. Однако работы Новикова периода Академии выполнены в той же футуристической манере, что и более ранние³. Даже материал, на котором Тимур выполнял свои работы, остался прежним — ткань, поэтому сейчас многие его работы называют «тряпочками». Да и собственно, работы, которые мы можем отнести к концептуализму и персонально новиковской «знаковой перспективе», создавались в тот же период, что и работы в рамках Академии. «Пингвины» 1989 г., «Петербург летом» 1989 г., известная по фильму «Асса» 1987 г. — все это созда-

¹ Неокончательная история. Современное российское искусство в лицах. М., 2021. С. 66

² В 1986–1989 гг. она, отдавая дань идеям М. Ларионова, называлась Новой академией всечeskих искусств.

³ Новиков Тимур. Автобиография // Интернет-портал Тимура Новикова. URL: https://timurnovikov.ru/storage/docs/books/57_autobiography_ru.pdf (дата обращения: 23.08.2023).

ется в то же время, что и, например, «Аполлон, попирающий красный квадрат». Идеология реставрации в его работах используется, отвечая желанию показать свои умения и стремлению стать новатором. Последнее ему удалось. Александр Бренер в интервью Светлане Басковой говорил про Тимура Новикова: «Он был человеком художественного жеста. То, что он делал со своими тряпочками, — это одна из исключительно хороших вещей в русском искусстве»¹. И это было распространенное мнение: Тимур собирал вокруг себя художественную элиту Петербурга своего времени. Помимо фигур Аполлона на его работах появляются мифологические герои и другие античные статуи. Неоакademизм становится способом изображения любимых и привычных символов античности и эпохи Возрождения.

Другие участники Академии выражали свою приверженность прошлому по-разному. Работы Георгия Гурьянова, идейного вдохновителя группы, выполнены на больших холстах, а фигуры похожи на античных атлетов². Таким способом изображения ударник группы «Кино» показывал идеалы академизма и важность знания истории искусства. Другой художник Новой академии, Денис Егельский, экспериментируя с реализмом, добавляет элементы фотографии. К концу 1980-х появляется реставрационный тип светописи, восстанавливающий со всей ясностью классического искусства символический образ света как вечной материи³. Яркие контрастные цвета, четкое выделение света и тени, черно-белые тона сливаются в одну картину. При этом, образы, фигурирующие на картинах Егельского, скорее заимствованы из картин соцреализма: на портрете Маргариты Гурьяновой (1989) представлена сильная женщина, управляющая трактором — образ работающей женщины породила послевоенная эпоха и в частности творчество Татьяны Яблонской, в качестве примера, можно привести картину «Хлеб» 1949 г. На картине Егельского «Торс» 1990 г. на принте на фоне изображены самолеты, также отсылающие к военному периоду. Сергей Шутов в

¹ Баскова С.Ю. Девяностые от первого лица. Т. 1. М.: База, 2015. С. 275.

² Андреева Е.Ю. Все и Ничто. Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. СПб, 2011. 216 с.

³ Там же. С. 17.

портрете Валерия Чкалова 1990 г. использует только контур известной фотографии летчика — проявляя интерес к истории, но не к государству.

В 1990-х гг. участники Академии найдут каждый свой новый стиль и способ интерпретации, но творчество во второй половине 1980-х гг. и неподдельный интерес к истории останется в их творчестве в виде символов на собственных картинах, которые они пронесут через весь свой художественный путь, будь то интерпретация света или пространства, античные символы или фигуры. Имперская Россия и ценности искусства ее эпохи найдут свое отражение и в поздних работах учеников Новой академии изящных искусств.

Историческими фигурами оперировали в годы перестройки не только неоакадемисты: история интересовала всех. Апелляция к культурной памяти страны, которая готовилась выйти на новый этап развития, проявилась и в творчестве Валерия Кошлякова. В его работах переплетаются исторические эпохи: древнегреческая архитектура, барокко, сталинский ампи́р. На его картинах большого размера показано величие исторических эпох и в то же время ничтожество исторической памяти¹. Картины «Колоннада» 1989 г., триптих «Без названия» 1991 г., «Константин» 1991 г., смешивают имперскую архитектуру с обычным пейзажем, широкие реалистичные мазки с картоном, на который они ложатся. Кошляков, используя прием смещения стилей и материалов показывает недолговечность эпох, в которых рождаются те или иные виды искусства: Рим пал, Российскую империю свергли, СССР доживает свой век.

В контексте создания новых школ и движений нельзя не отметить творчество и выставки Ильи Глазунова, которые выглядели как манифестация и собирали целые очереди². Помимо обращения к древнерусской истории, СССР Глазунов называет «Великим экспериментом» 1990 г. На его картине «Вечная Россия» зритель находит много образов и реминисценций, которые собираются в эклектичный плакатный образ. На картине нет пер-

¹ Кошляков В.Н. Живопись, инсталляции, иконусы, конструкции. В 2-х кн. М., 2010.

² Глазунов И.С. Россия распятая. М., 2008. 1936 с.

сонажей, относящихся к советской эпохе — Глазунов как будто хочет подчеркнуть, что вечным будет только царское, имперское прошлое, СССР останется экспериментом. Другие картины Глазунова тоже встраиваются в традицию реставрации. «Ева», «Поцелуй Иуды», «Юность Андрея Рублева» манерой написания и ракурсом похожи на картины критического реализма, а «Тутаев пруд» встал бы в один ряд с картинами Левитана. Символом в данном случае становится не только изображаемый образ, но и манера исполнения, ракурс фигур.

Реставрационные тенденции можно найти и в отдельных работах Александра Шилова, например, «Архиепископ Алексей». Манера выполнения скорее относится к соцреализму, однако стилизована под купеческий портрет. У Глазунова тоже есть такие работы: «Портрет Валентина Распутина», «Русская красавица» (1970-е) — сами они не относятся по стилю к течениям в живописи XVIII–XIX вв., однако выполнены как камерные или парадные портреты высших сословий. В таком смешении стилей разных эпох видно исполнение идеи «всечества» Михаила Ларионова¹, которая заключалась в том, что живопись должна содержать в себе другие искусства с целью освобождения искусства от пространственно-временной зависимости.

С приходом новых идей в искусство, символы имперского искусства в живописи перекочевали в кинематограф, сохранив при этом свою форму в виде изображения на холсте. В фильме Карена Шахназарова «Сны» героиня находит картину, которая выглядит как ее точная копия полтора века назад: советский герой смотрит на Российскую Империю. Кинематограф в данном случае является новым способом интерпретации живописи — современная 1990-м годам героиня находится в своем времени, видит свой портрет из прошлого, но время неизбежно идет — и в наше время мы смотрим уже на них обеих в ретроспективе.

В период перестройки художники обрели возможность работать в художественных парадигмах, существовавших до советской эпохи. Возросший интерес к различным историческим периодам привел к широкому распространению стилизации как ос-

¹ Бобринская Е.А. Михаил Ларионов: зрение / воображение // Искусствознание. 2022. № 3. С. 10–61.

нового творческого приема. Данный период характеризовался новой свободой интерпретации традиционных мотивов и сюжетов. В творческой практике наблюдалась двойственность: с одной стороны, авторы обращались к стилизации произведений в духе имперской живописи через техники реализма и романтизма, с другой — осуществляли стилизацию отдельных символов. К числу последних относились античные персонажи, характерные антропометрические особенности, архитектурные детали и исторические сюжеты. Особое значение приобретали композиционные решения и перспективные построения. Примечательно, что сам выбор традиционной масляной живописи в эпоху экспериментов с материалами становился символическим жестом. Такое обращение к имперской символике способствовало расширению художественного интереса — от наследия Российской империи до античного искусства. В работах Т. Новикова, Г. Гурьянова, В. Кошлякова, И. Глазунова актуализировалась идея богатого исторического наследия, охватывающего не только Россию, но и мировые древние цивилизации с их вкладом в развитие искусства.

Художественные приемы стилизации, использованные в живописи перестроечного периода, подвергались глубокой авторской переработке через индивидуальные технические и концептуальные решения. Анализ произведений 1985–1991 годов выявляет характерное сочетание элементов различных исторических эпох и художественных традиций. Применяемая символика преимущественно отражала общий культурный интерес к историческим сюжетам и классическим живописным техникам. Следует отметить, что рассмотренные в исследовании мастера не ограничивались исключительно исторической тематикой. Уже к середине 1990-х годов все они перешли от использования исторических символов к освоению новых художественных направлений, придя к осознанию невозможности культурной реставрации имперского наследия даже в символической форме.

Библиография

Андреева Е.Ю. Все и Ничто. Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 216 с.

Андреева Е.Ю. Постмодернизм. Искусство второй половины XX — начала XXI века. СПб.: Азбука-классика, 2007. 493 с.

А–Я: журнал неофициального русского искусства, 1979–1986 (под ред. И. Шелковского и А. Обуховой). Репр. изд. М.: АртХроника, 2004.

Баскова С.Ю. Девяностые от первого лица. Т. 1. М.: База, 2015. 343 с.

Беленькая М.Б. Формула распада // Специальный проект ТАСС. URL: <https://tass.ru/spec/ussr-referendum> (дата обращения: 21.08.2023).

Бобринская Е.А. Концептуализм. М., 1994. 216 с.

Бобринская Е.А. Михаил Ларионов: зрение / воображение // Искусствознание. 2022. № 3. С. 10–61.

Глазунов И.С. Россия распятая. М.: Голос-Пресс, 2008. 1936 с.

Идеология реставрации [Видеозапись]: лекция 12.4 курса «От авангарда до современности» портала Magisteria / Кирилл Светляков.

Кантор А.М. Что происходит сейчас в нашем искусстве// Творчество. 1992. № 2. С. 50–54.

Кошляков В.Н. Живопись, инсталляции, иконусы, конструкции. В 2-х книгах. М.: Академический проект, 2010.

Морозов А.И. Поколения молодых. Живопись советских художников 1960-х — 1980-х годов. М.: Советский художник, 1989. 256 с.

Неокончателная история. Современное российское искусство в лицах / ред.-сост. Андрей Ковалев. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 380 с.: илл.

Новиков Тимур. Автобиография // Интернет-портал Тимура Новикова. URL: https://timurnovikov.ru/storage/docs/books/57_autobiography_ru.pdf (дата обращения: 23.08.2023).

Тупицын В. «Другое» искусство. Беседы с художниками, критиками, философами: 1980–1995. М., 1997.

Тупицын В. Коммунальный (пост)модернизм. Русское искусство второй половины XX века. М., 1998.

Хлобыстин А.Л. Шизореволюция. Очерки петербургской культуры второй половины XX века. СПб.: Борей арт, 2017. 504 с.

Холмогорова О.В. Соц-арт. М., 1994.

Шурина С.В. Действие и смысл в искусстве второй половины XX века / Вступ. сл. И. Бакштейна. М.: Институт проблем современного искусства, 2017. 343 с.: ил. (Труды ИПСИ. Т. III)

Якимович А.К. Полеты над бездной. Искусство, культура, картина мира, 1930–1990. М., 2009.

Раздел четвертый

История международных отношений и военного дела

Д.А. Письмак
*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Повседневность военнослужащих Сибирского корпуса по материалам судебно-следственных дел второй половины XVIII века

В статье рассматриваются некоторые аспекты повседневной жизни военнослужащих Сибирского корпуса во второй половине XVIII века. Для анализа армейской повседневности были использованы судебно-следственные дела из фонда генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии (ф. 8) РГВИА. На основе этих дел были изучены такие аспекты повседневности, как семейная жизнь военнослужащих и их взаимоотношения друг с другом. Анализ дел показал, что удаленность Сибирского корпуса и особенности службы создавали для военнослужащих возможности для двоеженства. В отношениях между военнослужащими были выявлены черты корпоративности.

Ключевые слова: повседневность; военнослужащие; Сибирский корпус; судебно-следственное дело; преступление; приговор.

Военнослужащие Сибирского корпуса во второй половине XVIII века большую часть службы проводили в гарнизонных частях, много взаимодействуя друг с другом и с местным населением. Военные строили семьи, решали личные проблемы и совершали противоправные поступки. Однако то, какой именно была повседневность военных, дислоцированных в Сибири, историкам доподлинно неизвестно. Чтобы выявить аспекты повседневной жизни военнослужащих Сибири, историку необходимо попытаться воссоздать ту реальность, которая их сопровождала.

Многие историки XX–XXI вв. ставили перед собой подобную задачу. Так, Э. Ле Руа Ладюри изучил жизнь и верования небольшой окситанской деревни на основе допросов жителей этой деревни инквизицией¹. А. Людке изучал историю повседневности Германии конца XIX–XX вв., а Ф. Бродель иссле-

¹ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. 536 с.

довал сферу материальной жизни человечества через анализ структур повседневности¹. Российские историки также занимались изучением повседневности. Так, например, Е.В. Акельев изучал повседневную жизнь воровского мира XVIII века, используя судебно-следственную документацию по делу вора Ваньки Каина². И.В. Курукин исследовал повседневную жизнь Тайной канцелярии, а А.Б. Каменский — повседневность городских обывателей XVIII века³. Однако изучению повседневной жизни военнослужащих второй половины XVIII века практически никто из историков не посвятил свои исследования. Нам известно лишь про одну монографию, автор которой ставил перед собой задачу реконструировать повседневность военнослужащих российской армии XVIII века, — работу С.В. Карпущенко «Быт русской армии XVIII — начала XX века». В работе описаны условия проживания, питания военнослужащих, их обмундирование и досуг. Однако историк провел анализ повседневности военнослужащих только европейской части страны, не затронув сибирские гарнизонные части⁴. Единственный специалист, который описал в своих статьях некоторые аспекты повседневной жизни военнослужащих Сибирского корпуса, — это А.В. Дмитриев, изучивший механизмы расчета и выдачи жалования военнослужащим, конфликты, возникавшие в их среде, и семейное положение офицеров и унтер-офицеров⁵. Работы

¹ Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. Т. 1. 623 с.; Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. 285 с.

² Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012. 412 с.

³ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. 403 с.; Курукин И.В. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. 678 с.

⁴ Карпущенко С.В. Быт русской армии XVIII — начала XX века. М., 1999. 397 с.

⁵ Дмитриев А.В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в.: (социально-политическая адаптация военнослужащих в условиях Сибири) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. мат-лов IV регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2010. С. 54–62; Он же. Некоторые особенности повседневной жизни и быта военнослужащих регулярных частей русской армии в Сибири (вторая четверть

А.В. Дмитриева очень ценны, так как на основе судебно-следственных дел и канцелярского делопроизводства раскрывают важные особенности повседневной жизни военнослужащих Сибирского корпуса, однако они охватывают лишь первую половину — середину XVIII века.

В данной работе мы ставим своей целью изучить повседневную жизнь военнослужащих Сибирского корпуса второй половины XVIII века на основе судебно-следственных дел из фонда генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии (ф. 8) РГВИА. Мы остановим свое внимание на таких аспектах повседневности, как личная жизнь военнослужащих, их взаимоотношения друг с другом и виды девиантного поведения, встречающиеся в их рядах. Данные аспекты не были подробно описаны историками применительно для второй половины XVIII века, поэтому представляют особый интерес для исследования.

Актуальность данного исследования заключается в том, что изучение повседневной жизни военнослужащих Сибирского корпуса второй половины XVIII века позволит выявить особенности внутрисемейных и межличностных отношений военнослужащих Сибирского корпуса, что внесет вклад в изучение проблематики взаимоотношений лиц, состоящих на службе в армии Российской империи. В основном данная проблематика изучается в контексте советской армии. Анализ более ранних эпох практически не предпринимается, а судебно-следственные дела редко становятся источниковым материалом для данного вида исследований.

Повседневность военнослужащих Сибирского корпуса во второй половине XVIII века определялась, во-первых, местопо-

XVIII в.). // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. мат-лов VI регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2012. С. 62–70; Он же. Правонарушения в сфере семейной жизни военнослужащих регулярной армии России XVIII в. с позиций истории повседневности // Гуманитарные наука в Сибири. 2020. Т. 27. № 1. С. 50–56; Он же. Семейное положение унтер-офицеров полевых полков русской армии в Сибири середины XVIII века // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 60–73; Он же. Семейное положение офицеров гарнизонных войск в Сибири середины XVIII века // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 3. С. 991–1006.

ложением корпуса, который был отдален от столицы, и части которого располагались на пограничных укрепленных линиях; во-вторых, тем, что военнослужащим Сибирского корпуса часто приходилось взаимодействовать с жителями населенных пунктов, находившихся вдоль границ¹.

Отдаленность корпуса влияла на семейно-брачные отношения. Военнослужащие не всегда брали с собой на место службы жен и даже могли повторно жениться, надеясь, что за дальностью их места службы, об этом никто не узнает. Такая история произошла с солдатом Якутского полка Михаилом Старожиловым, который по первому браку был женат на Авдотье, но уехав в Тобольск, объявил, что его первая жена умерла, и женился вторично. Однако и вторую жену Михайло оставил, а первую продал ясачному из Нерчинска Андрею Коротову за двадцать рублей, коня и воз сена².

На допросе солдат Старожилов заявил, что взял деньги, коня и сено в качестве компенсации за семь быков и двадцать баранов, которых он оставил Авдотье, однако на очной ставке с Коротовым все же признался, что взял деньги, коня и сено за то, что позволил Коротову жить с Авдотьей. Пытаясь оправдать свой поступок, Старожилов заявил, что уже слишком стар и болен, чтобы обеспечивать жену, поэтому он отдал ее Коротову³.

На момент следствия Старожилову было 56 лет, что по меркам XVIII века уже преклонный возраст. Однако духовная консистория, которая рассматривала это дело, возраст солдата во внимание не приняла и приговорила Старожилова к публичному покаянию в Троицком монастыре. Также к различным наказаниям были приговорены Авдотья и Коротов. Авдотью отправили в Иркутский Знаменский женский монастырь, где она должна была находиться до конца жизни, а Коротов был наказан плетью⁴.

¹ Дмитриев А.В. Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 75–76.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 8. Оп. 2. Д. 330. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ РГВИА. Ф. 8. Оп. 2. Д. 330. Л. 3–4 об.

В данном деле хорошо просматриваются некоторые аспекты восприятия брака военнослужащими XVIII века: для Старожилова жена не дороже двадцати рублей, коня и сена, и он готов ее выгодно променять, отдав другому. В условиях службы и постоянных перемещений брак мог стать обузой, особенно для пожилого солдата, и не воспринимался как что-то особенно ценное.

В тоже время интересно и отношение церкви к подобного рода ситуациям. Судя по наказанию наиболее виновной была признана Авдотья, которую приговорили к пожизненному заточению в монастыре. К мужчинам церковный суд оказался гораздо лояльнее, что вполне объясняется патриархальными представлениями о семье, господствовавшими и в религии, и в обществе.

Старожилов был не единственным, кто не дал развода первой жене, брал вторую. В 1743 г. в семнадцатилетнем возрасте капитан Енисейского пехотного полка Петр Щеголев женился на дочери священника Успенской церкви Белгорода Ксении. Прожив с Ксенией 10 месяцев, Щеголев уехал в Санкт-Петербург, где записался на военную службу. Находясь на службе, в 1752 г. Щеголев якобы получил от своего друга письмо о том, что Ксения умерла, и женился на Надежде Степановой, которая жила в Москве. О том, что у Щеголева есть супруга, которой капитан не дал развод, Надежда узнала, когда по пути в Сибирь, Щеголев остановился в доме своих родителей в городе Курск. Щеголев представил родителям новую жену и заявил, что Ксения слишком стара для него, поэтому он взял в жены другую женщину¹.

Приехав в Тобольск, Надежда не поставила в известность командование Енисейского полка и Тобольскую духовную консисторию о том, что является незаконной женой Петра, так как опасалась мужа в связи с эпизодами семейного насилия, случавшимися ранее. Надежда подала доношение в Тобольскую духовную консисторию в 1761 г. после жалобы дворовых девушек на насильственные действия сексуального характера со

¹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1356. Л. 3–4.

стороны Щеголева. Консистория, а затем и Военная коллегия признали Щеголева виновным в данных преступлениях и приговорили к пятнадцатилетнему церковному покаянию при Тобольском Софийском соборе. Также Щеголев был разведен с Надеждой и принужден привезти в Тобольск свою первую жену Ксению¹.

В данной ситуации суд признал Надежду потерпевшей стороной, так как Петр женился на ней обманным путем. Щеголева обязали выдать Надежде сорок рублей на транспортные расходы. Также Щеголев должен был отдать Надежде письмо от ее отца о продаже в Московском уезде земли и составить документ, в котором он в письменном виде объявляет о прекращении с Надеждой супружеских отношений и о том, что она в любой момент может вторично выйти замуж².

Таким образом, в данном деле суд встал на сторону Надежды и даже позаботился о ее судьбе, что было важно в условиях XVIII века, в которых незамужние женщины сталкивались со значительными затруднениями.

Интересно и то, как суд распорядился судьбами дворовой Варвары Степановой и вольной девушки Параскевы Алимпиевой, которые подверглись сексуальному насилию со стороны Щеголева. Варвару суд предписал отпустить на свободу, а Параскеву, привезенную из Соли Камской, отправить назад и обеспечить одеждой и обувью³.

Из этого решения суда можно сделать вывод, что девушки были признаны жертвами насилия и получили некую компенсацию «моральной травмы», нанесенной насильником. Также интересен и тот прецедент, что дворовая девушка, подвергшаяся сексуальному насилию со стороны своего владельца, по решению суда могла быть отпущена на свободу.

Получив серьезное наказание за свои преступления, Щеголев стал писать большое количество челобитных с просьбами облегчить его судьбу. Одну из таких челобитных он написал генерал-майору И.И. фон Веймарну и начал ее со слов: «хотя я

¹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1356. Л. 3 об.–6 об.

² Там же. Л. 7.

³ Там же.

по моему горестному несчастью в свете ныне обиженной и изгнанной...»¹. Из данных слов Щеголева понятно, что виновным он себя не считает, а жалуется на несправедливость приговора. Далее Щеголев напоминает адресату письма о том, в каких сражениях Семилетней войны они вместе участвовали: «соизволите ваше превосходительство не погнушатца вспомнить что по воли божией я был почти в одном месте с вашим превосходительством в прошлом 757 году августа 19 числа при Эгерздорфской баталии»². Конечно, мы не можем полностью доверять этим словам, так как Щеголев был простым капитаном, а генерал-майор вряд ли мог помнить всех офицеров, с которыми сражался в одной армии. Вполне возможно, что Щеголев специально добавил эту информацию, чтобы хотя бы чем-то расположить генерал-майора к себе.

Далее Щеголев переходит непосредственно к просьбе, ради которой он и писал челобитную: «помилуй милосердый государь батюшка изведи как властно ис темницы душу мою а в Колыване мне жить весма скучно понеже я в свете рожден а не во тме авось либо по рекомендации вашего превосходительства его высокопревосходительство Федор Иванович со мною з бедным и по прежнему умилосердитца и перевел бы меня по желанию моему в Tobолской полк»³.

Не получив положительного ответа на эту и другие челобитные, Щеголев перешел к иной тактике. Он обвинил Сибирского и Tobольского митрополита Павла в том, что тот пренебрег именным повелением императрицы Екатерины Алексеевны. Каким именно повелением пренебрег митрополит, в Сибирской губернской канцелярии Щеголев отказывался говорить. Когда ему предложили написать об этом в Сенат, запечатать письмо и отправить его, то он отказался, «ибо оное следственно будет к посылке чрез губернскую канцелярию и в той посылке он Щоголев за показанным губернской канцелярии присутствующих подозрением состоит сумнителен»⁴. Однако Щеголев все же на-

¹ Там же. Л. 46.

² Там же.

³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1356. Л. 46–47.

⁴ Там же. Л. 54.

писал письмо и передал его стоящему в карауле поручику Заповлеву, который отнес его в Сибирскую губернскую канцелярию, где его распечатали и прочитали. В этом письме Щеголев обвинял митрополита в разных личных обидах, но так и не написал, каким повелением императрицы пренебрег священнослужитель¹. Данная тактика также не привела Щеголева к успеху, и он продолжил отбывать наказание.

Жалуясь на митрополита, Щеголев, возможно, надеялся, что его снимут с должности, а при другом митрополите, он сможет облегчить свою участь. Вызывает удивление настойчивость, с которой Щеголев пытался выбраться из ситуации, в которой оказался, однако ему так и не удалось сделать это.

Девиантное поведение у военнослужащих проявлялось не только в семейной сфере. Внутри сообщества военнослужащих Сибирского корпуса также происходили ситуации, итогом которых становилось совершенное одним из военнослужащих против другого преступление. Подобная ситуация произошла в 1765 г., когда прапорщик Селенгинского пехотного полка Андрей Ерохин нанес ножевое ранение поручику Гавриле Чичагову, от которого последний скончался через 21 день². Поводом для преступления стало то, что поручик Чичагов передал Ерохину приказ подполковника Пекурина явиться к нему, выполнять который Ерохин отказался. Ситуацию усугубил поручик Аверкий Дурнов, который «по приказу подполковничьему прапорщика Ерохина звал к подполковнику и на отговорки Ерохину сказал вытащить за волосы таких непристойных яко поощрительных к соре речей ежели де потащит за волосы офицера то де иной и самому ему Чичагову может выбить зубы³. Разгорелась ссора, в ходе которой Ерохин достал нож. Мать Ерохина Федосья Борисовна попыталась остановить сына и выхватить из его рук нож, но он, порезав матери руки, все же нанес Чичагову удар ножом⁴.

Свидетелями этого преступления стали сержант Федор Кучковский, капрал Яков Пирогов, солдаты Родион Петров,

¹ Там же. Л. 54 об.

² РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 411. Л. 1.

³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 411. Л. 423

⁴ Там же. Л. 8–8 об

Лаврентий Фуфлыгин, Данило Логинов, Петр Анисимов, Карп Егоров и Григорий Скалазубов. Однако военнослужащие никому об этом преступлении не донесли. По мнению генерал-майора Якобии, сержант и капрал, которые не послали никого из солдат донести о происшествии, «в вину по делу впали не с умыслу но с простоты и оплошности, а салдаты и от недознания по недавнему их в военную службу из выведенных ис Полши»¹. Однако то, что сержант и капрал не поспешили донести о произошедшем, можно объяснить стремлением «не сдавать своего». Сержант Кучковский происходил из обер-офицерских детей, а капрал Пирогов — из солдатских детей, а значит, прапорщика Ерохина, происходившего также из солдатских детей, они воспринимали как «своего».

Помощь военнослужащему, оказавшемуся в сложной ситуации, по всей видимости, была характерна для гарнизонных частей. Еще один сослуживец попытался помочь Ерохину, когда тот оказался под следствием: порутчик Иван Попов, которому подполковник Пекурин приказал переслать рапорт и показания свидетелей (матери Ерохина и хозяйки дома, где произошло преступление), вскрыл конверт, просмотрел документы и отдал их Ерохину, который уничтожил бумаги².

Вообще Ерохин активно препятствовал следственному процессу. Он давал ложные показания и на допросах «чинил запирательства»³. В итоге военный суд приговорил Ерохина к смертной казни путем колесования, однако Военная коллегия изменила это решение, приговорив Ерохина к шести годам церковного покаяния, пяти годам работы на Нерчинских заводах и отправке рядовым в Якутский батальон без права выслуги⁴.

Военнослужащие, которые были свидетелями преступления, но не донесли о нем командованию, также получили наказания, что свидетельствует о том, что суд не принял во внимание мнение Якобии о том, что они не донесли по незнанию. Своим приговором суд подтвердил, что сержант Кучковский и

¹ Там же. Л. 423 об.

² Там же. Л. 422 об.

³ Там же. Л. 1.

⁴ РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 411. Л. 424–431.

капрал Пирогов занимались укрывательством Ерохина. Сержант и капрал были разжалованы в рядовые до выслуги, то есть получили возможность беспорочной службой вернуть себе звания, а солдаты были наказаны батогами. Также были наказаны поручики Дурнов и Попов. Дурнов был разжалован на месяц в рядовые, а Попов разжалован в рядовые без права выслуги¹.

Проанализировав судебно-следственные дела о преступлениях военнослужащих Сибирского корпуса во второй половине XVIII в., мы выявили два аспекта повседневности военнослужащих Сибири. Первый аспект касается семейной жизни военных: удаленность Сибирского корпуса и особенности службы создавали для военнослужащих возможности для двоеженства. Также нередко были случаи внутрисемейного насилия и насильственных действий военных по отношению к женской половине населения Сибири.

Второй аспект связан с «корпоративной культурой» военнослужащих. Многие служащие корпуса были потомственными военными и чувствовали принадлежность к одному сообществу, в связи с чем в гарнизонных частях наблюдается стремление военнослужащих помочь сослуживцу, попавшему в сложную ситуацию. Однако и ссоры в этой среде также не были редкостью, так как на одной территории, в замкнутом сообществе оказывались люди, которые не всегда были одного происхождения и жизненный опыт которых часто сильно различался.

Повседневность военнослужащих Сибири — это интересная и глубокая тема, для изучения которой можно привлекать разнообразный круг источников. Мы выражаем надежду, что историческое сообщество заинтересуется данной тематикой, и мы узнаем о новых аспектах повседневности военнослужащих Сибирского корпуса.

Библиография

Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М.: Молодая гвардия, 2012. 412 с.

Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 623 с.

¹ Там же. Л. 424 об.

Дмитриев А.В. Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика // Исторический курьер. 2018. №1. С. 74–83.

Дмитриев А.В. Некоторые особенности повседневной жизни и быта военнослужащих регулярных частей русской армии в Сибири (вторая четверть XVIII в.). // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. мат-лов VI регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2012. С. 62–70.

Дмитриев А.В. Правонарушения в сфере семейной жизни военнослужащих регулярной армии России XVIII в. с позиций истории повседневности // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. №1. С. 50–56.

Дмитриев А.В. Семейное положение офицеров гарнизонных войск в Сибири середины XVIII века // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 3. С. 991–1006.

Дмитриев А.В. Семейное положение унтер-офицеров полевых полков русской армии в Сибири середины XVIII века // Петербургский исторический журнал. 2021. №2. С. 60–73.

Дмитриев А.В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в.: (социально-политическая адаптация военнослужащих в условиях Сибири) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. мат-лов IV регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2010. С. 54–62.

Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. 403 с.

Карпущенко С.В. Быт русской армии XVIII — начала XX века. М.: Воениздат, 1999. 397 с.

Курукин И.В. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М.: Молодая гвардия, 2008. 678 с.

Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 536 с.

Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 285 с.

К.М. Карстен

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Социальный облик офицеров сибирских гарнизонных подразделений русской армии в начале XIX века

Статья посвящена изменениям в офицерском составе гарнизонных формирований сибирских губерний под влиянием реформ Александра I. Изучение указанных преобразований позволяет отчетливо представить непосредственное осуществление плана армейского реформирования в отдаленных регионах Российской империи, поскольку первоначально оно отражается именно на личном составе войск. Сведения об офицерах сосредоточены в послужных списках — отчетных документах периодического характера, содержащих информацию о кадровом составе воинских частей. На их основании были сделаны выводы об уменьшении средневозрастных показателей военнослужащих, об увеличении доли офицеров недворянского происхождения, об основном источнике дохода для офицер-дворян.

Ключевые слова: офицерский корпус, реформы, гарнизонные войска, Сибирь, Александр I.

Российская империя, представляющая собой огромную континентальную державу, сосредотачивала на своей территории многочисленные армейские формирования, имевшие различное предназначение. Одними из таких формирований выступали полки и батальоны гарнизонных войск.

Гарнизонные войска — это войска, предназначавшиеся для несения гарнизонной службы в городах и крепостях, а в военное время игравшие отчасти роль крепостного резерва и запасных войск¹. История их создания берет начало с военных преобразований, проведенных Петром I, приведших к появлению регулярной армии в Российском государстве. Аналогично с другими воинскими формированиями, гарнизонные части дис-

¹ Сьтин И.Д. Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 7. С. 188; Военный энциклопедический словарь: Министерство обороны России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://clck.ru/3ADsab>.

лоцировались не только в центральных губерниях страны, но и на территориях Поволжья, Урала, Кавказа и Сибири. Наряду с этим, региональный фактор (то есть — места расположения полков и батальонов внутри имперских владений) играл очень важную роль, определяющую особенности служебной деятельности для данных подразделений. Гарнизоны на протяжении своего функционирования в структуре русской армии находились в постоянном модифицировании — полки и батальоны то создавались, то расформировывались, при этом не раз меняя свое именование, дислокацию и численный состав. Тем не менее, с реформированием военной структуры при Александре I в январе 1811 года гарнизонные войска были упразднены и обращены на формирование нового контингента — войск внутренней стражи. Однако сибирские части, насчитывающие к тому моменту в своем составе девять полков и батальонов, не вошли в «первый состав» новообразованных войск, а остались под начальством местных комендантов и губернаторов еще на пять лет (до 1816 года).

Приступая к изучению происходящей модернизации в системе вооруженных сил, прежде всего необходимо ориентироваться на способы ее реализации. Введенные преобразования, корректирующие организационные, уставные и кадровые сферы, в первую очередь затрагивают именно личный состав войск. Вследствие чего, особое внимание требуется уделить преимущественно офицерам — лицам командного (начальствующего) состава военной организации государства, имеющим воинское звание, присвоенное им персонально после прохождения соответствующей военной подготовки к службе¹. Именно офицеры, находясь на руководящих должностях и командуя своими подчиненными, вместе с тем возлагая на себя ответственность, придают армии четкую структуру, определяют ее боевую подготовку и дисциплинированность.

На данный момент опубликовано множество работ, посвященных рассмотрению процессов создания и функциониро-

¹ Сьтин И.Д. Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 40.; Военный энциклопедический словарь: Министерство обороны России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://clck.ru/3ADskZ>.

вания регулярной армии Российской империи. Однако, несмотря на объем исследований, влияние, оказанное военными реформами Александра I на отдельные рода войск, все еще остается малоизученным. Так положение гарнизонных полков и батальонов, расположенных на сибирских территориях Российской империи в начале XIX века, затрагивается лишь в небольшом количестве публикаций¹, в то время как офицерский состав вышеозначенных подразделений остается вне поля зрения исследователей.

Информация о жизни и службе офицеров сосредоточена в документах учета личного состава частей русской армии — послужных списках. Послужной список — отчетный документ со сведениями о прохождении службы всего личного состава войсковой части, который представляет собой таблицу, отражающую следующие сведения: фамилия, имя, отчество, возраст, происхождение, история получения чинов, образование, наличие штрафов и судимостей, комплектность и текущее местоположение, достоинство к повышению². Формуляр рассматриваемых списков был определен в 1793 году, а периодичность их подачи в Инспекторскую экспедицию Военной коллегии установлена указом от 31 марта 1798 года, согласно которому послужные списки должны были составляться каждые полгода³.

В 1813–1815 годах на территории Сибири были размещены следующие гарнизонные подразделения: Бийский батальон, Железенский батальон, Иркутский полк (2-х батальонный), Омский полк (3-х батальонный), Петровский батальон, Селенгинский полк (2-х батальонный), Семипалатинский батальон, Тобольский полк (2-х батальонный) и Томский батальон. Для изучения изменений в офицерском корпусе были отобраны по-

¹ См., напр.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Очерки. М., 1958. С. 28–32; *Ульянов И.Э.* Регулярная пехота 1801–1855 гг. М., 1996. С. 15–20, 34, 89, 138; *Попов С.А.* Армейская и гарнизонная пехота Александра Первого. М., 2010. С. 160–163, 172–208.

² *Татарников К.В.* Предисловие // *Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель: В 3 т. / Сост., вступ. статья, оформл. К.В. Татарников. М., 2013. Т. 1. С. 4.*

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 24. № 17898. С. 519–521.

служные списки, сосредоточенные в фонде 489 «Формулярные списки и другие материалы о службе личного состава русской армии» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), относящиеся к четырем подразделениям: Селенгинскому гарнизонному полку, Семипалатинскому гарнизонному батальону, Тобольскому гарнизонному полку и Томскому гарнизонному батальону за обозначенный период¹. В избранных делах сосредоточена информация о 105 офицерах, из которых 14 относились к категории штаб-офицеров (шефы полков, полковники, подполковники, майоры) и 91 — к обер-офицерам (капитаны, штабс-капитаны, поручики, подпоручики, прапорщики, аудиторы).

Таблица 1

Средний возраст офицеров Селенгинского и Тобольского гарнизонных полков, Семипалатинского и Томского гарнизонных батальонов в 1813–1815 гг.²

	Селен- гинский полк	Тоболь- ский полк	Семипа- латин- ский батальон	Томский батальон
Штаб-офицеры	55	50	52	44
Шефы, полковни- ки, подполковники	62	48	54	—
Майоры	49	51	50	44
Обер-офицеры	38	38	37	41
Капитаны	36	45	39	39
Штабс-капитаны	44	38	29	43
Поручики	37	43	46	39
Подпоручики	39	40	41	58
Прапорщики	32	29	34	25
Аудиторы	42	36	33	—

В первой четверти XIX века при существовавшем порядке чинопроизводства возрастной состав офицерского корпуса был очень разнообразен, что наглядно отражено в сравнительной

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 5905, 5918, 5919, 6045, 6047, 6055, 6057.

² Составлено по: РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д. 5905, 5918, 5919, 6045, 6047, 6055, 6057.

таблице.

Как видно из таблицы, показатели среднего возраста военнослужащих варьируются между воинскими частями, особая разница заметна в данных начальствующего состава. В изучаемый период времени шефом Селенгинского гарнизонного полка являлся генерал-майор Иван Карлов сын Винклер и на момент подачи списков за вторую половину 1815 году его возраст равнялся 62 годам. Свою службу он начал еще при царствовании Елизаветы Петровны — в 1758 году, и пройдя все карьерные ступени, в 1797 году был произведен в генерал-майоры и назначен шефом Троицкого гарнизонного батальона, позднее, в 1803 году был назначен шефом полка¹. В это же время шефом Тобольского гарнизонного полка числился генерал-майор и ордена святой Анны 3-го класса кавалер — Николай Лукинов сын Палицын, 50 лет от роду. Он был принят на службу в 1782 году и уже спустя 17 лет получил чин генерал-майора и стал шефом Екатеринбургского гренадерского полка, а в 1804 году был переведен на ту же должность в данный полк².

Анализ выбранных послужных списков показал, что для гарнизонных подразделений, расположенных в Сибири в начале XIX века, была характерна ситуация, при которой на службе в старших обер-офицерских званиях нередко встречались военнослужащие, чей возраст равнялся приблизительно 30-ти годам, а в младших обер-офицерских званиях (от прапорщика до поручика) числились лица старше 50 лет. В исследуемых укомплектований были обнаружены следующие молодые офицеры, добившиеся карьерных высот: в Селенгинском гарнизонном полку — капитан Василий Федоров сын Самарин 33-х лет³, а в Тобольском — штабс-капитан Федор Андреев сын Мигунов 30-ти лет⁴, в Семипалатинском гарнизонном батальоне — штабс-капитан Антон Наумов сын Снесарев 29-ти лет⁵. Там же встретились офицеры старше среднего возраста: в Селенгинском

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5905. Л. 2об. — 3.

² Там же. Д. 6045. Л. 2об. — 3.

³ Там же. Д. 5905. Л. 8об. — 9.

⁴ Там же. Д. 6045. Л. 6об. — 7.

⁵ Там же. Д. 5918. Л. 7об. — 8.

полку числился поручик Михайло Андреев сын Попов, которому на момент составления послужного списка полка за вторую половину 1815-го года было 52 года¹, в Тобольском полку службу проходили поручик Андрей Иванов сын Иванов 53-х лет² и подпоручик-полковой казначей Алексей Дмитриев сын Винокуров в возрасте 51 года³, в Томском гарнизонном батальоне — подпоручик Федор Андреев сын Андреев 58 лет от роду⁴.

Сложившаяся ситуация объясняется тем, что в период правления Павла I начался процесс «омоложения» офицерского состава русской армии⁵, который достиг пика уже при Александре I, когда в связи с начавшимся реформированием образовательной системы в 1804 году произошло увеличение количества военно-учебных заведений, а предпочтение стало отдаваться профессионально обученным военнослужащим, начинающим свою служебную карьеру в полевых полках, вместо офицеров, выпущенных из рядов гвардии.

Многие исследователи сходятся во мнении, что офицерский корпус являлся исключительно дворянским, а офицеры иного происхождения составляли лишь малую часть⁶. Однако к началу XIX века число военнослужащих, являвшихся детьми штаб- и обер-офицеров, а также представителей иных категорий населения, становится наиболее значительным, что явно прослеживается в сословном происхождении офицеров сибирских гарнизонных формирований. Дворянское сословие составляло здесь чуть меньше половины: из 105 офицеров 51 военнослужащий происходил из дворянского рода (почти 49%), причем 48 человек — из русского, три человека — из иностранного (саксонцы, поляки и сербы), 13 служащих были штаб- и обер-офицерскими детьми (около 11%) и 41 офицер происходил из про-

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5905. Л. 2об. — 3.

² Там же. Д. 6045. Л. 7об. — 8.

³ Там же. Л. 8об. — 9.

⁴ Там же. Д. 6055. Л. 14об. — 15.

⁵ *Миросшкин Е.В.* Офицерский корпус полевых полков Сибирской инспекции: изменения в ходе военных реформ Павла I // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов. Новосибирск, 2023. С. 177.

⁶ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 148.

чих категорий населения (практически 40%). Несмотря на выделение отдельной категории под названием «Дети штаб- и обер-офицеров», в списках рассматриваемых гарнизонных подразделений были обнаружены исключительно обер-офицерские дети, которые составляли особую сословную группу, находящуюся между дворянством и остальными недворянскими сословиями. К данному типу относились дети обер-офицеров, не имевших дворянского происхождения и появившихся на свет до получения их отцами первого обер-офицерского чина, то есть до причисления их отцов к потомственному (военному) дворянству, так как в первой половине XIX века первое обер-офицерское звание позволяло получить указанный статус. К тому же, в эту группу определялись дети гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины обер-офицерских классов от XIV до XI¹. Под иными категориями населения обозначаются выходцы из числа солдатских детей, духовенства, купечества и крепостные крестьяне.

В связи с тем, что дворянство представляло собой значительную часть среди офицерского состава сибирских гарнизонов в начале XIX столетия, изменения, происходившие в статусе и материальном состоянии высшего сословия, не могли не отражаться и на положении военнослужащих. Несмотря на то, что практически половина офицеров принадлежала к дворянскому роду, 40 человек из 48 выявленных не имели крепостных вообще. У троих военнослужащих из Селенгинского полка и Томского батальона крепостные числились за ближайшими родственниками: за отцом поручика Осипа Вебера из Оренбургской губернии города Троица состояло три души мужского пола², за матерью прапорщика Тимофея Мигурина в Костромской губернии состояло две души³, за отцом прапорщика Алексея Филиппова сына Пушечникова в Херсонской губернии состояло восемь душ мужского пола⁴. К числу мелких собственников (от

¹ Целорунго Д.Г. Офицеры и солдаты Российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года. Социальные портреты и служба. Бородино, 2017. С. 74.

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5905. Л. 14об. — 15.

³ Там же. Л. 22об. — 23.

⁴ Там же. Д. 5918. Л.16об. — 17.

двух до 20 душ м.п.) принадлежали три офицера Тобольского полка, Семипалатинского и Томского батальонов — плац-майор, полковник Николай Дмитриев сын Рыбаковский, за ним числилось 15 душ крестьян мужского пола в Смоленской губернии¹, полковник и орденов святого равноапостольного князя Владимира и святой Анны 3-й степени кавалер Николай Васильев сын Романович, за которым числилось семь душ м.п.² и майор Ермил Митрофанов сын Колюбакин, за ним в Рязанской губернии состояло три души мужского пола³. Крупным собственником являлся упоминаемый выше шеф Тобольского полка в звании генерал-майора — Николай Лукинов сын Палицын, за ним в Ярославской губернии Борисоглебском уезде состояло 250 душ м.п. и в Тверской губернии в Новоторжском уезде — 103 души⁴.

Согласно показателям таблицы, большая часть офицеров дворянского происхождения, состоящих на службе в сибирских гарнизонах в начале XIX века, не имела своего поместья. Беспоместное дворянство было довольно распространенным явлением в рассматриваемый период, поскольку получение дворянского достоинства по достижении определенных военных чинов в системе Табели о рангах не было связано с земельным пожалованием, как в предшествующие столетия⁵.

Наконец, нельзя оставить без внимания семейное положение офицеров, служивших в рассматриваемых гарнизонных частях. В начале XIX века, чтобы жениться, офицеру достаточно было получить разрешение командира воинской части, никаких ограничений по возрасту или имуществу не существовало⁶.

¹ Там же. Д. 6045. Л. 3. об. — 4.

² Там же. Д. 5918. Л. 2. об. — 3.

³ Там же. Д. 6055. Л. 3. об. — 4.

⁴ Там же. Л. 2. об. — 3.

⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 148.

⁶ Целорунго Д.Г. Офицеры и солдаты Российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года. Социальные портреты и служба. Бородино, 2017. С. 111.

Таблица 2

**Распределение душевладельцев по чинам среди офицеров
Селенгинского и Тобольского гарнизонных полков, Семи-
палатинского и Томского гарнизонных батальонов
(кол-во человек/доля в %)¹**

	Селенгин- ский полк	Тоболь- ский полк	Семипа- латинский батальон	Томский батальон
Штаб-офицеры	2/100%	2/100%	2/100%	2/100%
Крупные собст- венники (от 100 душ)	—	1/50%	—	—
Средние собст- венники (от 20 душ)	—	—	—	—
Мелкие собст- венники	—	1/50%	1/50%	1/50%
Собственность за отцом или мате- рью	—	—	—	—
Не имеют крепо- стных	2/100%	—	1/50%	1/50%
Обер-офицеры	19/100%	10/100%	7/100%	3/100%
Крупные собст- венники (от 100 душ)	—	—	—	—
Средние собст- венники (от 20 душ)	—	—	—	—
Мелкие собст- венники	—	—	—	—
Собственность за отцом или мате- рью	2/10%	—	—	1/33%
Не имеют крепо- стных	17/90%	10/100%	7/100%	2/67%

¹ Составлено по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5905, 5918, 5919, 6045, 6047, 6055, 6057.

Таблица 3

**Семейное положение офицеров Селенгинского
и Тобольского гарнизонных полков,
Семипалатинского и Томского гарнизонных батальонов¹**

Возраст	Женатых	Холостых
До 30 лет	3	22
31 — 40 лет	20	11
41 — 50 лет	20	8
После 50 лет	13	2
Итого:	56	43

В данные таблицы не внесены сведения о вдовцах, которых в списках рассматриваемых подразделений обнаружено небольшое число — шесть человек. Таким образом, из 105 офицеров 62 человека были женаты (59%), 43 продолжали оставаться холостыми (41%). Среди офицеров в возрасте до 30 лет женатых было очень мало, поскольку настоящую категорию по большей части составляли офицеры в звании прапорщика, недавно окончившие кадетские корпуса и переведенные в действительную службу, как правило, еще не успевшие освоиться по месту распределения, что не располагало к женитьбе. В большинстве случаев, офицеры преклонного возраста (после 50 лет) уже имели семью, однако встречаются исключения, например, майор Селенгинского гарнизонного полка Лука Михайлов сын Богданов 59-ти лет². Возможно, его холостое положение обусловлено тем, что он являлся участником множества походов русской армии второй половины XVIII в., поэтому не успел обзавестись семьей.

Послужные списки дают возможность выяснить образовательный уровень офицеров русской армии, служивших в гарнизонных полках Сибири. Абсолютно все штаб- и обер-офицеры умели читать и писать, поскольку еще в 1731 году указом императрицы Анны Иоанновны безграмотным был навсегда закрыт доступ к офицерскому чину³. Среди офицеров встречались и те, кто знал языки и науки, однако таких было немного, например,

¹ Составлено по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5905, 5918, 5919, 6045, 6047, 6055, 6057.

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5905. Л. 3. об. — 4.

³ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 8. № 5888. С. 566.

шеф Селенгинского полка в звании генерал-майора Иван Карлов сын Винклер, знающий немецкую грамоту и умеющий переводить с французского и немецкого языков¹, и поручик Тобольского полка Семен Васильев сын Шестаков, знающий арифметику, всеобщую и российскую географию, физику и отечественную историю.

На основании вышеизложенного мы можем говорить о том, что реформаторская политика Александра I, а также процессы, начавшиеся еще ранее, заметно отразились на офицерском корпусе сибирских гарнизонных подразделений. Во-первых, сохранилась тенденция, направленная на омоложение командного состава войск. Во-вторых, военная служба перестала считаться занятием исключительно дворянским. В-третьих, для большинства офицеров дворянского происхождения служба в рядах российской императорской армии являлась основным источником дохода.

Библиография

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.

Военный энциклопедический словарь: Министерство обороны России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://clck.ru/3ADsrk> (Дата обращения: 22.02.2024 г.)

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.

Мирошкин Е.В. Офицерский корпус полевых полков Сибирской инспекции: изменения в ходе военных реформ Павла I // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник научных трудов — Новосибирск, 2023. С. 172–182.

Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 8. 1014 с.; Т. 24. 869 с.

Попов С.А. Армейская и гарнизонная пехота Александра Первого. Полковые униформы. М.: Русские витязи, 2010. 290 с.

Сытин И.Д. Военная энциклопедия. В 18 т. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. Т. 7. 320 с.

Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый

¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5905. Л. 2. об. — 3.

указатель: В 3 т. / Сост., вступ. статья, оформл. К.В. Татарников. М., 2013. Т. 1. С. 3–25.

Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801–1855 гг. М.: АСТ, 1996. 241 с.

Целорунго Д.Г. Офицеры и солдаты Российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года. Социальные портреты и служба. Бородино, 2017. 280 с.

Н.Д. Тихонов

*Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД Российской Федерации*

**Дунайская комиссия:
Институциональное регулирование международных
отношений во второй половине XIX века**

Статья посвящена проблеме создания и функционирования Европейской Дунайской комиссии во второй половине XIX века. Она рассматривается как одна из первых попыток институционализировать сотрудничество сразу нескольких государств Центральной и Восточной Европы, в данном случае, по вопросу судоходства по Дунаю. На основании документов, регламентировавших работу данной международной организации, анализируются ее задачи и те средства, которыми она располагала для их решения. С точки зрения либерального институционализма рассматриваются мотивы государств, учредивших Дунайскую комиссию. Делается вывод о частичной применимости данной теоретической парадигмы при анализе создания и функционирования Дунайской комиссии и важности дальнейшего исследования ее работы.

Ключевые слова: Дунай, Парижский мир, Берлинский трактат, международные организации, Крымская война, либеральный институционализм

После окончания Наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 года Европа на несколько десятилетий оказалась в состоянии относительного мира, прерванного Крымской войной 1853–1856 гг. По ее итогам произошло определенное переформатирование системы международных отношений в соответствии с заключенным Парижским миром 1856 г., который заложил

основы «крымской» подсистемы международных отношений, во многом невыгодные для России¹. Наряду с этим были и положительные для всех государств изменения, среди которых — учреждение Европейской Дунайской комиссии, в которую были включены все придунайские государства. В отличие от большинства остальных положений Парижского договора 1856 г., Дунайская комиссия как институт пережила поражение Франции во Франко-прусской войне и продолжила свою работу по итогам уже Берлинского конгресса 1878 г., где Российская империя находилась в более выигрышной позиции после победы в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Хотя закрепить достигнутый тогда успех дипломатическим путем в полной мере и не удалось, Россия, тем не менее, смогла сделать значительный шаг в реализации своей внешнеполитической программы на Балканах². Затем, уже после Первой мировой войны, данная организация была воссоздана, а с 1948 г. работает непрерывно. В наши дни данная организация продолжает свою деятельность, серьезно расширив сферу своих полномочий и занимаясь вопросами судоходства, радиосвязи, статистических исследований товарооборота на Дунае и издательской деятельностью, а ее состав до исключения России в 2024 г. насчитывал 11 государств Центральной и Восточной Европы³. Совокупностью данных факторов обусловлена актуальность данного исследования.

Тем не менее, как в российской, так и в зарубежной историографии на настоящий момент не так много работ, в которых исследовалась бы долгая и продуктивная история развития этого международного института. Поэтому в области источников по истории Дунайской комиссии во второй половине XIX в. главным образом интерес представляют Парижский договор 1856 г., Берлинский трактат 1878 г. В качестве литературы по истории

¹ Павленко О.В. Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX–XX в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 18(140). С. 9–36

² История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). Москва: Международные отношения, 1999. С. 217

³ Официальный сайт Дунайской комиссии. [Электронный источник]. URL: <https://www.danubecommission.org/dc/ru/> (дата обращения: 30.07.2024)

данной организации в первую очередь стоит упомянуть работу «Дунайская комиссия и дунайское судоходство», написанную коллективом авторов: генеральным директором Секретариата Дунайской Комиссии Д. Недялковым, Я. Шпигельманом, В. Воронцовым при участии советника Секретариата Дунайской Комиссии Э. Шульце-Раушенбахом, и изданную в 2004 г. самой комиссией¹. В конце XIX века к роли административных союзов государств в международных отношениях и международном праве обращался российский ученый П.Е. Казанский², однако он не рассматривал работу конкретно Дунайской комиссии. Для анализа рассматриваемой подсистемы международных отношений в период становления и развития Дунайской комиссии использовались работы как отечественных³, так и зарубежных⁴ авторов.

Формирование теории либерального институционализма в рамках исследований международных отношений принято связывать с именем Роберта Кеохейна и его работой «После гегемонии: сотрудничество и разногласие в мировой политической экономии», где он, в том числе, обращался к понятию международного режима, видя в нем одно из возможностей консенсуса между неореалистами и неолибералами. Кеохейн считал, что, с одной стороны, международный режим формируется наиболее сильными державами (здесь он ссылается на реализм в рамках теории международных отношений), но, с другой стороны, данный концепт не может игнорировать роль институтов, важный для либерального направления ТМО⁵.

¹ Недялков Д., Шпигельман Я., Воронцов В., Шульце-Раушенбах Э. Дунайская комиссия и дунайское судоходство. Будапешт: Дунайская комиссия, 2004. 111 с.

² Казанский П.Е. Всеобщие административные союзы государств. Одесса: Тип. Штаба округа, 1897. Т. 1. 553 с.

³ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Международные отношения, 1999. 384 с.

⁴ Bridge F.R. From Sadowa to Sarajevo: The Foreign Policy of Austria-Hungary, 1866–1914, London: Routledge, 1972. 480 p.

⁵ Keohane Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 62.

Классической работой в области сравнительного анализа формирования международных институтов является труд Джона Айкенберри «После победы: институты, стратегическая умеренность и восстановления порядка после крупных войн». Исследователь сравнивает политику государств на международной арене после побед в крупных войнах, а именно в 1815, 1918 и 1945 гг. Айкенберри приходит к выводу, что можно выделить тенденцию к укреплению институтов в международных отношениях державами-победителями войн и созданию устойчивого и предсказуемого порядка, «обременяя» правилами не только более слабые государства, но и себя в том числе¹. При этом он определял ключевыми благоприятными переменными такой институционализации степень демократичности победивших государств и асимметрию власти в международных отношениях по итогу той или иной войны².

Среди российских теоретиков либерального институционализма стоит выделить М.М. Лебедеву, которая отмечает возможность глобализации и интеграции на отдельных территориях, не всегда совпадающих с административными границами государств. При этом данная территория (в случае ЕДК это река Дунай) служит «проводником» для государств в международные отношения³ (в этой связи важно отметить участие в работе дунайских комиссий как оказывавшейся в изоляции России, так и только получивших независимость придунайских княжеств).

Дунайскую комиссию, в целом, можно считать примером обозначенных тенденций: и проигравшие, и победившие государства каждый раз на протяжении второй половины XIX в. соглашались на ее основе «уравнять» свои права в отношении международного режима на Дунае, что можно рассматривать как пример «конституционного международного порядка»⁴ в рамках данной сферы региональной подсистемы международных отно-

¹ *Ikenberry John G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press, 2019. P. 43

² *Ikenberry John G. After Victory...* P. 20

³ *Лебедева М.М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 10*

⁴ *Ikenberry John G. After Victory...* P. 24

шений, и одним из первых примеров региональной глобализации и интеграции. Дунайская комиссия, таким образом, окончательно сформировала и закрепила правила «международного режима» судоходства по Дунаю. Первый шаг к институционализации судоходства по Дунаю был сделан еще на Венском конгрессе, в Заключительном акте которого Статьи со 109 по 117 впервые определяли основные принципы режима использования международных рек¹, а впервые о применении этих правил относительно Дуная можно говорить после заключения в 1840 г. Конвенции относительно судоходства под Дунаю между Австрией и Россией. В 1853 г. договор о свободе судоходства был заключен между Россией и Баварией². Сама Дунайская комиссия впервые появляется в международно-правовом поле в 1856 г. В Парижском мире ее созданию и полномочиям посвящены четыре статьи, со Статьи XVI по Статью XIX³. Данная организация создавалась на определенный промежуток с целью ликвидации пошлин и снятию тех затруднений, которые могли препятствовать Дунайскому судоходству. Единственные пошлины теперь должны были устанавливаться самок комиссией и предназначались для финансирования проведения работ по расчистке протоков и рукавов дельты Дуная и упрощения на этих отрезках реки судоходства⁴. В состав Дунайской комиссии планировалось ввести Россию, Австрию, Францию, Великобританию, Пруссию, Сардинию и Турцию. Каждой из этих стран предлагалось направить для заседаний одного депутата (то есть, как и отмечает Айкенберри, институты создаются с участием и победителей, и проигравших, и даже, в данном случае, нейтральных стран, некоторые из которых и не имели выхода к Дунаю). С другой стороны, здесь можно заметить и несоответствие либеральному институционализму: хотя международному престижу

¹ Акт Венского конгресса, 1815 г. [Электронный источник]. URL: <https://constitutions.ru/?p=18869> (дата обращения: 15.06.2024)

² Недялков Д., Шпигельман Я., Воронцов В., Шульце-Раушенбах Э. Дунайская комиссия... С. 10.

³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., Гос. изд-во полит. лит., 1952. С. 27.

⁴ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., Гос. изд-во полит. лит., 1952. С. 28.

России в результате войны был нанесен урон, но уже в 1856 году были начаты переговоры между Россией и Францией на предмет заключения секретного договора¹, к которому у сторон был обоюдный интерес. Баланс сил, таким образом, в Европе не был нарушен настолько сильно, как после Наполеоновских или тем более мировых войн. Более того, лишь Великобританию и, отчасти, из перечисленных держав можно отнести к демократиям, тогда как остальные представляли собой достаточно автократические монархии, в которых парламент отсутствовал или же играл минимальную роль.

В качестве правового инструмента для реализации поставленных целей предлагалось ориентироваться на Заключительный акт Венского конгресса, на основании которого уже была за 40 лет до Парижского мира, в 1815 г., Центральная комиссия по судоходству на Рейне. Для этого создавалась отдельная, прибрежная комиссия, которая в течение двух лет должна была составить международно-правовую основу режима судоходства по Дунаю, после чего ей передавались полномочия «Общей Европейской комиссии»². «Прибрежная» комиссия было образована в составе Австрии, Баварии, Османской империи, Вюртемберга и трех придунайских княжеств, однако представители последних назначались по согласованию с Османской империей. Тем не менее, «Прибрежной» (или «Речной») комиссии не удалось завершить свою работу в срок. Можно рассматривать это как практическое доказательство утверждения Кеохейна о том, что для функционирования международного режима ведущую роль все же играют наиболее влиятельные в данный момент развития международных отношений державы³, а в Прибрежной комиссии, за исключением Австрии, таковых не было, в отличие от Европейской Дунайской комиссии.

Таким образом, положения Парижского трактата оказа-

¹ История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Международные отношения, 1999. С. 49–54.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., Гос. изд-во полит. лит., 1952. С. 29.

³ *Keohane Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy.* Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 63.

лись реализованы ровно наоборот: Европейская Дунайская, а не Прибрежная комиссия расширила свои права и продлила с каждой следующей международной конференцией учредителей срок своего существования¹. Общая Европейская комиссия справилась с поставленным перед ней задачами, реализовав гидротехнические работы (расчистка, спрямление, поднятие затонувших судов, установления системы бакенов и маяков) в области Сулинского и Георгиевского гирл, значительно упростив судоходство в данных частях Дуная. Более того, ЕДК, в отличие от Прибрежной комиссии, удалось начать процесс формирования международно-правового режима судоходства по Дунаю, установив правила на участке от румынского города Исаки до Черного моря (56 миль) и регламентировав тарифы навигационных сборов².

В 1866 г. на III Парижской конференции полномочия комиссии были продлены еще на пять лет, а в 1871 г. Лондонская конвенция продлила этот срок до 1883 г.³. Дальнейшее международно-правовое развитие полномочий Европейской Дунайской комиссии произошло после Берлинского конгресса 1878 г., на котором полномочия были расширена до Галаца (тем самым в состав комиссии входила Румыния) и острова Змеиный, при этом была подчеркнута ее «полная независимость от территориальных властей»⁴. Данное событие показывает устойчивость данного института, который сохранил свою актуальность при серьезном изменении баланса сил в международных отношениях, а именно при появлении новых независимых государств на Балканах, укреплении там (по сравнению с окончанием Крымской войны) позиций России, наконец, нарастающем соперничестве за влияние в данном регионе между Петербургом и Веной,

¹ Недялков Д., Шпигельман Я., Воронцов В., Шульце-Раушенбах Э. Дунайская комиссия... С. 12.

² Недялков Д., Шпигельман Я., Воронцов В., Шульце-Раушенбах Э. Дунайская комиссия... С. 14.

³ Недялков Д., Шпигельман Я., Воронцов В., Шульце-Раушенбах Э. Дунайская комиссия... С. 14.

⁴ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., Гос. изд-во полит. лит., 1952. С. 203.

постепенно поддерживаемой все больше Берлином¹. В дальнейшем рост судоходства по Дунаю и достаточно успешные гидротехнические работы, руководство которыми осуществляло ЕДК, обусловил продолжение работы данной международной организации вплоть до начала Первой мировой войны². Стоит отметить, что в конце XIX в. в России «административные союзы», в числе которых была и Дунайская комиссия, высоко оценивались правоведом П.Е. Казанским: «Всеобщие административные союзы государств показывают именно, что история человечества вступила в новый фазис»³.

Таким образом, можно считать создание и деятельность Европейской Дунайской комиссии важным этапом в развитии международных организаций в Европе. Это пример достаточно длительного функционирования многосторонней международной организации, в которую на равных правах входили как великие державы (Россия, Пруссия, Австрия, Франция), так и государства среднего уровня (Сардиния, позже — Румыния) и которая успешно справлялась не только с регламентированием определенного международного режима и решением поставленных перед ней задач, но и с постепенным расширением сферы своей компетенции. У Европейской Дунайской комиссии, благодаря системе пошлин, используемой с начала 1860-х гг., имелась достаточно высокая степень финансовой автономии от национальных правительств. С другой стороны, пример ЕДК показывает, что для создания такого рода международных организаций не всегда необходимы критерии, выдвигаемые либеральным институционализмом в интерпретации Айкенберри. Так, члены комиссии изначально не были и во многом так и не стали на протяжении XIX века демократиями, а асимметрия власти была между ними не столь значительной как после Крымской, так и после Русско-турецкой войн. Пример ЕДК на контрасте с Прибрежной комиссией также демонстрирует важную роль Великих

¹ Bridge F.R. From Sadowa to Sarajevo... P. 104.

² Недялков Д., Шпигельман Я., Воронцов В., Шульце-Раушенбах Э. Дунайская комиссия... С. 17.

³ Казанский П.Е. Всеобщие административные союзы государств. Одесса: Тип. Штаба округа, 1897. Т. 1. С. 8

держав в установлении международного режима, о чем писал основоположник либерального институционализма, Роберт Ке-охейн. История данного международного института показывает, что самоограничение своих полномочий в определенной области наиболее влиятельными государствами мировой политики возможно в результате различных предпосылок при различных формах государства, что подчеркивает важность дальнейшего исследования ранних международных организаций XIX века, в том числе и Дунайской комиссии.

Библиография

Акт Венского конгресса, 1815 г. [Электронный источник]. URL: <https://constitutions.ru/?p=18869> (дата обращения: 30.07.2024)

Берлинский трактат // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во. полит. литературы, 1952. С. 181–206.

История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Международные отношения, 1999. 384 с.

Казанский П.Е. Всеобщие административные союзы государств. Одесса: Тип. Штаба округа, 1897. Т. 1. 553 с.

Лебедева М.М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. №1. С. 7–16.

Недялков Д., Шпигельман Я., Воронцов В., Шульце-Раушенбах Э. Дунайская комиссия и дунайское судоходство. Будапешт, Дунайская комиссия, 2004. 111 с.

Официальный сайт Дунайской комиссии. [Электронный источник]. URL: <https://www.danubecommission.org/dc/ru/> (дата обращения: 30.07.2024)

Павленко О.В. Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX–XX в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. №18(140). С. 9–36.

Парижский трактат // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во. полит. литературы, 1952. С. 23–34.

Bridge F.R. From Sadowa to Sarajevo: The Foreign Policy of Austria-Hungary, 1866—1914. London: Routledge, 1972. 480 p.

Ikenberry John G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton Univer-

sity Press, 2019. 336 p.

Keohane Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. 290 p.

Там Хок Чиу

Шаньдунского университета (Цзинань, КНР)

**Китай и его роль на международной арене перед
заключением договора о ненападении
между Германией и Советским Союзом
в историческом нарративе Ю.Н. Жукова**

Данная работа посвящена памяти выдающегося советского и российского историка Ю.Н. Жукова, исследовавшего взаимные интересы СССР и Китая в борьбе с фашистской агрессией в контексте сталинского внешнеполитического курса в 1938–1939 гг. В статье анализируется место Китая в стратегии Советского Союза на фоне дипломатического противостояния с политикой «попустительства» и попыток западных держав спровоцировать антисоветскую войну. Длительная оккупация японскими войсками китайской территории и сопротивление китайского народа агрессорам оказали влияние на политику СССР, включая решение о подписании германо-советского пакта о ненападении, что положило конец политике «попустительства».

Ключевые слова: Китай, антияпонская война, И.В. Сталин, Ю.Н. Жуков, борьба за мир, политика «попустительства», антисоветская война.

Китайский народ сыграл значительную роль в борьбе с японскими захватчиками в рамках общей антифашистской войны. Советские историки детально исследовали сопротивление китайского народа, Китайской коммунистической партии и правительства Чан Кайши японской агрессии¹. В то же время рос-

¹ См.: История дипломатии, Т. 3 / под ред. Громыко А.А., Земсков И.Н., Выгодский С.Ю. и др. М.: Политиздат, 1965. 832 с.; Сомин Н.И. Вторая Мировая война (1939–1945 гг.). Лекция, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), М., 1951. С. 3–4; Воробьев Ф.Д., Кравцов В.М. Победы Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Краткий очерк). М.: Воен. изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1953.

сийские историки зачастую рассматривали китайский и дальневосточный факторы как второстепенные эпизоды накануне империалистической войны в Европе, а не как ключевые элементы. Более того, под влиянием исторического нигилизма, распространенного на Западе и в Китае¹, такие авторы, как А.М. Буровский², М.С. Солонин³ и Б.В. Соколов⁴, не только игнорировали политику «попустительства» западных демократий и агрессивные планы фашистского блока против СССР и других стран, но и отрицали сам факт существования очага войны в Восточной Азии и его угрозы народам мира.

В своей речи на параде 9 мая 2024 г. президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что «мы чтим отвагу всех воинов антигитлеровской коалиции, участников Сопротивления, подпольщиков, партизан, мужество народа Китая, сражавшегося за свою независимость против агрессии милитаристской Японии»⁵. В этом контексте цель и новизна данной работы заклю-

С. 16; Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950 гг.). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 3, 28–29.

¹ См.: История России XX в. Т. 2. Эпохи Сталинизма / под ред. А.Б. Зубов и др. М.: Эксмо, 2016. 752 с.; Roberts G. Stalin's wars. From World war to Cold war, 1939–1953. New Haven & L.: Yale University Press, 2006. 496 p. Topitsch E. Stalin's war. A radical new theory of the origins of the Second World war, translated by A. and B.E. Taylor. NY.: St. Martin's Press, 1987. 152 p. Fuller J.F.C. The Second World War 1939–1945. A Strategical and Tactical History. Kent: Eyre and Spottiswoode Ltd., 1948, 1954. P. 17–32. Haines C.G., Hoffman R.J.S. The Origins and Background of the Second World War, London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1943. P. 509–547.

姚红艳: 〈《苏德互不侵犯条约》再评价〉, 《徐州教育学院学报》, 2006年01期, 第69–71页。(Яо Хонянь Переоценка советско-германского пакта о ненападении // Вестник Педагогического института Сюйчжоу. 2006 № 1. С. 69–71.)

² Буровский А.М. Великая Гражданская война 1939–1945 гг. М.: Яуза. Эксмо, 2009. 496 с.

³ Солонин М.С. Запретная правда о Великой Отечественной. Нет блага на войне. М.: Яуза, 2014. 290 с.

⁴ Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М.: Московский рабочий, 1991. 192 с. Он же Вторая мировая: Факты и версии. М.: АСТ-Пресс, 2005. 432 с.

⁵ Парад Победы на Красной площади 9 мая 2024 года / <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/73995> (дата обращения: 9.05.2024)

чаются в рассмотрении нарратива и взглядов выдающегося советского и российского историка Ю.Н. Жукова о китайских и дальневосточных в целом факторах Второй мировой войны (начиная с инцидента 1931 года), и их влиянии на советскую дипломатию, их связи с политикой «попустительства» западных держав. Источниками являются монографии и работы Ю.Н. Жукова и др., а также опубликованные архивные материалы¹.

Наряду с работами историков советской школы В.Я. Гросула², А.А. Ахтамзяна³, А.И. Вдовина⁴ и ряда др.⁵, особый вклад Ю.Н. Жукова заключается в том, что он уделял большое внимание положению Китая и его связям с Советским Союзом. В книге «Иной Сталин» он писал: «Японию, практически не участвовавшую в войне, не удовлетворило приобретение бывших германских колоний <...> Сталин решил, что новая ситуация коренным образом изменит положение в Китае, приведет рано или поздно к рождению общего фронта коммунистов и гоминьдана, который и вынудит Японию повернуть свои армии на юг, от советской границы»⁶.

¹ См. Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / публ., вступ. ст. и коммент. Фесюн А.Г., СПб.; М.: Летний сад, 2000. С. 95–100. Год кризиса 1938–1939 гг. Документы и материалы: в 2-х томах. / под ред. Бондаренко А.П., Венков И.Н. и др. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 194, 210–211; Т. 2: 2 июня — 4 сентября 1939 г. С. 54–55, 58–60, 63, 67, 75, 87, 99–101, 113–119, 122, 147–168. National Archives London (NA). WO 106/5860. MO 1 (a). No. 26. F. 13.

² Гросул В.Я. Когда началась вторая мировая война? Обзор отечественной литературы / Великая Отечественная война (1941–1945 годы). М.: РУСО, 2010. С. 54–79.

³ См.: Великая Отечественная война. Происхождение, основные события, исход. Документальные очерки / под ред. сост. Ахтамзян А.А. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 7–8.

⁴ Вдовин А.И. Великая Отечественная война. Учебное пособие. М.: Проспект, 2023. С. 4–6.

⁵ См.: 3 сентября — день победы над Японией: сборник материалов круглого стола, посвященного победе советского народа над милитаристской Японией 3 сентября 1945 года / под ред. Российские ученые социалистической ориентации (РУСО), общероссийская общественная организация, сост. И.И. Никитчук. М.: Родина, 2022. 254 с.

⁶ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. С. 31–34. См. Он же. Сталин: Тайны власти. М.: Вагриус, 2005. С. 6–8, 14–21, 48–51; Он же. Сталин:

Необходимо отметить, что уже в 1929 г., после вооруженных конфликтов на КВЖД с маньчжурскими войсками Чжан Сюэяна, действовавшими при поддержке Великобритании¹, в книге военных специалистов РККА А.М. Никонова и Я.М. Жигура были проанализированы основы стратегии западных держав, готовившихся совместно с Германией, Польшей и Японией, к войне против СССР с использованием косвенных конфликтов². В работах Н.М. Блискавицкого (1931 г.)³, Б.С. Махлина (1932 г.)⁴ и С. Тульского и М. Федорова (1934 г.)⁵ также был обоснован вывод, что по причине мирового экономического кризиса США, Англия, Франция, Германия и Япония пытались провоцировать Польшу, Румынию, Чехословакию на новые вооруженные конфликты против СССР.

Военная авантюра японской Квантунской армии в Северо-Восточном Китае и создание марионеточной страны Маньчжоу-Го стали предвестниками новой угрозы Советскому Союзу. Ю.Н. Жуков в книге «Сталин: Тайны власти» подчеркивал: «Напряженные отношения с Японией, возникшие еще в начале века и обострившиеся после японо-китайской войны, внезапно вылились в вооруженный конфликт <...>. Советское руководство обязано было предполагать самое худшее — войну одновременно в Европе и на Дальнем Востоке»⁶. После заключения советско-китайского пакта о ненападении и предоставления военного кредита правительству Чан Кайши в августе 1937 г. участие со-

Арктический иг. М.: Вагриус, 2008. С. 359–360; Он же. Народная держава Сталина. М.: Родина, 2023. С. 5–9.

¹ См.: История внешней политики СССР 1917–1945 гг. / под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарев. М.: Наука, 1986. Т. 1. С. 250–251; Жуков Ю.Н. Иной Сталин. С. 33–34.

² Никонов А.М., Жигур Я.М. Подготовка войны против СССР. М. ; Л.: Госиздат, Отдел военной литературы, 1929. С. 47–76.

³ Блискавицкий Н.М. Капиталисты готовят новую войну против СССР. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 1–15.

⁴ Махлин Б.С. Зарубежная кооперация и подготовка войны против СССР. М.: Партийное изд-во, 1932. С. 29–45.

⁵ Тульский С., Федоров М. Манчжурия — Плацдарм для нападения на СССР. М.: Гос. Воениздат, 1934. С. 3–6, 65–72.

⁶ Жуков Ю.Н. Сталин: Тайны власти. С. 14, 19–20, 45; М.: Концептуал, 2017. С. 16–17.

ветских военных советников, летчиков-добровольцев и другого контингента в боях с японскими милитаристами, появления на поле боя советских орудий, истребителей, бомбардировщиков, танков и другой военной техники наносили тяжелые потери японским войсковым группировкам¹. Вследствие этого вооруженный конфликт у оз. Хасан в 1938 г. вынудил Японию отказаться от участия в общей антисоветской войне и планов оккупации территории вплоть до побережья оз. Байкал² в случае обострения кризиса в Европе в результате пассивной политики Великобритании³.

Следует отметить, что Ю.Н. Жуков писал в книге «Тайны Кремля»: «Даже летом 1937 г., когда обе японские группировки северная и южная, начали широкомасштабные боевые действия против регулярной китайской армии, продвигаясь навстречу друг другу и неуклонно расширяя зону оккупации, Великобритания, Франция и США остались всего лишь безучастными наблюдателями»⁴. Несомненно, политика «попустительства» Великобритании, Франции и США не только непосредственно

¹ См.: История внешней политики СССР 1917–1945 гг. Т. 1. С. 324–328. В небе Китая. 1937–1940 гг. Воспоминания советских летчиков-добровольцев / Отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Ю.В. Чудодеев. М.: Наука, 1980. 381 с.

² История Второй Мировой войны 1939–1945 гг. в 12-х т. / под ред. А.А. Гречко и др. Т. 2. Накануне войны. М.: Воениздат, 1973. С. 38–43, 313–319, 321–322, 370–373, 386–387. Центральный архив ФСБ. Показания генерал-майора Ш. Акикуса. 9 февраля 1946 г. Москва; Показания полковника С. Асада. 11 февраля 1946 г. Москва // Тайны японской «Барбароссы» ФСБ России рассекречены показания японских военных преступников, свидетельствующие о подготовке Японии к нападению на СССР / URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbarbarossa.htm (дата обращения: 9.05.2024)

³ См. Воробьев Ф.Д., Кравцов В.М. Победы Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Краткий очерк). С. 16, 22–23, 27–29; Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. Б.С. Тельпуховский и др. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 21–23. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. в 5-х т. / под ред. П.Н. Поспелов и др. М.: Воениздат, 1963. Т. 1. С. 178. История Второй Мировой войны 1939–1945 гг. Т. 2. С. 371–374, 415–416, 420–426, 431–434.

⁴ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра-Книжный клуб, 2000. С. 11–14; Он же. Сталин: Тайны власти. С. 14–17, 19–20, 45.

усиливала агрессию империалистической Японии против Китая и китайского народа, но и возбуждала амбиции гитлеровской Германии, подталкивали ее к экспансии в центральной и восточной Европе и к разработке планов войны против Советского Союза. Происходившие параллельно, в сентябре 1938 — марте 1939 г. события расчленения Чехословакии, не только нанесли удар ненадежному порядку Версальской системы в центральной и восточной Европе и непрочной франко-советско-чехословацкой системе о взаимопомощи, но и показали, что западные державы не сумели остановить политику «Дранг нах Остен», направленную на уничтожение СССР¹.

С 2 февраля 1939 г. японские и маньчжурские войска начали усиливать провокации на советской границе², а после 11 мая открыто провоцировали военные действия против советских и монгольских войск у р. Халхин-Гол. Эта война стала частью японской агрессии в Восточной Азии в рамках одновременной кампании против Китая и Советского Союза и в контексте формирования германо-японо-итальянского военного блока³. В свете общего евразийского кризиса конфликты между Советским Союзом и Японией разворачивались на фоне уступок в Китае, на которые пошла Великобритания в отношении Японии⁴. Ситуация стала более выгодной для Великобритании в связи с «соглашением Арита — Крейги» от 24 июля 1939 г. и секретными переговорами между Великобританией и гитлеровской Германией. Как писали советские военные историки Ф.Д. Воробьев и В.М. Кравцов, «правительства Англии и США, проводившие

¹ Рыжиков В.А. Советско-английские отношения. Основные этапы истории. М.: Международные отношения, 1987. С. 66–71; см.: История внешней политики СССР 1917–1945 гг. Т. 1. С. 334–358; Жуков Ю.Н. Сталин: Тайны власти. С. 14–16, 18–26; Он же. Сталин: Арктический щит. С. 359; Ахтамзян А.А. Мюнхенский сговор — ликвидация Чехословакии // Великая Отечественная война. Происхождение, основные события, исход. Документальные очерки. С. 64–75.

² Год кризиса 1938–1939 гг. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. / под ред. А.П. Бондаренко, И.Н. Венков и др. М.: Политиздат, 1990. С. 210–211.

³ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 2. С. 38–43.

⁴ Год кризиса 1938–1939 гг. Т. 2: 2 июня — 4 сентября 1939 г. С. 58–60, 63, 67, 75, 87, 99–101, 113–119, 122, 147–168.

мюнхенскую политику уступок агрессору и в отношении Японии <...> рассчитывали, что им удастся рано или поздно втянуть Японию в войну с Советским Союзом и, удовлетворив ее претензии за счет дальневосточных территорий нашего государства, сохранить свои интересы в Китае»¹.

К лету 1939 г. расчет Великобритании оправдался: Япония приняла участие в переговорах с Германией и Италией о заключении военного союза согласно информации разведчика Р.Г. Зорге, работавшего в Токио². Еще 23 января 1939 г. Зорге в телеграмме сообщал, что в правящих кругах Японии появилась группа высших чиновников и элитариев, чья политика требовала «мира» с Китаем, чтобы выделить определенные вооруженные силы для новой антисоветской войны³. В расшифрованной телеграмме «Вх. № 8891, 8894» от 26 июня 1939 г. Зорге повторно утверждал следующее о переговорах о военном пакте между Германией, Италией и Японией: «Последние японские предложения, по сообщению германского посла Отт и военного атташе Шолль, содержат следующие пункты: 1. В случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР. <...> если Германия и Италия начнут войну только против Франции и Англии (Советский Союз не будет втянут в войну), то Япония <...> военные действия начнет против Англии и Франции только в зависимости от общей обстановки»⁴.

Согласно протоколу секретного заседания от 28 июня 1939 г. британского Военного Офиса, английское военное руководство считало необходимым заключение формального военно-политического пакта с СССР лишь до заключения германо-японо-итальянского военного пакта и масштабного вторжения Японии в Советскую Россию, в которое были бы активно вовлечены Германия и Италия. Другими словами, Великобритания

¹ Воробьев Ф.Д., Кравцов В.М. Победы Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Краткий очерк). С. 23–24.

² Дело Рихарда Зорге: Известные документы / публ., вступ. ст. и коммент. А.Г. Фесюн. СПб.; М.: Летний сад, 2000. С. 95–100.

³ Год кризиса 1938–1939 гг. Т. 1. С. 194.

⁴ Дело Рихарда Зорге: Известные документы. С. 100; Год кризиса 1938–1939 гг. Т. 2. С. 54–55.

продолжала отказываться от продуктивного военно-политического договора с Советским Союзом, пока против СССР не началась общая война¹. Ю.Н. Жуков отмечал: «на XVIII съезде открыто, во всеуслышание о реальной боеготовности СССР не говорили, хотя по утверждению Сталина война уже началась, лишь пока не приобрела всеобщего, мирового характера»². Будучи надлежащим образом осведомлен, И.В. Сталин в официальных докладах неоднократно отмечал, что события у оз. Хасан, как и события вокруг Чехословакии, имели прямое отношение к Второй мировой войне³. Он считал, что политика невмешательства западных держав в агрессию Японии против Китая и др. способствовала началу войны⁴.

Таким образом, внешнеполитическая стратегия СССР заключалась не только в попытке остановить развязывание большой войны, но и в перехвате стратегической инициативы. Лишь после неудачных попыток заключения англо-германского секретного пакта в июле — августе 1939 г. и полного раскрытия сущности политики Н. Чемберлена в ходе англо-франко-советской московской военной конференции был заключен германо-советский пакт о ненападении от 23 августа И. фон Риббентропом и В.М. Молотовым⁵, ратифицированный 31 августа⁶. После начала вторжения Германии в Польшу председатель КПК Мао Цзэдун в интервью заявил: «Советско-германский договор <...> сорвал интриги международной реакционной буржуазии в лице

¹ National Archives London (NA). WO 106/5860. MO 1 (a). No. 26. F. 13.

² Жуков Ю.Н. Сталин: Тайны власти. С. 36.

³ Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 21: 1 января — 31 декабря 1938 г. / под ред. А.А. Громыко и др., М.: Политиздат, 1977, С. 695–697. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг.: в 2 т. Т. 1: ноябрь 1937 г. — декабрь 1938 г. / под ред. А.А. Громыко и др. М.: Политиздат, 1981. С. 253–256.

⁴ Сталин И.В. Вопросы Ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1953. С. 609–613.

⁵ Международное положение и внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов / Политическое управление РККА. М.: Госвоениздат НКО СССР, 1939. С. 3–7.

⁶ Международное положение и внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов. С. 7–18; Молотов В.М. О ратификации советско-германского договора о ненападении // Военно-исторический журнал. 1939. № 2(2). С. 5–11.

Чемберлена, Даладье <...> На востоке этот договор нанес удар Японии, оказал помощь Китаю, в самом Китае укрепил позиции сторонников продолжения войны против японских захватчиков и нанес удар капитулянтам»¹.

Согласно описанию, данному в «Истории Второй мировой войны», «Советско-германский договор о ненападении не только окончательно разрушил мюнхенский фронт в Европе, но в сочетании с поражением Японии на Халхин-Голе воспрепятствовал совместному японо-германскому нападению на СССР и серьезно повлиял на стратегические планы японского правительства»². Имея важное военно-политическое значение, подписание германо-советского пакта о ненападении непосредственно прекратило попытки западных демократий спровоцировать гитлеровскую Германию и милитаристскую Японию на ведение антисоветской войны с запада и с востока, в том числе и за счет ресурсов из оккупированных японцами территорий Китая. Таким образом, японские милитаристы были вынуждены 30 августа прекратить наступление у р. Халхин-Гол и подписать соглашение о примирении с дипломатами Советского Союза 15 сентября 1939 г.³

Таким образом, Ю.Н. Жуков верно оценивал значение прекращения боевых действий у реки Халхин-Гол в контексте евразийских кризисов: «Советскому руководству удалось разрешить сразу две самые острые проблемы того времени — обезопасить страну как на западе, так и на востоке»⁴. Аналогичную оценку давал В.Я. Гросул, отмечавший: «Халхин-Гол — это составная часть большой войны — Второй мировой, а именно ее первого периода, охватывающего июль 1936 — сентябрь 1939 годов»⁵. Благодаря этому СССР сорвал попытки Великобритании и других западных демократий втянуть Германию в войну против Советского Союза в рамках концепции «Дранг нах Ос-

¹ Мао Цзэдун. Беседа с корреспондентом «Синьхуажиао» о современной международной обстановке (1 сентября 1939 г.) // Мао Цзэдун. Избранные произведения. В 4-х т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. Т. 3. С. 55.

² История Второй Мировой войны 1939–1945 гг. Т. 2. С. 287–288.

³ Жуков Ю.Н. Сталин: Тайны власти. С. 50.

⁴ Там же.

⁵ Гросул В.Я. Когда началась вторая мировая война? Обзор отечественной литературы // Великая Отечественная война (1941–1945 годы). С. 78–79.

тен»¹, а также перенаправить японскую агрессию с территории Маньчжоу-Го, оккупированных районов Монголии и Китая в сторону советского Дальнего Востока и Забайкалья.

Библиография

Блискивицкий Н.М. Капиталисты готовят новую войну против СССР. М.: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. С. 1–15.

В небе Китая. 1937–1940 гг. Воспоминания советских летчиков-добровольцев / Отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Ю.В. Чудодеев. М.: Наука, 1980. 381 с.

Вдовин А.И. Великая Отечественная война. Учебное пособие. М.: Проспект, 2023. 184 с.

Великая Отечественная война. Происхождение, основные события, исход. Документальные очерки / под ред. сост. А.А. Ахтамзян. М.: МГИМО-Университет, 2010. 548 с.

Воробьев Ф.Д., Кравцов В.М. Победы Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Краткий очерк). М.: Воен. изд-во Министерство обороны Союза ССР, 1953. С. 16, 22–24, 27–29.

Год кризиса 1938–1939 гг. Документы и материалы: в 2-х томах. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. / под ред. А.П. Бондаренко, И.Н. Венков и др. М.: Политиздат, 1990. С. 194, 210–211.

Год кризиса 1938–1939 гг. Т. 2: 2 июня — 4 сентября 1939 г. / под ред. А.П. Бондаренко, И.Н. Венков и др. М.: Политиздат, 1990. С. 54–55, 58–60, 63, 67, 75, 87, 99–101, 113–119, 122, 147–168.

Гросул В.Я. Когда началась вторая мировая война? Обзор отечественной литературы // Великая Отечественная война (1941–1945 годы). М.: РУСО, 2010. С. 78–79.

Дело Рихарда Зорге: Известные документы / публ., вступ. ст. и коммент. А.Г. Фесюн, СПб.; М.: Летний сад, 2000. С. 95–100.

Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 21: 1 января — 31 декабря 1938 г. / под ред. А.А. Громыко и др., М.: Политиздат, 1977. С. 695–697.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг.: в 2 т. Т. 1: ноябрь 1937 г. — декабрь 1938 г. / под ред. А.А. Громыко и др. М.: Политиздат, 1981. С. 253–256.

¹ *Ахтамзян А.А.* Планы экспансии и агрессии нацистской Германии // Великая Отечественная война. Происхождение, основные события, исход. Документальные очерки. С. 144. См. *Сазонов А.А.* Прибалтика — плацдарм для нападения Германии на СССР / Там же. С. 91–116.

Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра–Книжный клуб, 2000. С. 11–14.

Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. С. 31–34.

Жуков Ю.Н. Тайны власти. М.: Вагриус, 2005. С. 6–8, 14–26, 36, 45, 48–51; М.: Концептуал, 2017. С. 16–17.

Жуков Ю.Н. Сталин: Арктический щит. М.: Вагриус, 2008. С. 359–360.

Жуков Ю.Н. Народная держава Сталина. М.: Родина, 2023. С. 5–9.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. в 5-х т. / под ред. П.Н. Поспелов и др. М.: Воениздат, 1963. Т. 1. С. 178.

История внешней политики СССР 1917–1945 гг. / под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарев. М.: Наука, 1986. Т. 1. С. 250–251, 324–328, 334–358.

История Второй Мировой войны 1939–1945 гг. в 12-х т. / под ред. А.А. Гречко и др. Т. 2. Накануне войны. М.: Воениздат, 1973. С. 38–43, 287–288, 313–319, 321–322, 370–374, 386–387, 415–416, 420–426, 431–434.

История дипломатии, Т. 3 / под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земсков, С.Ю. Выгодский и др. М.: Политиздат, 1965. 832 с.

Мао Цзэдун. Беседа с корреспондентом «Синьхуажибоа» о современной международной обстановке (1 сентября 1939 г.) // Мао Цзэдун. Избранные произведения. В 4-х томах. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. Т. 3. С. 55.

Махлин Б.С. Зарубежная кооперация и подготовка войны против СССР. М.: Партийное изд-во, 1932. С. 29–45.

Международное положение и внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов / под ред. Политическое управление РККА. М.: Госвоениздат НКО СССР, 1939. С. 3–18.

Молотов В.М. О ратификации советско-германского договора о ненападении // Военно-исторический журнал. 1939. № 2(2). С. 5–11.

Никонов А.М., Жигур Я.М. Подготовка войны против СССР. М.; Л.: Госиздат, Отдел военной литературы, 1929. С. 47–76.

Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. Б.С. Тельпуховский и др. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 21–23.

Парад Победы на Красной площади 9 мая 2024 года / <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/73995> (дата обращения: 9.05.2024)

Рыжиков В.А. Советско-английские отношения. Основные этапы истории. М.: Международные отношения, 1987. С. 66–71.

Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950 гг.). М.: изд-во

Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1977. С. 3, 28–29.

Сомин Н.И. Вторая Мировая война (1939–1945 гг.). Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), М., 1951. С. 3–4.

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1953. С. 609–613.

Тульский С., Федоров М. Манчжурия — плацдарм для нападения на СССР. М.: Гос. воениздат, 1934. С. 3–6, 65–72.

Показания генерал-майора Ш. Акикуса. 9 февраля 1946 г. Москва; Показания полковника С. Асада. 11 февраля 1946 г. Москва // Тайны японской «Барбароссы». ФСБ России рассекречены показания японских военных преступников, свидетельствующие о подготовке Японии к нападению на СССР. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbarbarossa.htm (дата обращения: 9.05.2024)

National Archives London (NA). WO 106/5860. MO 1 (a). No. 26. F. 13.

Н.С. Мищенко

Вятский государственный университет (Киров)

Вопрос о размещении ракет СС-20: взгляд из Франции (конец 1970-х — начало 1980-х гг.)

В настоящей статье рассматривается политика Франции в отношении проблемы размещения советских ракет СС-20 в европейской части СССР во второй половине 1970-х гг. Франция в указанный период занимала обособленную позицию в НАТО. Конец 1970-х гг. — это переходный и значимый для истории период, который характеризовался окончанием разрядки международной напряженности и началом завершающей фазы Холодной войны. В статье освещены переговоры Франции с США и европейскими партнерами по НАТО по поводу политики в отношении СССР, характеризуется отношение Парижа к «двойному решению» НАТО в декабре 1979 г. Обосновывается вывод о том, что Франция имела свой уникальный взгляд на «кризис евро ракет» и поддержала США, руководствуясь желанием не допустить усиления одного из блоков и сохранить равновесие сил в Европе ради продолжения разрядки международной напряженности.

Ключевые слова: СС-20, разрядка международной напряженности, СССР, Франция, Холодная война, В. Жискара д'Эстен, Ф. Миттеран,

«кризис евrorакет», «двойное решение», «нулевой вариант»

В 1970-е гг. французский курс на разрядку международной напряженности был стабильным. 22 июня 1977 г. Франция и СССР подписали «Совместное заявление о разрядке международной напряженности». Основная мысль этого документа — отказ от политики, основанной на недоверии. Однако, в конце 1970-х гг. произошел ряд кризисов, существенно ухудшивших международный политический климат. По мнению французского дипломата А. Фроман-Мериса, глобальная разрядка международной напряженности была поставлена под угрозу не вводом советских войск в Афганистан, не конфликтами в Африке, а размещением Советским Союзом ракет СС-20, которые были испытаны еще в 1974 г., до подписания Хельсинских соглашений (1975 г.)¹.

В современных условиях важно обладать знаниями о позиции стран Запада в выработке политики в отношении СССР (России) в переходные периоды истории международных отношений, когда Запад не был монолитным и между государствами-членами НАТО велись дискуссии по ключевым вопросам международных отношений. Одним из таких периодов является конец 1970-х гг., так как он характеризовался окончанием разрядки международной напряженности и началом завершающей фазы Холодной войны.

В историографии имеется немало работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных разрядке международной напряженности и Холодной войне в целом. Их авторы (В.И. Батюк, В.А. Кременюк, В.О. Печатнов, М.Ф. Польшов, О. Банге, Р. Гартхоф, Дж. Гэдис, К. Нельсон, У. Леффлер, Ю. Хэнхемеки, О.А. Вестада, В. Лот)², как правило, останавливаются на

¹ *Фроман-Мерис А.* Некоторые соображения о «кризисе евrorакет» // Советский Союз, Франция и международные кризисы 80-х годов XX века: сборник научных статей. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 10.

² *Loth W.* Overcoming the Cold War: a history of détente, 1950–1991. N.Y., PALGRAVE, 2002; *Hanhimaki J.* The rise and fall of détente: American foreign policy and the transformation of the Cold War. Washington, D.C., Potomac Books, 2013; *Кременюк В.А.* Уроки холодной войны. Москва, Аспект Пресс, 2015; *The Long Détente: changing concepts of security and cooperation in Europe, 1950s – 1980s* (2017) / Ed. by O. Bange, P. Villaume. Budapest, N.Y., Central European

проблемах контроля за вооружениями, общеевропейской безопасности, внешней торговли и соперничества сверхдержав в третьем мире. Французской реакции на размещение советских ракет СС-20 в зарубежной и отечественной историографии уделяется мало внимания, хотя ситуация внутри соперничавших систем и блоков очень важна, как для понимания Холодной войны, в целом, так и для изучения разрядки международной напряженности. Взгляд из Парижа на кризис евrorакет помогает оценить влияние советского фактора на западный блок и выявить, насколько значительными были расхождения в позициях входивших в него стран в этом вопросе.

В августе 1976 г. СССР начал развертывать на своих западных границах новейшие ракетные комплексы «Пионер» (СС-20). Ракета имела радиус поражения до 5000 км и представляла угрозу, в первую очередь, для Западной и Южной Европы, для США ракета опасности не представляла. Ее головная часть была оснащена мегатонным моноблоком (или тремя боевыми блоками по 150 кт), и это была более точная ракета по сравнению со стоявшей до этого на вооружении СС-5¹. Однако французы в 1976–1977 гг. не акцентировали внимание на этом вопросе, рассматривая размещение «Пионеров», как модернизацию. Впервые обратил внимание на эту ситуацию федеральный канцлер ФРГ Г. Шмидт в октябре 1977 г., выступая в Лондонском институте стратегических исследований. Он призвал восстановить равновесие в Европе, которое, по его мнению, нарушалось размещением ракет СС-20. Тогда его речь не вызвала комментариев союзников, и Шмидт по этому поводу писал, что «число СС-20 непрерывно росло, однако американцы не предприняли ни одной серьезной попытки остановить этот процесс или включить эти ракеты в переговоры по ОСВ-2»². Осенью 1978 г. на франко-

University Press; *Westad O.A.* The Cold War: A World History. N.Y., Basic Books, 2017; *Батюк И.В.* Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории. М.: Весь мир, 2018; *Печатнов В.О.* Как иначе могла закончиться холодная война? // Окончание холодной войны в восприятии современников и историков: 1985–1991 / Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2021.

¹ *Фроман-Мерис А.* Некоторые соображения о «кризисе евrorакет»... С. 10.

² Там же.

немецкой встрече в Ахене Шмидт привлек внимание к этой проблеме французского президента В. Жискара Д'Эстена, и тот признался, что упустил этот момент из виду, полагая, что модернизированная ракета не нарушает баланса сил в Европе.

Таким образом, выступление Шмидта стало толчком к «кризису евrorакет». С 1978 г. западноевропейские союзники США вплотную заинтересовались этим вопросом.

В Париже с самого начала не считали, что размещение СС-20 вносит фундаментальные изменения в соотношение ядерных потенциалов в Европе. Именно Жискара Д'Эстен предложил Картеру тщательно взвесить варианты, которые он представит в рамках переговоров с СССР по ограничению стратегических вооружений¹. Ему также принадлежала инициатива пригласить союзников на неофициальную встречу 5–6 января 1979 г. в Гваделупе², на которой, заручившись поддержкой немецких и английских партнеров, президент Франции обратил внимание Картера на растущее беспокойство в Европе по поводу ядерного сдерживания.

В Гваделупе канцлер Шмидт согласился на размещение ракет в Западной Германии при условии, что она не будет единственной континентальной европейской страной, в которой они будут развернуты. Жискара д'Эстен поддержал канцлера, но не дал согласия на размещение оружия на территории своей страны. Главным достижением встречи в Гваделупе стало создание консультативной группы высокого уровня, которая в сентябре 1979 г., после интенсивных консультаций с командованием НАТО, представила доклад, фактически ставший основой для «двойного решения» 12 декабря 1979 г.³ Согласно обоснованным в докладе рекомендациям, США обязались модернизировать вооружения НАТО средней дальности в Европе, разместив 108 баллистических ракет Першинг-II и 464 крылатые ракеты,

¹ *Parisi I.* L'indépendance européenne en question: la France et la crise des euromissiles (1977–1987) // *Relations internationales* 2019/2 (n° 178) URL: <https://www.cairn.info/revue-relations-internationales-2019-2-page-57.htm?ref=doi>

² *Carter J.* Keeping faith... P. 234

³ *Parisi I.* L'indépendance européenne en question... URL: <https://www.cairn.info/revue-relations-internationales-2019-2-page-57.htm?ref=doi>

распределив их между ФРГ, Великобританией, Италией, Бельгией и Нидерландами. Франции в этом списке не было. Поскольку развертывание было запланировано на конец 1983 г., Вашингтон обязался включить этот вопрос в повестку переговоров с Москвой об ограничении вооружений.

Таким образом, был намечен путь к поддержанию военного равновесия в Европе, и Франция могла это приветствовать, поскольку данное решение было помещено в широкий контекст баланса сил между Востоком и Западом и не учитывало ударной мощи Парижа.

Начиная с лондонской речи Шмидта в 1977 г. и заканчивая «двойным решением» в декабре 1979 г., Жискард Д'Эстен сдержанно выражал поддержку процессу принятия решения в формате Североатлантического Альянса, объясняя это тем, что Париж не имеет прямой заинтересованности в этих дебатах, поскольку они касаются в первую очередь военного планирования¹. Свою официальную позицию французская сторона излагала исключительно в рамках двустороннего диалога с союзниками и не уступала просьбам партнеров публично высказаться с осуждением развертывания Советским Союзом своих систем и одобрением «двойного решения» НАТО. Хотя в частном порядке Франция выражала сочувствие действиям США и европейских партнеров по НАТО, официально ее представители говорили об отсутствии заинтересованности в модернизации ядерных сил на континенте. Премьер-министр Франции Р. Барр открыто заявил об этом на заседании Национального собрания 20 декабря 1979 г.² Такой псевдо-нейтралитет — «ни одобрения, ни осуждения» — давал Парижу возможность сохранить свободу дипломатического маневра в отношениях с Москвой, и позволял уклониться от критики внутри страны: французская, коммунистическая партия поддерживала советское наступление против внедрения ракет Першинг-II, а социалистическая партия в своем большинстве осудила политику запугивания СССР и выступила

¹ *Parisi I.* L'indépendance européenne en question... URL:

<https://www.cairn.info/revue-relations-internationales-2019-2-page-57.htm?ref=doi>

² *Racine B.* La France et les FNI [article] Politique étrangère Année 1988 53-1 pp. 79-91 URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_1988_num_53_1_3746

за переговоры по формуле «ни Першингов, ни СС-20»¹.

В мае 1980 г. Жискара Д'Эстена встретился с Л.И. Брежневым в Варшаве. Это событие произошло в разгар антисоветской кампании, развернувшейся после ввода советских войск в Афганистан. Этот жест президента Франции скорее всего был следствием желания продемонстрировать преемственность с утвердившимся еще при президенте Ш. де Голле принципом независимой внешней политики, проявлением которой было сохранение привилегированных отношений с Москвой в качестве противовеса союзу с Вашингтоном. Варшавский саммит Жискара Д'Эстена и Брежнева привел в ярость американского государственного секретаря Э. Маски, который обвинил французское руководство в двойных стандартах². Споры между Соединенными Штатами и их западногерманскими и французскими партнерами обещали затруднить переговоры на Венецианском экономическом саммите в июне 1980 г. Однако, вопреки опасениям, саммит оказался успешным: Картер добился от европейцев обещания осудить советское вторжение в Афганистан в обмен на заверения в том, что США не будут вводить новые санкции против СССР и продолжат переговоры с Кремлем об евроракетах³.

Тем временем Москва начала собственную пропагандистскую кампанию против развертывания в Западной Европе дополнительных американских ракет, которая нашла отклик среди сторонников набирающего силу движения сторонников разоружения. В январе 1981 г. в США сменилась администрация. Пришедшая к власти команда республиканца Р. Рейгана (1981–1989 гг.) в качестве новой переговорной платформы предложила «нулевой вариант», в соответствии с которым СССР должен был ликвидировать СС-20 при условии, что США откажутся от развертывания в Западной Европе «Першинги-II» и крылатые ракеты наземного базирования. При этом, никто из американской

¹ *Racine B.* La France et les FNI... URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_1988_num_53_1_3746

² *Kaufman S.* Plans unraveled. The foreign Policy of the Carter Administration. Illinois, 2008. P. 214

³ *Kaufman S.* Plans unraveled... P. 214

администрации не ожидал, что СССР откажется от оружия, которое он уже развернул, в обмен на оружие, которое НАТО планировало разместить только через несколько лет, против которого, к тому же поднялась волна протестных выступлений.

Для Европы решение вопроса об ограничении стратегических вооружений имело более важное значение, чем для Вашингтона. Этот тезис фактически сблизил политические платформы двух президентов Франции, которые сменяли друг друга в период с 1977 по 1987 г., Жискара д'Эстена до 1981 г. и Ф. Миттерана с мая 1981 г. Единственный элемент разногласий между двумя лидерами с разными политическими взглядами был связан с публичностью позиции, которую они занимали во время пребывания в должности. Если Жискара Д'Эстен предпочитал не афишировать участие Франции в трансатлантических дебатах по поводу евrorакет, то Миттеран, не колеблясь, открыто поддерживал «двойное решение» НАТО, которое и было реализовано во время его первого срока пребывания в должности¹. Миттеран также пытался взять на себя роль посредника и склонить СССР к «нулевому варианту». При посещении базы французских подводных лодок-ракетоносцев Иль Лонг 24 июля 1981 г. он заявил, что «мощная сила сдерживания вносит вклад в совместную оборону союзников в рамках Североатлантического Союза, которому мы сохраняем верность»². В итоге, советско-американские переговоры по ядерным силам средней и меньшей дальности (РСМД), которые начались в Женеве в ноябре 1981 г., вскоре зашли в тупик из-за жесткой позиции обеих сторон. Посредничество Франции оказалось значимым фактором переговорного процесса. В конечном итоге в марте 1982 г. СССР предложил свой вариант решения проблемы, приемлемый для обеих сторон - объявил мораторий на развертывание «Пионеров», а в декабре того же года предложил снизить уровень СС-20 до уровня

¹ *Parisi I.* L'indépendance européenne en question... URL:

<https://www.cairn.info/revue-relations-internationales-2019-2-page-57.htm?ref=doi>

² *Корниенко Г.М.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Олма-Пресс, 2001 URL: <https://history.wikireading.ru/181262>

французских и британских сил сдерживания¹. 21 декабря 1982 г. новый генеральный секретарь СССР Ю. Андропов выступил с речью, в которой назвал «нулевой вариант» «издевательством» и предложил промежуточный вариант, в соответствии с которым СССР сохранил бы ровно столько ракет средней дальности, сколько уже имеется у Великобритании и Франции, «и ни одной больше»², дав понять, что считает «нулевой вариант» всего лишь пропагандистским ходом, рассчитанным на то, что СССР никогда на него не согласится так.

Но Франция, подобно США и Великобритании, отвергла «предложение Андропова» о сокращении численности СС-20 до общего количества стратегических ядерных запасов Франции и Великобритании, продолжая поддерживать «нулевой вариант»³. 20 января 1983 г. президент Миттеран произнес речь в немецком Бундестаге, в которой предупредил об опасности раскола в Альянсе и заявил, что любое ослабление оборонных связей между США и союзниками поставит под угрозу безопасность Европы. Он поддержал «нулевой вариант» и решение НАТО разместить ракеты в Европе в конце года, если соглашение с СССР не будет достигнуто и подчеркнул, что французские ядерные системы «не могут быть приняты во внимание»⁴, поскольку Женевские переговоры между США и Советским Союзом посвящены чрезмерному вооружению сверхдержав, которое должно было быть радикально сокращено. 14 июля на пресс-конференции Миттеран подтвердил независимость французской политики: «Все, что касается национальной независимости и территориальной целостности, решается не в Москве, не в Вашингтоне, не в Женеве, а только в Париже»⁵.

¹ *Oudenaren J.V.* Détente in Europe: The Soviet Union and the West Since 1953. Duke University Press, 1991. P. 179

² *Gassert P., Geiger T., Wentker H.* The INF Treaty of 1987. Published by the Leibniz Institute for Contemporary History Munich — Berlin, 2021 URL: https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/48658/1/external_content.pdf

³ *Daguet François.* Chronologie sélective // Politique étrangère, n°2.1985. 50e année. pp. 449–453.

⁴ *Shultz G.P.* Turmoil and Triumph... P. 350.

⁵ *Daguet François.* Chronologie sélective...

Заявление президента Франции Таким образом, Миттеран вновь подчеркнул независимость политической линии не было простым лозунгом — в начале 1980-х Франция поддерживала только те американские решения, которые соответствовали ее международной стратегии. Политика разрядки во Франции имела более глубокие корни, чем американо-советское сближение 1970-х гг. Данное обстоятельство способствовало американо-французскому размежеванию не только по проблемам контроля за вооружениями, но по другим принципиальным вопросам, в частности, в области экономической политики. 18 июня 1982 г. президент США Р. Рейган заявил об ужесточении эмбарго на экспорт высоких технологий в СССР, но французская сторона его не поддержала. Миттеран писал Рейгану: «Наш общий интерес как членов альянса состоит, мне кажется, в том, чтобы черпать силу в разнообразии»¹. Одному из своих сотрудников он говорил: «Следовать курсу Вашингтона означало бы признать, что для Франции больше не существует независимой политики»². Был период, когда из-за разногласий серьезно ухудшились франко-американские отношения. Французский министр иностранных дел К. Шейссон по этому поводу даже заявил, что между США их союзниками «прогрессирует бракоразводный процесс», добавив, что «[мы] больше не говорим на одном языке... Существует поразительное непонимание, и это серьезно. Соединенные Штаты, похоже, совершенно равнодушны к нашим проблемам»³. 22 июня 1982 г. министры иностранных дел стран Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) выступили с заявлением, в котором утверждалось, что расширенный запрет на нефтегазовое оборудование нарушил международное право, и 22 июля французское правительство официально инструктировало компании, участвовавшие в сделке по строительству трубопровода в Сибири, выполнять свои контракты, несмотря

¹ Coleman B.L., Longley K., Herring G.C., Johns A.L., Matlock J., Statler K.C. Reagan and the World: Leadership and National Security, 1981–1989. Lexington: University Press of Kentucky, 2017. P. 151.

² Coleman B.L., Longley K., Herring G.C., Johns A.L., Matlock J., Statler K. C. Reagan and the World... P. 151.

³ Milner H.V., Baldwin D.A., Chinouya M.J. East-West Trade and the Atlantic Alliance. N.Y.: Palgrave Macmillan, 1990. P. 132.

на действия США¹.

Независимую позицию Франции показывает и тот факт, что 17 февраля 1983 г., всего через месяц после выступления Миттерана в Бундестаге, в Москве состоялась встреча К. Шейссона и А.А. Громыко, по окончании которой во время пресс-конференции, французский министр заявил, что «ни Франция, ни Советский Союз никому не позволят препятствовать развитию [наших] отношений»². По словам Ж. Аттали, советника Елисейского дворца, Миттеран объяснил 6 апреля 1983 г. во время заседания кабинета министров, что его выступление в Бундестаге не было антисоветским, и что в СССР это поняли³.

К концу 1983 года «нулевой вариант» был окончательно отвергнут, и «двойное решение» НАТО от 12 декабря 1979 года вступило в силу (развертывание ракетных установок в ФРГ началось еще 30 ноября 1980 г.). Хотя Франция поддержала США в вопросе о размещении «евроракет», она категорически отказалась размещать их на своей территории, ссылаясь на выход из военной организации НАТО в 1966 г.

Парадоксальным образом, сохраняя солидарность с американскими союзниками, Париж одновременно поддерживал контакты с СССР, пытаясь выступать посредником в советско-американских отношениях. Французское руководство объясняло свою позицию стремлением сохранить баланс сил в Европе и не допустить доминирования ни одного из военно-политических блоков.

Опасения относительно возможной советской реакции были столь значительны, что уже в феврале 1983 года, сразу после обострения кризиса, министр иностранных дел Франции К. Шейссон прибыл в Москву. В ходе переговоров он подчеркивал приверженность Парижа принципам неделимости разрядки и независимости французской внешней политики.

¹ *DeSouza P.J.* The Soviet Gas Pipeline Incident: Extension of Collective Security Responsibilities to Peacetime Commercial Trade // Core URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/72839476.pdf>

² *Martens S.* L'Ostpolitik de la France 1981–1988. La France et la rencontre des deux Allemagnes. P. 53–67 URL: <https://books.openedition.org/psn/5983>

³ *Martens S.* L'Ostpolitik de la France 1981–1988... URL: <https://books.openedition.org/psn/5983>

Библиография

Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М.: Олма-Пресс, 2001 URL: <https://history.wikireading.ru/181262>

Фроман-Мерис А. Некоторые соображения о «кризисе европакет» // Советский Союз, Франция и международные кризисы 80-х годов XX века: сборник научных статей. М.: МГИМО-Университет. 2009. 104 с.

Carter J. Keeping faith: memoirs of a president. Toronto; New York: Bantam Books, 1982. 648 p.

Coleman B.L., Longley K., Herring G.C., Johns A.L., Matlock J., Statler K.C. Reagan and the World: Leadership and National Security, 1981–1989. Lexington: University Press of Kentucky, 2017. 336 p.

Daguet François. Chronologie sélective. In: Politique étrangère, n°2 1985. 50e année. pp. 449–453

DeSouza P.J. The Soviet Gas Pipeline Incident: Extension of Collective Security Responsibilities to Peacetime Commercial Trade // Core URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/72839476.pdf>

Garthoff R.L. Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington, 1985. 1147 p.

Gassert P., Geiger T., Wentker H. The INF Treaty of 1987. Published by the Leibniz Institute for Contemporary History Munich — Berlin, 2021. URL: https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/48658/1/external_content.pdf

Kaufman S. Plans unraveled. The foreign Policy of the Carter Administration. Illinois, 2008. 298 p.

Martens S. L'Ostpolitik de la France 1981–1988. La France et la rencontre des deux Allemagnes. P. 53–67 URL: <https://books.openedition.org/psn/5983>

Milner H.V., Baldwin D.A., Chinouya M. J. East-West Trade and the Atlantic Alliance. N.Y.: Palgrave Macmillan, 1990. 227 p.

Oudenaren J.V. Détente in Europe: The Soviet Union and the West Since 1953. Duke University Press, 1991. 490 p.

Parisi I. L'indépendance européenne en question: la France et la crise des euromissiles (1977–1987) // Relations internationales 2019/2 (n°178) URL: <https://www.cairn.info/revue-relations-internationales-2019-2-page-57.htm?ref=doi>

Racine B. La France et les FNI [article] Politique étrangère Année 1988. 53–1 pp. 79–91

URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_1988_num_53_1_3746

Shultz G.P. Turmoil and Triumph. My years as Secretary of State.
N.Y.: Maxwell Macmillan International. 507 p.

Раздел пятый

Социально-экономические аспекты истории регионального развития

Е.Г. Тургенев
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Пермь)*

Организация пожарной безопасности и противопожарного просвещения Пермским земством (1905–1914 гг.)¹

Рассмотрена организация пожарной безопасности и противопожарного просвещения органами земского самоуправления в Пермской губернии в 1905–1914 гг. Исследование в основном построено на делопроизводственных документах, позволивших изучить механизмы организации противопожарных мероприятий на губернском и уездных уровнях Пермского земства. Проанализированы проблемы организации противопожарного направления земской деятельности, меры по предотвращению пожаров, пропаганда пожарной безопасности среди местного населения, а также финансирование и материально-техническое обеспечение противопожарной деятельности. Установлено, что важную роль в обеспечении эффективности организации противопожарных мероприятий играло наличие координации между земскими органами на различных уровнях. Раскрыта значительная роль Пермского земства в противопожарном просвещении и обеспечении пожарной безопасности.

Ключевые слова: Пермское земство, противопожарное просвещение, пожарная безопасность.

Одним из значимых направлений земской деятельности была область противопожарного просвещения и организации пожарной безопасности. Исходным для анализа деятельности земства и его роли в этой сфере является понимание того, что организация противопожарных мероприятий в наиболее значимых масштабах реализовывалась именно земствами — органами самоуправления и пространством диалога разных групп населения. Исследование проблемы организации противопожарной

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта НУГ № 23–00–030 «„Третий элемент“ в Пермском земстве: социокультурный облик и деятельность (1870–1918 гг.)» по программе научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)»

безопасности демонстрирует, как возможности самоуправления, открываемые земствами, воплощались в жизнь, и насколько взаимодействие органов самоуправления и населения было эффективно.

Тем не менее, изучению истории деятельности земств в противопожарной сфере не уделялось должного внимания. В основном данная проблематика рассматривалась в аспекте взаимного земского страхования от огня. В работе, посвященной противопожарной деятельности органов местного самоуправления, В.М. Пуришкевич анализирует статистические данные и приходит к выводу о неоднородности, халатности и ущербности земской работы в области противопожарной безопасности¹. Д.Н. Бородиным был составлен труд о развитии пожарного дела в царствовании династии Романовых². История развития пожарно-страхового дела Пермской губернии была освещена в работе И. Гофштеггера³. В этом труде исследована эволюция страховых мероприятий и основные проблемы земств этой области во второй половине XIX века. Одним из исключений была работа П.А. Голубева, где были даны разъяснения по обязанностям земства в пожарном деле. Автор утверждал, что земства не только были заняты страхованием имущества от пожаров, но также борьбой с пожарами, улучшением построек, производством огнестойких материалов и поощрением противопожарных инициатив⁴. Также Д.М. Бобылев, помимо мероприятий в рамках взаимного земского страхования, осветил основные меры по борьбе с пожарными бедствиями в селениях⁵. В советский период по рассматриваемой проблематике было издано лишь несколько работ. Основным направлением исследования оставалось взаимное земское страхование в виде описательно-

¹ Пуришкевич В.М. Национальное бедствие России. СПб., 1909. 263 с.

² Бородин Д.Н. Пожарное дело в царствование дома Романовых. СПб., 1913. 155 с.

³ Гофштеггер И. Пожарно-страховое дело в земских губерниях (Новгородской, Казанской, Вятской, Пермской и Нижегородской), история его развития и современная постановка. СПб., 1902. 318 с.

⁴ Голубев П.А. 30-летие земства в Пермской губернии. Пермь, 1900. 23 с.

⁵ Бобылев Д. Страницы из истории земства Пермской губернии. Пермь, 1900. С. 1–47.

обобщающих характеристик. Среди исследователей данного вопроса были К.Г. Воблый¹ и В. Миндовский². В 50–60-е годы XX века не проводилось специальных исследований по вопросам пожарного и страхового дела, что было обусловлено тем, что земство и земскую историю считали недостойными внимания. Современный этап характеризуется изучением проблематики на уровне регионов, а также изучением более широкого круга вопросов. В статье Е.В. Калача были проанализированы изменения страховых норм и сумм в период 1867–1915 гг., причины пожаров, а также мероприятия Воронежского земства по борьбе с пожарами³. Также ряд исследователей продолжают изучать исключительно вопрос земского страхования, в том числе и Е.И. Краюшкина⁴ и Д.А. Херувимова⁵. Они рассматривали вопрос страхования в земских губерниях в период второй половины XIX — начале XX вв. Г.А. Скрипский и А.А. Луговой исследуют вопросы обеспечения пожарной безопасности в сельской местности в период с XVI по XX вв⁶. В работе анализируются профилактические меры и методы тушения пожаров в дореволюционной России. В своей работе А.А. Кальсина проанализировала деятельность Пермского губернского земства по предотвращению стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций на

¹ Воблый К.Г. Основы экономии страхования. Киев, 1923. 256 с.

² Миндовский В. Шестьдесят лет сельского обязательного страхования. М., 1927. 24 с.

³ Калач Е.В. Из истории противопожарного страхования в Российской Империи 1867–1915 гг.: на материалах Воронежской губернии // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. 2014. - С. 74–77.

⁴ Краюшкина Е.И. Земское страхование в Тульской губернии 1864–1917 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2013. № 2(12). С. 18–31.

⁵ Херувимова Д.А. Земское страхование во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Владимирской и Рязанской губерний). Владимир, 2022. 182 с.

⁶ Скрипский Г.А., Луговой А.А. Проблемы пожарной безопасности дореволюционного Российского села // Научно-аналитический журнал Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2011. № 2(11). С. 77–81.

территории Пермской губернии в начале XX в¹. В список бедствий вошли пожары, наводнения.

На основе краткого историографического обзора можно сделать вывод о том, что преимущественно были исследованы проблемы страхования от огня, в то время как другие аспекты специально не рассматривались. Это подтверждает актуальность представленного исследования.

Его цель — показать возможности органов местного земского самоуправления в решении задач области противопожарного просвещения и организации пожарной безопасности, и выявить эффективность этой деятельности.

Хронологические рамки обусловлены особенностями пожарного дела и земской деятельности в целом как на уровне отдельных земств, так и на общероссийском масштабе. В 1905 году был начат процесс реорганизации системы обеспечения пожарной безопасности, которая означала новый этап, особенно это выразилось в области взаимного страхования от огня. В 1914 году началась Первая мировая война, которая привела к радикальным изменениям в государстве, и земстве, в частности. Мобилизация земских служащих, перераспределение финансирования: все эти факторы имели влияние на деятельность земских учреждений после июля 1914 года.

Источниковую базу работы составляет земская делопроизводственная документация. Особое внимание было уделено изучению журналов Пермского губернского земского собрания². Журналы содержат информацию о проведенных мероприятиях, законодательных инициативах, статистике и образовательных программ по пожарной безопасности. Среди других важных делопроизводственных материалов можно выделить: доклады

¹ Кальсина А.А. Деятельность Пермского губернского земства по предотвращению стихийных бедствий в Пермской губернии в начале XX века // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 3(96). С. 107–111.

² Журналы Пермского губернского земского собрания очередных и чрезвычайных сессий с докладами губернской управы и другими приложениями. Пермь: Электро-Тип. Губернского земства, 1905–1914.

Пермской губернской земской управы¹, журнал заседаний противопожарного съезда Пермского губернского земства². Периодические издания, наряду с делопроизводственными документами, была важной составляющей. Преимущественно «Ежегодники»³ Пермского земства и газета «Пермская земская неделя»⁴. Информация, содержащаяся в данных источниках, позволила выявить структуру и основные меры Пермского земства в области противопожарного просвещения и организации пожарной безопасности.

Анализ Ежегодника Оханского земства⁵ позволяет говорить о том, что основная деятельность Пермского земства в области противопожарного просвещения и организации пожарной безопасности разворачивалась на уездном уровне, однако их работа координировалась и поддерживалась губернским земством. На каждом из этих уровней функционировали отделы пожарного и страхового дела при земской управе, которые занимались вопросами пожарной безопасности и страхования от огня. Непосредственными проводниками в жизнь противопожарных мер были страховые агенты, а на местах волостное и сельское управление, полиция, пожарные старосты, инструкторы, пожарные дружины.

Вопросы пожарного дела ежегодно рассматривались земскими собраниями на уровне губернии и уезда, о чем свидетельствуют журналы губернского земского собрания⁶. На собраниях обсуждали проблемы организации служб по борьбе с пожарами, меры по предотвращению пожаров, пропаганды пожарной безо-

¹ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 43-й очередной сессии. Пермь: Тип. губернской пермской управы, 1905–1914.

² Журнал заседаний противопожарного съезда Пермского губернского земства. Пермь: Электро-Тип. губернского земства, 1907.

³ Ежегодники Пермского губернского и уездного земства и календари. Пермь: 1914–1916.

⁴ Пермская земская неделя. 1907–1914.

⁵ Ежегодник Оханского уездного земства и календарь на 1916 г. Оханск: Тип. уезд. земства, 1916. 264 с.

⁶ Журналы Пермского губернского земского собрания очередных и чрезвычайных сессий с докладами губернской управы и другими приложениями. Пермь: Электро-Тип. губернского земства, 1905–1914.

пасности среди населения, а также вопросы финансового и материально-технического обеспечения. Активное участие гласных в обсуждении этих вопросов способствовало принятию эффективных решений, отвечающих интересам населения и обеспечению безопасности от пожаров. Среди наиболее популярных тем были: изменение норм страховых платежей, разработка инструкций, заготовление пожарных инструментов, поощрение за тушение пожаров.

Делопроизводство, связанное с мероприятиями по благоустройству селений и исполнением жителями уезда обязательных постановлений губернского земского собрания о мерах по предотвращению пожаров, было сосредоточено в отделе противопожарных мероприятий. Из «Журнала заседаний противопожарного съезда Пермского губернского земства»¹ следует, что отдел противопожарных мероприятий осуществлял деятельность в следующих направлениях:

- Распланирование селений;
- Выдача разрешения на постройку и наблюдение за правильностью возведения;
- Оформление операций по продаже кровельного железа;
- Снабжение пожарными машинами и другими противопожарными инструментами сельских пожарных обществ, дружин и команд;
- Надзор за деятельностью пожарных организаций в уезде.

Из докладов Пермской уездной управы² видно, что основным источником финансирования противопожарных мер были страховые платежи по взаимному земскому страхованию. Кроме того, земство ежегодно рассчитывало на помощь в виде безвозвратных пособий и ссуд из общеимперского капитала. Пермское земство финансировало содержание пожарных обозов, закупало необходимую технику и оборудование, а также выделяло средства для постройки необходимых сооружений. Органы местного

¹ Журнал заседаний противопожарного съезда Пермского губернского Земства. Пермь: Электро-Тип. губернского земства, 1907. 92 с.

² Доклады Пермской уездной земской управы 44 очередному Пермскому уездному земскому собранию. Пермь: Тип. губернской Пермской управы, 1913. 246 с.

земского самоуправления также активно поощряли противопожарные меры, которые предпринимало население, и выплачивали пособия за полученные повреждения.

Несмотря на унифицированные требования делопроизводственная документация также свидетельствует о том, что обязанности, которые уездные управы возлагали на противопожарные отделения на местах, были разнообразны. Так, в некоторых уездах, где имелись склады кровельного железа или оборудования для пожарных обозов, противопожарному отделению было поручено управление этими складами, в то время как в других случаях складов не было или они находились под управлением других лиц¹.

Доклады губернских земских управ Пермскому земскому собранию² также свидетельствуют о противопожарных собраниях, на которых обсуждались вопросы пожарного дела и пожарной безопасности. Среди таких мероприятий: противопожарные совещания, съезды агентов земского страхования и представителей пожарных организаций. На съездах рассматривали проекты обязательных постановлений о мерах предосторожности от пожаров, изменяли существующие правила о выдаче пособий и ссуд, вносили правки в руководство для пожарных дружин и временных инструкторов.

В период 1905–1914 гг. Пермское земство осуществляло ряд мероприятий, которые были направлены на повышение осведомленности сельских жителей по вопросам пожарной безопасности, среди них необходимо выделить:

- Проведение курсов и занятий по правилам и основам пожарной безопасности;
- Организация противопожарных выставок в музеях и библиотеках;
- Устройство праздников древодоносаждения;
- Проведение просветительских бесед;
- Создание детских «потешных пожарных отрядов»;

¹ Журнал заседаний противопожарного съезда Пермского губернского земства. Пермь: Электро-Тип. губернского земства, 1907. 92 с.

² Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернному земскому собранию 43-й очередной сессии. Пермь: Электро-тип. губернского земства, 1912. 77 с.

— Написание и издание специальной литературы и агитационных материалов;

— Использование периодической печати;

— Организация различных съездов.

Жители селений были активно вовлечены в просветительский процесс преодоления пожарной малограмотности. Местное население активно посещало противопожарные курсы и лекции, особенно популярны были сельскохозяйственные курсы¹. В статистике продажи огнеупорных материалов, наиболее кровельного железа, наблюдался стабильный рост². Это говорит об успешности противопожарной пропаганды, так как Пермское земство активно занималось популяризацией огнестойких покрытий. Кроме того, об эффективности взаимодействия редакторов и читателей свидетельствуют те случаи, когда редакции периодических изданий откликались на запросы читателей и выпускали материалы о безопасном, с точки зрения пожарных, строительстве³.

Таким образом, в период 1905–1914 гг. Пермское земство осуществляло противопожарные и страховые мероприятия на двух уровнях: губернском и уездном. Все основные мероприятия проводились уездными управами, но под руководством губернского земства. Существовала градация полномочий по специальным отделам, которая помогала эффективной деятельности земских служащих в области организации пожарной безопасности. Действуя в области противопожарного просвещения, земские служащие пытались охватить все население, от взрослых до детей, организуя образовательные мероприятия. Пропаганда противопожарных мер была результативной, что подтверждает активный диалог органов местного земского самоуправления и населения Пермской губернии. Пермское земство было активно вовлечено в организацию пожарной безопасности. Оно не только самостоятельно проводило противопожарные мероприятия, но также выдавало пособия и кредиты на улучшение

¹ Пермская земская неделя. 1911. 24 марта.

² Ежегодник Оханского уездного земства и календарь на 1916 г. Оханск: Тип. уезд. земства, 1916. 264 с.

³ Пермская земская неделя. 1911. 20 января.

противопожарной защиты. Финансовая составляющая была основным аспектом земской деятельности в этом направлении. Для Пермского земства также было характерно: выдача ссуд на приобретение кровельного железа, снабжение сельских обществ пожарными инструментами и устройство пожарных сараев, расселение и распланирование селений. Органы местного земского самоуправления были заинтересованы в обеспечении пожарной безопасности в своих селениях, что подтверждает всесторонняя поддержка населения. Из всего вышеперечисленно можно сделать вывод об эффективности деятельности Пермского земства в области противопожарного просвещения и организации пожарной безопасности.

Библиография

Балдин К.Е. Ориентиры Российского земства в эпоху модернизации: конец XIX — начало XX в. (на материалах Владимирской и Костромской губерний) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 6–18.

Бобылев Д. Страницы из истории земства Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1900. № 2. Отд. 3. С. 1–47.

Бородин Д.Н. Пожарное дело в царствование дома Романовых. СПб.: Императорское Российское пожарное общество, 1913. 154 с.

Воблый К.Г. Основы экономии страхования. Киев: Всеукр. кооп. страх. союз «Коопстрах», 1923. 236 с.

Голубев П.А. 30-летие земства в Пермской губернии. Пермь: б. и., 1900. 23 с.

Гофштеггер И. Пожарно-страховое дело в земских губерниях (Новгородской, Казанской, Вятской, Пермской и Нижегородской), история его развития и современная постановка. СПб.: Тип. училища Глухонемых, 1902. 318 с.

Калач Е.В. Из истории противопожарного страхования в Российской Империи 1867–1915 гг.: на материалах Воронежской губернии // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. 2014. С. 74–77.

Кальсина А.А. Деятельность Пермского губернского земства по предотвращению стихийных бедствий в Пермской губернии в начале XX века // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 3(96). С. 107–111.

Колычев А.А. Взаимное земское страхование: Сб. узаконений, судебных. и адм. распоряжений: Законы о страховании от огня, филлоксеры, градобития; пошлины с застрахований гербовый сбор с страховых

документов и проч. СПб.: В.П. Анисимов, 1911. 80 с.

Краюшкина Е.И. Земское страхование в Тульской губернии 1864–1917 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2013. № 2(12). С. 18–31.

Миндовский В. Шестьдесят лет сельского обязательного страхования. М.: Глав. правл. Гос. страх. СССР, 1927. 240 с.

Пуришкевич В.М. Национальное бедствие России. СПб: Рус. нар. союз им. Михаил Архангела; тип. «Россия», 1909. 263 с.

Скипский Г.А., Луговой А.А. Проблемы пожарной безопасности дореволюционного Российского села // Научно-аналитический журнал Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2011. № 2(11). С. 77–81.

Херувимова Д.А. Земское страхование во второй половине XIX-начале XX века (на материалах Владимирской и Рязанской губерний): дис. канд. ист. наук: Владимир, 2022. 182 с.

О.В. Ильных

*Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук (Новосибирск)*

Маклер Новониколаевской/Новосибирской товарной биржи — частный посредник или советский служащий?

В статье исследуется статус и деятельность маклеров Новониколаевской/Новосибирской товарной биржи в период нэпа. На основе комплексного анализа законодательных актов, архивных материалов биржи и периодических изданий автор выделяет два этапа эволюции маклериата. На первом этапе (1922–1924 гг.) маклеры сохраняли отдельные элементы частного посредничества, включая систему куртажа и независимый технический аппарат. На втором этапе (1925–1930 гг.) происходит их полная трансформация в государственных торговых служащих, что соответствовало проводимой политике борьбы с коммерческим посредничеством. Особое внимание уделяется деятельности иногородних маклеров, эффективность которой оказалась низкой вследствие свертывания нэпа и отсутствия экономических стимулов.

Ключевые слова: маклер, товарная биржа, нэп, оптовая торговля, посредничество, Новосибирск.

21 марта 1921 г. ВЦИК РСФСР утвердил Декрет о замене продовольственной разверстки натуральным налогом, что озна-

меновало начало перехода к новой экономической политике. В рамках ее реализации был легализован ряд рыночных институтов, в том числе товарные биржи, функционировавшие как общественные организации. Основной задачей советских биржевых учреждений являлось налаживание экономических связей между торгующими организациями во избежание дополнительных расходов и повышения цен на товары при проведении ими операций. Поэтому значительную роль в процессе заключения сделок играли биржевые посредники — маклеры.

Маклириат являлся неотъемлемой частью зарубежных и дореволюционных российских бирж и представлял собой группу частных посредников, способствовавших заключению сделок. В условиях складывающейся советской торговли частное посредничество считалось органами власти крайне нежелательным. В связи с этим правовой статус и функции советских маклеров изменялись в зависимости от конъюнктуры рынка и смены политического курса. Характеристика этих изменений позволяет выявить сочетание рыночных и административных механизмов регулирования экономики.

В отечественной историографии нэпа мало внимания уделено как товарным биржам, так и маклерам. Первые специальные исследования, посвященные посредническим организациям, появились лишь в 1990-е годы¹. Авторы рассматривали специфику деятельности советских маклеров и характеризовали их как советских торговых служащих. Недостатком исследований являлось игнорирование их авторами потенциала архивных документов. Материалы региональных архивов активно использовались авторами статей о провинциальных советских биржах уже в XXI в.² Но в данных работах функционирование макле-

¹ См., напр.: *Осадчая А.И.* Биржа в России // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 3–18; *Тупов Б.С.* История российской биржи (биржи периода нэпа и 90-х годов XX в.). М., 1994. 27 с.; *Галкин В.В.* История биржи в России. Воронеж, 1998. 234 с.

² См., напр.: *Поletaева Н.И.* Могилевская товарная биржа в годы нэпа // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Минск, 2010. С. 558–564; *Она же.* Гомельская товарная биржа в 1922–1927 гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2020. № 20–2. С. 155–163; *Троицкая Н.А.*

риата в лучшем случае упоминается как факт.

Цель настоящей статьи — охарактеризовать деятельность и правовой статус маклеров Новониколаевской (с 1926 г. — Новосибирской) товарной биржи в период ее существования, с 1922 по 1930 гг. Данная биржа была выбрана для исследования в связи с тем, что она являлась крупнейшим организатором оптовой торговли в Сибири. Кроме того, в отличие от большинства посреднических учреждений Новосибирскую биржу ликвидировали только в 1930 г. Это обстоятельство позволит рассмотреть феномен иногородних маклеров, возникших в последние годы нэпа. Источниковая база исследования включает в себя законодательные акты, регулировавшие биржевую торговлю; делопроизводственные документы, как опубликованные в составе справочных изданий, так и хранящиеся в фонде Новосибирской товарной биржи Государственного архива Новосибирской области; нарративные источники, опубликованные в региональной газете «Советская Сибирь» и периодическом издании изучаемой биржи.

В связи с фактической легализацией товарно-денежных отношений в 1921–1922 гг. местными государственными и кооперативными учреждениями были открыты первые советские биржи. 12 февраля 1922 г. по инициативе Сибирского промышленного бюро ВСНХ и Сибирского отделения Центрального союза потребительских обществ состоялось учредительное собрание Новониколаевской товарной биржи. В течение следующего месяца развернулась подготовительная работа по открытию новой организации¹. На одном из первых заседаний биржевой комитет для реализации посреднических функций назначил трех маклеров, каждый из которых имел дореволюционный стаж работы и был известен «в местных коммерческих кругах»².

Биржа во Владивостоке в первой трети XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2(10). С. 22–29.

¹ Ильиных О.В. Образование и трансформация правового статуса товарных бирж в 1921–1922 годах (на примере Новониколаевской биржи) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 4(30). С. 11–21. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-01.pdf> (дата обращения: 22.04.2024).

² Советская Сибирь. 1922. 18 марта.

Развертывание советской биржевой сети подтолкнуло органы власти к принятию мер по унификации законодательства, регулировавшего биржевую торговлю. 16 февраля 1923 г. Комиссия по внутренней торговле при СТО утвердила типовое положение «О биржевых маклерах товарной биржи». Маклеры назначались биржевым комитетом для осуществления посреднических функций. Другое частное посредничество не допускалось. Количество маклеров также определялось биржевым комитетом. В течение периода существования изучаемой биржи на ней работали 2–3 маклера. Также посредники не могли осуществлять торговые операции от своего имени и за свой счет как на бирже, так и вне ее. Помимо выявления спроса и предложения на бирже и осуществления посреднической деятельности маклерам предписывалось следить за тем, чтобы сделка «не противоречила законам и коммерческой добропорядочности»¹. То есть маклериат должен был контролировать и регулировать торговые операции. Данная функция сохранялась в течение всего существования советской биржевой сети. Помимо указанных в положении задач маклеры консультировали торговые организации, осуществляли экспертизу товаров, изучали конъюнктуры рынка и участвовали в работе местных налоговых и учетно-судных комиссий.

По мнению В.В. Галкина, полномочия биржевых маклеров по контролю за сделками превращали их в сотрудников биржи, содействовавших проведению общегосударственной экономической политики². Представляется, что определение маклеров как «сотрудников биржи» не совсем верно. Скорее они занимали промежуточное положение между частными посредниками и биржевыми служащими, а их статус с течением времени изменялся. Во-первых, доход маклеров на начальном этапе функционирования бирж состоял только из куртажа — процента со сделки, который выплачивали контрагенты. Остальные служащие биржи получали заработную плату с дохода организации. Более того, на куртаж содержался технический аппарат маклериата (счетовод, машинистка и др.).

¹ Граве К.А. Биржевое законодательство. М., 1925. С. 45–46.

² Галкин В.В. История биржи... С. 130.

Отношение биржи и вышестоящих органов к куртажу носило противоречивый характер. С одной стороны, в связи с получением дохода непосредственно «из рук» заключающих сделку и содержанием собственного аппарата маклериат становился практически независимым от биржевого комитета. Также получение прибыли посредником в общественной организации вступало в противоречие с идеологией. С другой стороны, вознаграждение, зависящее от размеров сделки, стимулировало маклеров к активизации посреднической деятельности. Значение куртажа отражено в резолюции совещания оперативных работников бирж при Совете съездов представителей биржевой торговли (органе представительства биржевых учреждений, далее — Совет съездов), которое проходило 10–14 декабря 1924 г. в Москве: «Перевод маклеров на положение прочих служащих Биржи, с выплатой им жалования по твердым ставкам, не соответствует существу и специфическому характеру посреднической деятельности маклера и не оставляет достаточных стимулов, могущих побудить его к максимальному вовлечению на Биржу торгующих»¹.

Во-вторых, с точки зрения налогового законодательства, маклеры являлись частными предпринимателями, а не рабочими по найму, поскольку, согласно декрету ЦИК и СНК от 28 сентября 1923 г., они обязывались выплачивать промысловый налог и получать патент 3 разряда торговых предприятий².

С середины 1920-х гг. все больше усиливалась тенденция в сторону превращения маклеров в служащих биржи. В 1924 г. Ленинградская биржа первой изменила принцип оплаты труда маклеров, заменив куртаж на твердый оклад с процентным вознаграждением, зависевшим от размера биржевого оборота. Ее примеру последовали и другие биржи³.

Отношение самих посредников к собственному статусу характеризует докладная записка старшего маклера М.В. Можарова Новониколаевскому биржевому комитету 25 января 1925 г.

¹ Граве К.А. Биржевое законодательство... С. 57.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1923. № 101. Ст. 1014.

³ Галкин В.В. История биржи... С. 137.

В ней он сообщал, что с открытия биржи несет обязанности, которые непосредственно не связаны с деятельностью маклера: прием всех сборов с заключаемых сделок, регистрация спроса и предложения. Можаров просил передать эти обязанности в управление делами биржи, для чего «всех сотрудников маклериата перевести в число сотрудников биржевого комитета»¹. Двойственный характер положения маклеров усложнял их работу, поэтому они стремились перейти в статус служащих биржи.

Просьба старшего маклера была отчасти выполнена. С 11 марта 1925 г. на Новониколаевской бирже маклерам вместо куртажа выплачивался процент с биржевого оборота, благодаря чему они стали материально независимы от контрагентов. В то же время сохранялась заинтересованность посредников в заключении сделок. Технический аппарат маклеров ликвидировался, а сами посредники освобождались от взимания биржевых сборов².

2 октября 1925 г. ЦИК и СНК СССР утвердили положение «О товарных и фондовых биржах и фондовых отделах при товарных биржах» — кодекс, регулировавший все основные аспекты биржевой торговли. Положение примечательно тем, что впервые в законодательстве определило маклеров как «должностных лиц бирж», окончательно зафиксировав их правовой статус³.

Общее стремление к превращению маклеров в биржевых сотрудников было связано с попытками бирж ввести посредников в состав членов профсоюза советских торговых служащих. В мае 1926 г. Совет съездов направил в ЦК профсоюза прошение о приеме биржевых маклеров в его состав. Просьба мотивировалась закреплением статуса маклеров как должностных лиц в положении от 2 октября 1925 г. и выполнением ими функций «государственного характера», то есть регулирования торговли в соответствии с задачами, определяемыми органами власти. Кроме того, Совет съездов отмечал постепенный перевод бир-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 26. Л. 432.

² Товарные биржи Сибири в 1924–25 г. Новониколаевск, 1926. С. 32.

³ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1925. № 69. Ст. 511.

жевых маклеров на твердые оклады¹. На заседании 23 января 1929 г. биржевой комитет принял решение просить Совет съездов решить вопрос о приеме посредников в профсоюз, «т.к. биржевые маклеры вполне соответствуют всем требованиям, предъявляемым к членам профсоюзов»².

Параллельно с этим коррективы вносились и в налоговую политику в отношении маклеров. В новом положении «О промысловом налоге» от 24 сентября 1926 г. патентный сбор взимался только с тех биржевых маклеров, которые получали куртаж. С того же года усилился налоговый пресс в отношении предпринимателей — с них стал взиматься налог на «сверхприбыль». В законе указывалось, что выплачивать его должны все лица, занимающиеся посреднической деятельностью, кроме биржевых маклеров³. Тем самым государство в правовом отношении отделяло маклеров от лиц, получающих «нетрудовые» доходы.

Создание подобных институциональных рамок активно подталкивало маклеров и биржи к переводу первых в категорию служащих не только по причине материальных выгод. Естественно, что участие в профсоюзах давало значительные преференции их членам. Но также позиционирование маклеров в качестве торговых служащих позволяло укрепить их социальное положение. Переменам в оплате труда биржевых посредников в 1924–1926 гг. сопутствовало обсуждение в периодической печати вопроса о необходимости «советизировать» маклеров, то есть превратить их в советских служащих как формально, так и морально. Причиной этому являлось негативное отношение к маклерам со стороны руководителей государственных торговых учреждений. В течение всего существования Новониколаевская/Новосибирская биржа констатировала проявления подобного отношения: в ряде случаев после переговоров с маклерами и согласия на предложенные условия «хозяйственники» отказывались от заключения сделки или внезапно меняли условия. Од-

¹ Бюллетень Крайбюро товарных бирж Сибири и Новосибирской товарной биржи. 1926. 5 мая.

² Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1929. 14 фев.

³ СЗ СССР. 1926. № 63. Ст. 474; № 42. Ст. 307.

нако часто в пренебрежении биржевой торговлей обвинялись сами посредники. В статье «Советский маклериат», опубликованной в «Бюллетене Новониколаевской товарной биржи» в июле 1925 г., проблемы в отношениях маклеров и руководителей торговых организаций описывались следующим образом: «Со старыми взглядами на торговлю, пропитанными глубоким индивидуализмом, с не менее старыми навыками работать, он [маклер — *О.И.*] не способен внушить к себе необходимое доверие со стороны хозяйственника»¹. Статус советского торгового служащего позволил бы поднять авторитет маклеров в отношениях с контрагентами.

Нужно сказать, что «советскими» биржевые маклеры являлись лишь по статусу. Как показано выше, они стремились стать полноправными торговыми служащими и не имели амбиций частных посредников. Однако ни один из маклеров исследуемой биржи (как и другие биржевые работники) не состоял в Коммунистической партии. Их биографии были типичны для служащих учреждений обобщественного сектора в период нэпа: специалисты с дореволюционным опытом, получившие должности в связи с нехваткой кадров и адаптировавшиеся к новым условиям. Например, маклер И.В. Егоров, осуществлявший посреднические функции около шести лет на Новониколаевской/Новосибирской бирже, до 1917 г. более 20 лет работал в качестве доверенного по торговой части в «Торгово-промышленном обществе Алафузовских фабрик и заводов», выпускавшем мануфактурные изделия².

В 1927 г. в связи с кампанией по проведению «режима экономии» государство ликвидировало большинство товарных бирж. Однако для сохранения установленных биржами торговых связей на местах создавались пункты иногородних маклеров. Новый институт также вводился в связи с распространением частных посреднических организаций в районах, ранее закрепленных за ликвидированными биржами. В циркулярном письме от 30 июня 1927 г. Совет съездов сообщал о распростра-

¹ Советский маклериат // Бюллетень Новониколаевской товарной биржи и Крайбюро товарных бирж Сибири. 1925. 25 июля.

² ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 2. Д. 8. Л. 2.

нении подобной практики и подчеркивал «неприемлемость» частного посредничества, бороться с которым должны были иногородние маклеры¹.

Через две недели, 11 июля Народный комиссариат внешней и внутренней торговли (НКВТ) СССР утвердил положение «Об иногородних маклерах»². Их функции были такими же, как и у биржевых посредников: содействие заключению сделок, информирование торговых учреждений и бирж о состоянии рынка в районе их деятельности, консультационная работа. Однако для иногородних маклеров устанавливались ограничения. Положение запрещало заключение местных сделок (если оба контрагента находились в районе ведения маклерского пункта) и проведение операций с приезжей клиентурой, поскольку это создавало бы дополнительные расходы для торговых организаций в виде выплаты биржевых сборов. Одна из сторон должна была находиться в другом районе вне зависимости от наличия в нем биржи. Маклерские пункты учреждались при местных отделах торговли, которые, как и биржи, обязывались контролировать посредников.

В 1927–1930 гг. Новосибирский биржевой комитет учредил четыре маклерских пункта: в Иркутске, Барнауле, Омске и Семипалатинске. Однако полноценному развертыванию деятельности иногородних посредников препятствовал ряд факторов. Основным стали общие экономические условия, а именно сужение коммерческого товарооборота. В сентябре 1928 г. барнаульский маклер М.А. Каликин в докладе о работе пункта сообщал, что местные торговые и промышленные организации продают значительную часть своих товаров по генеральным договорам и не заключают биржевые сделки³. Обороты иногороднего маклера падали: если в 1-ом квартале 1927/28 г. при его посредничестве были заключены сделки на сумму 691 тыс. руб., то в 4-ом — всего на 76 тыс. руб.⁴ В связи с этим 26 февраля 1929 г. Президиум биржевого комитета постановил закрыть

¹ Там же. Оп. 1. Д. 84. Л. 81.

² Там же. Л. 59–62.

³ Там же. Д. 130. Л. 20об.

⁴ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 11 ноября.

маклерский пункт в Барнауле¹.

Сокращение оборотов происходило и у иркутского маклера: в 1927/28 г. — 1334, в 1928/29 г. — 801 тыс. руб.² Иногородний маклерский пункт в Семипалатинске же открылся относительно поздно (1 августа 1929 г.), чтобы продемонстрировать свою эффективность.

Единственным иногородним маклером, чьи показатели работы росли, являлся омский посредник А.Н. Медник. Но увеличения оборотов он добивался действиями, которые противоречили задачам, ставившимся перед биржами. В конце 1928 — начале 1929 гг. из-за сокращения предложения в Сибири значительно выросла цена на мясные товары. Новосибирской бирже предписывалось следить за тем, чтобы заготовительные организации не закупали мясо по ценам, выше установленных органами регулирования. Однако данное требование не соблюдал А.Н. Медник. За первое полугодие 1928/29 г., по данным биржевой котировальной комиссии, он заключил 30 сделок по высоким ценам на вывоз мясопродуктов за пределы Сибирского края³. Причем на требования биржевого комитета и регионального отдела торговли прекратить данную практику маклер никак не реагировал. Предположительно, такое поведение было связано непрофессионализмом и личными качествами посредника. Несмотря на предписания законодательных актов А.Н. Медник не имел необходимого годового стажа в качестве биржевого маклера для получения должности иногороднего посредника. Однако президиум утвердил его, поскольку других кандидатур не было⁴.

Окончательный отказ от реализации нэпа привел к ликвидации советской биржевой сети в 1930 г. Новосибирская биржа, как и ее иногородние маклерские пункты были упразднены⁵.

Таким образом, можно проследить следующую тенденцию в изменении статуса маклеров Новониколаевской/Новосибирской товарной биржи в условиях нэпа. В 1922–1924 гг. в

¹ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 156. Л. 20–20об.

² Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 11 ноября; 1929. 7 ноября.

³ ГАНО. Ф. Р-253. Оп. 1. Д. 160. Л. 56–56об.

⁴ Там же. Д. 89. Л. 67.

⁵ СЗ СССР. 1930. № 10. Ст. 120.

деятельности маклеров воспроизводились дореволюционные практики, которые сближали их положение с частными посредниками: выплата куртажа, содержание независимого технического аппарата, привлечение маклеров со стажем работы. Однако непримиримое отношение органов власти к коммерческому посредничеству, исполнение маклерами функций по контролю биржевых операций в интересах государства, дискриминационные меры привели к фактической и юридической трансформации статуса маклеров в советских торговых служащих во второй половине 1920-х годов. Данная тенденция совпадала с постепенным превращением биржи в инструмент, используемый государством для регулирования экономики.

Библиография

- Галкин В.В.* История биржи в России. Воронеж: ВГТА, 1998. 234 с.
- Ильиных О.В.* Образование и трансформация правового статуса товарных бирж в 1921–1922 годах (на примере Новониколаевской биржи) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 4(30). С. 11–21. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-4-01.pdf> (дата обращения: 22.04.2024).
- Осадчая А.И.* Биржа в России // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 3–18.
- Полетаева Н.И.* Могилевская товарная биржа в годы нэпа // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2010. С. 558–564.
- Полетаева Н.И.* Гомельская товарная биржа в 1922–1927 гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2020. № 20–2. С. 155–163.
- Троицкая Н.А.* Биржа во Владивостоке в первой трети XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2(10). С. 22–29.
- Тупов Б.С.* История российской биржи (биржи периода нэпа и 90 годов XX в.). М.: ИНИОН, 1994. 27 с.

А.Р. Хуснулин
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Кооперативная промышленность г. Москвы в 4-ю пятилетку в зеркале делопроизводства государственного контроля

В данной работе предпринимается попытка вовлечения в научный оборот материалов ревизий сотрудниками наркомата / министерства госконтроля артелей кооперативной промышленности в период активного послевоенного восстановления в рамках 4-й пятилетки. Их использование позволяет качественно расширить спектр исследуемых проблем применительно к промысловой кооперации. Приведенные из материалов ревизий предприятия промысловой кооперации г. Москвы сведения являются весомым дополнением к имеющимся на сегодняшний день сведениям об экономической преступности в изучаемой системе. Последующее применение данных источников позволит применить количественные методы в исторических исследованиях с целью изучения проблемы материальных стимулов в труде советских кооператоров.

Ключевые слова. Промкооперация, артели, промсоюз, 4-я пятилетка, госконтроль, ревизия, контролер, экономическая преступность.

В историографии уже предпринимались попытки исследования механизмов взаимодействия между институтами советского государства (в частности — органами государственного контроля) и структурами промысловой кооперации. Ее, например, предпринял П.Г. Назаров на страницах своей кандидатской диссертации¹, посвященной вопросам советской экономической политики по отношению к кооперативной промышленности, отмечая большой потенциал изучения многочисленных документов по фактам хищений и частного предпринимательства в артелях промкооперации. Особенности государственного регулирования системы промысловой кооперации посвящено также

¹ Назаров П.Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 117–118.

исследование С.А. Баканова и А.А. Пасса¹.

Настоящее исследование, посвященное изучению роли кооперативной промышленности в экономической системе СССР, предполагает введение в научный оборот архивных материалов государственного контроля за деятельностью артелей промысловой кооперации города Москвы. Источниковедческая база данного характера позволяет выявить специфику развития данного сектора промышленности и оценить его перспективы в контексте советской народнохозяйственной модели. Следует отметить, что значимость подобных документов — в частности, материалов наркомата (министерства) государственного контроля — для изучения истории российской промысловой кооперации уже находила подтверждение в рамках наших предыдущих научных публикаций². Документы-акты ревизий артелей контролерами мингоскона ранее не вводились в научный оборот; П.Г. Назаров ссылался в своей работе на делопроизводственные документы госконтроля из фонда Совета министров РСФСР, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, а также на аналогичный тип документов из фонда Роспромсовета, находящийся в Российском государственном архиве экономики. Научная новизна настоящего исследования заключается в первичном привлечении материалов ревизионных проверок предприятий кооперативной промышленности на примере города Москвы. Выбор столицы в качестве географических рамок изучения обусловлен необходимостью анализа данной отрасли народного хозяйства в рамках крупнейшего промышленного центра страны.

Из официального отчета группы промкооперации наркому

¹ Баканов С.А., Пасс А.А. Изъяны государственного регулирования кооперативной промышленности в СССР в 1950-е гг. (на материалах Челябинской области) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. Т. 22, № 1. С. 25–33.

² Хуснулин А.Р. Источники по изучению кооперативной промышленности Центрального экономического района в 1946–1960 гг. // Регионы Российской Федерации: история и современность: Сборник материалов Четырнадцатой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2024» (18–19 апреля 2024 года) / [отв. ред. А.К. Сорокин]. М.: Политическая энциклопедия, 2024. С. 200–203.

госконтроля РСФСР известно о существовании с 1943 по 1948 гг. группы промкооперации, имевшей штатную численность 30 сотрудников. По делопроизводственному документу можно сделать вывод, что ревизоры и инспекторы госконтроля не ограничивались только вскрытием и установлением причин проблем в производственной деятельности артелей, но также всемерно способствовали принятию руководством отдельных артелей и промсоюзов мер по улучшению работы предприятий и обеспечению выполнения правительственных заданий¹. Сама по себе система наркомата-министерства госконтроля не имела своих региональных филиалов и управлений — у нее имелся центральный аппарат в г. Москве, из состава которого отбирались будущие члены проверочных комиссий в регионах. «Ввиду вышеизложенного объектами проверок в областях и городе Москве служили аппараты уполномоченных и наиболее отстающие союзы и артели, кроме того проверялась работа Управления промкооперации при СНК РСФСР и Главпромтехснаба»². Учитывая, что в годы Великой Отечественной войны промкооперация столичного региона имела наибольший удельный вес в размещении заданий, 50–60% контролерского состава группы работало именно в Москве³ — этим же можно объяснить количество проверок артелей промкооперации, которое применительно к столице сильно превышает количество аналогичных мероприятий по регионам.

Судя по всему, источником для проверок становились жалобы с мест — в системе госконтроля существовало соответствующее Бюро жалоб, куда поступали сообщения, которые и становились поводом для проведения проверочных мероприятий. После получения информации о нарушениях где-либо группе контролеров формировалось задание, после чего — издавались приказ наркома госконтроля и постановление правительства. Далее проверяющие изучали «в Управлении промкооперации своевременность и правильность размещения заданий.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А339. Оп. 4. Д. 248. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 7об.

После этого проверяют аппарат уполномоченного г. Москвы и Московской области... Ознакомившись с размещением, контролер непосредственно ведет работу в промсоюзах с проверкой артелей, которые своевременно не выполняют заданий правительства и имеют наибольший удельный вес в выполнении заданий. Так как контролер физически не в состоянии охватить все артели оперативным контролем и дать анализ деятельности их, то нередко по результатам проверок 2–3 артелей собирают совещание в промсоюзе с привлечением председателей артелей, занятых изготовлением изделий, находящихся на оперативном контроле. Примером такой работы может служить проверка работы артелей Москвы и Московской области по изготовлению различных изделий»¹.

Период 4-й пятилетки характеризовался восстановлением народного хозяйства СССР от последствий боевых действий, и промкооперация в этом деле играла важную роль. Ее деятельность в данный период регламентировалась, среди прочего, законом «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Союза ССР», принятым Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г. Согласно закону, в целях укрепления и роста республиканских хозяйств СССР необходимо «обеспечить всестороннее развитие республиканского хозяйства, *местной промышленности и промысловой кооперации* (выделено мной. — А.Х.), особенно увеличение производства продовольствия и предметов широкого потребления, добычи местного топлива, производства проката и литья для местных нужд, строительных и лесных материалов, производства металлоизделий и производства оборудования для республиканского хозяйства», — кроме того, необходимо предусмотреть, что «предметы широкого потребления, производимые местной промышленностью и промкооперацией, находятся полностью в распоряжении союзной республики, причем советы министров республик по своему усмотрению определяют долю продукции, которая остается для потребления внутри республик, и долю продукции, которая в порядке товарооборота направляется в другие республики при сохранении общегосударствен-

¹ Там же. Л. 8.

ного регулирования рыночных цен»¹.

В соответствии с ситуацией, вышеназванным нормативно-правовым актом, а также своим статусом, госконтроль руководствовался следующими задачами применительно к промышленной кооперации:

А) контроль за правильностью расходования денежных средств и материальных ценностей в промышленной кооперации и состоянием учета и отчетности;

Б) проверка внутриведомственного контроля в промышленной кооперации;

В) проверка выполнения постановлений правительства о мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления в промкооперации;

Г) контроль за отчетностью о выполнении государственных планов промкооперацией;

Д) контроль за соблюдением штатно-сметной дисциплины на предприятиях и учреждениях промкооперации;

Е) проверка существующей структуры и штатов промкооперации с целью упрощения и удешевления аппарата;

Ж) проверка качества продукции и правильности соблюдения отпускных и розничных цен на изделия промкооперации;

З) усиление контроля за обязательными указаниями министерства;

И) улучшение качества проверок².

Вот пример одной из проверок, имевших место с 21 по 24 мая 1946 г. По указанию замминистра И.В. Жукова контролер Н.Е. Казанский провел проверку качества металлической фурнитуры для мужских и детских подвязок, изготовленных артелью «8-й механический завод» Московского городского металлопромышленного союза. Суть претензии контролера заключалась в том, что имевшиеся на складе артели 50 тыс. крючков, 30 тыс. петель, 15 тыс. передвижек и 10 тыс. пукелей были изготовлены в нарушение ГОСТа: плохая никелировка вследствие отсутствия технического контроля со стороны нач. отдела техконтроля

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. Л.: Госполитиздат, 1946. С. 10–11.

² ГАРФ. Ф. А339. Оп. 4. Д. 248. Л. 163–164. * Металлопромышленного.

В.А. Арсеньевой. «Начальник отдела технического контроля артели Арсеньева В.А., при наличии полного штата контролеров и браковщиков, не организовала пооперационный контроль за изготовлением изделий и фурнитуры, в результате заказчики возвратили в 1946 году фабрикованного пукеля... 11,4 тыс. шт., петель 8,6 тыс. шт., зажимов... 9,9 тыс. шт.»¹ В акте проверки, составлявшемся по истечении срока данного мероприятия, обязательно должна была стоять подпись как самого контролера, так и представителей артели — в данном случае ими были главный инженер Д.К. Кузнецов и начальник отдела технического контроля В.А. Арсеньева².

После этого следовало объяснение в письменном виде от представителей артели о причинах возникших проблем, на которые указали представители госконтроля. Как правило, артельщики ожидаемо оправдывались проблемами в бухгалтерском учете, отсутствием должных кадров, квалификации у имеющихся и т. д. Например, в случае с 8-м механическим заводом начальник ОТК Арсеньева оправдывала возврат деталей от заказчиков (петли) нарушением сортировки со стороны ее отдела, «ибо трудно каждую штуку проверять при наличии существующего штата. Поэтому была договоренность с заказчиком, что при обнаружении брака они возвращают на обмен», — после же данного объяснения последовало описание проведенных ОТК мероприятий, которые были по сути административными, несистемными: усиление контроля, устроение учета инструментов, пересмотр товаров, организация техминимума и т.д.³

По результатам проверки министр госконтроля РСФСР Н.М. Васильев издал 13 июня 1946 г. приказ, в котором, констатируя наличествующие проблемы, постановил объявить главному инженеру артели строгий выговор, начальнику ОТК — выговор, а также предупредил, что «впредь за выпуск некачественной продукции они будут привлечены к более строгой ответственности»⁴. Надо отметить, что не всем так везло с вынесением

¹ Там же. Оп. 1. Д. 2330. Л. 1–1-об.

² Там же. Л. 1-об.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4-об.

относительно мягких наказаний — в том же 1946 г. с 8 февраля по 18 марта имела место проверка деятельности артели «Кооперигрушка» Мосгорхудожпромсоюза силами контролеров И.Р. Волынского и В.Ф. Стрельникова, которая получила заказ от УВВС РККА на окраску и подувку воздушных шаров-пилотов; покраска в должный срок выполнена не была, а вместе с тем на дополнительные технические мероприятия, якобы способствующие рационализации производства, были затрачены средства из кассы артели¹. В ходе проверки было установлено, что в целях сокрытия растраты по кассе ежемесячно в 1944–1945 гг. главбухом В.И. Фокиной составлялись фиктивные отчеты о якобы проводимой ревизии кассы; при ревизии же представителями Госконтроля ревизором В.Ф. Стрельниковым и контролером И.Р. Волынским 18 февраля 1946 г. Фокина «порвала разных документов денежных на сумму 141634,41 руб.»² Всего же с 1944 по 1946 гг. главбух Фокина присвоила себе средств на сумму 131326,18 руб.³ При этом фигурантом проверки стал приглашенный инженер-консультант по резиново-макальному производству Б.А. Абрамович, пытавшийся обвинить контролеров в предвзятости, поскольку свои действия рассматривал как внесение рацпредложения во благо отечественной промышленности: «По моему рационализаторскому предложению и при моей технической консультации в этой артели было организовано макальное производство из отходов ревертекса, ранее не использовавшихся и отправлявшихся заводами на свалку. Это дало промкооперации (и может дать в дальнейшем) продукции ширпотреба на сотни тысяч рублей»⁴. Для уточнения этого была создана экспертная комиссия из числа специалистов-инженеров и ревизора УПК при СНК РСФСР, которая сделала вывод, что метод, предложенный Абрамовичем, приводит к 20–30% браку и является нетехнологичным⁵. По итогам проверочных мероприятий 4 мая 1946 г. наркомгоскон РСФСР издал приказ, в котором велел привлечь председателя артели П.Л. Бачурину, инженера

¹ Там же. Д. 2331. Л. 2–5.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Л. 20-об.

⁴ Там же. Л. 27.

⁵ Там же. Л. 32–33.

В.А. Абрамовича и главбуха В.И. Фокину к судебной ответственности, а бывшем главбухе М.Н. Конокотину и начплану В.Н. Мальцевой — объявить строгий выговор и выговор соответственно. Материалы проверок были переданы в прокуратуру РСФСР для дальнейшего возбуждения уголовного дела¹.

В контексте упомянутой выше проверки представляется уместным здесь же привести такой источник, как личные дела сотрудников наркомата-министерства госконтроля, в которых, судя по изученному нами, также содержится ценная информация как по вопросу о социальном составе работников контролирующих органов, так, — что вдвойне актуально для нас, — по теме взаимоотношений промкооперативных артелей и государства.

Как был упомянуто выше, для проверки артели «Кооперигрушка» были направлены контролеры Волынский и Стрельников. У обоих весьма интересные биографии, содержание которых позволяет в определенной степени делать выводы и о качестве проводившихся проверочных мероприятий. Иван Родионович Волынский 1899 г.р. был по образованию и профессии бухгалтером — он окончил в 1916 г. министерское коммерческое училище им. Киттары Московского уезда, на работе в Наркомгосконе состоял с декабря 1945 г.² По работе характеризовался положительно как «растущий контролер, настойчиво осваивающий методы контролерской работы», — трудолюбивый и хорошо знающий подконтрольную систему сотрудник³. В заслугу ему ставились, среди прочего, успешные проверочные мероприятия в 1946 г. по системе промкооперации Челябинской области и г. Москвы: в процессе самостоятельных проверок в южноуральской артели «Швейник», а также столичной артели «Металлотрубопрокат» контролер Волынский «вскрыл серьезные нарушения — расхищение тканей, денежных средств, подлоги»⁴. В 1948 г. он участвовал в проведении пяти проверок и ревизий под руководством старших контролеров; в ходе ревизии Центральной научно-исследовательской лаборатории кожи, ар-

¹ Там же. Л. 40–41.

² Там же. Оп. 2. Д. 1207. Л. 9, 21.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 22.

тели «Художественное знамя», — не понятно, какого промсоюза, — и других «вскрыл ряд серьезных нарушений финансовой дисциплины, незаконные операции и факты разбазаривания денежных средств и материальных ценностей»¹. Согласно характеристике от 5 июня 1953 г., связи с реорганизацией аппарата был освобожден от должности и переведен на другую работу; с июля того же года стал получать пенсию по инвалидности 3-й степени².

Коллега Волынского по проверке «Кооперигрушки» в частности и по работе в целом, Василий Федорович Стрельников 1881 г.р. также имел хорошее образование и квалификацию: учился с 1913 по 1914 гг. в Туле на счетоводческих курсах Министерства просвещения, которые окончил на отлично, затем, с 1914 по 1916 гг. — в Петрограде на Высших коммерческих курсах им. Побединского, которые также окончил на отлично³. На работе в органах госконтроля с июня 1943 г.⁴

Как контролер со специализацией по промкооперации Стрельников проявил себя в 1946 г. во время проверки упомянутой ранее артели «Кооперигрушка», до этого он участвовал в ревизиях государственных предприятий и учреждений снабжения, здравоохранения и лесной промышленности. Приведем отрывок из аттестации Стрельникова за 1946 г.: «Тов. Стрельников В.Ф. обладает большим опытом ревизионной работы и умением критически и детально подойти к отдельным хозяйственным операциям. При проведении ревизий проявляет настойчивость и энергию, что особенно показательно в ревизии артели „Кооперигрушка“, где были вскрыты крупные злоупотребления»⁵. За работу не раз упоминался в положительном ключе в характеристиках по Министерству, а также не единожды премировался. Летом 1952 г. подал заявление об увольнении с работы по причине ухода на пенсию по инвалидности⁶.

Интересными являются материалы личного дела контро-

¹ Там же. Л. 24.

² Там же. Л. 34, 38.

³ Там же. Д. 1168. Л. 6-об, 15.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 41.

⁶ Там же. Л. 59.

лера Анатолия Николаевича Метлина 1909 г.р. В 1930–1932 гг. учился в Московском торфяном институте, в 1932 г. вышел в академический отпуск по болезни и устроился на работу экономистом-консультантом Мособлплана. Не вернувшись на учебу, продолжал работать на должностях, связанных с бухгалтерским учетом; на работе в госконтроле с января 1943 г. Постепенно повышая квалификацию и улучшая показатели своей работы, с 13-го мая 1947 г. Постановлением Совета министров был назначен главным контролером Мингоскона РСФСР по Управлению промысловой кооперации при СМ РСФСР¹. А.Н. Метлин хорошо проявлял себя по ревизорской работе, регулярно удостаиваясь похвал от начальства и премий за результаты своей деятельности. С июля 1949 г. имел оклад заработной платы в 2200 руб. в месяц².

Впрочем, в июле 1950 г. Метлин наряду с коллегами по работе с артелями промкооперации получил строгий выговор лично от министра госконтроля РСФСР Васильева в связи с тем, что заместитель Метлина Дейнекин и старший контролер Герберг за взятки от членов лесопромысловой артели «Строитель» Мособллесдревпромсоюза скрывали факты расхищения социалистической собственности представителями данного предприятия с 1948 г., когда вышеназванные сотрудники-ревизоры впервые, по-видимому, и вошли в число коррупционеров; несмотря на неоднократно поступавшие впоследствии сигналы от активных граждан о фактах нарушений и злоупотреблений в артели, Дейнекин отказывал в повторных проверках, а его непосредственное начальство в лице Метлина и заместителя мингоскона Дулинского «не обратили... внимания на то, что ряд важных вопросов программы (проверки. — А.Х.) не был проверен»³. Манкирование сигналами об актуальных проблемах и ставилось в вину непосредственно Метлину. «Среди контролеров государственного контроля не может быть места людям с нечистой совестью, потерявшим право ревизовать наши совет-

¹ Там же. Д. 1096. Л. 18, 28.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Л. 37.

ские учреждения»¹, — утверждалось в приказе. Впоследствии в новом приказе от 17 августа того же года Метлин вновь оказался в опале, поскольку секретарь группы по Управлению промкооперации Л.В. Гудкова утеряла дело с жалобами и заявлениями от граждан, поступившими в группу в 1949 г. Только 10 августа 1950 г. данное дело удалось обнаружить, в связи с чем секретарю Гудковой был объявлен строгий выговор с предупреждением, а Метлину обращалось внимание «на отсутствие с его стороны должного контроля за состоянием хранения дел в группе»². Несмотря на то, что к марту 1951 г. Метлину удалось реабилитироваться по работе и строгий выговор с него был снят, 15 марта главный контролер по Роспромсовету был освобожден от своей должности в связи с переходом на другую работу³. Трудно сказать, добровольно ли ушел Метлин, но вышеназванные факты весьма красноречивы применительно к изучению истории промкооперации — даже ревизии госконтроля подчас не бывали эффективными по причине взяток и коррупции со стороны представителей промышленных предприятий, в данном случае промыслово-кооперативных.

Частой мерой воздействия также было отстранение от занимаемой должности, которое могло перерасти впоследствии в возбуждение уголовного дела. Так, по итогам ревизии артели Мосгоршвейкоопинсоюза «Им. 20-летия ВЛКСМ», которая была проведена с 25 декабря 1946 г. по 27 января 1947 г., были установлены факты завышения показателей выполнения планов за период с 1 января 1946 г. по 1 января 1947 г. путем приписок в отчеты неизготовленных изделий, а также неправильного применения неизменных цен. «В результате неправильного применения неизменных цен и приписок неизготовленных изделий, — констатируется в акте ревизии, — завышены показатели выполнения плана за апрель на 206 тыс. руб.» В отчет были приписаны 12606 шт. нижнего белья и 156 хлопчатобумажных костюмов, сшитых не в артели, а на Кунцевской фабрике ширпотреба; кроме того, 15 тыс. штук коньковых ремней и 5200 шт. мешков для каучука, из-

¹ Там же. Л. 37-об.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Л. 39, 40.

готовленных артелью в мае месяце. Фактическое выполнение плана за апрель месяц выразилось в сумме 509,9 тыс. рублей или 77,6%, а не 715 тыс. рублей — 108,4%, как показано в отчете. Вследствие данных приписок артель за апрель «получила 9862 руб. премиального вознаграждения, из которого было выплачено председателю артели Кусову 638 руб., техноруку Розенцвет — 638 руб., главному бухгалтеру Ефимовой — 458 руб. и начальнику планового отдела Уткину 357 рублей»¹. За май показатели приписок ревизоры установили в размере 83,8 тыс. руб., в которые входили 6 тыс. шт. нижнего белья, сшитого на той же Кунцевской фабрике — судя по всему, руководство артели «Им. 20-летия ВЛКСМ» Горшвейкоопинсоюза в частном порядке и в обход отчетности закупила данную продукцию у коллег и пыталось в частном порядке сбыть, что в те времена было встречающимся в системе промкооперации явлением. «Фактический выпуск в мае составил: 575,2 тыс. руб. — 88,6%, а не 659 т. руб. — 100,1%, как показано в отчете»², — пришли к выводу сотрудники госконтроля. В общей же сложности за 1946 г. артелью было приписано изделий на сумму 409,8 тыс. руб., фактически же выпущено — на 6950,8 тыс. руб., а не 7360,6 тыс. руб., как показано в отчетах³.

Среди прочих нарушений, выявленных представителями госконтроля, значились: простой в использовании имеющегося у артели оборудования — из 118 швейных машин не использовались 62; выпуск недоброкачественной продукции, на которую поступали жалобы от представителей торговых организаций — в 1946 г. артели было предъявлено четыре рекламации на плохое качество изделий на суму 14193 руб.; ненормированный расход тканей при изготовлении тех или иных видов продукции; плохая материально-техническая база и капитальное состояние помещения; безнарядный отпуск сырья — по распоряжению председателя А.Б. Кусова было отпущено разным организациям и лицам без нарядов тканей и швейных изделий на сумму 64447 руб. в отпускных ценах; выплата зарплат ряду работников арте-

¹ Там же. Оп. 1. Д. 3000. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Л. 2-об.

ли сверх оклада на общую сумму 6025 руб. и т.д.¹

Председатель артели Кусов предпринял попытку объясниться перед руководством министерства госконтроля, попросив Н.М. Васильева об аудиенции и приложив к прошению пояснительную записку о результатах ревизии, считая их необоснованными, а обвинения в адрес руководства артели — надуманными; впрочем, все пункты данной бумаги прозвучали, на наш взгляд как стороннего читателя, неубедительно — вся объяснительная модель сводится к отрицанию своей вины и переводу стрелок на подчиненных, введших в заблуждение руководство предприятия. «Спрашивается, мог ли я, — писал Кусов, — и обязан ли я был это предвидеть. Мне думается, если к ответу на этот вопрос подойти совершенно объективно, его нужно дать в отрицательном смысле. Я хозяйственник, а не работник судебно-следственных или контрольных органов»².

Оправдания председателя артели не были сочтены руководством госконтроля как исчерпывающие и убедительные, и в конечном счете 15 марта 1947 г. вышел приказ, в котором констатировались факты, подтверждающие вышеупомянутые правонарушения, а представители предприятия «Им. 20-летия ВЛКСМ»: председатель артели А.Б. Кусов, технический руководитель М.А. Розенцвет, а также зав. снаббшта артели М.К. Есенов были отстранены от занимаемых должностей, а главбух Н.Д. Ефимова получила строгий выговор; все материалы проверки были направлены прокурору Москворецкого р-на для дорасследования и возбуждения уголовного дела³.

Иной пример приписок по выполнению производственных планов имеется по артели «Промет» Мосгорметизсоюза, вскрытый по результатам проверки контролером В.И. Рыжиковым с 6 по 15 мая 1948 г. Как отмечено в акте ревизии, председатель правления артели П.А. Грачев с заведующим плановым отделом той же артели В.М. Дмитриевым в представленном отчете о результатах производственной деятельности за апрель 1948 г. включили в показатель выполнения плана по выпуску опылите-

¹ Там же. Л. 2-об-3.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Л. 20-об-21.

лей в 600 шт. по неизменной цене в 1200 руб./шт. на сумму 720 тыс. руб., выдав таким образом показатель выполнения плана на 142,7% вместо фактического 36,9%¹. В объяснении председателя артели Грачева на имя мингоскона Васильева писалось, что, получив в марте 1948 г. задание на апрель по выпуску опылителей в количестве 600 шт., руководство артели приняло решение провести капитальный ремонт и переделку имевшихся на складе готовой продукции опылителей в количестве 750 шт., которые артель выпускала с 1944 по начало 1947 г. Руководство Метизсоюза данное решение утвердило; переделка негодных опылителей обошлась артели в общую сумму 5256,27 руб., в которую вошли затраты как на рабочую силу, так и на запчасти². «Исходя из вышеизложенного, — оправдывался Грачев, — у меня создалось ошибочное представление считать капитально отремонтированные опыливатели, как вновь выпущенные изделия, а, следовательно, и дальнейшего их обсчета в выполнение плана по полной неизменной цене, независимо от величин затрат рабочей силы на их капитальную переделку. [...] Учитывая вышеизложенное, убедительно прошу Вас, тов. министр, не наказывать меня жестоко за совершенную мною ошибку, а дать возможность работать и своей работой искупить свою вину»³, — завершил объяснение председатель артели. 2 июня 1948 г. мингоскон утвердил приказ по отчету контролера Рыжикова, в котором, перечисляя названные ранее факты злоупотреблений, объявил председателю артели, зав. плановым отделом, а также зам. председателя Мосгорметизсоюза и зав. плановым отделом того же промсоюза строгие выговоры⁴. Можно констатировать, что кооператоры отделались легким испугом.

Советская промысловая кооперация, несмотря на все изъяны, имевшие место в ее деятельности, была важным звеном в экономическом развитии СССР в целом и российских регионов

¹ Там же. Д. 3971. Л. 1.

² Там же. Л. 3, 4.

³ Там же. Л. 4, 5.

⁴ Там же. Л. 6-об.

в частности; эта важность обуславливалась способностью к быстрому подъему показателей выпуска товаров широкого потребления за счет возможности оперативного расширения своих производственных площадей, своего рода легкости на подъем; безусловно важным фактором в этом было и наличие спроса у советского населения на товары, выпускавшиеся артелями промкооперации.

Тем не менее, особенности конъюнктуры с одной стороны и трудности в повседневной жизни с другой влияли на поведенческие модели трудящихся кооператоров; перебои со снабжением сырьем, слабая материально-техническая база, высокая текучесть кадров приводили к тому, что продукция артелей промкооперации отличалась на начальный период послевоенного восстановления невысоким качеством; руководство же артелей, выискивая способы преодоления имеющихся проблем, нередко прибегали к нарушению законов в целях повышения производственных показателей, улучшения материального положения артелей и т.д. Данная ситуация не могла не спровоцировать ответную реакцию со стороны государства в лице его контролирующих органов.

Приведенные в исследовании источники свидетельствуют, что артели промкооперации не гнушались приписками в статистической отчетности, подделкой выпускаемых товаров, присвоением государственных средств, снижением качества изготавливаемых изделий за счет экономии на пригодном материале и др. В то же время, кооператорам не откажешь в гибкости — почувствовав опасность, они были готовы давать взятки чиновникам из госконтроля ради сохранения своего положения. В свою очередь, органы госконтроля, не будучи полицейским органом, по-своему были ограничены в инструментарии оказания давления на кооператоров, вследствие чего наиболее частой мерой воздействия на артельное руководство и промкооперативное чиновничество были выговоры и строгие выговоры; наиболее резонансные случаи экономических преступлений карались возбуждением прокурорскими органами уголовных дел.

Материалы государственных проверок артелей обладают значительным исследовательским потенциалом. Прежде всего, следует отметить, что сравнительный анализ динамики кон-

трольных показателей с данными о валовом производстве и средней заработной плате может выявить существенные экономические взаимосвязи. В частности, обнаружение корреляционной зависимости между повышением уровня оплаты труда и улучшением качества выпускаемых изделий будет, несомненно, свидетельствовать о действенности материального стимулирования в артельной системе. Это обстоятельство, в свою очередь, имеет принципиальное значение для оценки места промысловой кооперации в экономической системе СССР. Кроме того, подобный анализ позволяет, с одной стороны, идентифицировать наиболее проблемные производственные объединения и артели, а с другой — выработать надежный алгоритм обнаружения искажений в отчетной документации кооперативных предприятий. Таким образом, полученные данные будут иметь существенную научную ценность для последующих исследований в области истории советской промышленной кооперации.

Библиография

Баканов С.А., Пасс А.А. Изъяны государственного регулирования кооперативной промышленности в СССР в 1950-е гг. (на материалах Челябинской области) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2022. Т. 22, №1. С. 25–33.

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. Л.: Госполитиздат, 1946. 50 с.

Назаров П.Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. М., 1991. 227 с.

Хуснулин А.Р. Источники по изучению кооперативной промышленности Центрального экономического района в 1946–1960 гг. // Регионы Российской Федерации: история и современность: Сб. материалов Четырнадцатой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2024» (18–19 апреля 2024 года) / [отв.ред. А.К. Сорокин]. М.: Политическая энциклопедия, 2024. С. 200–203.

А.А. Новоселова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета

Развитие пищевой промышленности Нижнего Тагила в 1971–1985 гг.

Статья посвящена вопросу развития пищевой промышленности в 1971–1985 гг. в одном из крупнейших промышленных центров СССР — Нижнем Тагиле. Исследование основано на анализе статистических сводок инспектуры промышленности города, хранящихся в Нижнетагильском городском историческом архиве. В работе прослеживается динамика количественных и качественных показателей работы предприятий, включая выполнение плана реализации продукции и темпы промышленного роста. Установлена взаимосвязь этих показателей с общими тенденциями пятилетнего планирования. Особое внимание уделено проблемам внедрения научной организации труда и роста производительности. Результаты исследования свидетельствуют о хронической нехватке сырьевых ресурсов на предприятиях пищевой промышленности и недостаточном уровне их материально-технического оснащения, что обусловило необходимость корректировки плановых показателей.

Ключевые слова: пищевая промышленность, Нижний Тагил, пятилетний план, статистика, производительность труда, промышленный рост, ресурсы.

Пищевая промышленность является одной из важнейших отраслей экономики. От организации производства на предприятиях пищевой промышленности зависит уровень обеспеченности населения продуктами питания. Организация промышленного производства в СССР имеет свои особенности и проблемы, поскольку в условиях плановой экономики всегда существуют риски несоответствия заданных норм плана реальным возможностям предприятий. Для выявления достижений и проблем в отрасли пищевой промышленности в период IX–XI пятилетних планов была поставлена задача рассмотреть данный вопрос на примере крупного промышленного центра СССР — города Нижний Тагил. В ходе исследования анализировались данные сводок инспектуры по статистике промышленности города о

работе следующих предприятий: кондитерская фабрика, мясокомбинат, гормолзавод (молокозавод), дрожжевой завод, пивзавод (пивобезалкогольный завод), производственное объединение хлебопекарных предприятий (хлебозавод, комбинат хлебопродуктов). Для проведения систематизированного исследования было принято решение проанализировать состояние пищевой промышленности города по каждому из пятилетних планов 1971–1985 гг. в отдельности.

Особенности социально-экономического развития СССР и характер решения ключевых проблем планового ведения хозяйства в отдельные периоды советской экономики нашли отражение в ряде работ, характеризующих принципы функционирования экономической системы Советского Союза¹. Экономическое развитие Нижнего Тагила напрямую связано с народным хозяйством Уральского региона, особенности которого представлены в краеведческой литературе².

Перейдем непосредственно к анализу развития пищевой промышленности Нижнего Тагила в выбранный период. IX пятилетний план (1971–1975 гг.). Согласно материалам XXIV съезда КПСС, главная задача девятой пятилетки — «обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда»³. В Нижнем Тагиле первые итоги пятилетки были неутешительными для таких предприятий, как молокозавод и мясокомбинат. Был поставлен вопрос о снижении плана по реализации продукции III квартала на 500 тыс. руб. для молокозавода и на 1159 тыс. руб. к плану девяти месяцев для мясокомбината.

¹ Управление социалистической экономикой (политико-экономический аспект): монография. / Н.А. Мойсеев, М.В. Попов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981 г. 184 с.; Экономическая история СССР: очерки / рук. авт. колл. Л. И. Абалкин. М.: ИНФРА-М, 2007. 496 с.

² История народного хозяйства Урала (1946–1985 гг.): В 2-х ч. / Под ред. М. А. Сергеева. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 256 с.

³ Калугин В.В. Из социальной истории отечественной науки: организация, планирование и координация научных исследований в СССР (1971–1975 годы). Ч. I // История и педагогика естествознания. 2014. № 2. С. 3.

Предполагалось, что данные корректировки планов позволят выполнить план по реализации продукции на молокозаводе, однако даже скорректированные социалистические обязательства на мясокомбинате не были бы выполнены. По данным сводки о выполнении плана по производительности труда в промышленности города Нижнего Тагила за девять месяцев 1971 года, как и прогнозировалось, мясокомбинат не выполнил план (96,62%), не выполнил обязательства также и дрожжевой завод (99,9%). Наивысшие показатели производительности труда были отмечены на кондитерской фабрике (105,2%), на втором месте находится гормолзавод (104,2%), на третьем — производственное объединение хлебопекарных предприятий (102,5%)¹. Тем не менее, все предприятия выполнили план по реализации продукции за 1971 год². Трудности в выполнении пятилетнего плана были отмечены и в 1973 году. В докладной записке о ходе выполнения плана выделены следующие проблемы: узкий ассортимент изделий производственного объединения хлебопекарных предприятий и падение спроса на продукцию; неудовлетворительный уровень обеспечения мясокомбината сырьевыми ресурсами; увеличение размера плана на кондитерской фабрике в связи с капитальным ремонтом и сложности с обеспечением предприятия сахаром и патокой; несоответствие пятилетнего плана техническим условиям на дрожжевом заводе (не сдана в эксплуатацию вторая сушилка). По данным причинам был поставлен вопрос о корректировке планов для каждого из предприятий, кроме пивобезалкогольного завода³. Несмотря на это, коррекция планов позволила всем предприятиям выполнить нормы. Лучшие показатели были отмечены на пивобезалкогольном заводе: выполнение плана по реализации продукции — 112%; темп роста производства — 170,1%⁴. Уже в 1975 году, решая проблему необходимости корректировки планов, на предприятиях начало происходить внедрение передовых методов и приемов труда и рацпредложений, которые позволили сэкономить денежные средства и

¹ Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 244. Л. 220.

² НТГИА. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 243. Л. 29.

³ НТГИА. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 272. Л. 436.

⁴ Там же. Л. 402.

улучшить количественные показатели. Все предприятия, кроме пивобезалкогольного завода занимались научной организацией труда, однако данное предприятие вводило рацпредложения¹. После внедрения рацпредложений были сэкономлены следующие средства: кондитерская фабрика — 22,7 тыс. руб; гормолзавод — 39 тыс. руб; пивобезалкогольный завод — 46,5 тыс. руб; производственное объединение хлебопекарных предприятий — 8,1 тыс. руб; дрожжевой завод — 14,3 тыс. руб. Данные мероприятия позволили всем предприятиям пищевой промышленности выполнить нормы плана без его корректировки². Таким образом, начало IX пятилетнего плана было сопровождено трудностями, однако меры по внедрению научной организации труда позволили выполнить социалистические обязательства и повысить темпы промышленного роста, которые по итогам IX пятилетки были следующими: кондитерская фабрика (105,5%), мясокомбинат (104,2%), гормолзавод (115,1%), производственное объединение хлебопекарных предприятий (100,5%), пивобезалкогольный завод (488,3%), дрожжевой завод (86,5%)³. В СССР в целом результаты девятой пятилетки были лучшими в истории, по сравнению с предыдущими планами⁴.

X пятилетний план (1976–1980 гг.). На ход X пятилетнего плана, во многом, оказало влияние постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»⁵. Результаты X пятилетки продемонстрировали высокий уровень внедрения в народное хозяйство научных достижений⁶. В 1976 году в Нижнем Тагиле, согласно данным сводки о выполнении государственного плана и социалистических обязательств первого года

¹ НТГИА. Ф. Р–128. Оп. 1. Д. 277. Л. 4.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Калугин В.В. Из социальной истории отечественной науки... С. 3.

⁵ Калугин В.В. Из социальной истории отечественной науки: организация, планирование и координация научных исследований в СССР (1976–1980 годы). Ч. II: научно-организационная деятельность // История и педагогика естествознания. 2015. № 3. С. 3.

⁶ Там же. Л. 11.

десятой пятилетки, отмечены успехи в развитии промышленности города в целом¹. Предприятия пищевой промышленности перевыполнили годовой план по количеству произведенной продукции². Однако в 1977 году пищевая промышленность вновь столкнулась с проблемами: на кондитерской фабрике слабо решались технические вопросы, за два года десятого пятилетнего плана не было освоено ни одного нового вида продукции на таких предприятиях, как: гормолзавод, пивобезалкогольный завод, дрожжевой завод. Таким образом, была поставлена задача улучшить ситуацию в области технического прогресса на предприятиях³. Данные негативные обстоятельства были вызваны, в том числе, и тем, что вся промышленность города в 1977 году развивалась неравномерно, одной из причин чего являлась «неудовлетворительная обеспеченность предприятий сырьем и материалами», что вызвало необходимость корректировки планов. Изменение норм плана позволило достичь некоторых результатов: «план по производительности труда выполнен на 100,9%, а выработка на одного работающего в сравнении с прошлым годом выросла на 3,1%⁴. Нехватка сырья и материалов, проблемы в материально-техническом снабжении продолжались и в 1978 году, предприятия пищевой промышленности не могли выполнить первоначальный план, и снова в него были внесены коррективы. Некоторых изделий было произведено меньше 1977 года⁵. В 1979 году не был выполнен план по валовой продукции на мясокомбинате (85,9%) и на молкозаводе (91,4%). С планом по реализации продукции в 1979 и 1980 справились все предприятия пищевой промышленности, что, к сожалению, было во многом достигнуто за счет изменения норм плана⁶.

Таким образом, начало выполнения X пятилетнего плана было весьма успешным. Однако начиная с 1977 года промышленность Нижнего Тагила, в том числе, и пищевая столкнулась с

¹ НТГИА. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 302. Л. 136.

² Там же. Л. 137.

³ Там же. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ Там же. Л. 60.

⁶ НТГИА. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 318. Л. 13.; НТГИА. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 334. Л. 25.

трудностями в области сырьевого и технического обеспечения, что негативно сказалось на количественных и качественных показателях. Как итог — понижение темпов промышленного роста: производство колбасных изделий — 94,%; цельномолочной продукции — 97%; безалкогольных напитков — 72%.

XI пятилетний план (1981–1985 гг.). В данный период наблюдалось несоответствие между темпами роста производственного и научно-технического потенциала и темпами роста результатов производства — рост фоноводооруженности значительно опережал рост его производительности. Это было вызвано многими факторами, в том числе, недостатками в организации производства, что вызывало необходимость ее совершенствования¹. В 1981 году показатели промышленности ухудшились в сравнении с 1980 годом: «Из 34 важнейших видов продукции план декабря не выполнен по 16 из 19 видам. Произведено важнейших видов продукции меньше плана 1980 года и десятой пятилетки»². План по производительности труда был выполнен не на всех предприятиях: кондитерская фабрика — 101,3%; мясокомбинат — 90,9%; гормолзавод — 93,3%; производственное объединение хлебопекарных предприятий — 100,7%; пивобезалкогольный завод — 103,4%; дрожжевой завод — 97,4%³. Первые итоги одиннадцатого пятилетнего плана были подведены в январе 1985 года. Из успехов можно выделить перевыполнение плана по производству мяса (67 тонн); цельномолочной продукции (229 тонн); пива (2,1 тыс. декалитров); безалкогольных напитков (5,9 тыс. декалитров)⁴. Однако план по производительности труда не выполнили 25 предприятий Нижнего Тагила, в частности, мясокомбинат (99,3%) и дрожжевой завод (73,9%). Перед промышленностью города была поставлена задача не допускать корректирования планов, а достигать результатов только ростом производства и производительности труда⁵.

¹ Бодрова Е.В. Предпосылки «Перестройки» и курса на «Ускорение» // Символ науки. 2017. № 3. С. 53.

² НТГИА. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 334. Л. 21.

³ НТГИА. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 372. Л. 42.

⁴ НТГИА. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 442. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 21.

Подводя итоги развития промышленности Нижнего Тагила в период XI пятилетки, следует отметить, что качественные показатели работы предприятий города оставались низкими. Планы выполнялись лишь после корректировок, что свидетельствует о глубоких экономических проблемах СССР в указанный период.

Таким образом, при проведении исследования было выяснено, что в период 1971–1985 годов пищевая промышленность Нижнего Тагила претерпевала как взлеты, так и падения. Главной проблемой, которую можно отметить, является неудовлетворительная обеспеченность предприятий пищевой промышленности сырьевыми ресурсами, низкий уровень материально-технического оснащения. Необходимость выполнения плана ставила перед предприятиями задачу осуществить госзаказ всеми возможными силами, однако, как правило, принималось решение скорректировать план вместо проведения качественного улучшения производства.

Библиография

Бодрова Е.В. Предпосылки «Перестройки» и курса на «Ускорение» // Символ науки. 2017. № 3. С. 51–55.

История народного хозяйства Урала (1946–1985 гг.): В 2-х ч. / Под ред. М.А. Сергеева. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 256 с.

Калугин В.В. Из социальной истории отечественной науки: организация, планирование и координация научных исследований в СССР (1971–1975 годы). Ч. I // История и педагогика естествознания. 2014. № 2. С. 3–9.

Калугин В.В. Из социальной истории отечественной науки: организация, планирование и координация научных исследований в СССР (1976–1980 годы). Ч. II: научно-организационная деятельность // История и педагогика естествознания. 2015. № 3. С. 3–11.

Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. Р–128. Оп. 1. Д. 243.

Моисеенко Н.А., Попов М.В. Управление социалистической экономикой (политико-экономический аспект): монография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981 г. 184 с.

Экономическая история СССР: очерки / рук. авт. колл. Л.И. Абалкин. М.: ИНФРА-М, 2007. 496 с.

Раздел шестой

Сопряженные территории: память в истории и история в памяти

М.М. Дробышева

*Институт всеобщей истории Российской академии наук
(Москва)*

Записи о частных событиях в восточнославянской храмовой эпитафике

В статье разбирается ряд примеров восточнославянских храмовых граффити, в которых сообщается о частных событиях в жизни клириков и прихожан. Это надписи об отдельных проступках духовных лиц, их посвящении в сан, свадьбах, различных бытовых трудностях и др. Подобного рода надписи наравне с поминальными, историописными и надписями с деловой тематикой являются примером памятных граффити, которые создавались с целью фиксации тех или иных событий. Немногочисленность записей о частных событиях на фоне множества молитвенных и поминальных храмовых граффити свидетельствует о проявлении скромности авторов надписей, в первую очередь оставляющих на стенах церквей разного рода молитвенные обращения или поминальные записи, а потом уже — сообщения о случившихся с ними или их близкими событиях.

Ключевые слова: граффити, настенные надписи, Древняя Русь, эпитафика, история повседневности.

Попытки классификации большого материала восточнославянских храмовых граффити предпринимались неоднократно. Естественно, что надписи можно разделить по географической привязке, материалу носителя, языку, системе письма, степени сохранности и другим объективным признакам. Анализ содержания надписей несет более субъективную окраску и зачастую зависит от конкретного чтения и трактовки определенного числа надписей, поэтому несмотря на существование нескольких предложений о тематической классификации восточнославянских граффити, нельзя сказать, чтобы какая-нибудь из них полностью прижилась в исследовательской среде. В конце концов каждый новый издатель комплекса надписей предлагал свою рубрику источников, реализовывая собственные потребности в систематизации издаваемых им источников.

А.А. Гиппиус, отметивший минусы и противоречия де-

тальной рубрикации надписей-граффити, предложил весь комплекс этих источников разделить на две большие группы. Одна группа представляет собой результат спонтанной эпиграфической деятельности (молитвы, автографы, разного рода «пробы пера» и др.), другие же виды надписей несли выраженную меморативную функцию и создавались исключительно ради фиксации тех или иных событий¹. Такую схему разделения восточнославянских граффити надо признать логичной: еще исследователи античной эпиграфики отмечали большую разницу в принципах начертаний монументальных надписей и «стихийного» письма, хотя здесь конечно имеется в виду очевидная разница между памятниками лапидарной эпиграфики и неофициальными надписями². И та, и другая группы источников широко представлены в эпиграфике Античности, в то время как известные столь же краткие и выразительные источники Древней Руси до XV в. крайне малочисленны. Можно предположить, что довольно продолжительное время неофициальные храмовые граффити несли те же мнематические функции, которые затем передались монументальной эпиграфике, получившим широкое распространение с XV–XVI вв.

Выделение отдельной большой группы памятных надписей среди числа восточнославянских граффити характерно для многих предложенных эпиграфистами классификаций храмовых граффити³. Среди имеющихся в настоящее время типологий наиболее удачным кажется вариант С. Франклина, который разграничил следующие подвиды памятных надписей: надписи о смертях; надписи о прочих исторических событиях; надписи,

¹ Доклад А.А. Гиппиуса «К прагматике храмовой эпиграфики домонгольской Руси», прочитанный на Втором круглом столе памяти Аркадия Анатольевича Молчанова «*Silentium aurum est*». Появление письменности и ранние функции письма (древность и средневековье). 26–27 февраля 2018 г. ИВИ РАН, ГАУГН.

² Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 15.

³ См., напр.: *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. С. 9; *Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. 1: Приділ св. Георгія Великомученика. Київ, 2010. С. 355–356; *Калечыц І.Л.* Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск, 2011. С. 28–29; *Gippius A.A., Krivko R.N., Mikheev S.M.* Early Slavic Epigraphy // *Handbook of Epigraphic Cultures*. Berlin, 2024 (in print); и др.

фиксирующие сделки¹. После введения в научный оборот находок последних лет и пересмотра прочтений уже известных храмовых граффити, на мой взгляд, это предложение можно уточнить. И в таком случае в большой группе памятных храмовых граффити можно выделить следующие подгруппы: поминальные надписи²; надписи с историописной прагматикой³; надписи деловой тематики⁴; надписи о частных событиях. В рамках данной работы хотелось бы подробнее остановиться на последней из названных подгрупп.

Записи о частных событиях сообщают данные, связанные с повседневной жизнью прихожан и клириков храмов. Как и граффити с историописной прагматикой, они фиксируют какие-либо события, но малого масштаба, связанные с социумом духовенства и прихода храма. Например, сразу две надписи из комплекса источников храмовой эпиграфики посвящены женитьбе. В Новгородской Софии это «С(н)ѣр(а) сѧ ожениле а поѧл[е] Стръенѣж-н[ѣ] Бъ емоу помози» ('Снура женился, а взял в жены дочь Строинега. Бог ему помоги!')⁵ (надпись из-

¹ Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси: (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. С. 135–136.

² Дробышева М.М. О специфике древнерусских поминальных граффити // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции. Новосибирск, 2022. С. 18–26.

³ О некоторых из этих надписей: Дробышева М.М. Летописные надписи-граффити Киевского Софийского собора (XI–XII вв.) как форма историописания // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 706–724.

⁴ Дробышева М. М. Деловая тематика в древнерусских надписях-граффити [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Вып. 6(92). URL: <https://history.jes.su/S207987840010063-8-1> (Дата обращения: 02.02.2024).

⁵ Щепкин В.Н. Новгородские надписи graffiti // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1902. Т. 19, вып. 3. С. 31; Мединцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978. С. 88; Гиппиус А.А., Михеев С.М. О подготовке Свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации. М., 2013. С. 164, примеч. 12; Gippius A.A.

вестна по слепку В.В. Суслова; датировка надписи, вероятно, — вторая половина XI в.). В церкви Спаса на Нередице более поздняя (конец XIV — начало XV в.) надпись сообщает о женитьбе Хомута на дочери Андрея («Хомуть оженильсѧ Ондрьєю мон[о]га лѧта»)¹. В других надписях из Софии Новгородской сообщается о рукоположении клириков собора, например, «Стефана ставили на в[ъ]рьбъницѧ падѧкъмъ аминь»² или «-- [л]ѧкошѧ [ста]вили четвѣртѧ недѣлю [п](о) [В]ѣздвижен[и]»³.

Клирик Завид в церкви Благовещения на Городище оставил глаголическую надпись, сообщающей о том, что он сюда «водиль ... дѧкы»⁴, а в еще одной софийской надписи сообщается о пожаре, случившемся в доме некоего Даяты в шестой день поста⁵. В лестничной башне этого же собора была обнаружена надпись XII в. «Радѣе Хотѣе Сновиде Витомире испили лагѣвицю съде а Жгриньмъ повелѣнием[ъ] да блѣгослови и Бѣ оже ны вѣда а емоу Бѣ вѣдаи сѣсание вѣч[ъ]н[о](-)», в которой

‘Contextualized Writings’ in Old Novgorod: Birchbark Documents and Graffiti-Inscriptions in Comparative Overview // ‘Vergesellschaftete Schriften’. Beiträge zum internationalen Workshop der Arbeitsgruppe 11 am Sonderforschungsbereich 933 Materiale Textkulturen, Heidelberg 15.–16. März 2017 (Philippika 128). S. 184.

¹ *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. С. 79–80; *Она же.* Граффити в церкви Спаса на Нередице в Новгороде (материалы к Своду древнерусских надписей-граффити Новгорода Великого) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 9. История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. М., 2016. С. 164.

² *Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 2(44). С. 56–57; *Михеев С.М.* Софии Святой собор в Великом Новгороде: [раздел] Граффити // Православная энциклопедия. Т. 65: Соловьев — ставропекта. М., 2022. С. 145.

³ *Михеев С.М.* Вѣлькоша и Николаось: о двух трудночитаемых надписях из Софии Новгородской // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. IX: История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. М., 2016. С. 171–174.

⁴ *Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 48–49; *Они же.* Древнерусские глаголические надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода: № 30–55 // Slovo. 2022. Т. 72. № 1. С. 68–69.

⁵ *Gippius A.A.* ‘Contextualized Writings’ in Old Novgorod: Birchbark Documents and Graffiti-Inscriptions in Comparative Overview. S. 185.

зафиксирован факт коллективной трапезы с испитием из сосуда-лагвицы, выполненной Радком, Хотком, Сновидом и Витомиром по указанию Угринца¹. Смысл этого ритуала не вполне ясен, но определенно он был сделан перед началом какого-то ответственного общего дела, инициированного Угрином, удостоившегося в надписи молитвенного благопожелания со стороны исполнителей его наказов.

На южном фасаде черниговской Спасо-Преображенской церкви на высоте 2,8 м от поверхности земли средневекового времени была обнаружена крупная надпись длиной 1,1–1,15 м, в которой сообщается, что 23 апреля поп Илья у себя дома обедал пирогами². Согласно уточненному прочтению Т.А. Бобровского («мѣа априла оу кѣ днь (w)бѣдалъ Ільа п(ъ)[пъ на с](т)го Юрьа оу себе дом[а] на клѣти(щ)[е и] ()лъ пироги бѣ[са] (и)ма п[остъ]ныи гла](д)ъ оунима(ю)[чи]»), в граффито засвидетельствован акт чревоугодия попа Ильи, не дождавшегося окончания Великого поста. Эта надпись, датирующаяся серединой XIV в., раньше располагалась на стене пристройки, разрушенной позднее, и в момент создания находилась внутри помещения, скорее всего использовавшегося только духовенством³. Такая запись на стене храма вряд ли была сделана ради собственно фиксации подробностей обеда попа Ильи, а скорее являлась записью проступка священнослужителя, сделанная как нравственно-исправительная мера.

Ряд надписей с сообщениями о частных событиях в жизни служителей и посетителей храма явно имеют шуточный характер, смешанный с неодобрением. Известно граффито из Новгородской Софии, в котором содержится насмешка над уснувшим

¹ *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 97–100; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 342–343.

² *Німчук В.В.* Початки літературних мов Київської Русі // Мовознавство. 1982. № 2(92). С. 23; *Висоцький С.О.* Епіграфічна знахідка з Чернігова // Археологія. 1984. № 48. С. 92–96; *Подлевський С.* Графіті Чернігова у соціокультурному просторі X–XVII ст. Чернівці, 2018. С. 64–68.

³ *Бобровский Т.* Дещо з приватного життя чернігівського попа Іллі (новий погляд на стародавнє графіто зі Спасо-Преображенського собору у Чернігові) // *Ruthenica*. Т. XVI. Київ, 2020. С. 62–74.

(вероятно, во время службы) Якимом — «Акиме стоа оусъне а рѣта и о камень не ростепе» ('Яким стоя уснет, а рта и об камень не расшибет')¹. Киевская софийская надпись № 123 имеет своеобразную историю прочтений. Первым обнаружил ее на северной стене апсиды Михайловского придела Б.А. Рыбаков и посчитал написанные в одну строку «Коузьма пороса» шуточным сравнением². Позже, уже после окончания реставрационных работ в этой части храма, С.А. Высоцкий нашел первую строку надписи, написанную той же рукой и состоящую из одного слова — «попаше». Обратившись к «Словарю древнего славянского языка, составленного по Остромирову Евангелию» исследователь посчитал, что встреченное в надписи «попаше» является глаголом, производным от церковно-славянского *попаша* ('стравление', 'съедание')³, а само граффито надо интерпретировать как покаяние Кузьмы из-за съеденного им в пост поросенка⁴. В.В. Корниенко предположил, что «попаше» несет смысловую нагрузку порчи чего-либо, необязательно путем стравливания. При этом им было отмечено, что последнее слово надо читать как «пороса», а в целом исследователь в надписи видел сообщение о том, что Кузьма во время какого-то действия что-то испортил⁵. Царапина на штукатурке, прошедшая по касательной у второй *о* в слове «пороса», действительно делает ее похожей на *а*, но в том, что этот символ надо интерпретировать именно как *о* несомненен — достаточно взглянуть на другие *а* в данной надписи. Поэтому объектом действия Кузьмы все же является поросенок. Смысл же этого действия неясен, поскольку глагольная форма «попаше» неизвестна по другим историче-

¹ Мединцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. С. 91; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. С. 279; Михеев С.М. Софии Святой собор в Великом Новгороде: [раздел] Граффити. С. 147.

² Рыбаков Б.А. Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. 1947. Вип. 1. С. 56, примеч. 6.

³ Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию, Ф. Миклошичу, А.Х. Востокову, Я.И. Берендинову и И.С. Кочетову. СПб., 1899. С. 606.

⁴ Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976. С. 45.

⁵ Корниенко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. 6: Приділ архангела Михаїла. Київ, 2015. С. 90.

ским источникам. Наиболее логичным кажется предположение составителей «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)», посчитавших, что в нормализованном виде данное слово должно выглядеть как «попасе» (от *попасти*), а речь в данном случае должна идти о значении ‘пасти некоторое время’¹. Почему такое будничное событие стало причиной появления граффито в апсиде храма, можно только догадываться. Вероятно, контекст надписи куда более глубокий, чем мы можем в данный момент предполагать.

В новгородской церкви Феодора Стратилата на Ручью одна из надписей конца XIV — начала XV в. содержит жалобу на Асава, избившего автора граффито во время совместного возвращения с торгова — «(А)саве с(- мн)ою шле ис торгу збиле мене а запсль»². Большой монументальностью обладает граффито из уничтоженной в середине XIX в. Никольской пещеры, в которой рядом с местом погребения печерника Ивана вероятно им самим еще при жизни была сделана надпись «Івано грѣшныи седе жилъ ієсть»³, перфект в которой подчеркивает, что именно здесь жил монах, у своего (будущего) места погребения⁴. А в Гнилецких пещерах присутствует надпись, в которой отмечился другой печерник — «...ходилъ Симънь ч(ѣ)рнецъ»⁵.

Выделение среди большой группы памятных надписей подгруппы граффити, сообщающих о частных событиях, кажется логичным при разработке классификации памятников храмо-

¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 7. М., 2004. С. 188.

² Рождественская Т.В. Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью // Царевская Т.Ю. Роспись Церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М., 2007. С. 343.

³ Сементовский Н.М. Киев, его святыни, древности, достопамятности и сведения, необходимые для его почитателей и путешественников. Киев, 1864. С. 168–170; Закревский Н. Описание Киева. М., 1868. Т. 2. С. 710–713, л. 12; Срезневский И.И. Пещера Ивана Грешного и Феофила // Известия

Императорского археологического общества. Т. II, вып. I. СПб., 1859. Стб. 1–7.

⁴ Доклад М.М. Дробышевой и Д.В. Сичинавы «Об утраченных древнерусских надписях с территории Украины» на конференции «Историко-филологические чтения — 2023», 3–4 августа 2023 г., г. Великий Новгород.

⁵ Бобровський Т.А. Підземні споруди Києва від найдавніших часів до середини XIX ст. (спелео-археологічний нарис). Київ, 2007. С. 55.

вой эпиграфики, но нельзя не отметить, что при оценке масштаба описанного в источнике события проявляется некоторая субъективность составителя. К частным событиям так логично отнести сведения о поставлении в дьяки, в то время как аналогичные тексты с сообщениями о поставлении новых митрополитов (например, надпись из Киевской Софии № 7 «мѣца априла в ѿ днѣ поставлено бы^ѣ влдѣка» (XI в.)¹) уже причисляются к надписям с историописной прагматикой. В любом случае, все обозначенные надписи несут памятную, мнематическую функцию вне зависимости от их содержания.

Приведенные в статье примеры не исчерпывают весь комплекс подобных граффити, но необходимо отметить крайнюю немногочисленность записей о частных событиях на фоне общего числа молитвенных и поминальных храмовых граффити, что косвенно свидетельствует о проявлении скромности авторов надписей или же следование негласному кодексу, согласно которому в первую очередь на стенах церквей следует оставлять разного рода молитвенные обращения или поминальные записи, а потом уже — сообщения о случившихся с ними или их близкими событиях. Практика нанесения на стены храмов записей о свадьбах или посвящении в сан могла нести и благопожелательный характер, в то время как граффити, сообщающие о разного рода неприятностях, могли делаться из публичных целей и ради заступничества высших сил. Среди приведенных в статье надписей есть и граффити, определенно имеющие шуточный характер. Так или иначе все подобного рода памятники храмовой эпиграфики являются ценным источником для детализации особенностей повседневной жизни в Древней Руси.

Бібліографія

Бобровський Т. Дещо з приватного життя чернігівського попа Іллі (новий погляд на стародавнє графіто зі Спасо-Преображенського собору у Чернігові) // *Ruthenica*. Т. XVI. Київ, 2020. С. 62–74.

Бобровський Т.А. Підземні споруди Києва від найдавніших часів

¹ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. С. 36–37; *Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Київ, 2011. Ч. 3: Центральна нава. С. 106–107.

- до середины XIX ст. (спелео-археологічний нарис). Київ, 2007. 176 с.
- Висоцький С.О.* Епіграфічна знахідка з Чернігова // *Археологія*. 1984. № 48. С. 92–96.
- Висоцький С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1966. 240 с.
- Висоцький С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976. 456 с.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Древнерусские глаголические надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода: № 30–55 // *Slovo*. 2022. Т. 72. № 1. С. 47–92.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2011. № 2(44). С. 37–57.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международны́й съезд славистов*. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации. М., 2013. С. 152–179.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // *Архитектурная археология*. 2019. № 1. С. 35–54.
- Дробышева М.М.* Деловая тематика в древнерусских надписях-граффити [Электронный ресурс] // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Вып. 6(92). URL: <https://history.jes.su/S207987840010063-8-1> (Дата обращения: 02.02.2024).
- Дробышева М.М.* Летописные надписи-граффити Киевского Софийского собора (XI–XII вв.) как форма историописания // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 706–724.
- Дробышева М.М.* О специфике древнерусских поминальных граффити // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции*. Новосибирск, 2022. С. 18–26.
- Закревский Н.* Описание Киева. М., 1868. Т. 2. 456–951 с., 17 л. черт.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Калечиц І.Л.* Епіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск, 2011. 274 с.

Корнієнко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. 1: Приділ св. Георгія Великомученика. Київ, 2010. 464 с.

Корнієнко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Київ, 2011. Ч. 3: Центральна нава. С. 106–107. 400 с.

Корнієнко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. 6: Приділ архангела Михаїла. Київ, 2015. 464 с.

Медынцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978. 311 с.

Михеев С.М. Вьюшкоша и Николаосъ: о двух трудночитаемых надписях из Софии Новгородской // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. IX: История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. М., 2016. С. 171–178.

Михеев С.М. Софии Святой собор в Великом Новгороде: [раздел] Граффити // Православная энциклопедия. Т. 65: Соловьев — ставропегия. М., 2022. С. 141–154.

Німчук В.В. Початки літературних мов Київської Русі // Мовознавство. 1982. № 2(92). С. 21–31.

Подлевський С. Графіті Чернігова у соціокультурному просторі X–XVII ст. Чернівці, 2018. 304 с.

Рибаков Б.А. Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. 1947. Вип. 1. С. 53–64.

Рождественская Т.В. Граффити в церкви Спаса на Нередице в Новгороде (материалы к Своду древнерусских надписей-граффити Новгорода Великого) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 9. История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. М., 2016. С. 148–170.

Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. 172 с.

Рождественская Т.В. Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью // *Царевская Т.Ю.* Роспись Церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М.: Северный паломник, 2007. С. 339–382.

Сементовский Н.М. Киев, его святыни, древности, достопамятности и сведения, необходимые для его почитателей и путешественников. Киев, 1864. IV, 3–242 с., 3 л. план.

Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию, Ф. Миклошичу, А.Х. Востокову, Я.И. Берединову и И.С. Кочетову. СПб., 1899. 945 с.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т.7. М., 2004. 505 с.

Срезневский И.И. Пещера Ивана Грешного и Феофила // Извест-

тия Императорского археологического общества. Т. II, вып. I. СПб., 1859. Стб. 1–7.

Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. 256 с.

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси: (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. 552 с.

Щепкин В.Н. Новгородские надписи graffiti // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1902. Т. 19, вып. 3. С. 26–46.

Gippius A.A. ‘Contextualized Writings’ in Old Novgorod: Birchbark Documents and Graffiti-Inscriptions in Comparative Overview. // *Vergesellschaftete Schriften*. Beiträge zum internationalen Workshop der Arbeitsgruppe 11 am Sonderforschungsbereich 933 Materiale Textkulturen, Heidelberg 15.–16. März 2017 (Philippika 128), Buch 128. S. 176–190.

Gippius A.A., Krivko R.N., Mikheev S.M. Early Slavic Epigraphy // *Handbook of Epigraphic Cultures*. Berlin, 2024 (in print).

Е.А. Любимова

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Память о Дмитриии Ростовском в Польше, Беларуси и Литве: история и современность

Статья исследует формы сохранения памяти о Дмитриии Ростовском в Польше, Беларуси и Литве — регионах его активной проповеднической, литературной и интеллектуальной деятельности. Основное внимание уделяется анализу влияния пребывания святителя на местную культуру и его собственное творчество. На материале епархиальных периодических изданий (XIX–XX вв.) из Вильнюса, Варшавы, Минска, Могилева и Гродно, а также современных интернет-ресурсов (XXI в.) рассматривается рецепция личности Дмитриия Ростовского и его литературного наследия. Исследование демонстрирует, что мемориальные практики в указанных регионах преимущественно актуализируют факт его пребывания в этих землях и сохраняют внимание к его письменному наследию.

Ключевые слова: Дмитриий Ростовский, Беларусь, Речь Посполитая, епархиальная периодическая печать.

Дмитрий Ростовский (в миру — Данила Саввич Туптало, 1651–1709 гг., канонизирован в 1757 г.) — автор агиографиче-

ской и полемической литературы, проповедник и выдающийся энциклопедист, оставивший после себя богатое текстуальное наследие. Его труды не раз переиздавались прижизненно и посмертно, и попали во внимание исследователей из разных областей науки: истории, филологии, религиоведения и др. Любопытство к биографии святого обусловлено его неординарной и разносторонней личностью, сформировавшейся таким образом благодаря полученному образованию и многочисленным путешествиям.

Жизнь и творческую биографию Дмитрия Ростовского можно разделить на два периода: до и после 1700 года, когда он становится митрополитом Ростовским. В данной статье нас интересует первый период — время, когда писатель часто путешествовал с проповедями из одного города в другой, получая приглашения и все более нарастающее признание в проповедческой среде. В книге «Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.)» русский историк и палеограф XIX века И.А. Шляпкин делит этот период на несколько важных подпериодов, включающих в себя:

1. Пострижение Димитрия и положение тогдашнего духовенства;
2. Посвящение во иеродьякона и иеромонаха;
3. Отъезд в Чернигов и «Руно орошенное»;
4. Поездка в Литву и епископ Феодосий Василевич;
5. Пребывание в Слуцке и положение православия в Литве;
6. Возвращение на родину и жизнь в Батурине;
7. Переселение в Киев и начало Четь-Миней;
8. Присоединение киевской митрополии к московской патриархии;
9. Проповедь в годовщину смерти Гизеля;
10. Вторичное игуменство в Батурине и новый гетман Мазепа.

Этот список позволяет очертить примерную географию передвижений писателя, которая представляла в том числе Речь Посполитую, включающую в себя территории современной Беларуси и Литвы в XVII веке. В исследовательской литературе почти не затрагиваются вопросы о памяти и наследии Дмитрия Ростовского на белорусских, литовских и польских территориях. Ис-

ключением является работа польской исследовательницы О.В. Борисенко «Белорусские чтимые иконы богоматери, связанные происхождением со святым Димитрием Ростовским»¹, в которой она проследила историю восьми таких иконах. Все иконы, согласно статье О.В. Борисенко, объединены преданием о их пожертвовании в местные храмы Дмитрием Ростовским, которое впервые было опубликовано на страницах православных церковных изданий в XIX в., и являются проявлением памяти о святом.

В настоящей статье на основе епархиальной периодической печати Литвы (Вильнюс), Польши (Варшава), Беларуси (Минск, Могилев, Гродно) XIX и XX веков будут рассмотрены попытки возродить и поддерживать память о Дмитрие Ростовском у православного населения этих областей, а также возрождение такой традиции в современном интернет пространстве. Однако, чтобы проследить эти связи, необходимо обратиться к исторической справке — что связывало самого писателя с территориями современной Беларуси, Литвы и Польши?

Итак, в 1675 г. Дмитрий Ростовский был назначен на должность проповедника в Чернигове, где к тому времени сложился центр православной проповеднической и просветительной деятельности, взаимодействовавший с православными монастырями на территории Великого княжества Литовского². В 1677 г. он был приглашен членами братства в Слуцке и прожил в Слуцком Преображенском мужском монастыре с 6 декабря 1677 г. до 29 января 1679 г.³ В этот же период писатель проповедовал и в Новодворском Успенском мужском монастыре в Пинском уезде. Архимандрит Трусковский в Историко-статистическом описании Минской епархии пишет об этом следующее: Путешествие св. Дмитрия Ростовского, бывшего тогда еще иеромонахом, по

¹ Борисенко О.В. Белорусские чтимые иконы богоматери, связанные происхождением со святым Димитрием Ростовским // Волинська ікона: дослідження та реставрація. Науковий збірник. Випуск 28. Матеріали XXVIII міжнародної наукової конференції. Луцьк, 21–22 жовтня 2021 року. Упоряд. Т. Єлісєєва, Є. Ковальчук. Луцьк, 2021. С. 52–61.

² Борисенко О.В. Белорусские чтимые иконы богоматери, связанные происхождением со святым Димитрием Ростовским... С. 52.

³ Трусковский Н. Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб., 1864. С. 120.

нынешней Минской губернии в конце XVII века, с 1677 по 1679 год, в продолжении которого святой инок поклонялся чудотворным иконам, Новодворской и Старчицкой, был при архерейских служениях, крестных ходах, храмовых праздниках, слушал проповедников и сам проповедывал и находил внимательных и благодарных слушателей — служит ясным доказательством тому, что древнее православие в XVII веке являло еще свою силу в нынешней Минской епархии¹.

Это не единственные поездки Дмитрия Ростовского из Чернигова в белорусские и литовские земли, и необходимо отметить, что такие путешествия позволили молодому проповеднику значительно расширить круг своих знакомств, а это, в свою очередь, подразумевало богатый культурный и традиционный обмен. Летом 1677 г. в Новодворе Дмитрий Ростовский познакомился с белорусским епископом Феодосием Василевичем (Баевским), бывшим преподавателем поэтики Киево-Могилянской академии, с епископским проповедником Хоментовским и минским проповедником Петром Паскевичем-Толоконским, ставшим впоследствии архимандритом Виленского Свято-Духовского монастыря. Из Новодвора Дмитрий Ростовский поехал в Вильно с архимандритом Климентом Тризной, прожив три месяца в Свято-Духовском монастыре, где познакомился с монастырским проповедником Ионой Дубинским². Один из главных биографов писателя, И.А. Шляпкин, писал: «Что вынес Димитрий, воротясь из Литвы? Он, конечно, основательно изучил польский язык и польские нравы, обстоятельно познакомился с римско-католическим вероучением, латинопольскими писателями и польскими духовными»³.

Что касается Польши, то действительно, она имела влияние на писателя и с другой стороны — он изучал язык, опирался

¹ Трусковский Н. Историко-статистическое описание... С. 37.

² Жигулин Е.В., Янковская Л.А. Amor triumphans et triumphatus: неизвестная программа спектакля Виленской иезуитской Академии 1682 года. (Из библиотеки св. Дмитрия Ростовского) // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XX. Ростов, 2013. С. 55–59.

³ Шляпкин И.А.Св. Димитрий Ростовский и его время ... 581 с.

на старопольских проповедников в своих проповедях¹, и Жития святых писал, обращаясь к польским *Żywoty świętych* (Жития святых) Петра Скарги².

Важно упомянуть и образование писателя — хотя он и не окончил Киево-Могилянскую академию (в связи с набегом на Киев казацких войск П.Д. Дорошенко), но подобрал оттуда значительный пласт знаний, опирающихся на украино-белорусские традиции.

После смерти писателя текстуальное наследие Дмитрия Ростовского переживает возрождение, работы охватывают все больше внимания в религиозной и народной среде. Это касается и рассматриваемых в статье территорий и особенно четко проявляется в изданиях епархиальной периодической печати территорий Литвы (Вильнюс), Польши (Варшава), Беларуси (Минск, Могилев, Гродно, Полоцк, Витебск). Память о святом проявляется в нескольких направлениях. Сюда входило и простое описание фактических, исторических событий, связанных с биографией писателя: «здесь же поучал православных святитель Димитрий Ростовский»³;

«Скончался в г. Люблине 11 марта 1678 года и погребен в Дятловичском монастыре, Минской спархии, греческим митрополитом Макарием Лигаридом. Надгробное слово при его погребении произнес св. Димитрий Ростовский, бывший тогда иеромонахом и проповедником»⁴;

«Эти два монастыря митр. Варлаам хотел приписать в 1692 г. к архимандриту Крупицкаго монастыря, каковым тогда намеревался поставить Димитрия Туптало; но это не состоялось. С 1694–1697 г. в Глухов. мон. был игуменом Димитрий; здесь он начал постройку каменнаго собора в 1695 г., а освятил в 1697 г. 26 окт. После Димитрия игуменом был Мелетий Тро-

¹ Янковска Л.А. Проповеди краковского каноника Яцека Либериуша как источник сочинений св. Димитрия Ростовского (одна из ошибок И.А. Шляпкина). История и культура Ростовской земли // Материалы конференции 1996 г. Ростов, 1997. С. 148–154.

² Католический теолог, писатель, деятель контрреформации в Речи Посполитой, первый ректор Виленского университета.

³ Литовские епархиальные ведомости (Вильна). 1897. № 38.

⁴ Могилевские епархиальные ведомости (Могилев-на-Днепре). 1887. № 23.

фимович (Чери. сп. изв. 1862 г. стр. 171–174. — Глуховский монастырь)¹. И характерные упоминания: «Варлаам Ясинский, как мы сказали, умел привлечь к себе даровитых молодых людей, покровительствуя им. К таким следует отнести Иоасафа Кроковского, Димитрия Ростовского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и др»².

Часто встречаются побуждения чаще вспоминать о святом и о важности его текстов: «Возможно чаще должно прибегать наше духовенство к небесному водительству святителя Божия Димитрия, бывшего митрополита Ростовского, ища себе в его творениях поддержки и утешения в минуты скорби и огорчений, перазлучных спутников пастырского служения»³;

«Между бесчисленным сонмом угодников киих Св. Димитрий Ростовский особенно должен быть близок нам и задаче нашей жизни»⁴;

«Память о св. Димитрие должна быть жива и в каждой русской семинарии, точно так-же, как в Ростовском училище, где и ныне висит лампада на том самом месте, где он испустил последний вздох»⁵.

Интересным в контексте проявления памяти является предложение вновь продавать его книги по удешевленным ценам. Вероятно, чтобы охватить большее количество читателей: «Что же касается внешних знаков почтения к памяти святителя Димитрия, то, наряду с великолепною сенью к мощам, лампадами, хоругвями, иконами и т. д., которыми, по газетным известиям, в разных городах готовятся почтить святителя, было бы поистине достойно его памяти, благовременно и вместе полезно для дела Церкви собрать капитал на издание и распространение по школам и в народе его ЧетыхМиней, над которыми св. митрополитъ Ростовский трудился, в видах велигиозно-нравственного просвещения русского народа, всю жизнь. Заслуживающая полного сочувствия мысль о такого рода чествовании святого юбиляра «подсказана» была тому же преосв. Никону од-

¹ Литовские епархиальные ведомости (Вильна). 1882. № 3.

² Литовские епархиальные ведомости (Вильна). 1882. № 17.

³ Варшавский епархиальный листок (Варшава). 1908. № 17.

⁴ Холмско-Варшавский епархиальный вестник (Варшава). 1887. № 1.

⁵ Холмско-Варшавский епархиальный вестник (Варшава). 1887. № 1.

ной благочестивой старушкой. Преосвященный предлагает инициативу этого дела взять на себя московскому Братству Воскресения Христова и самое дело организовать на пожертвования частных лиц. Конечно, и такой путь может быть испытан, но почему бы не взять на себя это почтенное дело самой церковной власти и не внести удешевленное издание Четых Миней св. Димитрия Ростовскаго в число книг, выпускаемых синодальными типографиями...»¹ Из этой цитаты также видно, что «знаки почтения памяти» проявлялись не только в призывах на издание книг, но и в ряде других действий.

Помимо тем возрождения и поддержки памяти о святом, в епархиальной периодической печати белорусских, литовских и польских земель встречается и презентация писателя как борца со старообрядческим расколом. В основном это проявляется в продаже его книг именно на эту тематику, но встречаются и характерные реплики: «...по вступлении преосвященного Нила, будущего преемника «раскола искоренителя» (святителя Димитрия ростовскаго)»².

В XX–XXI вв. память о Дмитрии Ростовском продолжает проявляться, и находит себя не только в деятельности церковных учреждений, но и в возрождении храмов, памятных мест, а также на страницах электронных ресурсов. Особенно примечательным становится сайт Слуцкой епархии, а точнее статьи, посвященные Дмитрию Ростовскому. Одна из них посвящена колодецу Дмитрия Ростовскому, который он построил собственноручно, будучи в Спасо-Преображенском монастыре³. Согласно сайту, почти 200 лет колодец сохранялся как памятник пребывания в Слуцке Дмитрия Ростовского, но во второй половине XIX столетия его по какой-то причине засыпали и забыли о нем. Однако к 200-летию со дня смерти писателя 28 октября 1909 года колодец запланировали восстановить. В том же году ко

¹ Гродненские епархиальные ведомости (Гродно). 1909. № 45/46.

² Минские епархиальные ведомости (Минск). 1874. № 15.

³ Колодец святителя Димитрия Ростовского в Слуцке [Электронный ресурс] // Слуцкая епархия белорусской православной церкви. 30.03.2022. URL: <https://sluck-eparchiya.by/2022/03/30/kolodecz-svyatitelya-dimitriya-rostovskogo-v-sluczke/> (дата обращения: 01.05.2024).

дню памяти святого братство Животворящего Креста Господня¹ издало небольшую брошюру «200-летие со дня смерти великого подвижника и молитвенника земли русской св. Димитрия Ростовского». В Слуцке священник Феодор Вечерко организовал по случаю юбилея особые торжества, кроме того, он известен как автор брошюры «Св. Димитрий Ростовский и пребывание его в г. Слуцке».

На сайте Слуцкой епархии также имеется отдельная статья, посвященная Димитрию Ростовскому, в которой, прежде всего, делается акцент на его пребывание в Слуцке². В добавление к прочему, согласно сайту Слуцкой епархии, в 1992 году Минский облисполком выдал приходскому совету свидетельство о регистрации православной общины в честь святителя Димитрия Ростовского Минской епархии Московского Патриархата, отремонтировано и реконструировано здание храма святителя Димитрия Ростовского в д. Долгое³.

Еще одним возрождением памяти о писателе в виде храма является церковь в деревне Михановичи в Минской области. В сентябре 2002 г. был организован приход в честь свт. Димитрия Ростовского, который стал преемником двух церквей: Крестовоздвиженской в д. Михановичи и Свято-Покровской в д. Острова. Таким образом, оба поселка вошли в новый приход. 10 ноября 2009 года, в день 300-летия преставления свт. Димитрия Ростовского, благочинный о. Борис Пташинский заложил капсулу и освятил фундамент строящегося храма. 26 сентября 2010 года был освящен и воздвигнут на купол церкви крест, а начи-

¹ В 1907 году в Минске было основано православное народное братство во имя Животворящего Креста Господня. Со временем оно стало разрастаться и во многих местах появились его отделы, в том числе и в Слуцке. Местный отдел братства возглавил слущкий благочинный — священник Феодор Вечерко. Именно он в 1909 году подал идею о возрождении колодца святителя Димитрия Ростовского.

² Святитель Димитрий Ростовский [Электронный ресурс] // Слуцкая епархия белорусской православной церкви. URL: <https://sluck-eparchiya.by/svyatitel-dimitrij-rostovskij/> (дата обращения: 01.05.2024).

³ Храм святителя Димитрия Ростовского д. Долгое [Электронный ресурс] // Слуцкая епархия белорусской православной церкви. URL: <https://sluck-eparchiya.by/hram-svyatitelya-dimitriya-rostovskogo-d-dolgoe/> (дата обращения: 01.05.2024).

ная с Пасхи 2011 года богослужения стали совершаться в новом храме¹.

Проявления памяти о Дмитрие Ростовском в Беларуси не ограничиваются постройками, но также находят себя и через его текстуальное наследие. Один из самых известных трудов Дмитрия Ростовского — Книга житий святых, включает в себя ряд житий белорусских святых. Как пишет О.В. Борисенко в своей статье, в *«некоторых белорусских храмах до сих пор во время богослужения читаются отрывки из житий святых, память которых выпадает на день из Четьих-Миней»*².

На сайте Государственного реестра книжных памятников Беларуси имеется статья об издании книги Житий святых как источника памяти о Дмитрие Ростовском и его пребывании на белорусских землях: «в Реестр одним из первых был добавлен ценный белорусский книжный памятник — Жития святых (Могилев: Братская типография, 1702) известного церковного деятеля, писателя, оратора святителя Димитрия Ростовского (1651–1709). Особенностью данного издания является наличие на титульном листе гравюры г. Могилева, что важно для ценителей и исследователей истории Беларуси»³.

Характеристики личности Дмитрия Ростовского представлены и на польских сайтах. Так, польский сайт, посвященный православию, пишет биографическую статью о писателе, упоминая о том, что его культ выходит далеко за пределы России⁴. Статья уже на другом польском сайте рассказывает о борьбе Дмитрия Ростовского с латинской ересью и описывает время его

¹ Михановичи. Церковь Дмитрия Ростовского [Электронный ресурс] // Соборы.ру. народный каталог православной архитектуры. URL: <https://sobory.ru/article/?object=55247> (дата обращения: 01.05.2024).

² Борисенко О.В. Белорусские чтимые иконы богоматери, связанные происхождением со святым Димитрием Ростовским... С. 52.

³ Государственный реестр книжных памятников Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://kp.nlb.by/ru/news/magileuskae-vydanne-1702-goda-zhytciia-sviatykh-dzmitryia-rastouskaga> (дата обращения: 01.05.2024).

⁴ Dymitr, metropolita Rostowa (1709) [Электронный ресурс] // Cerkiew.pl. URL: <https://cerkiew.pl/swieci/dymitr-metropolita-rostowa-1709-1695> (дата обращения: 01.05.2024).

путешествий¹.

Мемориальные практики, связанные с Дмитрием Ростовским в Польше, Беларуси и Литве, преимущественно акцентируют его пребывание в этих регионах и культурно-просветительскую деятельность. В епархиальной периодике центральное место занимает риторика «воспоминания» о святителе. В XX–XXI веках формируются новые формы коммеморации: создаются общественные объединения и цифровые ресурсы, реконструируются храмы, что способствует сохранению материальных и духовных маркеров его наследия. Примечательно, что в исследуемых источниках практически не отражен факт активного использования Дмитрием Ростовским зарубежных богословских трудов, а его обращения к латинской традиции интерпретируются исключительно как ознакомительный опыт.

Библиография

Борисенко О.В. Белорусские чтимые иконы богоматери, связанные происхождением со святым Димитрием Ростовским // Волинська ікона: дослідження та реставрація. Науковий збірник. Випуск 28. Матеріали XXVIII міжнародної наукової конференції, м. Луцьк, 21–22 жовтня 2021 року. Упоряд. Т. Єлісєєва, Є. Ковальчук. Луцьк, 2021. С. 52–61.

Жигулин Е.В., Янковская Л.А. Amor triumphans et triumphatus: неизвестная программа спектакля Виленской иезуитской Академии 1682 года. (Из библиотеки св. Димитрия Ростовского) // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XX. Ростов, 2013. С. 55–59.

Янковская Л.А. Проповеди краковского каноника Яцека Либеруша как источник сочинений св. Димитрия Ростовского (одна из ошибок И.А. Шляпкина). История и культура Ростовской земли // Материалы конференции 1996 г. Ростов, 1997. С. 148–154.

Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб.: Тип. и хромофотография А. Траншель, 1891. 581 с.

Трусовский Н. Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб.: Тип. духовного журнала «Странник», 1864. 315 с.

¹ Biskup Rosyjskiego Kościoła Dimitry w Rostowie: biografia i fakty z życia [Электронный ресурс] // ERCH2014. URL: <https://pl.ersch2014.com/duhovnoe-razvitiie/27054-episkop-russkoy-cerkvi-dimitriy-rostovskiy-biografiya-i-fakty-iz-zhizni.html> (дата обращения: 01.05.2024).

Г.А. Бурцев
*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Военные юбилеи начала XX века в Западной Сибири: региональные проявления имперской политики памяти

Статья посвящена исследованию юбилеев значимых военных событий в русской истории и их воплощение в празднованиях на территории Западной Сибири и Томской губернии в частности в начале XX века. Важнейшими событиями в данном исследовании выступают празднование 200-летия Полтавской битвы и 100-летия Отечественной войны 1812 года. На основе структуризации, анализа архивных источников и периодической печати определены как традиционные сценарии празднования, так и основные сюжеты, объясняющие значение данных военных событий для истории страны. Рассматривается проблема осознанности действий властей в Российской империи по регулированию коллективных представлений о данных исторических событиях и возможностях по данному регулированию. Сделан вывод о применимости понятия «политика памяти» к проводимым в начале XX века юбилеям.

Ключевые слова: юбилей, Полтавская битва, Отечественная война 1812 года, Томская губерния, политика памяти, историческая память

Сохранение исторической памяти представляет собой ключевой элемент идеологической основы государства. Коллективная память обеспечивает механизм социальной самоидентификации через феномен «переживания истории». В этом контексте Российская империя и ее городское пространство образуют важное исследовательское поле. К концу XIX столетия в российском обществе сформировался комплекс мемориальных практик, связанных с коммеморацией значимых исторических событий, отмечавшихся по всей стране, включая сибирские города.

Свое место занимала и память о войнах, которые на протяжении своей истории вела Россия. Память о военных событиях получала распространение и включалась в культурное пространство при помощи различных акторов. Следует отметить, что коммеморативные практики войн Российской империи в

сибирских городах — достаточно актуальная проблематика. В современной исторической науке данная область хорошо развивается специалистами. Существует большое количество источников, в том числе в оцифрованном виде, по которым можно реконструировать искомые коммеморативные практики. Однако существует дискуссионный вопрос о принадлежности действий властей Российской империи по увековечиванию событий военной истории к «политике памяти», ее осознанному проведению.

В анализе историографии данного вопроса, прежде всего, следует отметить работы авторов, таких как К. Олик и Дж. Толлибек. Ими в разное время были рассмотрены вопросы социальной памяти и коммеморации с начала XX века. Другой исследователь, Р.С. Уортман, исследовал мифологическую составляющую русской монархии. И.С. Огоновская посвятила статью военно-коммеморативным практикам, где ею были классифицированы основные акты коммеморации, начиная с поминальных актов и заканчивая художественными коммеморациями. Большое значение в сфере военно-мемориальных практик имеют работы О.В. Гефнер. Немало работ исследователя посвящены роли военных традиций и военного фактора в формировании культурного пространства городов Западной Сибири конца XIX и начала XX века, прежде всего — Омска. В.А. Скубневский рассматривал в своих работах праздничную культуру в Барнауле. Студенческие работы также исследуют эти аспекты проблемы. Так, статья М.И. Болтик посвящена практикам памяти о Отечественной войне 1812 года в Томске.

Для объяснения термина «политика памяти» часто используется формулировка А.И. Миллера, данная в статье «Россия: власть и история». Под политикой памяти им подразумеваются различные общественные нормы и практики, связанные с регулированием коллективной памяти: коммеморация (сооружение памятников и музеев, празднование на государственном или местном уровне определенных значимых событий); акцентирование внимания на одних сюжетах истории и замалчивание или маргинализация других¹. Понятие исторического нарратива

¹ Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 3–4. С. 8.

заимствовано из работы Е.В. Мишаловой «Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания». Согласно данному подходу, исторический нарратив представляет собой повествование как форму организации и репрезентации исторического знания при помощи текста¹. Понятие коммеморативной практики взято из работы И.С. Огоновской. Исходя из представленных ей концепций, коммеморация — это сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого; совокупность публичных актов их «вспоминания», осмысления и переосмысления в современном контексте².

В текстах, посвященных военной истории России, встречается много именно нарративного содержания, то есть повествования, связывающего эпохи и показывающего развитие. Полтавская битва и Северная война в целом, Отечественная война 1812 года — все эти события показаны как имеющие исключительное историческое значение. Полтавская битва, по мнению исследователей дореволюционного периода, «начала новую историю» России³. В этом сражении была создана новая русская армия, армия, способная побеждать. Русский солдат был проникнут любовью к Богу, царю и Родине, проявилась осознанность и настоящий патриотизм⁴. Во время Отечественной войны 1812 года, по мнению исследователей начала XX века, вся Россия сплотилась вокруг императора⁵. При этом страдания народа выражены в двух аспектах — жертвенности через взятие Наполеоном Москвы с последующим пожаром и преданности Родине и царю через действия партизан. Именно данные сюжеты, помимо Бородинской битвы, стали основными и в кинофильме

¹ Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31. № 1. С. 158.

² Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. 2021. С. 237.

³ Полтавский сборник: в память 200-летия Полтавской победы / Издание Управления СПб. учебного округа. СПб.: Сенатская тип. 1909. С. 101.

⁴ Сибирские отголоски. 1909. 1 июля.

⁵ Богданович Е.В. 1812 год: с прил. / Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг. 1912. С. 11.

«1812 год», выпущенном в честь юбилея¹.

Большое значение в представлениях о военных событиях отводилось конкретным личностям участников. Прежде всего, возвышалась роль императора как полководца, дипломата, воина. Именно поэтому при упоминании боевых действий вспоминались правители, принимавшие в них то или иное участие. Для императорской России такими государями были Петр I и Александр I. Так, во время чтений, посвященных Полтавской битве в Томском Алексеевском реальном училище, при объяснении первостепенности значения сражения преподаватели ставили Петру Первому в заслугу спасение «жизни своей державы» от короля Швеции Карла XII². Образ императора Александра I выстраивался на иных началах. Как уже было ранее указано, образ императора здесь предполагал не заботу о подданных, а сосредоточение любви и преданности. Во время празднований неоднократно подчеркивалось, что «Русский народ настолько крепко любил своего Монарха и свою Родину, что такая тяжелая война была нипочем»³. Здесь старались проводить параллели с Николаем II, показывая необходимость сплочения народа вокруг царя.

Сама подготовка к празднованиям юбилеев военной истории страны велась несколько лет. К осени 1908 года была создана специальная Междуведомственная комиссия по подготовке празднования 200-летия Полтавской битвы, которая смогла объединить возможности различных ведомств и выработать такую программу празднования для Санкт-Петербурга и Полтавы. При этом программа предусматривала и общероссийские действия, в частности, «во всех войсковых частях нижние чины должны быть ознакомлены со значением празднуемого события путем бесед и чтений»⁴. Были обязательны к проведению литургии, молебны, парады. В остальном местные власти и организации были вольны в своих действиях.

¹ Грищенко А.Б. Фильм «1812 год» в парадигме компаративного анализа (к 110-летию фильма и 210-летию войны) // Культура Беларуси: реалии современности... Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств. 2022. С. 77–78.

² Сибирские отголоски. 1909. 26 апреля.

³ Томский вестник. 1912. 19 сентября.

⁴ Киевлянин. 1909. 30 мая.

Сама Томская губерния также готовилась к празднованию. В Томске подготовка к юбилею началась с учебных заведений. Еще в январе 1909 года Попечителю Западно-Сибирского учебного округа Л.А. Лаврентьеву поступили просьба из Министерства народного просвещения о необходимости ознакомления учащихся со значением Полтавской битвы посредством чтений и ученических вечеров¹. В частности, совещание томских городских приходских училищ предложило организовать, помимо чтений, раздачу брошюр и развлечения: гуляние на пароходе или прогулки за городом с играми². Еще в апреле 1909 года «Томские епархиальные ведомости» сообщили об обязательном проведении во всех храмах в день празднования торжественных литургий с заупокойной молитвой «с поминовением Императора Петра Первого и всех павших в Полтавском бою вождей и воинов» и поучительной речью³. Накануне празднования в Томске сообщили о литургии и молебне в Троицком кафедральном соборе. Горожанам предлагалось украсить свои дома флагами и иллюминацией⁴. На торжественном богослужении присутствовали губернатор Томской губернии Николай Львович Гондатти, а также представители правительственных и общественных учреждений города. Был произведен парад расположенными в Томске частям войск 42-го Сибирского пехотного полка⁵. Военный парад вновь должен был напомнить участникам торжеств о роли и значении монарха, поддерживаемого армией⁶. Через несколько дней после торжественных богослужений и парада началась неофициальные части празднования. 29 июня в летнем театре сада «Буфф» состоялся спектакль — драма «Петр Великий». В самом саду были проведены народные гуляния⁷.

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2470. Л. 2.

² ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2470. Л. 10–13.

³ Томские епархиальные ведомости. 1909. 1–15 апреля.

⁴ Сибирская жизнь. 1909. 26 июня.

⁵ Сибирская жизнь. 1909. 28 июня.

⁶ *Гефнер О.В.* Военные парады в общественной и культурной жизни городов Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2(6).

⁷ Сибирские отголоски. 1909. 27 июня.

Проводились празднования и в других городах губернии. Одними из наиболее проработанных стали торжества в Барнауле. В учебных заведениях, также как и в Томске, были подготовлены торжественные акты. В то же время в конце весны 1909 года Барнаульская городская Дума приняла постановление, посвященное 200-летию юбилею Полтавской битвы. Был начат сбор капитала на устройство в Барнауле низшего технического училища, которому должно было быть присвоено имя Петра Великого. Похожие на томские и барнаульские торжественные акты были проведены в Мариинской женской прогимназии, Казинском и Кузнецком городском училище¹. В то же время мероприятия, которые не были согласованы с местной администрацией, пресекались. Так, в Колывани случился инцидент: руководство местного четырехклассного училища после литературного утра предложило учащимся загородную прогулку с песнями, играми и угощениями. Однако попытка построить учащихся в колонны и пение патриотических песен в городе были расценены местным заведующим полицией как незаконное шествие. Учащихся сопроводили под конвоем городских до последней улицы города, и только тогда позволили продолжить запланированные действия².

Празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года имело свои особенности и сходства с предыдущим юбилеем. Разработка празднования следующего всероссийского военного юбилея вновь началась с распоряжения императора Николая II о праздновании и создания Междуведомственной комиссии. Все так же была разработана программа торжеств, которые должны были пройти в Москве, Санкт-Петербурге и на Бородинском поле. Впервые на мероприятия были приглашены иностранцы: в Бородинских торжествах принимала участие французская делегация. Еще более уникальным явлением стало приглашение ветеранов и очевидцев войны и оказание им почестей именно как ветеранам войн.

Томская губерния также получила распоряжение по проведению юбилея. Помимо министерства народного просвещения

¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2470. Л. 34, 74–75.

² Сибирская жизнь. 1909. 12 мая.

и Священного Синода, для празднования данного юбилея к администрации региона обратилось Министерство внутренних дел. В число предложений от Министерства народного просвещения теперь были включены не только ученические вечера и различные виды художественной самодеятельности, но и связанные с требованиями Синода всенощные бдения перед днем празднования, а в день юбилея — обязательное участие в молебнах¹. Устанавливался вполне четкий сценарий празднования для всех низших и средних учебных заведений. МВД еще в мае 1812 года указало на важность именно чтений с наглядными способами повествования — картинами, «волшебным фонарем» или кинематографом. Все центральные учреждения предлагали участие в мероприятиях «потешных рот» — отрядов учащихся со специальной военно-патриотической подготовкой². Местные организации также начали проявлять инициативу по участию в праздновании. Так, Императорский Томский университет предложил программу празднования, включавший в себя богослужение в университетской церкви, торжественное заседание ученого Совета и выставку предметов, посвященных Наполеоновской эпохе. Городская исполнительная комиссия по благотворительности подготовила программу празднования в своей богадельне³. Губернский совет «Союза русского народа» выдвинул предложение об устройстве патриотического шествия или крестного хода от кафедрального собора к Иверской часовне и обратно⁴. Официальными мероприятиями стали торжественные богослужения на Соборной площади, крестный ход от часовни Иверской иконы Божией Матери и парад войск.⁵ В параде войск участвовали как местный 42-й Сибирский пехотный полк, так и Добровольное Пожарное общество и «потешные» от Алексеевского реального училища. Также были проведены народные гуляния в Городском саду, Лагерном саду и на Губкинской заим-

¹ ГАТО. Ф.102. Оп.1. Д.502. Л.7.

² Гефнер О.В. Военные и патриотическое воспитание молодежи в начале XX в.: «Потешное» движение в городах Западной Сибири // Вестник ОмГУ. 2010. № 2.

³ Сибирская жизнь. 1912. 22 августа.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 134. Л. 108.

⁵ Томский вестник. 1912. 21 августа.

ке¹. Среди неофициальных мероприятий следует отметить чтения, устроенные Никольским обществом трезвости, спектакли в саду «Буфф» и Бесплатной библиотеке².

Другие города Томской губернии также следовали требованиям по проведению празднований. Барнаульская городская Дума в июле ассигновала на проведение торжественных мероприятий 500 руб. За день до празднования, 25 августа, Городская управа опубликовала предполагаемый порядок празднования³. Программа празднования была схожа с юбилейными торжествами в Томске. Центральными местами празднования Петропавловский собор, Полковая площадь и Школьный сад. У собора была проведена литургия и молебен, от него до площади был проведен крестный ход. Полковая площадь, как и Соборная площадь Томска, стала местом сбора представителей правительственных и общественных учреждений, учащихся учебных заведений и местного Барнаульского полка. Далее был назначен парад войск и вечернее гуляние в Школьном саду. Довольно масштабными стали торжества и в Кузнецке. Исходя из отчета Кузнецкого уездного съезда губернатору, программа празднования в городе также была сходна с губернским городом. В местном Спасо-Преображенском соборе провели службы, а на улицах города провели парад с участием Вольно-пожарного общества и местной воинской команды⁴. Состоялось торжественное заседание уездного съезда, а вечером были проведены солдатские игры. Но, пожалуй, главным отличительным моментом празднования стало торжественное шествие к могиле ветерана Отечественной войны 1812 года — гусарского майора Александра Григорьевича Меретьева⁵. Каинск встретил столетний юбилей церковными службами, поучениями от священников, народными чтениями и фейерверком в город-

¹ Болтик М.И. Столетний юбилей Отечественной войны 1812 года на страницах томских периодических изданий // Вестник ТГУ. История. 2012. № 4(20).

² Сибирская жизнь. 1912. 23 августа.

³ Жизнь Алтая. 1912. 25 августа.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6714. Л. 33.

⁵ Лизогуб П.П. Герой Бородинского сражения — кузнецанин А.Г. Меретеев // Из Кузнецкой старины. Новокузнецк: ООО «Полиграфист». 2010. Вып. 1. С. 110.

ском саду. Были приобретены и розданы брошюры, а в местном синематографе демонстрировалась уже неоднократно упомянутая картина «1812 год»¹. Чтения и службы прошли и в местной Александровской школе маслоделия². В то же время Бийск, Колывань и Мариинск не отметились какими-либо торжествами, кроме богослужений³. Из существовавших безуездных городов Томской губернии в информационном поле отметился только Новониколаевск. Центром официальных торжеств в нем стал вокзал станции «Обь» и Вокзальная церковь. В связи с приходом большого количества горожан богослужение проводилось на площади перед церковью⁴.

В то же время данные мемориальные практики имеют много общих черт с традиционными для Российской империи религиозными и государственными праздниками⁵. Религиозные праздники, такие как Рождество, Сырная неделя (Масленица), Пасха и Троица, формировали и регулярные действия при праздновании, такие как народные гулянья, театрализованные представления, крестные ходы и молебны⁶. Во время праздников в честь императорской фамилии также проводились молебны, бесплатные обеды и торжественные заседания. В дни рождения императора могли провести парад, как было сделано в 1898 году в честь дня рождения Николая II⁷.

Проведенный анализ выявляет характерные особенности коммеморативных практик в Томской губернии в период юбилейных торжеств. Эти практики служили инструментом утверждения официальной исторической концепции, транслируемой через печатные издания и акцентирующей преемственность между героическим прошлым и современностью. Наблюдается эволюция ритуализированных действий, обусловленная техно-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6714. Л. 30–31.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 134. Л. 99.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6714. Л. 28–29.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6714. Л. 6.

⁵ Гончаров Ю.М. Городские праздники в западной Сибири в середине XIX начале XX века // Вестник ТГПУ. 2004. № 4. С. 10.

⁶ Скубневский В.А., Шилин С.А. Праздники в Барнауле в конце XIX — начале XX в. // Известия АлтГУ. 2008. № 4–5. С. 184.

⁷ Сибирская жизнь. 1898. 8 мая.

логическим прогрессом, накоплением организационного опыта и расширением общественного участия.

Городское пространство использовалось как символический центр концентрации государственных и национальных сил, что особенно подчеркивалось через акцент на военные события и параллели между историческими и современными отношениями монархии и народа. Хотя основу празднеств составляли типовые сценарии, адаптированные к местным ресурсам, их жесткая унификация существенно ограничивала возможность отражения региональных исторических представлений.

Отмечается, что применение коммеморативных практик исключительно в юбилейные периоды свидетельствует об отсутствии системной политики памяти, указывая скорее на ситуативное политическое использование прошлого. Полученные данные позволяют предположить отсутствие в Российской империи начала XX века сформировавшейся «политики памяти» как таковой, однако данный тезис требует дальнейшей верификации и углубленного изучения.

Библиография

Болтик М.И. Столетний юбилей Отечественной войны 1812 года на страницах томских периодических изданий // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4(20). С. 232–235.

Гефнер О.В. Военные и патриотическое воспитание молодежи в начале XX в.: «Потешное» движение в городах Западной Сибири // Вестник ОмГУ. 2010. №2. С. 163–173.

Гефнер О.В. Военные парады в общественной и культурной жизни городов Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2(6). С. 136–139.

Гончаров Ю.М. Городские праздники в западной Сибири в середине XIX начале XX века // Вестник ТГПУ. 2004. №4. С. 9–15.

Грищенко А.Б. Фильм «1812 год» в парадигме компаративного анализа (к 110-летию фильма и 210-летию войны) // Культура Беларуси: реалии современности: Сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции, Минск, 13 октября 2022 года. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств. 2022. С. 75–79.

Лизозуб П.П. Герой Бородинского сражения — кузнецанин А.Г.

Меретеев // Из Кузнецкой старины. Новокузнецк: Изд-во ООО «Полиграфист». 2010. Вып. 1. С. 105–114.

Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 3–4. С. 6–23.

Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31, № 1. С. 157–173.

Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. 2021. С. 237–241.

Скубневский В.А., Шилин С.А. Праздники в Барнауле в конце XIX — начале XX в. // Известия АлтГУ. 2008. № 4–5. С. 182–186.

Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., ОГИ. 2004. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. 796 с.

Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. pp. 105–140.

Tollebeek J. Commemorative Practices in the Humanities around 1900 // Advances in Historical Studies. 2015. № 04(03). P. 216–231.

Д.Д. Чеканов

Тюменский государственный университет

**«Большой террор» или «ежовщина»? Проблемы
конструирования понятийно-терминологического
аппарата в постсоветской историографии репрессий
1930-х гг.**

В докладе анализируются проблемы, связанные с использованием понятийно-терминологического аппарата постсоветской историографии репрессий 1934–1938 гг. В исторической науке ведутся дискуссии на предмет определения содержания целого ряда терминов: «большой террор», «большая чистка», «ежовщина». Комплекс анализируемой источниковой базы включает в себя монографии и диссертации, освещающие события репрессивной политики в период с 1934 по 1938 гг. как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. Результаты семантического анализа подтверждают тезис об отсутствии консенсуса в академической среде и позволяют утверждать, что термино-

логическая проблема находится на концептуальном уровне, а возникающие противоречия являются следствием антагонизма теоретико-методологических подходов.

Ключевые слова: репрессии, большой террор, большая чистка, ежовщина, сталинизм.

В постсоветской исторической науке противоречивость проблемы политических репрессий 1934–1938 гг. раскрывается не только в различии оценок причин, масштабов и последствий, но и в дихотомии теоретических положений фундаментальных подходов к изучению эпохи «сталинизма» — тоталитаристского и ревизионистского. Антитетический характер теоретико-методологических подходов стал причиной для возникновения в постсоветской историографии терминологической проблемы. Однако, она не получила адекватного отражения в историографических трудах по истории политических репрессий, а представлена лишь фрагментарными сведениями, которые мало что решают в плане целостного и системного понимания данного феномена. Цель данного исследования заключается в анализе различных способов концептуализации специальной научной терминологии и выявлении ключевых характеристик научного дискурса в постсоветских исследованиях политических репрессий 1934–1938 годов.

Методологической базой исследования избраны проблемно-хронологический, дискурсивно-аналитический, компаративистский и типологический методы, а также метод контент-анализа. С помощью метода контент-анализа, базирующегося на количественных принципах, было осуществлено сравнение содержательных компонентов (то есть понятий, оценок и выводов) текстов работ ученых и публицистов.

На сегодняшний день в постсоветской историографии политических репрессий существует целый комплекс терминов, вокруг которых ни один десяток лет ведутся острые академические дискуссии и «ломаются копыя» ученых-историков. Речь идет о таких понятиях как «большой террор», «большая чистка», «ежовщина», «сталинские/ массовые/ политические репрессии» и т.д. Индикатором склонности отечественных исследователей к сформулированным альтернативным теоретико-мето-

логическим подходам выступает широкий спектр употреблений дефиниций в многообразных коннотациях. В этой связи, произведен количественный и качественный анализ употреблений высказанных интерпретаций терминов в трудах историков.

Таблица 1

Средний индекс употреблений терминов «большой террор»/«чистка»/«ежовщина»*

«Большой террор», «Great terror»	«Чистка» «Purge»	«Ежовщина» «Yezhovshchina»
12,92	52,4	1,36

*составлена по: данным программы для контент-анализа Concordance

В постсоветской историографии ведутся острые дискуссии в отношении семантического наполнения и определяющих характеристик термина «большой террор», введенного в академический дискурс западной советологии Р. Конквестом еще в 1968 г. В его интерпретации «большой террор» как комплекс репрессивных мер 1937–1938 гг. включает в себя три основных компонента: масштабные репрессивные практики против населения, когда «гибли миллионы людей и каждый гражданин страны постоянно ощущал угрозу»; «показательные процессы», на которых «люди, недавно критиковавшие правителя, публично признавались в предательстве», и чрезвычайную секретность¹.

Количественный анализ показывает, что представленная дефиниция не получила всеобщей популярности в трудах постсоветских историков. Среднее значение количества использований понятия составило 12,92 раз в усредненном совокупном объеме текста, включающего в себя двадцать три печатных листа. Исходя из представленных данных видно, что практика его фактического употребления пребывает в состоянии концептуальной дихотомии. В пятнадцати из двадцати пяти научных работ термин употребляется (в кавычках или без них) менее десяти раз. При этом максимальное количество использования понятия отмечено в четырех трудах. Для выдвижения объективных

¹ Конквест Р. Большой террор: пер. с англ. Л. Владимирова. Флоренция, 1974. С. 12–13.

выводов необходим учет контекста исследования.

На заре постсоветской историографии практика употребления термина «большой террор» нередко сводилась к дублированию основных характеристик этого явления, изложенных в трудах Конквеста. Так, С.А. Папков в ранних работах излагает следующую позицию: «Вслед за ...Р. Конквестом можно утверждать, что сталинские карательные кампании не вызывались какими-либо чрезвычайными обстоятельствами внутри страны или на международной арене»¹. Некоторые уточнения характеристик термина в 1990-е гг. были высказаны В.З. Роговиным, сторонником троцкистской концепции «сталинской термидорианской диктатуры». Неотъемлемым семантическим аспектом «большого террора», по мнению автора, были «показательные процессы над бывшими лидерами левой оппозиции»². Он считает, что именно модель поведения подсудимых на показательных процессах, выраженная тотальным соглашательством с выдвинутыми обвинениями, предопределила дальнейшее развертывание массовых карательных операций³. В этой связи иным было представление ученого о хронологических рамках «большого террора», который продолжался с 1936 по 1938 гг.

В 2000-е гг. общий фон исследовательского дискурса оставался прежним. Однако, по мере расширения источниковой базы и углубления проблематики, семантические свойства термина «большой террор» продолжали уточняться. О.В. Хлевнюк, будучи сторонником тоталитаристской теоретической модели, рассматривает «большой террор» как «серию централизованных, спланированных и проводимых на основании решений Политбюро (фактически Сталина) массовых операций по уничтожению так называемых „антисоветских элементов“ и „контрреволюционных национальных контингентов“»⁴. Хлевнюк совершает ряд смысловых уточнений, характеризующих «большой террор». Во-первых, он убежден в том, что начало массовых

¹ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. 440 с.

² Роговин В.З. 1937. М., 1996. С. 104.

³ Роговин В.З. 1937... С. 121.

⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 8.

операций было целиком и полностью инициировано Сталиным и его сторонниками. Во-вторых, определяющим аспектом «большого террора» являлась его изначальная нацеленность на массы. «„Большой террор“, — утверждает Хлевнюк, — начался тогда, когда репрессии захватили широчайшие слои населения страны»¹. В-третьих, отличие «массовых» операций 1937–1938 гг. от иных карательных акций советского режима выразилось в неистовой жестокости². В-четвертых, функции «большого террора», как и перманентных репрессий советского режима, состояли в обеспечении эффективной работы экономической плановой системы, посредством устрашения населения, принуждения к трудовой деятельности, а также разворачиванию массовой эксплуатации контингента политических заключенных.

Нетривиальная позиция в контексте содержательного наполнения термина была изложена в работах Л.А. Наумова в начале 2010-х гг. Он предлагает разделять масштабные «политические репрессии» на два параллельно осуществлявшихся процесса — «большой террор» и «большую чистку»³. В представлении ученого, «большим террором» обозначался комплекс массовых операций против «низов», начавшийся реализовываться с момента выхода в свет 2 июля 1937 г. постановления «Об антисоветских элементах». В этой связи «большая чистка» как комплекс репрессивных мероприятий против партийно-государственного аппарата, началась после убийства С.М. Кирова в 1934 г.

Процесс осмысления в постсоветской историографии термина «чистка» заслуживает внимания. Полученные данные позволяют высказать предположение о том, что употребление понятия «чистка» имеет большую популярность в сравнении с «большим террором». В частности, среднее значение количества использований термина в работах исследователей выражено показателем 52,4. Однако эта дефиниция обладает контрастом содержательных характеристик: от политических до эмоционально-оценочных. Лексическая конструкция «большая чистка» преимущественно определяется историками как акт «политиче-

¹ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 196.

² Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 196.

³ Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2007. С. 67.

ских репрессий» против партийной номенклатуры.

А.В. Шубин употребляет термин в политическом контексте и отождествляет с ним механизм распространения эпидемии. По его мнению, содержательным свойством партийно-кадровой чистки были перманентность распространения и поглощение новых контингентов потенциальных жертв¹. А в работе С.А. Папкова употребление дефиниции «большая чистка» осуществляется в семантике акта политической борьбы, осуществившейся центром против ведомственных и региональных партийных «верхов».

Наряду с практикой употребления термина в политическом контексте, в исследовательских работах понятие «чистка» наделяется измерительными свойствами («широкомасштабная», «массовая», «крупная» и т.д.), а также признаками, указывающими на направленность репрессий в отношении определенных социальных групп («социальная», «национальная», «этническая», «армейская» и т.п.). Думается, тенденции употребления лексической конструкции в представленных коннотациях обуславливаются поиском подходящих синонимов для отражения процесса массовых операций, то есть карательных репрессивных мер в отношении «низов».

Наиболее противоречивым термином в постсоветской историографии выступает понятие «ежовщина». Краеугольная характеристика термина лежит в плоскости выделения субъектного фактора с целью возложения вины и ответственности на Ежова. В 1990-е гг. в постсоветской историографии нередко высказывалась скептическая позиция на предмет использования этой дефиниции. Так, В.З. Роговин полагает, что этот семантический конструкт был сформулирован в кулуарах сталинской канцелярии и был призван «возложить на Ежова всю ответственность за большой террор»². Он указывает, что данное понятие было широко распространено в народном дискурсе и является результатом поиска ответов советских людей на вызовы пройденных лет. Позднее, сторонниками тоталитаристской парадигмы Н.В. Петровым и М. Янсенем излагается идея о том, что этот термин представляет собой результат процесса деста-

¹ Шубин А.В. 1937. АнтиТеррор Сталина. М., 2010. С. 125.

² Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 269.

линизации в 1950-е гг., который стал синонимом массовых чисток 1936–1938 гг.¹

Однако со второй половины 2000-х гг. в постсоветской науке высказывается представление о непосредственной важности роли Ежова в развязывании массовых карательных операций. Так, Л.Н. Наумов является сторонником идеи особой вины Ежова в инициировании и раскручивании маховика террора. Автор полагает, что «к середине 1930-х гг. [Сталин] все еще критически зависел от расстановки сил в партийно-государственном аппарате», вследствие чего «в условиях политического конфликта в верхах утратил контроль за НКВД»². Не последнюю роль, по его мнению, в этом процессе сыграли руководители органов государственной безопасности, в частности Н.И. Ежов и лидеры региональных «чекистских кланов».

В целом термин «ежовщина» не получил широкого распространения в исследовательских работах, а введение дефиниции в научный оборот обусловлено скорее демонстрацией народного восприятия противоречивых конкретно-исторических процессов, чем конструированием и определением рамок полноценного научного понятия. Исходя из полученных данных средний показатель фактов его использования в 25 исследовательских трудах составил 1,36.

Таким образом сложившееся в постсоветской историографии политических репрессий теоретико-методологическое многообразие, с одной стороны, позволило исследователям взглянуть на проблему под альтернативными ракурсами, предложить новые подходы к объяснению причин, хода и итогов карательных операций 1934–1938 гг. Однако, с другой — антитетический характер представленных концептуальных подходов стал причиной для возникновения целого комплекса проблем, в том числе проблемы определения краеугольных научных понятий, которыми объясняются сюжеты истории политических репрессий. Наряду с этим, динамика употребления терминов в определенной степени коррелируется с содержанием теоретико-методологических подходов, отстаиваемых отечественными авторами. Так, в постсоветской

¹ Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец — Николай Ежов. М., 2020. С. 7.

² Наумов Л.А. Сталин и НКВД... С. 120.

историографии термин «большой террор» не получил всеобщего признания, однако в трудах историков, придерживающихся «тоталитаристского» подхода зафиксирована высокая динамика его употребления. В основном сторонники теории «тоталитаризма» подробно раскрывают содержание представленной дефиниции. В то же время представители отечественного «ревизионизма» и иных теоретических подходов относятся к этому термину с определенной долей скептицизма. Думается, вопрос использования понятийно-терминологического аппарата в постсоветской историографии политических репрессий 1934–1938 гг. до сегодняшнего дня остается одной из краеугольных теоретико-методологических проблем.

Библиография

Конквест Р. Большой террор / пер. с англ. Л. Владимирова. Флоренция: Edizioni Argo, 1974. 1064 с.

Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М.: Яуза, 2007. 544 с.

Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

Петров Н., Янсен М. Сталинский питомец — Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2020. 610 с.

Роговин В.З. 1937. М.: Аргументы и факты, 1996. 479 с.

Роговин В.З. Партия расстрелянных. М.: Аргументы и факты, 1997. 526 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.

Шубин А.В. 1937. АнтиТеррор Сталина. М.: Яуза, 2010. 349 с.

А.Н. Рогачев

*Российский государственный гуманитарный университет
(Москва)*

Ревизия памяти о Холокосте в современной Хорватии

Статья исследует процесс ревизии ключевых аспектов Холокоста на территории Хорватии и бывшей Югославии в период после 1991 года, после обретения Хорватией независимости. На основе комплексного анализа историографических данных, официальных заявлений политических деятелей, образовательной и культурной политики, а также результатов социологических исследований демонстрируется системный характер ревизионистских практик. Эти практики реализовывались через публичные выступления государственных лиц, школьные программы, музейные экспозиции и кинематографические произведения. Исследование позволяет заключить, что в постюгославский период в Хорватии осуществлялся пересмотр исторических фактов о Холокосте, включая занижение статистики жертв и попытки реабилитации хорватских деятелей, причастных к преступлениям против человечности.

Исторический ревизионизм сегодня особенно актуален: государства переписывают целые пласты истории в угоду политической конъюнктуры. Например, в сентябре 2019 года Европарламент фактически приравнял роль СССР к нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны. В декабре этого года Бундестаг ФРГ признал голод 1930-х годов на территории СССР геноцидом украинского народа. Если Холокост прочно вошел в коллективную память Западной Европы и не подвергается ревизии, то в восточноевропейских странах наблюдается иная картина: бывшие коллаборационисты возводятся в ранг героев, их преступления замалчиваются или даже оправдываются, а число жертв сознательно преуменьшается. Подобные явления — яркие примеры исторического ревизионизма, особенно характерного для современной Хорватии.

Современную историю самостоятельного хорватского государства принято отсчитывать с 1991 года — момента провозглашения суверенитета. С этого же времени начался пересмотр ключевых страниц национальной истории, особенно связанных

со Второй мировой войной, усташским движением и марионеточным Независимым государством Хорватия. В молодой республике были реабилитированы усташеские традиции¹. Усташеская символика получила массовое распространение, выносилась и вывешивалась на массовых мероприятиях, эти символы имели яркий националистический, антисербский характер². 17 улиц были переименованы в честь Миле Будака, идеолога усташей, одного из инициаторов расовых законов в хорватском государстве³. Первый президент новой Хорватии — Франьо Туджман запустил кампанию по пересмотру учебников истории, так как они, по его словам, были написаны с «югославских и прокоммунистических» позиций. Туджман считал, что история — это прежде всего способ формирования общественного мнения⁴. Сам первый хорватский президент также писал работы на исторические темы; например в книге «Ужасы войны» он утверждал, что во время холокоста было уничтожено 900 тысяч евреев, а не около 6 млн как принято считать в исторической науке⁵. Также Туджман сравнивал преступления, совершенные усташами и партизанами-коммунистами, преуменьшая количество жертв в лагере смерти Ясеновац, и тем самым представляя партизан в негативном ключе⁶. Джордж Спектр, заместитель директора по международным делам Бней-Брит, так оценивал сочинения президента Хорватии: «книга была антисемитской работой, облаченной научными терминами, с помощью которых он пытался показать евреев злодеями на протяжении всей истории»⁷. После шквала критики, Франьо Туджман извинился за свои резкие оценки, но издания на хорватском языке продолжи-

¹ Пивоваренко А.А. Становление государственности в современной Хорватии (1990–2001 гг.). Москва, 2014 г. 115 с.

² Пивоваренко А.А. Становление ... С. 113

³ Confronting the past: European experiences, Davor Paukovic, Vjeran Pavlakovic, Visislav Raos. Zagreb 2012 г. 169 с.

⁴ Sadkovich, James J. Tudman — Prva politička biografija. Zagreb 2010 г. 282 с.

⁵ Bartrop, Paul R.; Jacobs, Steven Leonard. Modern Genocide: The Definitive Resource and Document Collection: The Definitive Resource and Document Collection. Oxford 2014 г. С. 375

⁶ De Gruyter Magnes. Holocaust denial: the politics of perfidy. Berlin 2012 г. 167 с.

⁷ John M. Goshko. The Washington post, Croatian leader apologizes for Holocaust work. 16.02.1994.

ли публиковать его работы без изменений¹. Учебники истории в период его правления претерпевали радикальные изменения, они стали носить ярко выраженный антисербский характер. Так, если во времена Югославии учебники по истории за восьмой класс уделяли половину учебника теме второй мировой войны, причем значительная часть освещала партизанское движение в Югославии, то в независимой Хорватии вторая мировая война в учебниках за 8 класс стала занимать лишь $\frac{1}{5}$ текста учебника, НГХ было размещено в центре внимания. Провозглашение государства считалось поворотным моментом в хорватской истории, отвечало чаяниям народа, при этом преступления коллаборационистского режима либо замалчивались, либо им уделяли мало внимания².

В 2000-х, когда к власти пришла коалиция во главе с социал-демократом Рачаном Ивицем, нарратив о Холокосте и о усташих стал меняться. В 2000 году в школьных учебниках уже появилось упоминания о Холокосте и была дана численность жертв в концлагере Ясеновац³. В книге упоминалось, что погибло около 80 тысяч человек (хотя некоторые специалисты считают, что цифры занижены). В 2003 году вышло уже другое издание учебников по истории, где также упоминаются нацистские преступления и Холокост, но проблема в том, что лишь несколько школ стали использовать эти учебники. Постепенно ситуация стала улучшаться, так, в июле 2013 года, когда Хорватия вступила в Европейский союз, в школах преподавание шло на основе 4-х учебников. Все они описывали режим усташей как «государство только для хорватов», отмечали репрессивную политику против евреев, цыган и сербов⁴. Несмотря на это, в учебниках красной линией проходила идея, что негативные стороны НГХ были лишь ответом на великодержавный шовинизм эпохи Королевства Юго-

¹ *Sven Milekic*. Balkan transitional justice, Franjo Tudjman: Strongman Obsessed with Forging Croatia's Independence. 10.12.2019.

² *Hrvoje Matković*. Povijest Jugoslavije: hrvatski pogled. Zagreb, 1998. С. 378.

³ *Kolar Dimitrijević*. Povijest 8: udzbenik za 8 razred osnovne škole. Zagreb, 2003. 111 с.

⁴ ESI Report. Teaching War How Croatian schoolbooks changed and why it matters. 20 с. 16.09.2015.

славии¹. Несмотря на изменения в учебной программе, позиция ряда официальных лиц не изменилась. Так, когда в 2005 году председатель парламента Владимир Шекс заявил, что НГХ являлось пособником нацизма и фашизма, Сабор возмутился, были организовываны протесты у стен парламента с портретами Анте Павелича, толпа скандировала «Анте! Анте!»².

Одним из скрепляющих элементов современной хорватской нации является Блайбургская «трагедия», когда десятки тысяч хорватских усташей сдались югославским партизанам, многие были казнены без суда, так как многие партизаны потеряли близких и друзей при режиме НГХ. На сегодняшний день, в день памяти об этих событиях хорватские нео-усташа собираются у Блайбурга, многими считается, что эти мемориальные события является крупнейшим мероприятием неонацистов в Европе. Иво Гольдштейн, один из критиков исторического ревизионизма, считает вызывающим тот факт, что «трагедия» отмечается сразу после Дня победы над фашизмом как день памяти о жертвах борьбы за свободу и независимость. Сам Иво Гольдштейн сказал: «Это были никакие не борцы за самостоятельную Хорватию, а борцы за наци-фашистский протекторат, которым в действительности было их НГХ»³. Вплоть до 2020 года место посещали многие официальные лица, само участие которых воспринималось как обеление усташей. Однако после пандемии массовые мероприятия были запрещены, поэтому было решено провести мессу в сараевском кафедральном соборе Сердца Иисусова, которую должен был отслужить Винко Пулич. Это решение наткнулось на протесты и критику, особенно среди сербского населения. Многие официальные лица Боснии и Герцеговины рассматривали эту мессу как акт реабилитации усташей⁴.

¹ Pavasović Trošt, Tamara. Ruptures and continuities in nationhood narratives: reconstructing the nation through history textbooks in Serbia and Croatia". Nations and Nationalism. 2018. 24(3). 725 c.

² Белов М.В., Кузнецов С.В. «В память о невинных жертвах...»? Блайбург — спорное место памяти Хорватии. Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(4). 161 c.

³ GOLDSTEIN O BLEIBURGU: 'To što danas stoji u zakonu je skandalozno. Nisu ustaše bili nikakvi borci za slobodu i nezavisnost'. Net.hr. 13.05.2022.

⁴ Sarajevska misa za blajburške zločince ili žrtve? Deutsche Welle. 13.05.2020.

В дело вмешался министр иностранных дел Хорватии Гордан Гарлич-Радман, который поддержал Пулича в телефонном разговоре, отметив, что на протяжении тридцати лет он поддерживает хорватский народ в БиГ. Это многими воспринималось как обеление усташей со стороны официальных властей Хорватии¹. Неслучайно израильский историк Эфраим Зурофф считает Хорватию «колыбелью ревизионизма Холокоста»².

В 2016 году хорватский режиссер Яков Седлар выпустил фильм «Ясеновац — правда» где продвигал про-усташестскую идею, что Ясеновац был лишь трудовым лагерем, а не лагерем смерти. Режиссер фильма является членом общества исследований лагеря Ясеновац, который возглавляет Игорь Вукич, знаменитый своими проусташестскими взглядами. Он заявлял: «Когда дело касается геноцида, это часто относят к сербам. Если имеются ввиду сербы, то мы отрицаем геноцид»³. Премьеру фильма посетил министр культуры Златко Хасанбегович, который похвалил фильм: «Это самый лучший способ (показ данного фильма) пролить свет на спорные моменты хорватской истории»⁴.

Прославилась своими про-усташестскими взглядами и президент Хорватии Колинда Грабар-Китарович. Во время своего визита в Канаду она встречалась с потомками хорватских эмигрантов-усташей, где сделала совместное фото, на котором люди держали флаг с эмблемой усташей⁵.

Самой востребованной глобальной энциклопедией сегодня является Википедия. Хорватский раздел этого сайта — это локомотив исторического ревизионизма. Сообщается, что в 2009 году группа консервативно настроенных администраторов стала «зачищать» энциклопедию от либерально и умеренно настроенных авторов по причине их оценок «спорных» моментов хорват-

¹ Grlić Radman dao potporu kardinalu Puljiću za misu za žrtve Bleiburga. Večernji list. 14.05.2020.

² Tamara Opacic. Balkan insight. Selective amnesia: Croatia's Holocaust Deniers. 24.11.2017.

³ Tamara Opacic. Balkan insight ... 24.11.2017.

⁴ Sven Milekic. Balkan transitional justice, Croatian jews outraged by concentration camp film. 05.04.2016.

⁵ Menachem Z. Rosensaft. Tablet. Croatia Is Brazenly Attempting to Rewrite its Holocaust Crimes Out of History. 09.10.2017.

ской истории. Не удивительно, что, речь идет об усташах и НГХ. В хорватской википедии о лагере смерти Ясеновац говорится, что это был лишь «трудовой лагерь». На всех основных языках википедии Ясеновац значитсся лагерем смерти, но на хорватском — нет¹.

В докладе о ревизионизме Холокоста за 2019 год рассматривалось как отдельные европейские государства освещают преступления второй мировой войны, совершенные фашистами. Хорватия считается одной из самых проблематичных стран в деле исторического ревизионизма². Хорватский историк Хрвое Класич, который критикует хорватских националистов и усташей, получает уже не в первый раз письма с угрозой скорой расправы как предателя хорватского народа за его антиусташестскую позицию.

Во время телефонного опроса, проведенного Хорватским радиотелевидением в программе *Nedjeljom u dva* («В воскресенье в два часа») в мае 2007 года телезрители отвечали на вопрос, чьи преступления они считают более ужасными — усташей или югославских партизан. Всего в студию позвонило 23 672 участника, и 73 % из них заявили, что хуже были преступления партизан — это неудивительно, ведь хорватская государственная машина косвенно или напрямую оправдывала дело усташей, акцентируя внимание на преступлениях коммунистических партизан и четников.

Эти данные подкрепляются моим опросом пятнадцати хорватов. Я задал три вопроса: 1. Как вы считаете, кто ответственен за Холокост на территории Хорватии? 2. Как вы оцениваете школьные учебники по истории Хорватии XX века, в частности главы о НГХ? 3. Как вы думаете, есть ли в сегодняшней Хорватии обеление усташей и НГХ? На первый вопрос двенадцать человек ответили, что немцы, два еще добавили, что «местные предатели», один респондент и вовсе отрицал Холокост. На второй вопрос одиннадцать человек ответили, что раскрытие

¹ *Tim Sampson*. The Daily Dot. How pro-fascist ideologues are rewriting Croatia's history. 01.10.2013.

² *Anja Vladisavljevic*. Balkan transitional justice, Holocaust Revisionism Widespread in Croatia. Warns Report. 25.01.2019.

темы удовлетворительное, четыре человек отметили, что присутствует клевета на НГХ. На третий вопрос лишь три человека сказали, что обеление присутствует, в то время как остальные ответили отрицательно.

Современная хорватская государственность формировалась на основе отрицания югославского и коммунистического наследия, с параллельной реабилитацией усташских традиций, что оказало значительное влияние на историческое сознание молодого поколения. Правые политические силы, включая националистические круги, обладают широким доступом к медиа-пространству, где систематически продвигают ревизионистские концепции, в том числе касающиеся истории Холокоста. Приведенные социологические данные убедительно свидетельствуют о распространенности таких взглядов. В отличие от Германии, где произошло осмысление исторической ответственности и выработана честная позиция по вопросу Холокоста, хорватскому обществу для полноценной европейской интеграции необходимо преодолеть тенденции к оправданию националистических идеологий. Сохранение усташского наследия в публичном дискурсе продолжает оставаться серьезным препятствием для демократического развития страны, поскольку принципы национализма фундаментально противоречат основам демократического общества.

Библиографический список

- Белов М.В., Кузнецов С.В. «В память о невинных жертвах...»? Блайбург — спорное место памяти Хорватии. Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(4). 157–177. 161 с. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-pamyat-o-nevinnyh-zhertvah-blayburg-spornoe-mesto-pamyati-horvatii/viewer> (дата обращения: 26.12.2022)
- Пивоваренко А.А. Становление государственности в современной Хорватии (1990–2001 гг.). дис. ... канд. ист. наук. Москва 2014 г. 312 с.
- Anja Vladislajevic. Balkan transitional justice, Holocaust Revisionism Widespread in Croatia. Warns Report. 25.01.2019. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://balkaninsight.com/2019/01/25/holocaust-revisionism-widespread-in-croatia-warns-report-01-25-2019/> (дата обращения: 26.12.2022)
- Bartrop, Paul R.; Jacobs, Steven Leonard. Modern Genocide: The

Definitive Resource and Document Collection: The Definitive Resource and Document Collection. Oxford 2014 г. 2432 с.

Confronting the past: European experiences, Davor Paukovic, Vjeran Pavlakovic, Visoslav Raos. Zagreb 2012 г. 433 с. Электрон, копия печ. изд. URL: https://www.researchgate.net/publication/348236285_Confronting_the_Past_European_Experiences (дата обращения: 26.12.2022)

De Gruyter Magnes. Holocaust denial: the politics of perfidy. Berlin 2012 г. 285 С.

ESI Report. Teaching War How Croatian schoolbooks changed and why it matters. 20 С. 16.09.2015. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://esiweb.org/publications/teaching-war-how-croatian-schoolbooks-changed-and-why-it-matters-textbook-series-part> (дата обращения: 26.12.2022)

GOLDSTEI O BLEIBURGU: 'To što danas stoji u zakonu je skandalozno. Nisu ustaše bili nikakvi borci za slobodu i nezavisnost'. Net. hr. 13.05.2022. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://net.hr/danas/hrvatska/goldstein-o-bleiburgu-to-sto-danas-stoji-u-zakonu-je-skandalozno-nisu-ustase-bili-nikakvi-borci-za-slobodu-i-nezavisnost-82fbfedc-b1c5-11eb-ad40-0242ac14002c> (дата обращения: 26.12.2022)

Grlić Radman dao potporu kardinalu Puljiću za misu za žrtve Bleiburga. Večernji list. 14.05.2020. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/grlic-radman-dao-potporu-kardinalu-puljicu-za-misu-za-zrtve-bleiburga-1402212> (дата обращения: 26.12.2022)

Hrvoje Matković. Povijest Jugoslavije: hrvatski pogled. Zagreb 1998 г. 443 с.

John M. Goshko. The Washington post, Croatian leader apologizes for Holocaust work. 16.02.1994. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1994/02/16/croatia-leader-apologizes-for-holocaust-book/b43c4b8a-9321-4e9c-b96b-4a7474ceb0f9/> (дата обращения: 12.05.2024)

Kolar Dimitrijevic. Povijest 8: udzbenik za 8 razred osnovne škole. Zagreb 2003 г. 245 с.

Menachem Z. Rosensaft. Tablet. Croatia Is Brazenly Attempting to Rewrite its Holocaust Crimes Out of History. 09.10.2017. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://www.tabletmag.com/sections/news/articles/croatia-rewrite-holocaust-crimes-out-of-history> (дата обращения: 26.12.2022)

Pavasović Trošt, Tamara. «Ruptures and continuities in nationhood narratives: reconstructing the nation through history textbooks in Serbia and Croatia». Nations and Nationalism. 2018 г. 24(3), 716–740 с. Электрон, копия печ. изд. URL:

<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/nana.12433> (дата обращения: 26.12.2022)

Sadkovich, James J. Tuđman — Prva politička biografija. Zagreb 2010 г. 325 с.

Sarajevska misa za blajburške zločince ili žrtve? Deutsche Welle. 13.05.2020. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://informer.rs/planeta/balkan/518595/napeto-sarajevu-odrzana-misa-blajburske-zrtve-hiljade-gradjana-ispred-pevalo-bela-cao> (дата обращения: 26.12.2022)

Sven Milekic. Balkan transitional justice, Croatian jews outraged by concentration camp film. 05.04.2016. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://balkaninsight.com/2016/04/05/croatian-jews-outraged-by-holocaust-denial-film-04-05-2016/> (дата обращения: 26.12.2022)

Sven Milekic. Balkan transitional justice, Franjo Tudjman: Strongman Obsessed with Forging Croatia's Independence. 10.12.2019. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://balkaninsight.com/2019/12/10/franjo-tudjman-strongman-obsessed-with-forging-croatias-independence/> (дата обращения: 26.12.2022)

Tamara Opacic. Balkan insight. Selective amnesia: Croatia's Holocaust Deniers. 24.11.2017. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://balkaninsight.com/2017/11/24/selective-amnesia-croatia-s-holocaust-deniers-11-16-2017/> (дата обращения: 26.12.2022)

Tim Sampson. The Daily Dot. How pro-fascist ideologues are rewriting Croatia's history. 01.10.2013. Электрон, копия печ. изд. URL: <https://www.dailydot.com/debug/croatian-wikipedia-fascist-takeover-controversy-right-wing/> (дата обращения: 26.12.2022)

А.И. Муценик
*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Трансформация образа В.В. Куйбышева в памяти студентов, преподавателей и сотрудников Томского государственного университета (1934–2024 гг.)

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу факторов трансформации образов В.В. Куйбышева в коллективной памяти академического сообщества Томского государственного университета на протяжении девяти десятилетий (1934–2024 гг.). В качестве основной источниковой базы выступили материалы университетской периодической печати, отражающие динамику мемориальных практик в различные исторические периоды. Проведенное исследование позволило установить, что эволюция репрезентаций политического деятеля находилась в прямой зависимости от изменяющегося исторического контекста и трансформации государственной идеологии. Особое значение приобретает анализ того, как смена политических парадигм в стране находила отражение в модификации символического статуса Куйбышева в университетской среде.

Ключевые слова: В.В. Куйбышев, историческая память, региональная память, Томский государственный университет, периодическая печать.

С начала 1930-х годов в СССР начинает выстраиваться новая, советская идентичность, важным аспектом которой стало создание пантеона героев, способных заменить образы, унаследованные от имперского прошлого. Процесс героизации, в рамках политики построения национальной культуры, отражен в коммеморативных практиках: присвоении имен учебным заведениям, улицам, создании памятников и музеев в честь видных революционных деятелей. Одним из вождей большевистской партии, включенных в нарождающийся «советский пантеон», стал видный революционер В.В. Куйбышев, в 1934 г. занимавший должности члена Политбюро ЦК ВКП(б), первого заместителя председателя СНК и СТО СССР, председателя Комиссии

советского контроля.

Данное исследование направлено на выявление причин и направлений трансформации образа В.В. Куйбышева в памяти студентов, преподавателей и сотрудников Томского государственного университета. Хронологические рамки исследования охватывают период 1934–2024 гг. с момента присвоения Томскому университету почетного имени В.В. Куйбышева до настоящего времени.

В текущей работе задействованы как общенаучные методы исследований, так и специально-исторические. Среди особых методов познания был использован метод исторической периодизации, который позволил разделить исторический материал на отдельные периоды. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить и сравнить выделенные периоды между собой, а историко-генетический метод позволил рассмотреть трансформацию образа В.В. Куйбышева как последовательный взаимосвязанный процесс.

Существующая литература по данной теме не так обширна и относится в первую очередь к советскому периоду. Наиболее значимыми источниками по описанию коммеморативных практик, посвященных В.В. Куйбышеву, являются монографии, описывающие историю университета в целом, например, монография П.А. Зайченко¹, а также коллективная монография «Томский университет, 1880–1980»². Остальные работы, скорее освещают отдельные фрагменты жизни В.В. Куйбышева, чем практики увековечивания памяти о нем в университете. Современных же работ, посвященных В.В. Куйбышеву к настоящему времени, нет.

Прежде чем рассмотреть трансформацию образа В.В. Куйбышева, обратимся к его биографии. Он родился 25 мая 1888 г. в Омске в многодетной семье военного — личного дворянина В.Я. Куйбышева и учительницы Ю.Н. Куйбышевой (Гладышевой). В 1898–1905 гг. обучался в Сибирском кадет-

¹ Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск, 1960. 490 с.

² Томский университет, 1880–1980: [очерк истории и деятельности] / В.С. Синяев, Е.С. Кирсанова, М.Е. Плотникова и др. Томск, 1980. 490 с.

ском корпусе, где официально вступил в партию и стал большевиком¹. В 1909–1910 гг. В.В. Куйбышев являлся студентом юридического факультета Императорского Томского университета. Во время своей учебы в университете активно занимался революционной деятельностью, благодаря чему был неоднократно арестован. Несмотря на то, что В.В. Куйбышев проучился в Томске всего лишь один полный семестр, этого оказалось достаточно для включения его в региональную память².

В 1933 г. Томский университет отмечал свой 45-летний юбилей со дня открытия, и в честь праздника администрация университета подала прошение о присвоении вузу имени В.В. Куйбышева, как месту, где он когда-то учился. В прошении к председателю ЦИК ВКП(б) М.И. Калинину писалось: «...настойчиво ходатайствуем о присвоении университету имени тов. Куйбышева — старейшего и лучшего студента нашего университета»³. 25 мая 1934 г. на заседании Президиума ВЦИК в протоколе №116 было зафиксировано: «1. Присвоить Томскому государственному университету имя тов. Куйбышева В.В. 2. Настоящее постановление опубликовать». Через два дня, 27 мая 1934 г. вышел приказ по университету № 81 о соответствующем изменении названия⁴.

После присвоения изменения названия Томского государственного университета, В.В. Куйбышев стал лично включаться в жизнь данного учебного заведения. Например, в 1934 г. революционер прислал телеграмму из Москвы на имя ректора, адресованную томскому студенчеству, следующего содержания: «Польщен честью названия университета моего имени, желаю, чтобы все студенчество было проникнуто такой же революционной энергией, какой были проникнуты в свое время томские большевики. Желаю, чтобы все студенчество проявило такой же революционный энтузиазм и самостоятельность, какие проявляет вся партия в борьбе за дальнейшие успехи социализма. Желаю, чтобы все студенчество томского университета в грядущей

¹ Валериан Владимирович Куйбышев. Биография / Г.В. Куйбышева, О.А. Лежава, Н.В. Нелидова и др. М., 1966. С. 3–8.

² Томский университет, 1880–1980... С. 85.

³ Баркова Н. Он к нам придет // За советскую науку. 1968. 5 декабря. С. 2.

⁴ Синяев В.С. Имени В.В. Куйбышева // За советскую науку. 1978. 1 июня. С. 2.

борьбе за окончательную победу социализма было в передовых рядах. Куйбышев»¹ Текст телеграммы был знаком всем студентам, преподавателям и сотрудникам университета, поскольку неоднократно тиражировался в периодической печати, как постулат социалистической культуры. Табличка с его содержанием висела у входа в актовый зал главного корпуса², в 1969 г. она была перемещена в библиотеку к входу читального зала.³

На следующий год (1935), по личному ходатайству В.В. Куйбышева студентам было выделено новое пятиэтажное общежитие на ул. Никитина 4. Общежитие является первым пятиэтажным зданием в Томске и до сих пор входит в число жилищного комплекса Томского государственного университета (общежитие № 1)⁴. Однако вскоре после этого, 25 января 1935 г. В.В. Куйбышев скончался⁵.

В память о нем в том же 1935 г. народный комиссариат просвещения присвоил Томскому государственному университету персональные почетные стипендии имени В.В. Куйбышева для лучших студентов — ударников, обучающихся только на отличные оценки, и участвующих в общественной деятельности. Первоначальный размер стипендии составлял 225 руб⁶. Исходя из вышеописанного, в 1930-е гг. отношение студентов, преподавателей и сотрудников университета к личности революционера было сугубо положительным. На протяжении всего периода популярность образа В.В. Куйбышева постепенно возрастала с поддержкой сначала самого революционера, а далее советского правительства.

В связи с Великой Отечественной войной, на периферийные проблемы общества выходили другие темы, поэтому репрезентация памяти о В.В. Куйбышеве была приостановлена. Воз-

¹ Телеграмма В.В. Куйбышева // Государственный архив Томской области. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1955.

² Баркова Н. Он к нам придет ... С. 2.

³ Имени В.В. Куйбышева // За советскую науку. 1969. 13 февраля. С. 2.

⁴ Кривошеина М. Рожденный в борьбе // За советскую науку. 1984. 12 января. С. 4.

⁵ От ЦК ВКП(б) // За качество кадров. 1935. 28 января. С. 1.

⁶ Приказ № 110 наркома просвещения А.С. Бубнова Томскому государственному университету о присвоении двух персональных стипендий // За качество кадров. 1935. 1 мая. С. 1.

вращение к его образу происходит в университете начиная с 1950-х гг. При этом хоть памятные мероприятия и носили стихийный характер, но повторялись с определенной периодичностью. Кроме того, в университетской газете «За Советскую науку» студенты и преподаватели практически ежегодно пишут статьи, посвященные жизни В.В. Куйбышева.

Другим не менее важным мероприятием, стало открытие в январе 1953 г. в Томском университете музея имени В.В. Куйбышева¹. С самого начала существования музей пользовался популярностью не только у местной социальной среды, а также у гостей и жителей города Томска². Известно, что с 1963 г. в университете существовала практика проведения в первой половине осени обязательных экскурсий в музей В.В. Куйбышева для первокурсников всех факультетов³. Данное действие наилучшим образом демонстрирует способы передачи информации музеем и сохранение памяти о революционере для каждого студенческого потока. В том числе, помимо увековечивающей память функции, музей выполнял образовательную и воспитательную. Таким образом, он формировал в общественной среде Томского университета коллективную память как о его покровителе, а также обеспечивал идеологическим воспитанием новое поколение, в духе преданности партии и советскому государству в целом.

2 декабря 1968 г. была произведена закладка памятника В.В. Куйбышеву⁴. В обсуждении внешнего вида монумента принимали участие, как преподаватели, так и студенты. Была проведена выставка рабочих эскизов с тетрадью отзывов и предложений, заполненной многочисленными мнениями. После состоялось совместное собрание общественности университета, художественного совета города Томска и авторов проекта. Там обсуждались вопросы, касающиеся не только памятника, но и

¹ Приказ № 16 от 26.01.1953 г. по Томскому государственному университету им. В.В. Куйбышева. Об открытии комнаты-музея В.В. Куйбышева. Томск // Фонд музея истории ТГУ. Оп. 3. Ед. хр. 37

² Цифры и факты // За советскую науку. 1954. 4 июня. С. 1.

³ Сенина С. Музею В.В. Куйбышева — 10 лет // За советскую науку. 1963. 21 января. С. 1.

⁴ Томский университет, 1880–1980... С. 321.

косвенных элементов, таких как: место установки, изменение ландшафтного дизайна университетской рощи¹.

Для изготовления монумента и его установки в газете «За советскую науку» был объявлен добровольный сбор средств. Сотрудники газеты предлагали организовать дополнительные трудовые или творческие мероприятия, участвуя в которых студенты, преподаватели и сотрудники университета могли бы заработать деньги для пожертвования на памятник. В то же время приветствовались и личные вклады. Спустя всего 10 дней в газету пришли первые отклики: профсоюзная организация инициировала проведение по факультетам субботников, деньги с которых пошли в фонд памятника, студенты и сотрудники физического факультета внесли вклады в размере ежемесячного профсоюзного взноса. Кроме того, президент университетской капеллы И.И. Госсен объявил о проведении будущего осеннего благотворительного концерта и о стремлении сделать отчисления с заработанных денег в ходе областного фестиваля «Северное сияние»².

В 1974 г. создание памятника было завершено, однако, его установка отложилась в связи с нехваткой денег. Отметим, что к середине 1970-х гг. реакция общественности на памятник уже носила двоякий характер. Так, с одной стороны в газете «За советскую науку» писали: «Те, кому довелось видеть его, утверждают, что это уникальное сооружение, настоящее произведение искусства», побуждая к новому сбору средств³. С другой стороны, когда в 1977 г. на 60-летнюю годовщину Октябрьской революции состоялось открытие памятника, оно было встречено с безразличием и не обсуждалось в периодической печати вообще⁴. С этого момента прослеживается плавный спад интереса общественности к личности В.В. Куйбышева. Таким образом, можно здесь зафиксировать, что, несмотря на официальное мнение о памятнике, которое было отражено в периодической печат-

¹ Выдрина Н. Каким будет памятник В.В. Куйбышеву // За советскую науку. 1972. 26 октября. С. 1.

² Первые отклики // За советскую науку. 1974. 16 июня. С. 1.

³ Обращаемся к вам! // За советскую науку. 1974. 6 июня. С. 1.

⁴ Кручевская Г. Памятник В.В. Куйбышеву открыт // За советскую науку. 1977. 10 ноября. С. 1.

ти, уже к концу 1970-х гг. существовала скрытая оппозиция, которая выражала свое несогласие с почитанием образа В.В. Куйбышева, игнорированием праздничных мероприятий, посвященных ему.

Отметим, что руководство Томского государственного университета отчасти это понимало, поэтому им был предпринят ряд действий для восстановления популярности революционера. Так, 25 мая 1978 г. состоялась научная студенческая конференция, приуроченная к 90-летию со дня рождения В.В. Куйбышева¹, а также в это время происходило значительное развитие и расширение одноименного музея². Тем не менее, в течение последующих 10 лет до следующей круглой даты не состоялось ни одного памятного мероприятия.

В 1980–1990-х гг., с началом перестройки и гласности, студентам, преподавателям и сотрудникам университета дается возможность свободного выражения своего мнения, что приводит к переосмыслению советской истории и советских героев. Так, например, в Томском университете в этот период критиковалась актуальность идей В.В. Куйбышева и его профессиональная деятельность. Это в свою очередь ставит вопрос не только о роли В.В. Куйбышева в университете, но и необходимости сохранения памяти о нем.

Так, в 1988 г. состоялся 100-летний юбилей В.В. Куйбышева. Поскольку университет носил его имя, то он никак не мог проигнорировать настолько значимую дату. В этой связи был организован ряд памятных мероприятий, подготовка которых началась еще в 1986 г.³ В мае состоялась первая межфакультетская экономическая конференция естественных факультетов, посвященная 100-летию В.В. Куйбышева⁴. Кроме того в стенах научной библиотеки открылась книжно-иллюстративная выставка, на которой были собраны материалы воссоздающие образ В.В. Куйбышева как человека-борца, бесконечно преданного своему делу. На выставке подробно освещался вопрос геогра-

¹ Всем! Всем! Всем! // За советскую науку. 1978. 25 мая. С. 4.

² Говоркова А.К. Новый экспонат музея В.В. Куйбышева // За советскую науку. 1978. 15 июня. С. 2.

³ В парткоме ТГУ // За советскую науку. 1986. 18 сентября. С. 1.

⁴ Первая межфакультетская // За советскую науку. 1988. 2 июня. С. 2.

фия перемещений В.В. Куйбышева, его революционная работа и деятельность как экономиста — специалиста по хозяйственным вопросам¹. В рамках тех же празднований юбилея, 6 июня 1988 г. прошло торжественное заседание, где профессор М.П. Евсеев читал доклад о жизни и работе революционера. Стоит отметить, что текущее мероприятие прошло не в лучшем свете из-за низкой явки общественности университета².

В 1989 г. на страницах газеты «За советскую науку» началась полемика о памятнике В.В. Куйбышеву, которая получила собственную рубрику под названием «Дискуссионный клуб». Преподаватели наравне со студентами писали в газету, чтобы убрать памятник и вернуть фонтан, который ранее стоял на его месте. Критиковалась эстетическая составляющая монумента. В 1990 г. огласку получила история, как профессор А.Р. Ананьев в 1970-х гг. пытался остановить рабочих разбирать фонтан. Желая прекратить снос фонтана, он даже обратился по этому вопросу к ректору университета А.П. Бычкову, который отказал ему, ссылаясь на «указание свыше»³. Данная история показывает, что вопрос о строительстве памятника В.В. Куйбышеву был не столь однозначен, как об этом писали газеты в 1970-х гг. В этой ситуации перестройка скорее «обнажила» имеющуюся проблему в университете.

В рамках той же дискуссии рассматривался вопрос о названии университета. Роль инициатора присвоения имени на этот раз отводилась столичным советским властям. Текущая позиция подкреплялась тем, что в 1930-х гг., как раз во время присвоения, об идее инициативы университета нигде не говорилось⁴. Следовательно, академическое сообщество пришло к осознанию искусственности образа В.В. Куйбышева как символа университета. Критическое отношение к данной фигуре сложилось ввиду отсутствия значимых связей революционера с Томском и академической средой, что противоречило базовым

¹ К 100-летию со дня рождения В.В. Куйбышева // За советскую науку. 1988. 9 июня. С. 2.

² К 100-летию со дня рождения В.В. Куйбышева ... С. 1.

³ *Карташова Н.* Если следовать логике // За советскую науку: газета Томского государственного университета. 1990. 18 января. С. 3.

⁴ *Михайлова А.* Написано пером // *Alma Matter*. 1992. 12 февраля. С. 5.

ценностям научного учреждения, ориентированного на развитие сибирского просвещения. Указанные факторы обусловили последовательную десакрализацию памяти: в 1990 году университет был переименован, мемориальный музей реорганизован¹, а в 1994 году демонтирован памятник политическому деятелю².

В период перестройки отношение к В.В. Куйбышеву приобрело выраженный критический характер. Несмотря на предпринимаемые администрацией университета меры, руководству не удалось противостоять нарастающей волне критики со стороны академического сообщества. Хотя снижение интереса к личности Куйбышева наблюдалось и ранее, именно перестройка инициировала кардинальную трансформацию ценностных ориентиров. Сформированный в советский период образ революционного деятеля и одного из лидеров сталинской эпохи утратил свою актуальность для новых поколений. Юбилейные мероприятия этого периода, включая столетний юбилей Куйбышева, проводились преимущественно формально, став последними памятными акциями, посвященными революционеру в истории университета.

В 2000–2020-е годы память о выдающемся советском деятеле находилась скорее в стадии забвения. Памятник В.В. Куйбышеву долгое время был скрыт в глубине хозкорпуса ТГУ, пока его в 2020-х годах не восстановили на территории университетской рощи. Материалы, хранившиеся в музее имени В.В. Куйбышева, вошли в состав коллекции нового музея Истории ТГУ, как отдельный самостоятельный фонд³. В современном университетском сообществе образ революционера практически исчез из коллективной памяти. Проведенный анализ свидетельствует о полном отсутствии сформированного общественного мнения о данной исторической фигуре — подавляющее большинство респондентов либо не знакомы с его личностью,

¹ Делич И.Б. Музей истории: время становления // *Alma mater*. 1992. 2 октября. С. 3.

² Этот снимок скоро станет исторической ценностью // *Alma Mater*. 1994. 2 сентября. С. 1.

³ Делич И.Б. Музей истории ТГУ // *Томские музеи. Музеи университетов: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области»*. Томск, 2012. С. 225–228.

либо не выражают определенной позиции по этому вопросу¹.

Подводя итог проведенному исследованию, стоит отметить, что хоть на данный момент идет частичное обращение к героям советского прошлого, во многом память о них утеряна за сравнительно небольшой отрезок времени. Во-первых, образ В.В. Куйбышева в коллективной памяти Томского государственного университета неустойчив и отношение к нему во многом зависит от социально-культурного или политического контекста времени. Во-вторых, внутренняя политика университета способствовала различным изменениям, поскольку большее внимание руководства порождало большее внимание общественности, однако не всегда было способно предотвратить, возникшие в связи с контекстом времени проблемы. В-третьих, важно подчеркнуть, что фигура В.В. Куйбышева во многом была искусственной для Томского университета, что вылилось не только в отторжение образа героя в период перестройки, но и в то, что он впоследствии был достаточно быстро забыт.

Библиография

Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 490 с.

Валериан Владимирович Куйбышев. Биография / Г.В. Куйбышева, О.А. Лежава, Н.В. Нелидов, А.Ф. Хавин. М.: Изд-во политической литературы, 1966. 359 с.

Томский университет, 1880–1980: [очерк истории и деятельности] / В.С. Синяев, Е.С. Кирсанова, М.Е. Плотникова и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 490 с.

¹ Путеводитель по прошлому // Alma mater. 2003. 30 декабря.

А.А. Геворкян
*Национальный исследовательский
Томский государственный университет (Томск)*

Физико-математические факультеты Томского университета как сообщество памяти

В работе анализируется феномен корпоративной памяти (как одной из форм исторической памяти) применительно к физико-математическим факультетам Томского университета и их деканскому корпусу с советского периода по настоящее время. Выявленные характеристики отражают некоторые тенденции в развитии классического университетского образования в указанное время, а также демонстрируют сохранение исторической памяти. При описании актов памяти в статье применяются концепции Мориса Хальбвакса и Яна и Алейды Ассманов, в частности их понимание коллективной памяти. Автор приходит к выводу о том, что память поддерживается в виде различных мероприятий, а со временем они стали репрезентироваться и в цифровой среде.

Ключевые слова: преемственность, деканский корпус, память, историческая память, коллективная память.

Проблема исторической памяти является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых в последние десятилетия. В гуманитарных дисциплинах все чаще обращаются к проблематике коллективной памяти, ее репрезентациям. При изучении исторической памяти зачастую речь заходит о преемственности поколений, демонстрирующей единство и целостность общества.

Одной из функций исторической памяти является трансляция исторического опыта, которая выражается в преемственности поколений. Эта преемственность важна для сохранения целостности и единства общества, а историческая память представляет из себя способ передачи исторического опыта.

Исследуя феномен памяти, необходимо обратиться к работам соответствующих исследователей, рассмотрев их понимание проблемы памяти. Наиболее значимые работы в данной области принадлежат перу Мориса Хальбвакса, основоположника тезиса о коллективной памяти как средстве самоидентификации различных сообществ, и Яна и Алейды Ассман, писавших о культурной памяти, выражением которой является наследие.

Морис Хальбвакс — французский философ и социолог, представитель социологической школы Эмиля Дюркгейма, известный своими трудами о коллективной памяти. В 1925 г. был издан труд «Социальные рамки памяти», побудивший бурный интерес к исследованиям проблематики памяти. После его смерти была опубликована работа «Коллективная память», собранная из статей и рукописей.

В своих работах он отрицал существование индивидуальной памяти, как специфического свойства, проявляющегося в сознании, ограниченном и изолированном от остальных¹. Память не может быть достоянием отдельного индивида, а люди, никогда не принадлежащие к каким-либо сообществам, не могут обладать памятью (если рассматривать ее как способностью вспоминать и стабильно воспроизводить во внутренней речи события как субъективной реальности, так и внешнего мира, относящегося к индивиду)².

В связи с этим предложил различать два типа памяти: внутреннюю (личную, автобиографическую) и внешнюю (социальную или историческую). Согласно Хальбваксу, история представляет из себя форму коллективной памяти, а в качестве коллективной памяти он определяет специфические проявления «присутствия прошлого» (такие, как традиции, концепции, образовательные знания и пр.), создающиеся и сохраняющиеся в социальных институтах и среди коллективов. Коллективная память создает, формирует связь между прошлым и настоящим. А историческая память определяется как память об историческом прошлом, о его репрезентации, таким образом историческая память является неким измерением коллективной памяти³.

¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 8–27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 05.08.2024).

² Сабанчеев Р.Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2(28). С. 128.

³ Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2010. № 3. С. 41

Ян Ассман — историк и специалист в области коллективной памяти в древних и современных обществах. В своей книге «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» он дает определение понятию культурная память. Она представляет из себя способ трансляции и актуализации культурных смыслов в пределах цивилизации, который осуществляется из поколения в поколение и формирует специфику культурного пространства. Согласно его концепции, культурная память не способна хранить прошлое, оно формирует из него символические фигуры, с которыми связываются воспоминания¹. С концепцией Яна Ассмана соотносится концепция Алейды Ассман (которая построена на работах М. Хальбвакса, Ю. Лотмана и пр.). Алейда Ассман писала о том, что культурная память возникает при сохранении воспоминаний, благодаря материальным носителям (в качестве которых могут выступать музеи, памятники и др.), либо же благодаря трансформации воспоминаний в символические практики (такие, как ритуалы, годовщины и иные формы коммеморации). Таким образом, культурная память в данной концепции обладает транспоколенческим характером, что означает ее существование вне временных ограничений².

Память может проявляться в различных сообществах, в данной статье речь пойдет о деканском корпусе физико-математических факультетов Томского государственного университета.

Томский государственный университет (ТГУ) — старейший в Сибири центр науки и высшего образования. Важную роль в организации образовательного и научно-исследовательского процессов в нем всегда играли деканы.

В Томском университете основана книжная серия «Деканы Томского университета». Первая книга серии «Деканы физико-математических факультетов Томского государственного университета (1948–2023 гг.)» (подготовлена к изданию в 2024 г.). Особенностью издания является то, что оно содержит

¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольский. М., 2004. С. 39.

² Завадский А. Нам нужна своя Ассман // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 3. С. 502.

не только сведения о жизни и научных достижениях каждого декана, но и, по сути, всю историю факультетов (физического, механико-математического, радиофизического, физико-технического) с момента их основания. Книга охватывает как советский, так и постсоветский периоды.

Физико-математический факультет основан в составе Томского университета в 1917 г., его развитие пришлось на время трансформации классических университетов уже в советское время. Факультет просуществовал до 1948 г., когда решением Министерства высшего образования СССР он был разделен на физический (ФФ) и механико-математический (ММФ). Позднее, в 1953 г. в Томском университете был образован радиофизический факультет (РФФ), а в 1962 г. — физико-технический (ФТФ)¹.

В советское время должность декана ФФ занимали десять ученых (из них двое были деканами дважды с перерывами). Столько же деканов за это время сменилось и на ММФ. На РФФ с 1953 г. до распада СССР было восемь деканов, на ФТФ — четыре (один — дважды с перерывом). На ФФ и ФТФ произошла смена деканов в рубежное время (1991 г.). Декан физического факультета Н.С. Голосов оставил эту должность на фоне конфликта со студентами и членами Ученого совета факультета; декан физико-технического факультета В.Д. Мерзляков, занимавший эту должность с 1978 г., в 1991 г. отказался принять участие в очередных выборах. Деканы РФФ (С.В. Малянов) и ММФ (В.А. Штанько) руководили ими в переходное время, застав как бурное развитие 1980-х, так и 1990-е годы. В постсоветское время на ФФ сменилось три декана, на ФТФ — два. На ММФ после В.А. Штанько было четыре декана, а на РФФ после С.В. Малянова — два декана.

Необходимо упомянуть и гендерный состав корпуса деканов. На рубеже XIX–XX в. женщины только начинали завоевывать свое право участвовать в научной и преподавательской жизни высшей школы России, и некоторые из них преуспели в этом².

¹ Деканы физико-математических факультетов Томского государственного университета (1948–2023 гг.). Ч. 1 / Степнов А.О., Некрылов С.А., Грибовский М.В. и др. / науч. ред. Г.В. Майер, С.А. Некрылов. Томск, 2024. С. 12.

² Валькова О.А. Штурмия цитадель науки: Женщины-ученые Российской империи. М., 2019. 792 с.

Традиционно считается, что физико-математические науки особенно «недружелюбны» к представительницам слабого пола. Однако именно в ТГУ в 1930-е — начале 1940-х годов, появились первые женщины-физики — доктора физико-математических наук: В.М. Кудрявцева, Н.А. Прилежаева, М.А. Большанина¹. В первой серии вышеупомянутой книги о деканах приводится цитата из воспоминаний выпускника физического факультета ТГУ 1967 г., поэта Г.М. Кружкова, в которой он описал свою первую встречу с В.Н. Ждановой (в 1953–1955 годах. — и.о. декана, в 1955–1966 годах декан физического факультета). Г.М. Кружков отметил, как значительно Томск отличался от Москвы: в Томске преподаватели общались со студентами на равных, на кафедру заходили «как к себе домой», ценились способности, а не анкета. Таким образом, Томский университет располагал к себе, представляя комфортную среду, в создании которой важную роль играли деканы².

Как отмечается в первом издании справочника «Деканы физико-математических факультетов Томского государственного университета (1948–2023 гг.)», преемственность выражалась в развитии факультетов: в приоритетных направлениях, на которые обращали особое внимание деканы, выстраивая свою деятельность. Так, В.Н. Жданова, будучи деканом физического факультета, выстраивала свою деятельность по примеру своего предшественника — С.М. Чанышева (в 1950–1953 гг. декан физического факультета), уделяя особое внимание политико-воспитательной работе со студентами, научно-методической работе кафедр, а также подбору высококвалифицированных кадров³. Для того периода преемственными были и различные проблемы, в том числе касающиеся успеваемости студентов — эти вопросы зачастую освещались в газете «За советскую науку».

¹ Степнов А.О. Первые ученые-женщины в советской физике - профессора Томского университета В.М. Кудрявцева, Н.А. Прилежаева, М.А. Большанина: гендерные аспекты профессионально-адаптационных практик // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 184.

² Деканы физико-математических факультетов Томского государственного университета (1948–2023 гг.)... Ч.1. С. 202.

³ Деканы физико-математических факультетов Томского государственного университета (1948–2023 гг.)... Ч. 1. С. 53.

Анализируя вышеизложенное, в данном случае через единство выбора направлений деятельности деканского корпуса подерживается коллективная память в том значении, в котором ее понимал М. Хальбвакс, формируя связь между прошлым и настоящим. Эту связь можно рассмотреть, изучая различные аспекты управления факультетами, специфику кадровой политики в высшей школе и пр. А в качестве актов памяти, либо же репрезентаций в данном случае выступают конференции, научные статьи. Например, 29 октября 2008 г. в рамках 9-го Российско-китайского симпозиума по лазерной физике и лазерным технологиям в ТГУ состоялась Конференция молодых ученых и студентов «Лазеры и лазерные технологии», посвященная 100-летию со дня рождения Н.А. Прилежаевой (в 1948–1949 гг. декан физического факультета)¹. В качестве примеров научных статей может выступать ряд научных работ сотрудников Научно-учебной исследовательской лаборатории «Сибирь: исторические традиции и современность» факультета исторических и политических наук ТГУ. Но помимо этого, о значимости деятелей (деканов) свидетельствует и обращение сотрудников других университетов к их научному наследию, например, написание совместной статьи сотрудниками ТУСУРа и ТГУ о деятельности В.Н. Кессениха (в 1953–1956 гг. декан радиофизического факультета)².

Воспоминания о деканах представляют из себя культурную память (в том значении, в котором ее понимала А. Ассман), в которой коммеморации проявляются в форме проведения конференций, научных статей, посвященных деканам; в качестве материальных носителей выступают экспонаты в музее истории ТГУ (например, предметы, принадлежавшие деканам). В

¹ В ТГУ обсуждают вопросы лазерной физики [Электронный ресурс] // Городской портал Томск.ру.

URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/1296-v-tgu-obsuzhdayut-voprosy-lazernoy-fiziki> (дата обращения: 06.08.2024).

² Сотрудники ТУСУРа опубликовали статью в ведущем журнале «Вопросы истории естествознания и техники» [Электронный ресурс] // Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. 2023. 04 октября.

URL: <https://tusur.ru/ru/novosti-i-meropriyatiya/jizn-v-tusure/prosmotr/-/novost-sotrudniki-tusura-opublikovali-statyu-v-veduschem-zhurnale-voprosy-istorii-estestvoznaniya-i-tehniki> (дата обращения: 06.08.2024).

данном случае необходимо упомянуть также и цифровые проявления сохранения памяти, характерные для периода современности: ведение и пополнение новыми биографиями Электронной энциклопедии ТГУ (создана в мае 2014 г. в рамках Дорожной карты Томского государственного университета). 22 биографии деканов из 43 содержится в Электронной энциклопедии ТГУ. Биографии восьми деканов размещены на сайте Свободной энциклопедии Википедии, что свидетельствует об общероссийских масштабах различных направлений их деятельности.

Таким образом, преемственность деканов можно рассматривать как элемент сохранения корпоративной памяти. Преемственность в университетской среде выражается различными способами: через проведение, посвященных юбилеям деканов научных конференций или же написание научных статей об их деятельности (как научной, так и организационной, управленческой). Всевозможные мероприятия по сохранению, репрезентации и трансляции определенных смыслов и ценностей, объединяющих руководителей факультетов возможны благодаря реализации потенциала культурной памяти в образовании. Благодаря цифровым технологиям становятся возможны и новые формы сохранения памяти, которые активно внедряются и применяются в университете.

Библиография

Алекминская Г.М. К вопросу о культурной памяти и идентичности в трудах Я. Ассмана // Социологическая наука и социальная практика. 2022. № 3(39). С. 148–158.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольский. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Бывшева М.В. Теоретические аспекты преемственности в системе образования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. №22. С. 259–263.

Валькова О.А. Штурмуя цитадель науки: Женщины-ученые Российской империи / О.А. Валькова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 792 с.

Годник С.М. Процесс преемственности высшей и средней школы. Воронеж, 1981. 208 с.

Деканы физико-математических факультетов Томского государ-

ственного университета (1948–2023 гг.). Ч. 1 / Степнов А.О., Некрылов С.А., Грибовский М.В., Расколец В.В. / науч. ред. Г.В. Майер, С.А. Некрылов. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2024. 600 с.

Завадский А. Нам нужна своя Ассман // Журнал исследований социальной политики. 2015. №3. С. 501–504.

Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2010. №3. С. 39–44.

Сабанчеев Р.Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2(28). С. 127–132.

Степнов А.О. Первые ученые-женщины в советской физике — профессора Томского университета В.М. Кудрявцева, Н.А. Прилежаева, М.А. Большанина: гендерные аспекты профессионально-адаптационных практик // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 183–192.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 8–27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 05.08.2024).

Л.А. Овечкина

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

Образы советской идеологии в букварях и их замена в постсоветское время

В статье рассматривается вопрос отражения идеологического курса на советских букварях эпохи застоя и перестройки. Рассматривается замена предшествующих идеологических образов в постсоветских букварях. Сравнение букварей посредством таких критериев, как репрезентации образов: «рабочих» профессий, исторических событий (с акцентом на Великую Отечественную войну), семьи, поведенческой культуры.

Ключевые слова: букварь, период перестройки, период застоя, образ советского человека, идеологический курс

Система образования — один из основных институтов общества, который включает в себя процесс обучения и воспи-

тания. Начальной ступенью этого процесса является научение базовым навыкам грамоты: чтения и письма. Обучение грамотности для советской власти было частью политического проекта по формированию «Нового человека». Поэтому букварь можно трактовать как первый шаг советского гражданина на пути освоения советской идеологии. Букварь рассматривается в качестве начального учебного материала, с которого начинается формирование представлений о повседневности.

Именно поэтому нами был выбран для изучения букварь, который мы рассмотрим в качестве исторического источника для изучения конкретной эпохи и проанализируем, как буквари советской эпохи отражали официальную идеологию. Изучение этого конкретного букваря позволяет понять особенности образовательной политики. Фактически данное издание являлось первым звеном институциональной социализации, каналом транслируемых идеологических и этических образов, призванных сформировать школьника как человека советского¹.

Настоящее исследование посвящено трансформации советской идеологии в школьных букварях в период Перестройки. Основной целью изучения советских букварей выбранного периода будет реакция на изменения в политическом курсе. Ниже мы будем сравнивать букварь 1985 года с более ранними изданиями эпохи «застоя», помимо чего сделаем упор на сравнение с учебником 1992 года проследив, как со сменой «вех» происходит репрезентация ценностей. Сравнение букварей производится через критерий реакции учебников на официальные нормативно-правовые документы, репрезентации образов: «рабочих» профессий, семьи, поведенческой культуры, исторических событий (с акцентом на Великую Отечественную Войну). Особое внимание уделено отражению ключевых событий через символы в указанный исторический период. Источниками послужили буквари, изданные на рубеже эпох. Всего детально исследовано пять изданий, анализ которых будет встречаться ниже.

Для более четкого понимания, о каком учебнике идет

¹ Клинова М.А. Букварь как источник изучения советской повседневности (на примере изданий середины 1940-х — 1950-х гг. // УРФУ, Екатеринбург, 2016. С. 371–374

речь, уточню, что букварь Горецкого представляет собой начальное пособие для обучения чтению через практическое изучение букв, слогов, постепенно перерастающих в слова. Изучение букв в порядке их частоты использования, нахождение изучаемой буквы не только в начале слова, чтение несложных текстов, где новые слова читаются по слогам, — все это делает букварь Горецкого уникальным и популярным почти 30 лет. Учебник имел много переизданий, с улучшениями и доработками, причем каждый раз учебник отвечал запросу повседневности, именно поэтому основной упор нами делается сравнение Букваря одних и тех же авторов, но в различных изданиях (5 и 12 изд. 1985 и 1992 гг. соответственно). Этот учебник для начальной школы основан на предыдущем опыте других авторов: Н. Костина, С.П. Редозубова, А.И. Воскресенской и т.д., но, тем не менее, имеет ряд важных отличий.

Первое: яркая графическая составляющая помогает закреплять изучение новых букв и слов через картинки-ассоциации; из чего сразу выходит второй момент: изучаемая буква не всегда стоит в начале слова, как это делается обычно, теперь буква может стоять в любой части слова, таким образом, развивается навык анализа у ребенка вместе с поиском слов по изучаемой теме. И третьим явным отличием будет последовательность изучения букв по принципу частоты использования.

Букварь Горецкого имеет 2–4 страницы на изучение буквы. При том, закрепление идет не только через графический образ, но и через слоги и текст. То есть, структура такова, что изначально идет знакомство с буквой, научение прочтения ее в слогах и коротких словах, для закрепления букв предыдущих и составление цепочки ассоциаций. Следом идет текстовое сопровождение, которое контекстуально закрепляет букву и слова с ней.

Нами была предпринята попытка провести анализ с использованием Постановления «Об основных направлениях реформы общеобразовательной школы» от 1984 года. Реакция на Постановление проявилась в качестве нового курса воспитания советского человека через объединение школы и семьи.

Это подтверждает через страницы, имеющие иллюстрации с праздниками (прим. с. 90), где, как правило, изображаются семьи, тем самым, правильность принципов объединения семьи

и школы для учебно-воспитательной работы подтверждается с помощью образов взрослых, которые поддерживают официальный политический курс.

Также в постановлении делается акцент на трудовом воспитании и профессиональной ориентации, которое транслируется через развороты с большими картинками, так, например, к изданию 1985 г. комбайн и грузовик расположены на всю страницу, изображены в правильных пропорциях. Задание на с. 68 иллюстрирует рабочие инструменты и т.д. Таким образом, акцент учебника на рабочие профессии повышается, а сами картинки укрупняются, становясь более ясными и четкими.

В 1992 г. принят «Закон об образовании», который поддерживает новые принципы: гуманистический характер образования, адаптивность, демократизация. Наряду с новыми принципами выступают и старые, но, тем не менее, актуальные: трудолюбие, заботливость, любовь к природе, нравственность и т. д. Одновременно с процессом перехода к новому политическому курсу в 1990-е заменяется и советская идеология, акценты расставляются по-иному. Следует отметить, что дидактическая литература имеет долгий процесс создания, следовательно, происходит редакция уже существующего букваря, со страниц которого исчезают многие детали. Он будет описан ниже. Таким образом, при кратком просмотре изданий букваря следует отметить, что, в целом, разные редакции имеют одинаковую структуру построения материала, схожие задания, совпадающие иллюстрации, однако ценности транслируются уже другие.

Далее рассмотрим графическую составляющую букварей, поскольку именно семантический способ решения основной дидактической задачи букваря (знакомство с буквами и обретение навыка чтения) отличает учебник Горещкого от советских азбук более раннего периода. Поскольку, важно отметить, что именно в букваре используется методика запоминания новых символов (букв) и слов через визуальную составляющую, где каждая буква сопровождается ассоциативной картинкой, чего нет в ранних учебниках. Таким образом, помимо навыка чтения расширяется и словарный запас.

Начиная с форзацев букварей (1985 и 1992 гг.) отражается смена эпох. На форзацах представлено графическое изображе-

ние алфавита и, если присмотреться внимательнее, то мы заметим, что буква «Ф» все еще запоминается через слово «флаг», однако сам флаг меняется в соответствии с происходящими событиями. Далее идут форзацы, где отражаются бытовые ситуации, однако вновь сталкиваемся с изменениями изданий: к 1992 году исчезают «рабочие» профессии, все чаще попадаются сцены семейного быта. Анализируя буквари на наличие идеологической (и связанных с идеологией символов) мы прослеживаем актуальные общественные и культурные изменения в СССР на тот момент. Изменения в содержании и подаче информации в букваре могут освещать эволюцию идеологии, политические изменения, прогресс в образовательной системе и т. д.

Теперь рассмотрим исторические события, которые имеют представление на страницах букварей. Естественно, больший акцент будет на событиях Великой Отечественной войны, при чем более ранние буквари имеют большее количество изображений «игр» в войну или текстов о войне, что обуславливается недавностью событий. К середине 1980-х упоминается новый тренд «войны-прошлого», на страницах появляются ветераны (прим. с. 64, иллюстрация ветерана, которому дарят цветы).

Образовательные материалы, тексты и иллюстрации отражают пропагандистскую линию и идеалы коммунизма. Вернемся к букварям Горецкого и его изданию в 1992 году — отмечено, что исчезает не только советская символика, но и происходит ретрансляция ценностей — демилитаризация, замена рабочих профессии (в большинстве своем) на сцены в кругу семьи (притом, также, как и в послевоенные годы мы наблюдаем сцены «сытой жизни»)¹. Далее отметим с. 23 в букваре Горецкого 5 и 12 изд.: происходит демилитаризация учебника — ребенок в буденовке заменяется на ребенка в кепке, а нижняя картинка с солдатами вообще исчезает. То же самое происходит и на странице 24 и других изображениях с флагами: флаг заменяется на нейтральные шары.

Анализ букваря в контексте обучения грамоте позволяет изучить особенности и эволюцию методики обучения чтению и письму. Советский букварь 1985 года представляет структуру

¹ Клинова М. А., Букварь как источник...

обучения детей. В нем содержится набор материала, который предлагается детям для обучения чтению. Букварь содержит тексты, задания, которые помогают детям усвоить навык и параллельно узнать об основных фактах культурного наследия страны. Но акцент здесь сделаем именно на методе обучения — развитие словарного запаса происходит через появление новых слов, которые отделяются друг от друга: появляются схемы со слогами и ударением, и закреплением старых, которые выглядят уже, как обычный текст. Слова, которые даются в тексте впервые, разделены слоги для упрощения их чтения, поскольку произношение отдельных слогов более простое, чем всего слова сразу ввиду наличия гласных букв, которые и отделяют слоги. Для обучения чтению это очень удобно, при том, что те слова, которые были изучены ранее пишутся уже полностью, подразумевая систему запоминания написаний слов.

Рассмотрим страницы 42, 46, 62–63, где присутствуют лишь картинки с повторением изученных звуков вновь заменяются, но теперь уже не на аналогичные картины, а на задания, сопровождающиеся героями букваря во всех изданиях — Незнайка, Буратино, Мурзилка. С одной стороны, задачи на логику, они похожи на творческие задания из журналов, с другой стороны, описание картинок и наводящие вопросы учителя на тему, в качестве проверки словарного запаса, связанного с определенным предметом. В итоге, обе стороны выступают как задания разного формата, не более.

Отметим, при изучении той или иной буквы и соответствующего звука, некоторым детям трудно запомнить звук просто так, сам по себе, этот вопрос решается через короткие тексты с изучаемыми слогами, так, через ассоциации упрощается запоминание. Важно: для понимания детей в разное время необходимы свои ассоциации, которых в букварях Горьцкого большое количество — в ответ на потребности времени. Соответственно, когда исчезают тексты милитаристского толка можно сделать вывод, что происходит переориентация ценностей.

Далее поговорим об общекультурном контексте: на страницах букваря отражаются шаблоны и поведенческие образцы советского человека, которые должны постепенно осваиваться ребенком. Буквари были основным учебным пособием для детей

на этапе начального образования, поэтому трансляция социальных ценностей начинается с них. Так, к изданию 1992 (и последующим) акцент с труда и разнообразия профессий переносится на семейные мотивы: все больше появляются сцены с семьей, застольем. Форзацы представляют собой серию из четырех изображений, отражающих смену повседневности: 1. Портрет Ленина вообще исчезает, заменяясь на описание сведений о букваре, а вторая часть разворота с учительницей видоизменяется: в изд. 1982 г. учитель удерживает ученика, держит, скорее всего, классный журнал. 2. В 1985 г. Учительница уже никого не держит — дети смотрят на нее заинтересованно, причем одна из девочек держит букварь более ранней редакции (судя по обложке). 3. К 1992 г. карта СССР с заднего плана вообще ничем не заменяется, то есть, фон остается пустым, тогда как учительница приобретает сережки, часы, что вполне может являться более доступным предметом (что в свою очередь возвращает нас к реалиям начавшейся «рыночной» экономике). Примечательно, в руках преподавательница держит уже сказки, а не журнал.

Кроме того, советский букварь может рассказать о советской культуре и образе жизни. Он может содержать иллюстрации, которые показывают, как выглядела типичная советская семья, и какие были обычаи и традиции. Отметим также с. 33: символика Олимпийских игр 1980 заменяется на нейтральную спортивную одежду. Казалось бы, на нескольких картинках такие небольшие изображения колец, формы (цвета) спортсмена также корректируется из-за предшествующих событий на политической арене. И если в букваре 1985 г. ценными изображаются такие качества, как стремление все сделать самому, владение трудовыми навыками с ранних лет, собранность, честность, смелость, способность взять ответственность на себя¹, то к 12-му изданию сцены с работой заменяются на сцены из сказок, тем самым, ассоциативный ряд, ранее связанный с идеологией начинает заменяться на знакомые сказки с моральным контек-

¹ Дорогой друг. Социальные модели и нормы в учебной литературе 1900–2000 годов (историко-педагогическое исследование). Коллективная монография // Под ред. В.Г. Безрогова, Т.С. Маркаровой, А.М. Цапенко. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики», вып. 18.) М.: Памятники исторической мысли, 2016. 568 с.

стом.

Букварь Горецкого имеет конкретную цель — научить ребенка читать, и делает это с помощью повседневных сценариев, соответственно, букварь 1985 года будет отражать советскую действительность через семантику и синтаксис, с целью скрепить визуальный (и жизненный) опыт с восприятием текста, как способ научения чтению. Соответственно, букварь 1992 года также будет отражать современную действительность, таким образом помогая ребенку через близкие (знакомые) для него понятия. Выделим, что в букварях собраны отрывки из произведений Чуковского, Маршака, Барто и других известных авторов, что расширяет набор слов в обиходе у ребенка, таким образом, за счет рифмованных стихов, упрощается запоминание и обогащение словарного запаса.

Букварь — начальное звено образования, которое позволяет в дальнейшем изучать весь последующий материал, именно поэтому важно изучать развитие этого источника подробно. Таким образом, в букваре Горецкого, выпущенном в 1985 году, политический контекст присутствует меньше, чем у предшественников. Это связано с протеканием исторических процессов, на которых в этом исследовании мы не заостряем внимание. В отличие от букварей более ранних лет, в которых присутствовали портреты политических лидеров, букварь Горецкого фокусируется на обучении детей чтению и правильном прочтении слов. Хотя учебник содержит иллюстрации коммунистических символов: политических лидеров, «рабочих» профессий, пионерии; они относятся скорее к изображению повсеместных ситуаций, характеризующих веяние времени. Причем к 1985 году все же идет преобладание иллюстраций бытовых предметов, профессий, семейных сцен, сказок, животных и других неполитических объектов. Это свидетельствует о том, что в перестройку политический контекст был существенно изменен по сравнению с предыдущими десятилетиями.

Советский букварь 1985 года является типичным учебником, предназначенным для начального образования. Он содержит основные правила чтения, алфавит и упражнения для развития навыков чтения и письма. Мы нашли общие черты во всех букварях и сделали вывод о типичности учебных материалов, методах

обучения чтению и письму, использованных в букваре, узнали, как организовывалась образовательная система и какие ценности, и идеология пропагандировались в семьях. Также поняли, что советский букварь может быть полезным для изучения языка и грамматики.

Рассматривая буквари с точки зрения их культурно-ценностных ориентаций, мы фиксируем переход «советских» ценностей труда, героизма, нравственности в уже постсоветский учебник. Следовательно, мы можем представить, что некоторые ценности могут быть актуальными для различных, по своей сути, идей. Реконструируя образы детей в первые постсоветские годы, существенных отличий не найти за исключением исчезновения основных государственных символов СССР. Таким образом, буквари транслируют культурные и поведенческие образцы, соответствующие политическому и экономическому курсу. Причем с течением времени эти образы видоизменяются и закрепляются через образовательную сферу.

Библиография

1. *Архангельская Н., Карлсен Е., Кеменова А., Худак С.* Букварь. 5-е изд. М.: Просвещение, 1970.
2. *Баранникова Н.Б., Безрогов В.Г., Тендрякова М.В.* Правило в(з)гляда: к теории семантикопедагогического анализа иллюстрации в учебнике для начальной школы // «Картинки в моем букваре»: Педагогическая семантика иллюстраций в учебнике для начальной школы. М., 2013. С. 9–60.
3. *Безрогов В.Г.* Презентация реальности в букварях русской эмиграции первой волны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 2, № 4(53). С. 159–170.
4. «Букварь — это молот»: учебники для начальной школы на заре советской власти, 1917–1932. Сборник научных трудов и материалов // под ред. Т.С. Макаровой, В.Г. Безрогова, М.: НПБ им. К.Д. Ушинского РАО; Азимут; Тривант, 2011.
5. *Воскресенская А.И.* Букварь. 9-е изд. М.: Учпедгиз, 1952.
6. *Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф.* Букварь. 12-е изд. М.: Просвещение. 1992.
7. *Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф.* Букварь. 14-е изд. М.: Просвещение, 1994.
8. *Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф.* Букварь. 5-е изд.

М.: Просвещение. 1985.

9. *Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф.* Букварь. 7-е изд. М.: Просвещение. 1987.

10. Дорогой друг. Социальные модели и нормы в учебной литературе 1900–2000 годов (историко-педагогическое исследование). Коллективная монография // Под ред. В.Г. Безрогова, Т.С. Маркаровой, А.М. Цапенко. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики», вып. 18.). М.: Памятники исторической мысли, 2016. 568 с.

11. *Клинова М.А.* Букварь как источник изучения советской повседневности (на примере изданий середины 1940-х — 1950-х гг. // УРФУ, Екатеринбург, 2016. С. 371–374

12. *Редозубов А.В., Байдина-Янковская, Костин Н.А. и др.* Букварь. 4-е изд. / Акад. пед. наук РСФСР. М.: Учпедгиз, 1955.

И.А. Суздальцев

ГБОУ Школа № 1381 (Москва)

«Человек, изменивший мир»:

В.И. Ленин в новейшей зарубежной историографии

Статья посвящена анализу оценок в современной зарубежной исторической науке политической деятельности В.И. Ленина. Лидер РКП(б) по-прежнему является ключевой для изучения личностью отечественной истории. Исследование включило в себя использование более 30 монографий и статей зарубежных авторов, опубликованных за последние несколько лет, либо напрямую посвященных В.И. Ленину, либо в которых так или иначе рассматривается его политическая деятельность. Год столетия Октябрьской революции ознаменовал появление целого ряда публикаций по исследуемой теме, в последующие годы интерес к Ленину в зарубежной историографии не ослабевал, поэтому в обзор были включены работы, опубликованные с 2017 г. по настоящее время, не введенные в оборот в русскоязычной литературе. В них присутствуют различные оценки: от исключительно негативных до положительных. Ленин, с одной стороны, называется создателем тоталитарного государства, с другой стороны, отмечается успешное противодействие капиталистической системе, значимость его работ не только для марксистов, но и для революционеров, занимавшихся антиколониальной освободительной борьбой.

Ключевые слова: РКП(б), военный коммунизм, НЭП, мировая революция, Коминтерн.

В.И. Ленин — одна из самых изучаемых личностей в исторической науке XX века. Может показаться, что ввиду серьезной разработки проблемы, научный интерес в зарубежной историографии к нему ослаб, однако, как показывает анализ современных публикаций, этот революционер по-прежнему остается актуальной фигурой для исследований.

За 100 лет, прошедших с момента смерти вождя мирового пролетариата, зарубежными исследователями были опубликованы несколько сотен работ, посвященных его политической деятельности¹. Среди историков, занимавшихся изучением В.И. Ленина наиболее представлены работы «традиционалистов» и «ревизионистов» (радикалов)². Первые отмечали неактуальность ленинских идей³; писали, что они были утопичны даже в первой половине XX века⁴, что под фасадом советской власти была организована монополярная власть одной партии⁵. В противоположном лагере считали, что «ему удалось идеально совместить две различные роли — роль политика с железной волей и роль стратегического, социально-аналитического мыслителя»⁶.

В настоящее время дискуссия продолжается. Например, С. Жижек (Словения) и К. Андерсон (США) пишут о том, что Ленин смог спланировать и осуществить революцию благодаря работам Гегеля⁷. «Наука логики» помогла сформировать некоторые из его новаторских политических и экономических концепций вокруг таких вопросов, как империализм, национальное освобождение, государство и революция⁸. Работе Андерсона свойственен восторженный вывод о том, что пока империализм и

¹ Более подробно см. *Котеленец Е.А.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М., 2017. С. 29–36.

² Там же. С. 14.

³ *Jowitt K.* New World Disorder. The Leninist Extinction. Berkeley, 1992. P. vii-ix.

⁴ *Mészáros I.* Political Power and Dissent in Post-Revolutionary Societies // *New Left Review*. 1978. No. 108. P. 13.

⁵ *Anweiler O.* The Soviets. The Russian Workers, Peasants and Soldiers Councils, 1905–21. New York, 1974. P. 193.

⁶ *Hill C.* Lenin and the Russian Revolution. Middlesex, 1971. P. 162.

⁷ *Žižek S.* Lenin 2017: Remembering, Repeating, and Working Through, London, 2017. p. xv.

⁸ *Anderson K.* Lenin, Hegel, and Western Marxism. A Critical Study. Boston, 2022. P. 346.

господство мирового капитализма поражают страны третьего мира, такие идеи, как ленинская концепция национального освобождения, будут востребованы¹. В самом исследовании оценки несколько иные, например, автор пишет, что «мысль Ленина не может быть моделью для нас, так как даже для своего времени она была глубоко ошибочной»². Жижек считает, что в настоящее время идеи Ленина безнадежно устарели, его политическая практика совершенно не согласуется с нынешними демократическими ценностями³.

Дж. Медхерст (Великобритания) отмечает, что система, созданная Лениным и его соратниками, породила более масштабное рабство, нежели то, которое существует при капитализме. Его достаточно прогрессивные идеи, высказанные до 1917 года в итоге привели к тому, что партийно-государственные чиновники создали монополию на власть⁴. Подобные мнения высказывают также М. Рохас (Швеция) и Л. Даудс (Великобритания)⁵; авторитарной и нелиберальной Советскую Россию времен военного коммунизма называет С. Джентили (Италия)⁶. Изобретателем первого тоталитарного государства Ленина считает С. Куртуа (Франция), который, к тому же, всеми средствами пытался уничтожить социалистическое движение, верное демократической культуре⁷.

В. Себестьен (США) пишет, что Ленин не был жестоким, не носил военную форму, как другие диктаторы. Однако, придя к власти, он ни разу не проявил великодушия к побежденному противнику, если это не было политически целесообразно. Анжелика Балабанова, одна из его старых соратниц, которая восхищалась им на протяжении многих лет, но стала бояться и не-

¹ Ibid. P. 348.

² Ibid. P. 346.

³ Žižek S. Lenin 2017... P. 8, 12.

⁴ Medhurst J. No Less Than Mystic. A History of Lenin and the Russian Revolution for a 21st-Century Left. London, 2017. P. 9.

⁵ Rojas M. Lenin y el totalitarismo. Barcelona, 2017. P. 4; Douds L. Inside Lenin's Government. Ideology, Power and Practice in the Early Soviet State. London, 2018. P. 2.

⁶ Gentili S. «Questo è un fatto e i fatti sono ostinati»: Lenin e l'Ottobre '17. Una lettura politica. Rome, 2017. P. 7.

⁷ Courtois S. Lenin, el inventor del totalitarismo. Madrid, 2017. P. 11, 186.

навидеть его, пронизательно сказала, что «трагедия Ленина заключалась в том, что, по выражению Гете, он желал добра... но создавал зло»¹. Д. Ост (США) высказывает мнение о том, что единственная модель, которую он оставил для основанной им политической системы, заключалась в том, что партия должна была сохранять власть любой ценой: председатель СНК провел масштабные репрессии против всех, кто был связан с оппозицией, даже среди рабочего класса, обосновывая это тем, что это диктатура пролетариата против врагов советской власти. Даже обновленный ленинизм, по его мнению, не может сегодня принести плоды левым радикалам². Похожей позиции придерживается А. Михайлович (США)³.

Оппоненты указанных выше исследователей дают позитивные оценки Владимиру Ильичу как политику, пишут об актуальности его идей. К примеру, К. Харман (Великобритания), сравнивая В.И. Ленина с Г.Е. Зиновьевым, делает ряд выводов не в пользу последнего: Зиновьев много лет работал с Лениным и перенял у него определенные аспекты поведения. Ленин, когда было необходимо, терпеливо убеждал партию в принятии нужного ему решения, Зиновьев, напротив, был демагогом, склонным скорее к запугиванию, чем к терпеливым объяснениям. Г. Брандлер (председатель Коммунистической партии Германии в 1921–1924 гг.) рассказывал о том, как он «стучал по столу», чтобы заставить иностранных коммунистов принять его точку зрения; трудно представить, чтобы Ленин делал нечто подобное⁴.

Дж. Молинье (Великобритания) называет Ленина равным Марксу как мыслитель и намного превосходящим его как политический лидер благодаря сочетанию глубокого интеллекта и

¹ *Sebestyen V.* Lenin: The Man, the Dictator, and the Master of Terror. New York, 2017. P. 14.

² *Ost D.J.* Rejecting Lenin for the Left // *The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century.* Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York, 2022. P. 35–37.

³ *Mihailovic A.* Whither the State? Steve Bannon, the Alt-Right, and Lenin's State and Revolution // *Ibid.* P. 115.

⁴ *Harman C.* The Lost Revolution. Germany 1918 to 1923. Chicago, 2017. P. 91.

огромной концентрации воли¹. Т. Краус (Венгрия) пишет, что ленинская традиция марксизма была единственной, которая обеспечила, по крайней мере на какое-то время, альтернативу капитализму². По мнению Р. Вессона (США), россияне испытывают ностальгию по Ленину потому, что он обещал новый порядок и принес равенство и достоинство простым людям; они испытывают ностальгию по Сталину, потому что он удерживал мелких начальников от мошенничества. Следующих за ними руководителей государства историк называет скучными потребителями революции, сделанной другими³.

М. Бри (Германия) считает, что в отличие от многих соратников в партии и II Интернационале, Ленин достаточно рано осознал взрывоопасный потенциал антиколониальной и национальной борьбы. Сегодня, когда, по его мнению, начинается ренессанс марксизма, опыт Советского Союза по-прежнему должен рассматриваться, как альтернатива капитализму⁴. Р. Хендерсон (Великобритания), изучая деятельность вождя большевиков в Лондоне, приводит интересный факт: в 2012 г. мэром города была открыта мемориальная доска на стене дома, где Ленин провел три недели весной 1908 года. Историк пишет, что таким образом, даже сто лет спустя Владимир Ильич все еще вызывает споры и полемические дебаты на улицах Лондона⁵.

Дискутируя со сторонниками позиции о «вымирании» идей Ленина А. Иванчикова (США) приходит к выводу о том, что в наше время он снова востребован как теоретик государства и революции, является политическим и интеллектуальным гигантом, к анализу взглядов которого мы должны возвращаться, возможно, каждое десятилетие⁶. Схожие выводы свойствен-

¹ *Molyneux J.* Lenin for Today. London, 2017. P. 120.

² *Krausz T.* Reconstruindo Lênin. São Paulo, 2017. P. 343.

³ *Wesson R.* Lenin's Legacy: The Story of the CPSU. Stanford, 2017. P. 147.

⁴ *Brie M.* Rediscovering Lenin. Dialectics of Revolution and Metaphysics of Domination. London, 2019. P. 15, 184.

⁵ *Henderson R.* The Spark That Lit the Revolution. Lenin in London and the Politics that Changed the World. London, 2020. P. 201.

⁶ *Ivanchikova A.* Does Lenin Have a Future? // The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century. Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York, 2022. P. 6.

ны работе Р. Маклина (США): «То, что было верно сто лет назад, остается верным: угнетение чернокожих людей нелегко отделить от планетарных моделей расового и неокOLONиального порабощения»¹, в связи с чем наследие ленинизма остается востребованным². К. Вергара (США) считает, что либеральное верховенство закона не защищает людей от доминирования, в связи с чем кажется необходимым изучить критические оценки Владимиром Лениным роли закона в капиталистической системе производства, в которой рабочие находятся в отношениях зависимости. Несмотря на важный вклад Ленина в изучение права, большая часть исследователей игнорирует его внимание к праву³. Дж. Дин (США) пытается опровергнуть утверждение, что РКП(б) была «антидемократической машиной». В качестве примера она приводит несколько недель ожесточенных дебатов перед подписанием Брестского мира⁴. Про Брестский мир также пишет Д. Райт (Великобритания), оправдывая его тем, что он помог большевикам сохранить власть в стране, несмотря на масштабные территориальные потери⁵.

Ч. Бурден-Стелли (США) отмечает вклад Ленина в радикальные идеи чернокожих мыслителей XX века, которые обновили и переделали ленинизм, чтобы бросить вызов так называемому «расовому капитализму»⁶. З. Эль-Набольси (США) пишет, что два выдающихся восточноафриканских марксиста Абдулрахман Мохамед Бабу (один из лидеров Занзибарской революции 1964 г.) и Дани Вадада Набудере (министр культуры Уганды в 1979–1980 гг.) находились под глубоким влиянием Ленина

¹ *Maclean R.* Black Leninist Internationalism: The Anticolonial Center // *Ibid.* P. 198.

² *Ibid.* P. 187.

³ *Vergara C.* Lenin and the Materialist Critique of Law // *Ibid.* P. 274.

⁴ *Dean J.* What Is Leninist Thinking? // *Ibid.* P. 63.

⁵ *Wright D.* Churchill's Secret War with Lenin. British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20. Solihull, 2017. P. xvi.

⁶ *Burden-Stelly C.* Elaborations of Leninism: Self-Determination and the Tradition of Radical Blackness // *The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century.* Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York, 2022. P. 152, 159, 161–164.

и внесли значительный вклад в развитие марксизма-ленинизма¹. Ж. Валивичарска (США) находит в работах лидера РКП(б) указания на приверженность принципам прямой демократии и борьбу за самоопределение народов, что по мнению историка говорит о востребованности его работ для революционеров, занимавшихся антиколониальной освободительной борьбой². Ряд историков считают, что Октябрьская революция, нанеся «лобовую атаку на капитализм», ускорила процессы деколонизации³.

По мнению П. Ле Блана (США), в настоящее время в достаточно большом количестве представлены активисты, объединяющиеся под ленинскими идеями по всему миру. Это связано с углублением экономического, социального, политического и экологического кризисов, которые породил капитализм⁴.

Б. Дос Сантос (Бразилия) отмечает, что Ленин был одним из самых гибких политиков: когда было необходимо, проводил политику «соглашательства» (принятие эсеровской аграрной программы, уступки иностранному капиталу, попытка союза со II и с II½ Интернационалами в 1922 г.); с другой стороны, при необходимости принимал максимально жесткие решения («раскол» партии в 1903 г., разрыв со II Интернационалом в 1914 г., необходимость восстания в октябре 1917 г., подавление Кронштадтского восстания и др.)⁵.

В новейшем зарубежном издании под названием «В защиту Ленина» революционер удостоен самых положительных оценок, утверждается, что он был человеком, изменившим мир, создал самую революционную партию в истории, а также воплотил идеи марксизма в реальность⁶. В рецензии на эту моногра-

¹ *el Nabolsy Z. Lenin and East African Marxism: Abdul Rahman Mohamed Babu and Dani Wadada Nabudere // Ibid. P. 206.*

² *Valiavicharska Z. The Production of “Leninism” and Its Political Journeys // Ibid. P. 301.*

³ *Ali T. The Dilemmas of Lenin: Terrorism, War, Empire, Love, Revolution. London, 2017. P. 1–2; Freeman T. Lenin's Interventionist Marxism. Melbourne, 2017. P. 145.*

⁴ *Le Blanc P. Lenin. Responding to Catastrophe, Forging Revolution. London, 2023. P. 219.*

⁵ *Dos Santos B. Estrategia y Táctica en Lenin. Madrid, 2023. P. 256–257.*

⁶ *Woods A., Sewell R. In Defence of Lenin. London, 2023. URL: <https://wellred-books.com/in-defence-of-lenin/>*

фию отмечается, что Ленин остается самой ненавистой фигурой для капиталистических эксплуататоров¹.

Таким образом, В.И. Ленин продолжает активно изучаться зарубежными исследователями. Наибольший интерес личность лидера РКП(б) вызывает у британских и американских историков, однако, в работе также представлены мнения исследователей из Бразилии, Венгрии, Германии, Италии, Словакии, Франции и Швеции. Направления исследований несколько изменились: акценты с рассмотрения политической деятельности Ленина сместились за последние несколько десятилетий в пользу изучения его личности и культа, который, по мнению Е.А. Котеленец, проводившей подобный нашему анализ, обусловлен «не только специфическими условиями породившего его общества, но и различными антропологическими и культурными факторами»². Еще одной тенденцией является факт того, что часть историков пытается превратить Ленина в объект современной политической борьбы. Те же, кто по-прежнему изучают Ленина главным образом как политика, критикуют его за создание «тоталитарного/авторитарного государства», положительных оценок Ленин удостоивается в том числе за успешное противодействие капиталистической системе, за актуальность и применимость его идей как в XX веке, так и в настоящее время.

Библиография

Котеленец Е.А. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017. 256 с.

Котеленец Е.А. Ленин как политик и человек в новейших исследованиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 2. С. 35–47.

Ali T. The Dilemmas of Lenin: Terrorism, War, Empire, Love, Revolution. London: Verso, 2017. 384 p.

Anderson K. Lenin, Hegel, and Western Marxism. A Critical Study.

¹ *McInally J.* Review: 'In Defence of Lenin' by Rob Sewell and Alan Woods // The Communist. 1.02.2024. URL: <https://communist.red/review-in-defence-of-lenin-by-rob-sewell-and-alan-woods/>

² *Котеленец Е.А.* Ленин как политик и человек в новейших исследованиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. №2. С. 44.

Boston: Brill, 2022. 384 p.

Anweiler O. The Soviets. The Russian Workers, Peasants and Soldiers Councils, 1905–21. New York: Pantheon, 1974. 339 p.

Brie M. Rediscovering Lenin. Dialectics of Revolution and Metaphysics of Domination. London: Palgrave Macmillan, 2019. 308 p.

Burden–Stelly C. Elaborations of Leninism: Self-Determination and the Tradition of Radical Blackness // The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century. Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York: SUNY Press, 2022. P. 151–174.

Courtois S. Lenin, el inventor del totalitarismo. Madrid: La Esfera de Los Libros, 2017. 536 p.

Dean J. What Is Leninist Thinking? // The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century. Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York: SUNY Press, 2022. P. 55–74.

Dos Santos B. Estrategia y Táctica en Lenin. Madrid: Dos Cuadros, 2023. 304 p.

Douds L. Inside Lenin's Government. Ideology, Power and Practice in the Early Soviet State. London: Bloomsbury Publishing, 2018. 240 p.

el Nabolsy Z. Lenin and East African Marxism: Abdul Rahman Mohamed Babu and Dani Wadada Nabudere // The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century. Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York: SUNY Press, 2022. P. 205–234.

Freeman T. Lenin's Interventionist Marxism. Melbourne: Interventions, 2017. 346 p.

Gentili S. «Questo è un fatto e i fatti sono ostinati»: Lenin e l'Ottobre'17. Una lettura politica. Rome: Bordeaux Edizioni, 2017. 320 p.

Harman C. The Lost Revolution. Germany 1918 to 1923. Chicago: Haymarket Books, 2017. 335 p.

Henderson R. The Spark That Lit the Revolution. Lenin in London and the Politics that Changed the World. London: Tauris, 2020. 299 p.

Hill C. Lenin and the Russian Revolution. Middlesex: Penguin Books, 1971. 185 p.

Ivanchikova A. Does Lenin Have a Future? // The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century. Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York: SUNY Press, 2022. P. 1–26.

Jowitt K. New World Disorder. The Leninist Extinction. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1992. 342 p.

Krausz T. Reconstruindo Lênin. São Paulo: Boitempo Editorial, 2017. 544 p.

Le Blanc P. Lenin. Responding to Catastrophe, Forging Revolution. London: Pluto Press, 2023. 336 p.

Maclean R. Black Leninist Internationalism: The Anticolonial Center // The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century. Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York: SUNY Press, 2022. P. 175–204.

McInally J. Review: ‘In Defence of Lenin’ by Rob Sewell and Alan Woods // The Communist. 1.02.2024. URL: <https://communist.red/review-in-defence-of-lenin-by-rob-sewell-and-alan-woods/>

Medhurst J. No Less Than Mystic. A History of Lenin and the Russian Revolution for a 21st-Century Left. London: Repeater, 2017. 300 p.

Mészáros I. Political Power and Dissent in Post-Revolutionary Societies // New Left Review. 1978. No. 108. P. 3–21.

Mihailovic A. Whither the State? Steve Bannon, the Alt-Right, and Lenin’s State and Revolution // The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century. Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York: SUNY Press, 2022. P. 101–124.

Molyneux J. Lenin for Today. London: Bookmarks Publications, 2017. 289 p.

Ost D.J. Rejecting Lenin for the Left // The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century. Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York: SUNY Press, 2022. P. 27–54.

Rojas M. Lenin y el totalitarismo. Barcelona: Penguin Random House Grupo Editorial, 2017. 173 p.

Sebestyen V. Lenin: The Man, the Dictator, and the Master of Terror. New York: Pantheon Books, 2017. 592 p.

Valiavicharska Z. The Production of “Leninism” and Its Political Journeys // The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century. Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York: SUNY Press, 2022. P. 299–322.

Vergara C. Lenin and the Materialist Critique of Law // The Future of Lenin. Power, Politics, and Revolution in the Twenty-First Century. Edited by Alla Ivanchikova and Robert R. Maclean. New York: SUNY Press, 2022. P. 257–280.

Wesson R. Lenin’s Legacy: The Story of the CPSU. Stanford: Hoover Institution Press, 2017. 318 p.

Woods A., Sewell R. In Defence of Lenin. London: Wellred Books, 2023. URL: <https://wellred-books.com/in-defence-of-lenin/>

Wright D. Churchill's Secret War with Lenin. British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20. Solihull: Helion & Company, 2017. 576 p.

Žižek S. Lenin 2017: Remembering, Repeating, and Working Through, London: Verso, 2017. 272 p.

Список авторов

Борисов Максим Юрьевич, библиотекарь научно-исследовательского отдела редких книг Российской государственной библиотеки, младший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Бурков Дмитрий Антонович, студент Томского государственного университета

Бурцев Григорий Александрович, студент Томского государственного университета

Геворкян Ануш Артаваздовна, магистрант, старший лаборант Томского государственного университета

Горбачевский Евгений Александрович, главный хранитель Музейно-туристического центра городского округа Клин, аспирант Института российской истории РАН (Москва)

Дробышева Мария Михайловна, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

Жамалутдинов Айнур Ринатович, студент Московского педагогического государственного университета

Заремская Диана Андреевна, студент Сибирского федерального университета (Красноярск)

Зуева Ангелина Александровна, студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Ильиных Ольга Владимировна, стажер-исследователь Института истории СО РАН, магистрант Новосибирского государственного университета

Карстен Ксения Михайловна, студент Новосибирского государственного университета

Корепанов Кирилл Алексеевич, магистрант Московского государственного университета

Куприянич Александр Валерьевна, студент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Лавинюкова Дарья Сергеевна, студент Новосибирского государственного университета

Любимова Елизавета Андреевна, студент Томского государственного университета

Мищенко Нина Сергеевна, соискатель, преподаватель Вятского государственного университета

Муценик Анна Ивановна, студент Томского государственного университета

Несмеянова Вероника Сергеевна, магистрант Новосибирского государственного университета

Новоселова Анастасия Андреевна, студент Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) Российского государственного профессионально-педагогического университета

Овечкина Лидия Алексеевна, студент Пермского государственного национального исследовательского университета

Первушин Владимир Васильевич, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск)

Письмак Дарья Андреевна, магистрант Новосибирского государственного университета

Рогачев Александр Николаевич, магистрант Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Рощина Елизавета Павловна, студент Оренбургского государственного педагогического университета

Симаков Михаил Алексеевич, магистрант Московского государственного университета

Суздальцев Илья Алексеевич, кандидат исторических наук, преподаватель истории ГБОУ Школы № 1381 (Москва)

Там Хок Чиу, PhD in History, преподаватель Шаньдунского университета (Цзинань, КНР)

Таций Мария Владимировна, студент Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

Тихонов Никита Дмитриевич, студент, стажер-исследователь Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

Тургенев Егор Григорьевич, студент Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Хуснулин Артур Равилевич, магистрант Московского государственного университета

Чеканов Даниил Дмитриевич, аспирант Тюменского государственного университета

Юшкова Арина Максимовна, студент Сибирского федерального университета (Красноярск)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	3
Раздел первый. Источниковедение	6
<i>В.С. Несмеянова.</i> Первые посвящения в Nemus Dianae: Диана Арицийская в архаический период (IV–III в. до н.э.).....	7
<i>Д.А. Заремская, А.М. Юшкова.</i> Подготовка и публикация исторических источников: опыт издания отчета губернатора Енисейской губернии за 1865 год	17
<i>Д.А. Бурков.</i> Источниковая база изучения социально-религиозных конфликтов в сибирской деревне на рубеже XIX–XX веков	24
<i>В.В. Первушин.</i> Содержательный компонент образа Православной Российской церкви в газете «Правда» в 1920–1924 гг.....	33
Раздел второй. Проблемы взаимоотношений общества и власти	44
<i>М.А. Симаков.</i> Мероприятия консула 122 г. до н.э. Домиция Агенобарба в Трансальпийской Галлии: проблемы датировки	45
<i>К.А. Корепанов.</i> Клодий и весталки: к проблеме участия Клодия в суде 73 г. до н.э.....	57
<i>Д.С. Лавинюкова.</i> «Радикализм» против «умеренности» в ранней немецкой Реформации: Андреас Боденштайн фон Карлштадт и Мартин Лютер.....	67
<i>Е.А. Горбачевский.</i> Восприятие русскими и иностранцами города Клин в XVI–XVIII вв.	72
<i>А.А. Зуева.</i> Положение женщин и детей в тобольской ссылке (1840–1850-е гг.).....	83
<i>А.Р. Жамалудинов.</i> Эволюция взглядов М.С. Горбачева	94
Раздел третий. История культуры	102
<i>М.Ю. Борисов.</i> Московская Библия XVIII в. в библиотеке Московской духовной академии: история экземпляров и особенности их бытования ...	103
<i>Е.П. Рощина.</i> Феномен моды в трудах отечественных мыслителей XVIII–XIX веков	112
<i>А.В. Куприянчик.</i> Женщины и дети в отражении плакатов Великой Отечественной войны	124
<i>М.В. Тацкий.</i> Имперские символы в живописи периода перестройки (1985–1991 гг.).....	132
Раздел четвертый. История международных отношений и военного дела.....	141
<i>Д.А. Письмак.</i> Повседневность военнослужащих Сибирского корпуса по материалам судебно-следственных дел второй половины XVIII века ...	142
<i>К.М. Карстен.</i> Социальный облик офицеров сибирских гарнизонных подразделений русской армии в начале XIX века	153
<i>Н.Д. Тихонов.</i> Дунайская комиссия: Институциональное регулирование международных отношений во второй половине XIX века	164

<i>Там Хок Чуу. Китай и его роль на международной арене перед заключением договора о ненападении между Германией и Советским Союзом в историческом нарративе Ю.Н. Жукова</i>	173
<i>Н.С. Мищенко. Вопрос о размещении ракет СС-20: взгляд из Франции (конец 1970-х — начало 1980-х гг.)</i>	184
Раздел пятый. Социально-экономические аспекты истории регионального развития	196
<i>Е.Г. Тургенев. Организация пожарной безопасности и противопожарного просвещения Пермским земством (1905–1914 гг.)</i>	197
<i>О.В. Ильиных. Маклер Новониколаевской/Новосибирской товарной биржи — частный посредник или советский служащий?</i>	206
<i>А.Р. Хуснулин. Кооперативная промышленность г. Москвы в 4-ю пятилетку в зеркале делопроизводства государственного контроля</i>	217
<i>А.А. Новоселова. Развитие пищевой промышленности Нижнего Тагила в 1971–1985 гг.</i>	233
Раздел шестой. Сопряженные территории: память в истории и история в памяти	240
<i>М.М. Дробышева. Записи о частных событиях в восточнославянской храмовой эпиграфике</i>	241
<i>Е.А. Любимова. Память о Дмитрие Ростовском в Польше, Беларуси и Литве: история и современность</i>	251
<i>Г.А. Бурцев. Военные юбилеи начала XX века в Западной Сибири: региональные проявления имперской политики памяти</i>	261
<i>Д.Д. Чеканов. «Большой террор» или «ежовщина»? Проблемы конструирования понятийно-терминологического аппарата в постсоветской историографии репрессий 1930-х гг.</i>	271
<i>А.Н. Рогачев. Ревизия памяти о Холокосте в современной Хорватии</i>	279
<i>А.И. Муценик. Трансформация образа В.В. Куйбышева в памяти студентов, преподавателей и сотрудников Томского государственного университета (1934–2024 гг.)</i>	288
<i>А.А. Геворкян. Физико-математические факультеты Томского университета как сообщество памяти</i>	298
<i>Л.А. Овечкина. Образы советской идеологии в букварях и их замена в постсоветское время</i>	305
<i>И.А. Суздальцев. «Человек, изменивший мир»: В.И. Ленин в новейшей зарубежной историографии</i>	314
Список авторов	325

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ**
Сборник научных трудов

Вёрстка: К.И. Деренталь

Подписано в печать 27.06.2025.

Формат: 60x84 1/16. Гарнитура Liberation Serif, Liberation Sans

Уч.-изд. л. 17,7. Усл. печ. л. 22,8

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре НГУ

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

<https://www.nsu.ru/n/university/publishing-center/>

Новосибирск, 2025